

В. А. Томсинов

**Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 – 1954):
государственный деятель и правовед**

**Журнал «Законодательство»
2017-2019
ISSN 1681-8695**

В. А. Томсинов

**Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 – 1954):**

государственный деятель и правовед

Часть первая

Опубликовано:

Журнал «Законодательство»

2017.

№ 8. С. 87-94. № 9. С. 87-94. № 10. С. 87-94. № 11. С. 87-94.

1

В современной российской политической и юридической публицистике имя А.Я. Вышинского ассоциируется, как правило, лишь с громкими судебными процессами 30-х годах прошлого столетия, в которых он выступал главным обвинителем. Его называют «рулевым большого террора», «конструктором “врагов народа”», «карающей десницей вождя», «красным инквизитором» и другими подобными эпитетами. Адвокат и публицист А.И. Ваксберг назвал свою книгу об этом человеке, выпущенную в 1992 году, *«Царица доказательств. Вышинский и его жертвы»*, подчеркивая тем самым преступный характер его деятельности.

Юбилейная заметка, помещенная в газете «Аргументы и факты» в день, когда Вышинскому исполнилось 130 лет, начиналась со слов: «10 декабря 1883 года родился Андрей Вышинский, главный государственный обвинитель на политических процессах сталинской эпохи» и далее утверждалось: «Биография Андрея Януарьевича Вышинского складывалась так, что у него, казалось бы, не было шансов избежать жерновов «Большого террора» 1937–1938 годов. Однако случилось с точностью до наоборот – прокурор Вышинский усердно отправлял в эти жернова героев революции, став одним из главных деятелей эпохи политических репрессий»¹.

Прокурорской деятельности Андрей Януарьевич посвятил почти десять лет своей жизни. В 1923–1925 годах он исполнял функции прокурора судебной коллегии Верховного суда РСФСР по уголовным делам. С 11 мая 1931 года до 1 июля 1933 года являлся прокурором РСФСР. После этого год и восемь месяцев занимал должность заместителя Прокурора СССР. А с 3 марта 1935 года и до 31 мая 1939 года, то есть четыре года два месяца двадцать восемь дней, А.Я. Вышинский был Прокурором СССР². Его деятельность на этом посту и особенно роль обвинителя в судебных процессах 1936–1938

¹ Аргументы и факты. 2013. 10 декабря.

² Многие авторы, пишущие о Вышинском называют его «Генеральным» прокурором СССР. Однако это наименование высшей прокурорской должности появилось только после войны – на основании принятого Верховным Советом СССР 19 марта 1946 г. Закона о присвоении Прокурору СССР наименования Генерального Прокурора СССР.

годов, в которых подсудимыми оказались, бывшие руководители Советского государства, имела ярко выраженный публичный характер и неудивительно, что она заслонила собой все другие эпизоды в его политической биографии.

Между тем государственная деятельность А.Я. Вышинского не ограничивалась исполнением прокурорских полномочий. Более пяти лет он служил на должности заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров и первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР, четыре года возглавлял Министерство иностранных дел СССР, более года являлся постоянным представителем СССР в ООН, шесть лет работал в системе управления народным образованием, занимая должности ректора 1-го Московского государственного университета, начальника Главного управления профессионального образования в Народном комиссариате Просвещения, члена коллегии Наркомпроса и др.

При этом Андрей Януарьевич был не только государственным деятелем, но и ученым правоведом. Биографическая статья о Вышинском, опубликованная в 1951 году в девятом томе Большой Советской энциклопедии, представляла его как «государственного деятеля» и «крупного ученого в области права»³.

Изданный Всесоюзной книжной палатой в 1941 году список публикаций А.Я. Вышинского насчитывал 256 наименований статей, книг, докладов, посвященных в основном различным вопросам права, законности и правосудия⁴. Первой в этом списке называлась брошюра «Вопросы распределения и революция», опубликованная в 1922 году. В 1925 году Вышинский выпустил в свет брошюру «Суд и карательная политика советской власти», в 1927-м – учебник «Курс уголовного процесса», в 1932-м – работу «Революционная законность на современном этапе. К XV годовщине Октябрьской революции»⁵, в 1934 году вышла брошюра «Революционная законность и задачи советской защиты», содержание которой составил текст доклада А.Я.

³ Большая советская энциклопедия. Том 9. Второе издание. М., 1951. С. 540.

⁴ Материалы к библиографии трудов ученых СССР. Серия права. Вып. 1. Андрей Януарьевич Вышинский / Составила В.Е. Кузяткина. М., 1941.

⁵ В 1933 г. эта брошюра вышла вторым изданием.

Вышинского на собрании Московской коллегии защитников 21 декабря 1933 года.

В 1933–1934 годах была опубликована целая серия написанных Вышинским учебных пособий и брошюр о судостроительстве СССР. В 1936 году они были переизданы в виде четырехтомного учебника под названием «Судостроительство в СССР», предназначенного для правовых школ и юридических курсов.

В 1938 году был напечатан программный для советской юридической науки доклад А.Я. Вышинского на первом совещании по вопросам науки советского государства и права «Основные задачи науки советского социалистического права»⁶. Подобный характер имел и его доклад на заседании отделения общественных наук Академии наук СССР под названием «Вопросы права и государства у К. Маркса», опубликованный в том же году журнале «Советское государство» (№ 3. С. 13–49) и напечатанный в виде отдельной брошюры⁷.

С еще одним программным для советской юридической науки докладом — на этот раз под названием: «Вопросы государства и права в трудах товарища Сталина» — А.Я. Вышинский выступил на общем собрании Отделения экономики и права Академии наук СССР 20 декабря 1939 года. Начав свою речь с утверждения о том, что «государству и праву принадлежит в истории человеческого общества и человеческой культуры гигантская роль»⁸, Андрей Януарьевич в

⁶ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Материалы 1-го совещания научных работников права, 16 - 19 июля 1938 г. М., 1938. С. 7–75. См. современную публикацию полного текста этого доклада и выступлений при его обсуждении в издании: Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 1. С. 194–284. № 2. С. 131–278.

⁷ Вышинский А.Я. Вопросы права и государства у К. Маркса. Доклад на заседании отделения общественных наук 27 апреля 1938 г. / Отв. ред.: Энгель Н.А. М., 1938.

⁸ Вышинский А.Я. Вопросы государства и права в трудах товарища Сталина // Советское государство и право. 1939. № 6. С. 1. Спустя десять лет текст этого доклада был переиздан, что свидетельствует о значимости, которую придавал ему автор. См.: Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 206–240.

дальнейшем ее изложении представил основные идеи и принципы официальной политико-правовой доктрины Советского государства.

В 1941 году был издан самый главный научный труд А.Я. Вышинского «Теория судебных доказательств в советском праве», сохраняющий свою научную ценность до сих пор. Помимо книг и брошюр А.Я. Вышинский выпустил в 20–30-е годы множество статей в периодических изданиях, главным образом — в журналах «Революция права», «Еженедельник советской юстиции» (с 1930 — «Советская юстиция») и «Социалистическая законность».

Книги и статьи А.Я. Вышинский продолжал публиковать и в послевоенный период — вплоть до своей кончины. В 1946 году вышло второе издание его исследования «Теория судебных доказательств в советском праве», за которое в 1947 году ему была присуждена Сталинская премия первой степени. В 1950 году было напечатано третье, дополненное издание этой книги, ставшей классикой советской научной юриспруденции.

В 1949 году А.Я. Вышинский опубликовал книгу «Вопросы теории государства и права», содержание которой составили доклады по общим юридическим проблемам, прочитанные им с 1938 по 1948 год.

В 1949–1952 годах вышли в свет четыре сборника его речей на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН и на международных конференциях под названием «Вопросы международного права и международной политики».

Даже этот краткий перечень научных трудов А.Я. Вышинского показывает, что он был не только государственным деятелем, но и ученым правоведом, активным проводником государственной и правовой идеологии Советского государства. В 1935 году его удостоили за научные труды в области юриспруденции ученой степени доктора государственных и общественных, а в 1936 году ему присвоили степень доктора юридических наук. В 1939 году А.Я. Вышинский был избран действительным членом Академии наук СССР по Отделению общественных наук, не будучи членом-корреспондентом. В 1937–1941 годах Андрей Януарьевич занимал должность директора Института права Академии наук СССР.

Как ученый правовед, представитель советской юридической школы, А.Я. Вышинский был известен не только в Советском Союзе,

но и за его пределами. Видный американский правовед Эдгар Боденхаймер (1908–1991) называл его «главным представителем нового подхода к юриспруденции» в СССР, опирающегося на доктрину “социалистической законности”⁹. Ведущую роль в разработке доктринальных основ советской юридической науки отводил Вышинскому и авторитетный американский правовед Лон Льюис Фуллер (1902–1978)¹⁰. Профессор Колумбийского университета правовед-советолог Джон Хазард (1909–1995) счел необходимым отметить в предисловии к вышедшему в 1948 году переводу на английский язык изданного десятью годами ранее учебника «Советское государственное право», написанного при участии и под редакцией Андрея Януарьевича: «*Вышинский обладает также очевидными качествами ученого правоведа, выступая с лекциями в Московском юридическом институте и на совещаниях советских юристов в Москве и в других местах. Когда школа юристов, возглавляемая Е.Б. Пашуканисом, была в 1937 году ликвидирована из-за поддержки программы постепенного “отмирания” государства, Вышинский выступил как главный организатор новой юриспруденции*»¹¹ (курсив мой. — В.Т.).

Приведенные факты заставляют думать, что доминирующий в литературе о Вышинском образ «сталинского прокурора» является слишком односторонним и потому искаженным. Он был создан на основе сведений лишь об одном из эпизодов его биографии и причем весьма поверхностных. Чтобы понять, кем в действительности являлся Вышинский, какую роль он играл в жизни Советского государства, особенно в 30-е годы XX века, какое место он занимал в советской

⁹ *Bodenheimer E. Some Recent Trends in European Legal Thought. West and East // The Western Political Quarterly. 1949. Vol. 2. No. 1. P. 53.*

¹⁰ См.: *Fuller L.L. Pashukanis and Vyshinsky: A Study in the Development of Marxian Legal Theory // Michigan Law Review. 1949. Vol. 47. No. 8. P. 1157–1166.*

¹¹ «*Vyshinsky has also evidenced qualities as a legal scholar by lecturing at the Moscow Juridical Institute and at meetings of Soviet jurists in Moscow and elsewhere. When the school of jurists, headed by E. B. Pashukanis, was ousted in 1937 because of its support of a program of progressive "withering away" of the state, Vyshinsky came forward as the principal organizer of the new jurisprudence*» (*Hazard J.N. Introduction // The Law of the Soviet State / General Editor Andrei Y. Vyshinsky. New York, 1948. P. IX–X*).

юридической науке, необходимо принять во внимание все известные факты его биографии.

Фигура Андрея Януарьевича Вышинского представляет собой ключ для расшифровки многих тайн политической жизни Советского государства первых десятилетий его существования и прежде всего чрезвычайно загадочного явления, называемого «сталинскими репрессиями».

Использование в качестве важнейшего орудия данных эксцессов такого человека, как Андрей Януарьевич Вышинский, заставляет усомниться в правильности доминирующего в исторической публицистике объяснения их исключительно мотивами политической борьбы между различными группировками советской бюрократии, стремлением сталинской группировки подавить своих противников. Междоусобная борьба в правящем слое Советского государства никогда не прекращалась и со второй половины 20-х годов действительно стала обостряться. Сталин и его сторонники в большевистской партии действительно стремились любыми средствами победить своих соперников.

Но был еще один, более глубинный, намного более значимый мотив для развертывания в СССР в середине 30-х годов маховика политических репрессий. На этот мотив как раз и указывает персона Вышинского.

* * *

Публичные биографии советских государственных деятелей имеют одну отличительную черту: в них много умолчаний и разного рода неточностей или сознательных искажений. Особенно это касается раннего периода жизни, их происхождения, родителей, предков, первоначального образования. Правящий слой Российской империи был спаян родственными связями и традициями. Это сдерживало политическую борьбу между различными группировками внутри него, ограничивало ее определенными рамками. Правящий слой Советского государства был сформирован в условиях гражданской войны и являлся весьма разнородным по своему составу. Воинственные настроения доминировали в нем и придавали политической борьбе между его группировками чрезвычайно ожесточенный характер. При отсутствии традиций и

других факторов, способных поддерживать сплоченность правящего слоя, смягчать конфликты внутри него, борьба между его группировками, особенно в эпоху становления Советского государства неизбежно выливалась в войну на уничтожение противника. Для достижения этой цели использовались все средства, в том числе и факты биографий. Вот почему советские государственные деятели неохотно предавали огласки те события своей жизни, которые могли быть использованы в той или мере против них. Чаще всего они просто умалчивали о таких событиях. И закономерно, что больше всего умолчаний падало на тот период жизни, когда они еще не занимали должностей в Советском государстве и даже не предполагали, что достигнут когда-либо высоких государственных постов.

С этой точки зрения вполне понятно, почему сохранилось так мало сведений о раннем периоде жизни А.Я. Вышинского. Известно, что он родился в Одессе, в 1883 году, 28 ноября (по Юлианскому календарю, действовавшему тогда в России) или 10 декабря (по Григорианскому календарю). Его отец — Януарий Феликсович Вышинский — был фармацевтом, имевшим ученую степень провизора, а значит и право управлять аптекой. По вероисповеданию он принадлежал к католической вере.

Мать Андрея Вышинского была по профессии пианисткой. Ее имя и фамилия не называются в его биографиях, но по некоторым данным звалась она Феодосией Савельевной и от рождения имела фамилию Шапкина.

В литературе об А.Я. Вышинском часто утверждается, что его отец был выходцем из старинного шляхетского рода. На каких материалах основано это утверждение, не сообщается. Фамилия Вышинский являлась довольно распространенной в XIX столетии фамилией и в Польше, и на Украине. Среди ее носителей было множество людей, не имевших в действительности шляхетского происхождения. Надо учесть также, что процент лиц дворянского звания среди населения Польши раз в десять превосходил процент дворян в населении Российской империи.

В биографии Сталина, написанной венгерскими учеными Ласло Белادي и Тамашом Краусом, довольно уверенно утверждается, что

А.Я. Вышинский «родственник кардинала Стефана Вышинского, главы католической церкви Польши»¹². Но опять-таки никаких доказательств этого родства авторы данной книги не приводят.

Известно также, что в 1888 году семья Вышинских переехала из Одессы в Баку, где отец Андрея Януарий Фелисович был назначен управляющим Бакинским отделением Кавказского товарищества торговли аптекарскими товарами. Впоследствии он открыл свою аптеку, которая располагалась на нынешней улице Губанова.

По всей видимости, в семье Вышинских бывали серьезные разлады между супругами. Однажды жена Януария Феликовича даже покинула его и три года жила вместе с детьми в Харькове. Там она давала уроки музыки, содержала домашнюю столовую, где питались за умеренную плату малоимущие студенты и чиновники.

В биографиях А.Я. Вышинского указывается, что до поступления в университет он учился в 1-ой мужской классической гимназии города Баку. На самом деле вплоть до 1 сентября 1896 года в этом городе не было ни одной классической гимназии, а имелось лишь реальное училище. Гимназическое же образование, да и то лишь начальное, можно было получить в Баку до этого времени только в частной четырехклассной прогимназии, созданной преподавателем реального училища Автономом Ивановичем Победоносцевым.

Это было общеобразовательное учреждение с учебной программой младших классов гимназии. Его торжественное открытие и освящение состоялось 14 сентября 1891 года в здании, которое располагалось на Воронцовской улице (ныне — улица генерала Азизбекова)¹³.

Из отчета о состоянии частной прогимназии А.И. Победоносцева видно, что в начале 1891/1892 учебного года в ней обучалось в первом

¹² Беладн Л., Краус Т. Сталин. М., 1990. С. 249. Стефан Вышинский (*Stefan Wyszyński*; 1901–1981) был возведен в сан кардинала Папой Пием XII 12 января 1953 г.

¹³ За три с лишним месяца до этого события в номере местной газеты «Каспий», вышедшем 28 мая 1891 г., появилась следующая заметка: «Содержатель имеющего открыться с сентября 1891 года частного училища с курсом классической прогимназии просит родителей, желающих дать детям классическое образование, поспешить письменными заявлениями о том. При училище может быть открыт и пансион». И далее назывался почтовый адрес, по которому можно было обратиться за более подробными сведениями.

классе и в подготовительных классах младшего и старшего отделения 110 учащихся, до конца года прибавилось еще 11 учеников. Занятия вели 14 преподавателей. Обучение было платным и оно составляло от 80 до 100 рублей в год.

Учебно-воспитательный процесс в прогимназии контролировался и общественностью, и попечителем Кавказского учебного округа. Проверки работы этого учебного заведения неизменно показывали, что обучение в нем полностью соответствовало требованиям и учебным планам, предусмотренным Уставом гимназий и прогимназий, который был утвержден императором Александром II 30 июля 1871 года.

Первый параграф указанного документа гласил: «Гимназии имеют целию доставить воспитывающемуся в них юношеству общее образование, и вместе с тем служат приготовительными заведениями для поступления в университет и другие высшие специальные училища»¹⁴.

Срок обучения в гимназии должен был составлять восемь лет (по году в первых шести классах и два года — в последнем, седьмом классе). Учащимся надлежало преподавать такие учебные курсы, как: 1) Закон божий; 2) русский язык с церковно-славянским и словесность; 3) краткие основания логики; 4) латинский язык; 5) древнегреческий язык; 6) математика; 7) математическая география; 8) физика с кратким естествоведением; 9) история; 10) география; 11) немецкий язык; 12) французский язык; 13) чистописание¹⁵. Усвоение этих дисциплин давало классическое гуманитарное образование.

Андрей Вышинский поступил на учебу в частную прогимназию А.И. Победоносцева, по всей видимости, в сентябре 1892 года. Он учился в третьем классе, когда это учебное заведение претерпело коренную реформу. 3 января 1895 года на заседании Бакинской городской думы было принято постановление о его преобразовании в шестиклассную классическую гимназию с финансированием из городской казны. Одновременно депутаты решили обратиться наверх

¹⁴ Высочайше утвержденный Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. 30 июля 1871 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том 46. Отд. 2. № 49860. С. 86.

¹⁵ См.: Там же. С. 87.

с просьбой о разрешении именовать ее «Гимназией в Бозе почившего Императора Александра III».

Новая гимназия была открыта 1 сентября 1896 года и именно в ней завершил свое гимназическое образование будущий прокурор СССР Андрей Януарьевич Вышинский.

К началу 1897/1898 учебного года в гимназии было уже 626 учащихся. В штате состояло 22 преподавателя и среди них учитель географии и физики Автоном Иванович Победоносцев, занимавший одновременно должность директора.

Когда в 1900 году Андрей Вышинский был выпущен из гимназии, перед ним встал вопрос, какую профессию выбрать. По некоторым свидетельствам этот выбор был им сделан не без колебаний. Как бы то ни было, сентябрь следующего года юноша встретил, будучи студентом юридического факультета Университета Святого Владимира в Киеве.

В то время по российским университетам катилась волна студенческих бунтов. Она оказалась настолько мощной, что правительство решилось на применение к студентам-бунтовщикам радикальных мер. 29 июля 1900 года были высочайше утверждены предложенные С.Ю. Витте «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков»¹⁶. Особым буйством отличались студенты университета Св. Владимира. Потеряв надежду успокоить бунтовщиков уговорами, министр народного просвещения Н.П. Боголепов распорядился в начале 1901 года исключить из Киевского университета за уклонение от занятий, участие в забастовках и провоцирование беспорядков 183 студента, применив к ним указанные «Временные правила».

Это решение оказалось роковым не только для студентов, но и для министра. 14 февраля 1901 года бывший студент Московского и Юрьевского университетов Петр Карпович, желая отомстить Боголепову за исключение студентов-бунтарей из Киевского

¹⁶ См.: Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков. 29 июля 1899 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том 19. № 17484. С. 935.

университета, выстрелил в него. Николай Павлович не сумел оправиться от ранения и 2 марта скончался¹⁷.

В столь бурной обстановке Андрей Вышинский начал свою университетскую учебу. Он сразу же оказался втянутым в студенческие антиправительственные волнения. За участие в них в марте 1902 года его исключили из университета без права повторного поступления. Вероятно, именно это событие дало ему основание писать впоследствии в своих автобиографиях о своем участии в революционном движении с 1902 года.

* * *

Покинув Киев, молодой Вышинский возвратился в Баку. Здесь в 1903 году он вступил в местную организацию РСДРП, примкнув к меньшевикам. И в том же году женился. Его избранницей стала Капитолина Исидоровна Михайлова, красивая и спокойная характером женщина. Андрей Януарьевич познакомился с ней еще до окончания гимназии, на одном из гимназических балов. Брак этот окажется для него счастливым и на всю жизнь. Капитолина Исидоровна Вышинская была на год моложе своего мужа, а пережила его почти на девятнадцать лет.

В биографиях А.Я. Вышинского годы с 1903 по 1905-й представляются временем активной революционной деятельности его в качестве пропагандиста революционных, марксистских идей среди бакинских рабочих и сообщается, что в 1905 году он стал организатором боевой социал-демократической дружины. Такой человек не мог избежать арестов. И аресты действительно последовали. 21 января 1906 года Вышинский был арестован по делу о бакинской железнодорожной стачке, проходившей в декабре 1905 года. Документы об этом аресте сохранились, но интересно, что не сохранилось никаких документальных свидетельств о том, когда молодой революционер был выпущен из-под ареста.

Спустя два года последовал новый арест и, что любопытно, по тому же самому делу о железнодорожной стачке. На этот раз арест

¹⁷ См. об этом случае: *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 3-х томах. Издание 2-е, дополненное. Том 2. М.: Зерцало-М, 2015. С. 155–158.

вылился в судебный приговор, который был объявлен в феврале 1908 года. За публичное произнесение антиправительственной речи Андрей Вышинский был осужден к одному году заключения в исправительном доме.

Это наказание ему пришлось отбывать в Баиловской тюрьме, причем в довольно тяжелых условиях, вызванных в значительной мере тем, что камеры вследствие резкого увеличения осужденных оказались слишком «перенаселенными». 25 марта 1908 года в эту тюрьму был определен «Иосиф Виссарионов Джугашвили», задержанный чинами бакинской сыскной полиции как сбежавший из ссылки в Восточную Сибирь и объявленный циркуляром Департамента полиции в розыск¹⁸. Будущий вождь Советского государства провел в Баиловской тюрьме более восьми месяцев и якобы в одной с ним камере какое-то время пребывал будущий прокурор СССР А.Я. Вышинский.

Один из сидевших тогда со Сталиным член партии социалистов-революционеров Семен Иванович Верещак¹⁹ в 1928 году, будучи в эмиграции, опубликовал в парижской газете «Дни» воспоминания об этом эпизоде своей жизни. Они назывались соответственно «Сталин в тюрьме»²⁰. По ним можно представить, каким увидел Сталина (Кобу) Вышинский (если он действительно сидел с ним в одной камере) и как Сталин (Коба) относился в то время к меньшевикам, к которым примыкал Вышинский.

«Я был еще совсем молодым, когда в 1908 году бакинское жандармское управление посадило меня в бакинскую Баиловскую тюрьму, — вспоминал С.И. Верещак. — Тюрьма, рассчитанная на 400 человек, содержала тогда более 1500 заключенных. Однажды в камере большевиков появился новичок. И когда я спросил, кто этот товарищ, мне таинственно сообщили: “Это — Коба”. Живя в общих камерах,

¹⁸ См.: Донесение начальника Бакинского губернского жандармского управления генерал-майора Козинцева 4 августа 1908 г. // *Капченко Н.И.* Политическая биография Сталина. Том 1. 1879–1924. М., 2004. С. 248.

¹⁹ Семен Иванович Верещак (? — 1931) являлся видным деятелем российского революционного движения. На Первом съезде Совета рабочих и солдатских депутатов, состоявшемся в июне 1917 г., он был избран в состав ВЦИК от фракции социалистов-революционеров.

²⁰ См.: *Дни.* Париж, 1928. 22 и 24 мая.

поневоле сживаешься с людьми и нравами. Тюремная обстановка накладывает свой отпечаток на людей, особенно на молодых, берущих примеры со старших. Бакинская же тюрьма имела огромное влияние на новичков. Редкий молодой рабочий, выйдя из этой тюрьмы, не делался профессионалом-революционером. Это была пропагандистская и боевая революционная школа. Среди руководителей собраний и кружков выделялся как марксист и Коба. В синей сатиновой косоворотке, с открытым воротом, без пояса и головного убора, с перекинутым через плечо башлыком, всегда с книжкой. В личных спорах Коба участия не принимал и всегда вызывал каждого на “организованную дискуссию”. Эти “организованные дискуссии” носили перманентный характер. Марксизм был его стихией, в нем он был непобедим. Не было такой силы, которая выбила бы его из раз занятого положения. На молодых партийцев такой человек производил сильное впечатление. Вообще же в Закавказье Коба слыл как второй Ленин. Отсюда его совершенно особая ненависть к меньшевикам. По его мнению, всякий, называющий себя марксистом, но толкующий Маркса не по большевистски – прохвост».

9 ноября 1908 года Иосифа Джугашвили этапировали в новую ссылку, в город Сольвычегодск, находившийся в Вологодской губернии. А Вышинский в апреле 1909 года был выпущен на свободу. В его жизни начался новый период. Он как будто совсем отказался от революционной деятельности.

Скорей всего так и было. И способствовали этой перемене в настроениях Вышинского два очень важных для него события: рождение в 1909 году дочери Зинаиды и восстановление в числе студентов юридического факультета Университета Святого Владимира.

Андрей Януарьевич снова оказался в Киеве. На этот раз он занялся наукой, причем настолько серьезно, что по завершении им в 1913 году университетского курса обучения руководством факультета рассматривался вопрос об оставлении его в магистратуре Киевского университета для подготовки к профессорскому званию по кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства. В конце концов по каким-то причинам ему было отказано в принятии в магистратуру,

хотя возможно, обремененный семьей, он сам отказался пойти по научному поприщу. Впоследствии в его биографии, опубликованной во втором издании «Большой советской энциклопедии», отмечалось, что «в 1913, по окончании юридического факультета Киевского ун-та, В[ышинский] был оставлен для подготовки к профессорскому званию, но по политическим основаниям был отведен царскими властями»²¹.

Молодой правоведа вынужден был возвратиться в Баку и искать себе хоть какую-нибудь работу, чтобы обеспечить семью. Не сумев устроиться на юридическую работу, он занялся репетиторством, подготовкой за небольшую плату нерадивых учеников из богатых семей к экзаменам. Это позволило Андрею Вышинскому приобрести славу способного учителя и получить приглашение преподавать в частной гимназии, открытой в Баку Ананием Павловичем Емельяновым, русскую литературу, географию и латынь.

В 1915 году А.Я. Вышинский отправился в Москву, надеясь получить там юридическую практику. Некоторое время ему и в Москве пришлось давать частные уроки, пока его не рекомендовали в помощники к известному в то время московскому адвокату, специализировавшемуся на защите по политическим делам, Павлу Николаевичу Малянтовичу (1869–1940)²². Изданный в 1917 году «Список присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников» по состоянию на 15 ноября 1916 года показывает, что у присяжного поверенного П.Н. Малянтовича было в то время восемь помощников. Последним в их перечне был назван «Вышинский Андрей Янцарьевич». После этих слов в скобках была обозначена дата 8 июля 1915 года, явно указывающая на время

²¹ Большая советская энциклопедия. Том 9. Второе издание. М., 1951. С. 540.

²² Занимаясь защитой обвиняемых по политическим делам, Малянтович не ограничивался юридической практикой, но стремился дать теоретическое осмысление юридическим понятиям, используемым в законах о политических и общественных преступлениях. В 1910 году он издал в соавторстве с видным тогдашним адвокатом и общественным деятелем Николаем Константиновичем Муравьевым сборник таких законов с обширными интерпретационно-догматическими комментариями к их содержанию, преследуя задачу «облегчить юристу-практику (судье, прокурору, адвокату) истолкование закона для его применения» (Малянтович П.Н., Муравьев Н.К. Законы о политических и общественных преступлениях. Практический комментарий. СПб., 1910. С. III).

принятия его на эту должность, а также домашний адрес: «Б. Якиманка, д. 22, кв. 163»²³.

Никаких достоверных сведений о том, как проявил себя Андрей Вышинский на адвокатском поприще не сохранилось. Скорей всего он постарался уничтожить документальные свидетельства своего сотрудничества с П.Н. Малянтовичем. Павел Николаевич был авторитетным адвокатом среди революционеров различных течений. Большевики также неоднократно пользовались его услугами. Но в 1917 году он совершил два крайне опрометчивых поступка, примкнув к меньшевистской фракции социал-демократов и согласившись на предложение А.Ф. Керенского занять пост министра юстиции. На этом посту П.Н. Малянтович пробыл ровно месяц, но данного срока оказалось достаточно для того, чтобы навсегда испортить свою репутацию среди большевиков. Тем более, что Павел Николаевич по какой-то странной беспечности совсем не скрывал факта своей службы во Временном правительстве, с которым большевики, едва ли не с самого его образования, вели ожесточенную борьбу.

Его помощник по адвокатской работе Андрей Вышинский был с этой точки зрения более предусмотрительным, и постарался очистить свою официальную биографию от всех фактов, которые таили для него хоть какую-то опасность.

2

Февральско-мартовскую революцию 1917 года А.Я. Вышинский встретил с восторгом, хотя никаких особых выгод она ему сначала не принесла. Адвокатская деятельность в условиях, когда государственные органы, призванные поддерживать правопорядок, стремительно разрушались, утратила свой смысл. Но оставив это поприще, молодой правовед смог найти себе место лишь в редакции бюллетеня Объединенного комитета Земского и Городского союзов, созданного в июле 1915 года для распределения государственных оборонных заказов. Первую сколько-нибудь значимую государственную должность он занял позднее, после первых попыток

²³ Список присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников к 15 ноября 1916 г. М., 1917. С. 121.

новых властителей преобразовать местное управление и систему охраны правопорядка.

5 марта 1917 года председатель Временного правительства и министр внутренних дел князь Г.Е. Львов разослал на места циркулярную телеграмму председателям губернских земских управ, в которой сообщалось: «Придавая самое серьезное значение в целях устроения порядка внутри страны и для успеха обороны государства обеспечению безостановочной деятельности всех правительственных и общественных учреждений, Временное правительство признало необходимым временно устранить губернатора и вице-губернатора от исполнения обязанностей»²⁴. Управление губерниями временно возлагалось данной телеграммой на председателей губернских земских управ, получавших статус комиссаров Временного правительства со «всеми правами, предоставляемыми действующими узаконениями губернатору», с сохранением «руководительства работою губернской земской управы»²⁵. Председателям уездных земских управ придавался соответственно статус «уездных комиссаров Временного правительства с сохранением за ними руководства работою уездных земских управ»²⁶.

В заключительной части телеграммы объявлялось, что «полиция подлежит переформированию в милицию, к чему необходимо приступить местным самоуправлениям».

Постановлением Временного правительства, изданным 10 марта 1917 года, упразднялся Департамент полиции. Вместо него в составе Министерства внутренних дел учреждалось «временное управление по делам общественной полиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан»²⁷.

Данные предписания открыли для Вышинского возможность сделать карьеру в органах управления. При создании милиции в

²⁴ Циркулярная телеграмма Временного правительства председателям губернских земских управ // Вестник Временного правительства. 1917. № 2. 7 (20) марта. С. 1.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. № 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Составлен отделением Свода законов Государственной канцелярии. Пг., 1917. С. 27.

городе Москве он был назначен комиссаром 1-го участка милиции Якиманского района Москвы.

15 апреля 1917 года Временное правительство приняло «Временные правила о производстве выборов гласных городских дум»²⁸ и «Временные правила об участковых городских управлениях»²⁹. Согласно этим актам к выборам гласных в городские и участковые думы допускались «российские граждане обоего пола всех национальностей и вероисповеданий, достигшие ко времени составления избирательных списков двадцати лет, если они во время составления избирательных списков проживают в данном городе, либо имеют в городе домашнее обзаведение, или состоят там на службе или же имеют иные, связанные с городом, определенные занятия»³⁰. При этом предусматривалось, что «выборы эти производятся закрытою подачею голосов, посредством подачи избирательных записок», и что избиратель имел право подать голос «только за один из списков заявленных кандидатов в гласные»³¹. Это означало, что выдвижение кандидатов в гласные должно было производиться от партий. В Москве выборы гласных в районные и городскую думы прошли в июне. Андрей Вышинский принял в них участие и был избран гласным Калужской районной думы от фракции меньшевиков РСДРП.

На основании «Временных правил об участковых городских управлениях» в городах с населением свыше 150 тысяч жителей создавались участковые городские управления, состоявшие из участковой думы и участковой управы. Такие городские управления были созданы и в Москве. А.Я. Вышинский был избран на пост председателя Якиманской районной управы. Неудивительно поэтому, что Андрей Януарьевич высоко оценивал осуществленное Временным правительством преобразование местного управления. В вышедшей летом 1917 года брошюре «Какие нам нужны городские думы?» он утверждал, что эта реформа «превзошла самые смелые ожидания».

²⁸ Там же. С. 163–170.

²⁹ Там же. С. 170–172.

³⁰ Там же. С. 164.

³¹ Там же. С. 167.

Должность председателя районной управы была не слишком влиятельной, поэтому Вышинский, действуя в указанной роли, ничем примечательным себя не проявил. И можно было бы не останавливаться на этом эпизоде его биографии, если бы не распространенное в литературе утверждение о том, что, возглавляя Якиманскую управу, он прилагал усилия к исполнению приказа об аресте Ленина.

25 сентября 1917 года новым министром юстиции и генерал-прокурором во Временном правительстве стал московский адвокат П.Н. Малянтович. Это было время, когда большевики, получив доминирование в Московском и Петроградском советах рабочих и солдатских депутатов, открыто готовились к захвату власти, причем их вождь В.И. Ленин не скрывал, что единственным реальным средством добиться этой цели, является вооруженное восстание. Стремясь воспрепятствовать такому ходу событий, министр-председатель Всероссийского Временного правительства А.Ф. Керенский предложил на одном из его заседаний арестовать Ленина, настойчиво склонявшего большевиков к захвату власти путем вооруженного восстания³², и, заручившись поддержкой министров, поручил П.Н. Малянтовичу подготовить необходимые для этого документы.

В качестве основания для ареста Ленина была использована попытка вооруженного свержения Временного правительства, предпринятая большевиками в начале июля 1917 года. Сразу после этого чрезвычайного события было проведено следствие и 21 июля 1917 года следователь по особо важным делам при Временном правительстве П.А. Александров и прокурор Петроградской Судебной палаты Н.С. Каринский подписали постановление о привлечении к суду по **«обвинению в государственной измене В.И. Ленина и Г.Е. Зиновьева, А.М. Коллонтай, А.Л. Гельфанда-Парвуса**

³² По воспоминаниям меньшевистского лидера Федора Ильича Дана (Гурвича), А.Ф. Керенский в своей речи на заседании Совета Республики, которое состоялось утром 24 октября, «с особенным пафосом несколько раз повторял, что правительством уже отдан приказ об аресте “государственного преступника Ульянова-Ленина”» Дан Ф. К истории последних дней Временного правительства // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Т. 3. Октябрьская революция. Мемуары / Составил С.А. Алексеев. М.-Л., 1926. С. 125.

и других большевиков». Все они обвинялись в том, что, «состоя в русском подданстве, по предварительному между собою и другими лицами уговору в целях способствования находящимся в войне с Россией государствам во враждебных против нее действиях, вошли с агентами названных государств в соглашение — содействовать дезорганизации русской армии и тыла для ослабления боевой способности армии, для чего на полученные от этих государств денежные средства организовывали пропаганду среди населения и войск с призывом к немедленному отказу от военных против неприятеля действий, а также в тех же целях в период с 3 по 5 июля 1917 г. организовали в г. Петрограде вооруженное восстание против существующей в государстве верховной власти, сопровождавшееся целым рядом убийств, насилий и попытками к аресту некоторых членов правительства, последствием каких действий явился отказ некоторых воинских частей от исполнения приказаний командного состава и самовольное оставление позиций, чем и способствовали успеху неприятельской армии...»³³.

По воспоминаниям П.А. Половцова, занимавшего в то время пост главнокомандующего войсками Петроградского военного округа, Керенский намеревался ответить на эту попытку восстания арестами более двадцати с лишним большевиков во главе с Лениным и Троцким, но спустя некоторое после того, как отдал распоряжение об аресте, отменил его³⁴.

Исполняя новое поручение Керенского об аресте вождя большевиков, министр юстиции и генерал-прокурор П.Н. Малянтович разослал местным органам власти следующую телеграмму: *«Постановлением Петроградской следственной власти Ульянов-Ленин В.И. подлежит аресту в качестве обвиняемого по делу о вооруженном выступлении третьего, пятого июля в Петрограде, ввиду сего поручаю Вам распорядиться о немедленном исполнении этого постановления, в случае появления названного лица в пределах вверенного*

³³ Цит. по: Анисимов Н.Л. Обвиняется Ульянов-Ленин... // Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 5.

³⁴ См.: Половцов П.А. Дни затмения. Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа в 1917 году. М., 1999. С. 151–152.

Вам округа. О последующем донести. Министр юстиции П. Н. Малянтович».

В числе получивших телеграмму с распоряжением об аресте Ленина, вероятно, был и председатель Якиманской районной управы. В биографиях Вышинского, как правило, довольно категорично утверждается, что он незамедлительно принял меры для выполнения этого поручения. Так, по словам публициста Аркадия Ваксберга, Андрей Януарьевич «распорядился о “немедленном исполнении” соответствующие афиши с портретом “названного лица” были расклеены на стенах домов вверенного ему округа»³⁵. Однако никаких документальных свидетельств в подтверждение этого важного факта в биографиях Вышинского почему-то не приводится. Между тем поступок этот в тогдашней обстановке кажется настолько странным, что даже если бы имелись подтверждающие документы, то и в таком случае возникало бы сомнение в том, что Вышинский совершил его.

Ведь было очевидно, что Ленин не мог в то время находиться в Москве: он должен был скрываться или в Петрограде, или недалеко от него, поскольку именно в северной столице шла подготовка большевистского вооруженного восстания. И официальные власти это хорошо знали. Петроградские газеты 19 октября 1917 года сообщали: «Министр юстиции Малянтович, по приказу верховного главнокомандующего, предписал прокурору судебной палаты сделать немедленное распоряжение об аресте Ленина, скрывающегося, по сведениям Временного правительства, в Петрограде. Прокурор

³⁵ *Ваксберг А.И.* Страницы одной жизни: штрихи к политическому портрету Вышинского // Знамя. 1990. № 5. С. 159. Современный публицист Н.В. Стариков, автор многочисленных публицистических опусов по самым различным историческим темам, представил произошедшее в еще более фантастическом виде. По его словам, «осторожный меньшевик Малянтович автографа своего для истории не оставил, подписав лишь телеграмму. Вместо него приказ об аресте Ленина завизировал его заместитель Андрей Януарьевич Вышинский. Тот самый, кто при Сталине станет главным государственным обвинителем» (*Стариков Н.В.* 1917. Разгадка «русской» революции. СПб., 2012. С. 271). В действительности П.Н. Малянтович, если и подписывал телеграмму, то не как меньшевик, а в качестве министра юстиции и генерал-прокурора. Что же касается роли А.Я. Вышинского в этой истории, если только она не придумана, то следует заметить, что Андрей Януарьевич никогда не занимал поста заместителя министра юстиции во Временном правительстве. Очевидно, что большинство исторических мифов является всего лишь результатом скверного знания истории.

обратился к главнокомандующему Петроградским военным округом, комиссару Временного правительства по управлению Петроградским градоначальством и начальнику общей и уголовной милицией с просьбой приказать подведомственным им чинам оказать содействие в производстве ареста и доставлении Ленина судебному следователю по особо важным делам Александрову»³⁶.

Распоряжение об аресте Ленина действительно было послано на места³⁷, но исполнить его было просто некому. С.П. Мельгунов, описывая ситуацию, сложившуюся в России к октябрю 1917 года, отмечал: «При отсутствии налаженного полицейско-административного аппарата все эти предупредительные меры вообще не имели большого значения, так как многие из решений правительства не могли быть осуществлены в жизни»³⁸.

Сохранилось немало свидетельств о том, что министр юстиции всего лишь выполнял приказ председателя Временного правительства Керенского, но сам или не хотел арестовывать Ленина, или не верил в то, что это возможно. По некоторым сведениям он даже предупредил вождя большевиков через одного из его соратников о готовящемся аресте, поскольку сомневался в наличии достаточных юридических оснований для осуществления такой меры³⁹. Вспоминая впоследствии

³⁶ Цит. по: Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть? Париж, 1939. С. 54.

³⁷ 22 октября 1917 г. указанная телеграмма министра юстиции Малянтовича поступила и. д. прокурора Тифлисской судебной палаты Лебединскому. Тот на следующий день переслал ее прокурору Эриванского окружного суда, который в свою очередь передал ее в Эриванский губернский комиссариат. Отсюда она была разослана всем уездным комиссарам и начальникам милиции. Текст данной телеграммы вместе с сопроводительными предписаниями сохранился в Центральном государственном архиве Армении (см.: Чобанян С. Документ о розыске Ленина в Октябрьские дни // Историк-марксист. 1940. № 9. С. 127).

³⁸ Там же. С. 54.

³⁹ Косвенно, но весьма убедительно указанный факт подтверждает судьба П.Н. Малянтовича после свержения Временного правительства. А. Ваксберг приводит в своей биографии Вышинского следующий факт: «По личному предложению Ленина Петроградский Совет принял решение о немедленном освобождении Малянтовича из крепости. В дальнейшем, во избежание возможных недоразумений, нарком юстиции Курский и нарком просвещения Луначарский снабдили его соответствующими мандатами, гарантирующими неприкосновенность личности. Три года спустя Ленин распорядился привлечь Малянтовича к работе в Главполитпросвете, а еще год спустя Дзержинский пригласил его возглавить юридическую часть руководимого им Высшего Совета

об этой ситуации, П.Н. Малянтович рассказывал: «Мы сидели в комиссариате градоначальства и разговаривали на злободневные темы... Заговорили о Ленине. Кто-то выразил предположение, что Ленин находится в Финляндии. Один из наших товарищей, проводивший среди нас последние дни, так как переезжал в Петроград, улыбнулся и сказал: "А вот я сейчас узнаю". Он взял телефонную трубку, позвонил кому-то, кажется сестре В.И. Ленина, и спросил веселым тоном о здоровье В.И. и где он находится. Через минуту он сообщил нам улыбаясь, что Ленин здоров и находится не в Финляндии, а в России»⁴⁰.

* * *

Свержение Временного правительства и захват государственной власти большевиками повлек новое преобразование местного управления. А.Я. Вышинский опять остался без должности. Но когда советское правительство переехало в Москву, он сумел, пользуясь своими знакомствами среди большевиков, устроиться на место заведующего реквизиционным отделом Московского железнодорожного узла.

Реквизиционным этот орган назывался потому, что занимался реквизицией продовольствия, которое крестьяне везли на продажу в Москву. Через некоторое время Вышинский занял пост начальника управления распределения Народного Комиссариата Продовольствия. Понятно, что в условиях голодавшей страны такая чиновничья должность, какой бы маленькой она ни представлялась, была на самом деле очень влиятельной. И Вышинский хорошо это понимал. В 1922 году Андрей Януарьевич опубликовал брошюру «Вопросы распределения и революция», в которой охарактеризовал свою чиновничью работу в области распределения продовольствия самым возвышенным образом: «Пять лет пролетарской революции, ознаменовавшейся величайшим напряжением сил и энергии трудящихся масс Советской Российской Республики, борющейся с бесчисленными препятствиями на пути сначала к завоеванию, а затем

народного хозяйства (ВСНХ). То есть, иначе говоря, приказ об аресте Ленина ни сам Ленин, ни ближайшие сотрудники Ленина никогда не ставили ему в вину» (Ваксберг А.И. Указ соч. С. 159).

⁴⁰ Цит. по: Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть? С. 54–55.

— к упрочению своей власти, едва ли более памятно и замечательно в какой-либо другой области, чем в области продовольственной. Только военная история будет писаться более живыми, сочными и яркими красками; только история боевых подвигов и военных побед молодых красных армий будет читаться и слушаться с большим удивлением перед пролетарским героизмом, с большим благоговением перед ратными страданиями защитников пролетарско-крестьянского отечества. Все остальное, что мы пережили и перестрадали в других областях, бледнеет и тускнеет пред грандиозностью свершенного на продовольственном фронте. И когда мы говорим о продовольственной работе, как о фронте, тут нет ни иносказания, ни преувеличения. Свою продовольственную историю мы так же, как и военную, пишем собственной кровью. Каждая страница этой истории связана с невероятными страданиями — и это одинаково как там, где заготавливалось и собиралось продовольствие, так и там, где оно расходовалось и распределялось»⁴¹.

Работая на большевиков, Вышинский не спешил вступать в их партийные ряды. Однако мысли, которые высказывались им в речах, статьях, брошюрах, являлись большевистскими. Он полностью поддерживал постановления Московского и Петроградского советов, установившие принцип классовости в политике распределения продовольствия. В своем выступлении на Первом Всероссийском совещании распродов, которое проходило с 1 по 4 ноября 1919 года, Вышинский заявил: «Ныне (в деле распределения) не приходится руководствоваться общечеловеческим принципом справедливого уравнения. Справедливое уравнение мы понимаем совсем не так, как это понимает, напр., Германская или Австрийская карточная система. В этот принцип нужно внести новое содержание, которое диктуется сущностью социалистического строительства и сущностью хозяйственно-экономической политики, которая должна здесь проводиться. В данный момент, при тех обстоятельствах, какие переживаем мы сейчас, приходится говорить о том, что не принцип уравнения играет решающую роль, а принцип обеспечения трудящихся, интересы которых оказываются доминирующими. Мы

⁴¹ *Вышинский А.Я.* Вопросы распределения и революция. М., 1922. С. 3.

переходим от принципа уравнительного распределения к принципу *классового распределения*. Он является выражением высшей справедливости, ибо справедливым оказывается накормить того, кто поставлен в худшие условия и кто требует во имя государственного строительства наибольшей заботы о себе со стороны государства»⁴².

О том, какими мотивами руководствовался Вышинский, воздерживаясь в первые годы существования Советского государства от вступления в партию большевиков, можно только гадать. Сам он про этот эпизод в своей жизни никаких признаний не сделал. Но любопытно, что в ряды большевиков Андрей Януарьевич перешел лишь тогда, когда их победа в гражданской войне не могла вызывать каких-либо сомнений у людей, способных адекватно оценивать окружающую обстановку. Следует, правда, заметить, что совпадение этих событий могло быть и случайным. Большевики считали меньшевиков своими врагами и по этой причине Вышинскому нелегко было вступить в большевистскую партию. Есть свидетельства, что помог ему в этом бывший его сокамерник по Бакинской тюрьме член Политбюро РКП (б) И.В. Сталин. Как бы то ни было, в феврале 1920 года Замоскворецкий райком РКП (б) города Москвы принял меньшевика Вышинского в члены большевистской партии.

В 1921 году, продолжая службу в Наркомпроде, А.Я. Вышинский стал профессором правового отделения факультета общественных наук 1-ого Московского университета. В «Обзрении преподавания ФОН 1-го Московского университета на 1922/1923 академический год» он был назван преподавателем курса «истории социализма».

Помимо Московского университета Вышинский читал лекции по этому предмету также в Московском институте народного хозяйства имени Карла Маркса (с 1924 г. — имени Г.В. Плеханова). Некоторое время он исполнял здесь должность декана экономического факультета. О содержании преподававшегося Вышинским курса истории социализма дает представление напечатанный им в 1924 и 1925 годах в двух частях объемом в 288 и 362 страниц краткий курс лекций «Очерки истории коммунизма». Кроме того он опубликовал в 1925 году книжку «История коммунизма» объемом в 174 страниц,

⁴² Там же. С. 5.

представлявшую данный курс в сжатом изложении. По жанру это были скорее компиляции, нежели самостоятельные произведения. Любопытно, что автор цитировал в них Зиновьева, Каменева, Бухарина, то есть государственных деятелей, которых впоследствии будет официально обвинять в тяжких государственных преступлениях.

Жизнь А.Я. Вышинского была неразрывно связана с государством, которому он служил. Перемены в государственной политике имели поэтому определяющее значение для его судьбы.

В декабре 1921 года состоялась XI Всероссийская конференция РКП (б), которая приняла резолюцию «Очередные задачи партии в связи с восстановлением хозяйства». В пункте 17 этого документа констатировалось: «Поскольку победа трудящихся обеспечила Советской России хотя бы временный и неустойчивый мир и позволила перейти от военного напряжения на внешних и внутренних фронтах к мирному хозяйственному строительству, очередной задачей является водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности. Строгая ответственность органов и агентов власти и граждан за нарушение созданных Советской властью законов и защищаемого ею порядка должна идти рядом с усилением гарантии личности и имущества граждан.

Новые формы отношений, созданные в процессе революции и на почве проводимой властью экономполитики, должны получить свое выражение в законе и защиту в судебном порядке. Для разрешения всякого рода конфликтов в области имущественных отношений должны быть установлены твердые гражданские нормы. Граждане и корпорации, вступившие в договорные отношения с государственными органами, должны получить уверенность, что их права будут охранены. Судебные учреждения Советской Республики должны быть подняты на соответствующую высоту. Компетенция и круг деятельности ВЧК и ее органов должны быть соответственно сужены и сама она реорганизована»⁴³.

⁴³ Одиннадцатая Всероссийская конференция РКП (б). Москва. 19–22 декабря 1921 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. 1898–1925. М., 1953. С. 593.

Меры по исполнению требований данной резолюции последовали незамедлительно. Постановлением ВЦИК от 6 февраля 1922 года Всероссийская Чрезвычайная Комиссия и ее местные органы были упразднены. Ее функции по борьбе с государственными преступлениями были переданы Народному Комиссариату Внутренних Дел РСФСР, в рамках которого для выполнения этой задачи было образовано Главное Политическое Управление.

Осуществление требования установления «во всех областях жизни строгих начал революционной законности» предполагало создание системы надзора за соблюдением законов, а значит организацию прокуратуры.

28 мая 1922 года постановлением ВЦИК было утверждено «Положение о прокурорском надзоре»⁴⁴, предписавшее «учредить в составе народного Комиссариата Юстиции Государственную Прокуратуру». Декретом ВЦИК от 8 июля 1922 года было предусмотрено введение института прокуратуры вместе с Уголовно-процессуальным кодексом с 1 августа указанного года.

11 ноября 1922 года сессия ВЦИК РСФСР постановила принять с поправками внесенный Советом Народных Комиссаров 31 октября проект Положения о судеустройстве и внести его в действие на всей территории РСФСР с 1 января 1923 года.

Согласно этому законодательному акту, «в целях ограждения завоеваний пролетарской революции, обеспечения интересов государства, прав трудящихся и их объединений», вместо революционных трибуналов создавалась единая система судебных учреждений, включавшая в себя общие суды: «1. Народный Суд в составе постоянного народного судьи. 2. Народный Суд в составе того же постоянного народного судьи и двух народных заседателей. 3. Губернский Суд. 4. Верховный Суд РСФСР и его коллегии»⁴⁵, а также суды для рассмотрения специальной категории дел.

⁴⁴ См.: Положение о прокурорском надзоре. Постановление 3-й сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва. 28 мая 1922 г. // История советской прокуратуры в важнейших документах. М., 1947. С. 217–221.

⁴⁵ Положение о судеустройстве РСФСР. 11 ноября 1922 г. // История советской прокуратуры в важнейших документах. С. 231–232.

Положение о судеустройстве РСФСР предусматривало (в примечании к статье 59) наличие такой должности, как помощник Прокурора Республики (Прокурор Верховного Суда) состоящий при Верховном суде»⁴⁶, а также двух помощников прокурора Верховного суда, состоящих при уголовной и гражданской кассационных коллегиях.

1 февраля 1923 года декретом ВЦИК были внесены изменения в Положение о судеустройстве РСФСР. Единая судебная коллегия Верховного суда была разделена на две судебные коллегии: по уголовным и гражданским делам. Обязанности прокурора при судебной коллегии по гражданским делам должен был исполнять «один из помощников Прокурора Верховного суда при кассационной коллегии по гражданским делам»⁴⁷.

Указанные перемены непосредственным образом сказались на судьбе А.Я. Вышинского. Именно он был назначен на созданный Положением о судеустройстве РСФСР пост прокурора Верховного суда.

С 25 мая по 7 июня 1923 года судебной коллегией Верховного суда по уголовным делам рассматривалось дело о преступлениях, предусмотренных статьями 110, 113, 114, 116, 177, 189 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года, а именно: о «присвоении должностными лицами денег или иных ценностей, находящихся в его ведении в силу его должностного положения», о злоупотреблениях властью, повлекших за собой расстройство «хозяйственных аппаратов производства, распределения ил снабжения», «заключение явно невыгодных для государства договоров или сделок», получении взяток, служебном подлоге и др. Перед судом предстала целая группа должностных и частных лиц, использовавших в личных выгодах денежные средства, выделенные «Секции по спасению животноводства», организованной при Центральной Комиссии помощи голодающим, и предназначенные вывоз скота из голодных губерний и заготовку фуража для его прокормления.

⁴⁶ Там же. С. 246.

⁴⁷ Об изменении и дополнении Положения о судеустройстве РСФСР. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. 1 февраля 1923 года // История советской прокуратуры в важнейших документах. С. 259.

Обвинительную речь по этому сложному делу произносил А.Я. Вышинский⁴⁸. Он подробно разобрал фактические обстоятельства преступлений подсудимых, оценил доказательства их виновности, дал социальную и психологическую оценку личностным качествам обвинявшихся, подвел их действия под конкретные статьи Уголовного кодекса и высказал свое мнение о наличии ряда обстоятельств, смягчающих или усиливающих вину подсудимых. Проявив себя квалифицированным обвинителем, Андрей Януарьевич одновременно показал в этой речи глубокое понимание интересов государства, а также умение применить к оценке действий подсудимых классовый подход.

Весной 1923 года Вышинский выступил в Верховном суде и с речью по обвинению в злоупотреблениях руководителей Государственной экспортно-импортной торговой конторы при Наркомате Внешней Торговли. С 12 по 23 мая 1924 года выездная сессия Верховного суда РСФСР рассматривала в Ленинграде дело по обвинению 17 следователей и народных судей и 25 нэпманов в получении и даче взяток. Обвинительная речь прокурора Вышинского на этом процессе оказалась еще более яркой⁴⁹. В ней впервые отчетливо проявилась способность Вышинского облечь обвинение подсудимых в художественную форму, придать ему эмоциональный характер. Он показал в своем выступлении опасность взяточничества для государственных устоев, заявив: «Взятка сама по себе – гнуснейшее орудие разврата, но она становится чудовищной, когда дается следователю или вообще работнику юстиции. Ведь едва ли можно вообразить что-либо ужаснее судей, прокуроров или следователей, торгующих правосудием. Суд – один из величайших устоев государственного строительства. Разложение судебно-прокурорских работников, разложение суда – величайшая опасность для государства!»⁵⁰.

Завершая обвинительную речь по этому делу, Андрей Януарьевич воскликнул: «Я требую сурового наказания, беспощадного наказания, которое разразилось бы здесь грозой и бурей, которое уничтожило бы

⁴⁸ См.: Дело «Гукон» // Вышинский А.Я. Судебные речи. М., 1955. С. 3–45.

⁴⁹ Дело ленинградских судебных работников // Там же. С. 46–97.

⁵⁰ Там же. С. 58.

эту банду преступников, посягнувших на честь судейского звания, запятнавших своими преступлениями великое имя советского судьи. Я требую беспощадного приговора. Пусть этот приговор очистительной грозой пронесется над головами преступников... Я требую расстрела всех главных виновников (*далее следовало перечисление фамилий. — В.Т.*) — всех этих людей, посмевших опозорить звание революционного судебного работника. Я требую сурового наказания для посредников, вымонателей, пауков и скорпионов (*далее следовало перечисление фамилий. — В.Т.*). Я требую расстрела всех, кто давал взятку, кто систематически растлевал и развращал следователей и судей. Я требую сурового наказания для (*далее следовало перечисление фамилий. — В.Т.*). Товарищи судьи, благо революции — высший закон, и да свершится удар этого закона во имя великой, священной революции»⁵¹.

Судьи не смогли проявить милосердие после такой речи прокурора Верховного суда РСФСР: 17 подсудимых из 42-х они приговорили к расстрелу, а оправдали только двоих из них.

3

Прокурорская деятельность, предполагавшая понимание сущности правовых институтов и способность дать юридическую оценку тем или иным фактам или поступкам людей, стимулировала научные занятия А.Я. Вышинского. В советских периодических изданиях стали публиковаться его научные статьи по правовым проблемам. В июле 1923 года журнал «Еженедельник Советской юстиции» опубликовал мнение прокурора Верховного суда РСФСР по вопросу о том, может ли действие лица, давшего взятку кому-то, принятому им за должностное лицо, трактоваться как дача взятки, то есть по статье 114-а УК РСФСР 1922 года? Некоторые правоведы, высказываясь по этому вопросу, приходили к выводу о том, что дача взятки не предполагает соучастия, а представляет собой самостоятельное преступление. Поэтому «неприятие взятки или отсутствие характера взятки для полученного в руках получателя, т.е. двусторонность действия, является совершенно безразличным

⁵¹ Там же. С. 95–96.

мометом для конструирования обвинения, как покушения по ст. 114а во всех тех случаях, когда дача взятки, как общественно-опасное действие, “угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью” (ст. 6 УК), совершена лиходателем умышленно (ст. 11 УК). Главным и самостоятельным виновником в этом случае является сам дающий взятку. Случайное отсутствие результата, вследствие допущенной ошибки, обращает в данном случае деяние в покушение, почему обвинение должно быть конструировано по статьям 13 и 114-а УК»⁵².

А.Я. Вышинский, отвечая на это мнение, привел аргументацию, которая выразила свойственный ему стиль юридического мышления, проявившийся и в процитированной выше его речи по делу о взятках. Можно ли, вопрошал он, рассматривать преступление, трактуемое статье 114-а УК⁵³ как самостоятельное преступление, а не соучастие по статье 114? Отвечая на этот вопрос, Андрей Януарьевич утверждал:

⁵² Р – ц В. К применению ст. 114-а У. К. // Еженедельник Советской юстиции. 1923. № 29. 26 июля. С. 653.

⁵³ Статья 114 УК РСФСР 1922 года, измененная Декретом ВЦИК и СНК 9 октября 1922 года, гласила: «Получение лицом, состоящим на государственной, союзной или общественной службе лично или через посредников, в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, входящего в круг служебных обязанностей этого лица, карается лишением свободы на срок не ниже одного года с конфискацией имущества или без таковой. Получение взятки, совершенное при отягчающих обстоятельствах, как то: а) ответственном положении должностного лица, принявшего взятку, б) если в результате взятки был нанесен государству или мог быть нанесен материальный ущерб, в) при наличии прежней судимости за взятку или неоднократности получения взятки и г) если при этом со стороны принявшего взятку было допущено вымогательство, — таковое карается лишением свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет и в особо отягчающих обстоятельствах — высшей мерой наказания с конфискацией имущества».

В статье 114-а говорилось: «Дача взятки, посредничество во взяточничестве, оказание какого-либо содействия или непринятие мер противодействия взяточничеству караются наказаниями, предусмотренными 1-ю частью предыдущей статьи, и при особо отягчающих обстоятельствах — наказаниями, предусмотренными 2-й частью той же статьи» (Декрет ВЦИК и СНК «Об изменении текста ст. 114 Уголовного Кодекса». 9 октября 1922 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1922. № 63. Ст. 808. С. 1405).

«Такая точка зрения непримлема, как непримлема и подобная терминология. Самостоятельное преступление есть всякое преступление, заключающееся непосредственно в действиях преступника, как в таковых. Таковы все преступления имущественные, преступления против жизни, свободы, здоровья, должностные, политические. “Несамостоятельных” преступлений нет и быть не может. Если данное действие *само по себе* не преступно (напр., уничтожение собственного портсигара), то оно не становится преступлением и тогда, когда способом к его уничтожению я изберу поджог... Есть ряд преступлений, самый состав которых носит строго индивидуальный характер. Таких большинство: имущественные преступления, против личности, ряд политических и т.п. Но есть преступления, самый состав которых тесно связан... с обоюдностью преступных действий, с действиями других лиц, без каковых лиц или их действий нет самого преступления»⁵⁴. Быть виновным в *даче* взятки, подчеркивал Вышинский, «можно лишь при наличии лица, виновного в *получении* взятки». Он не связывал в данном случае ответственность лица, дающего взятку, с ответственностью лица, получающего ее, понимая, что кто-то из них может быть признан невменяемым и освобожден от наказания, а другой будет все равно нести ответственность. Прокурор Верховного суда имел в виду более сложную ситуацию — когда принявший взятку оказался самозванцем, а не должностным лицом, хотя давший ему взятку принимал его за такового. Обращаясь к такому случаю, Вышинский задавался вполне логичным вопросом: как в этом случае должно было отвечать и должно ли было вообще нести ответственность лицо, давшее взятку? Можно ли было возложить на него ответственность как за покушение?

При ответе на данный вопрос, Андрей Януарьевич обращал внимание на то, что статья 114-а, как и статья 114 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года имеют в виду не *всякое* получение вознаграждения кем бы то ни было и за какие бы то ни было услуги, а именно получение взятки в любом виде и именно лицом, состоящим на государственной, союзной или общественной службе. «Представим

⁵⁴ Вышинский А.Я. Еще раз о ст. 114-а У. К. // Еженедельник Советской юстиции. 1923. № 29. 26 июля. С. 654.

себе, — пояснял он свою мысль, — что конторщик частной конторы получает от клиента подарок за оказываемые последнему услуги, входящие в круг его прямых обязанностей. Можно ли этого конторщика трактовать как взяточника по 114 ст. УК, а клиента — как взяточника по 114-а ст. УК? Очевидно, нельзя. Конторщик губсуда или губисполкома, однако, за такие действия будет отвечать, как и его одаритель, по 114 и 114-а ст. ст. УК. В чем же дело? Все дело в том, что статьями 114 и 114-а УК государство защищается от угрожающих его государственному интересу злоупотреблений и борется с ними. Государство борется, однако, не со злой волей, как таковой, а лишь с ее конкретным, направленным против государственного интереса проявлением. Государство и закон при этом не могут не считаться с реальностью или фиктивностью проистекающего из злой воли результата. Околпаченный мошенником обыватель дал этому Хлестакову какую-то сумму денег. Дал ли он ему взятку? Нет, он дал ему сумму денег, но не взятку, ибо взятка есть дар, получаемый должностным лицом за действия по должности, а Хлестаков должностным лицом в действительности не был и взятки, след., получить не мог. Хлестаков был Хлестаковым, отвечающим по 187 ст., по никогда не по 114 ст. УК. Но, может быть, жертва Хлестакова, принеся ему дар, ответственна за покушение на дачу взятки? И этого нет. Можно ли отвечать за поджог несуществующего имущества, за подделку акций несуществующего акционерного общества, как за покушение? Конечно, нельзя, ибо покушение требует *физического* существования того интереса, на нарушение которого совершается покушение. Этот интерес, отвлеченно рассуждая, конечно, существует независимо от проделок мошенников, обирающих простаков или бесчестных людей, но этими проделками тот интерес государства, который защищается соответствующими статьями (ст. 114 и др.), ни в малой степени не нарушается»⁵⁵.

Приведенное рассуждение показывает, что А.Я. Вышинский отличался редким умением увидеть в самых запутанных юридических хитросплетениях интерес государства. *Что бы ни говорили о нем, как бы*

⁵⁵ Там же. С. 654–655.

ни оценивали его личность, нельзя не признать, что и умом, и характером своим он как будто специально был рожден для государственной службы.

Вышинский часто произносил в своих речах слово «революция», как бы стремясь убедить окружающих его людей в том, что является настоящим революционером. Но ни характером, ни внешним обликом своим он не производил впечатления революционера. А.М. Орлов (Лейб Лазаревич Фельдбин), работавший в Верховном суде в должности помощника прокурора при уголовной кассационной коллегии⁵⁶ в то время, когда там служил Андрей Януарьевич, писал впоследствии в своей книге воспоминаний «Тайные преступления Сталина»: «В 1923 году Вышинский появился в Верховном суде в качестве прокурора юридической коллегии. В нашей бесхитростной атмосфере, среди простых и скромных людей он чувствовал себя не в своей тарелке. Он был щеголеват, умел "подать себя", был мастером любезных расшаркиваний, напоминая манерами царского офицера. На революционера он никак не был похож».

Членами Верховного суда состояли почти исключительно большевики из старой гвардии. Одним из них был, например А.А. Сольц, которого считали «совестью партии», другим — Николай Крыленко⁵⁷. «Старые партийцы из Верховного суда, безусловно, не были мелочными людьми, — отмечал А.М. Орлов. — Они легко примирились с тем, что Вышинский был когда-то меньшевиком, и готовы были даже смотреть сквозь пальцы на его враждебную нам активность в решающие дни Октября. Невозможно было простить ему другое: после того как революция победила, он все три года, пока шла гражданская война, всё ещё выжидал и, только убедившись, что советская власть действительно выживет, подал заявление в большевистскую партию».

В конце 1923 года была устроена очередная проверка чистоты рядов РКП (б) — «чистка», в просторечии. Каждый партиец сдавал в райкомовскую комиссию партийного контроля свою автобиографию

⁵⁶ Сам А.М. Орлов, не отличая, видимо, кассацию от апелляции, написал в своих воспоминаниях, что занимал «должность помощника прокурора апелляционной (?) коллегии Верховного суда».

⁵⁷ С 28 ноября 1923 года до 2 февраля 1924 года Н.В. Крыленко занимал пост Председателя Верховного суда.

и поручительства двух членов партии. Сдал эти бумаги и Вышинский, указав в автобиографии, что при царском режиме отсидел год в тюрьме за участие в забастовке. Для старых большевиков, работавших в Верховном суде, «чистка» была простой формальностью, но для бывшего меньшевика А.Я. Вышинского она оказалась тяжким испытанием. Райкомовская партийная комиссия после трехчасового проверочного разговора с ним приняла решение об исключении его из партии большевиков. Однако Андрей Януарьевич не сдался. На следующий день он заявился в кабинет к А.А. Сольцу и разрыдался там, как женщина. Сольц с перепугу обещал ему помочь. И действительно — «совесть партии» поставил вопрос об оставлении Вышинского в партийных рядах на обсуждение в Центральном комитете РКП (б), и в конце концов Вышинскому возвратили партбилет. Когда старые большевики, узнав об этом, стали упрекать Сольца за то, что он заступился за Вышинского, Арон Александрович с виноватой улыбкой ответил: «Чего вы от него хотите? Товарищ работает, старается... Дайте ему показать себя. Большевиками не рождаются, большевиками становятся. Не оправдает доверия — мы всегда сможем его исключить».

А.А. Сольц попытается это сделать, когда Вышинский начнет выступать с обвинительными речами против старых большевиков, но ничего у него получится. Сторонники Сталина объявят «совесть партии» сумасшедшим и постараются его изолировать, как умалишенного, от общества.

Ощущая неприязнь к себе со стороны членов Верховного суда — старых большевиков, Вышинский искал для себя, по всей видимости, другое пристанище и нашел его... в Московском университете. 15 мая 1925 года Андрей Януарьевич был избран Ученым советом 1-го Московского университета, по рекомендации вышестоящих органов, на должность ректора⁵⁸. Вместе с ним был избран и новый состав университетского Правления. На заседании Совета университета, состоявшемся 24 июня 1925 года, новый ректор поручил членам Правления до 1 октября текущего года внимательно изучить

⁵⁸ Центральный государственный архив города Москвы (далее: ЦГА Москвы). Фонд Р-1609. Оп. 1. Ед. хр. 902. Л. 24.

постановку дела во всех университетских частях: учебной, финансовой, хозяйственной, административно-технической.

Трудно сказать, какими мотивами руководствовались те, кто рекомендовал прокурора Верховного суда РСФСР на такой пост, но смысл в этом назначении явно имелся. И совсем не мелкий.

К середине 20-х годов руководству ВКП (б) стало очевидным, что в развитии советского общества наступил новый этап, требующий укрепления государства, превращения его в силу, способную не только защищать страну от агрессоров и преодолевать возникающие внутри нее по разным причинам стихийные разрушительные процессы, но и развивать общество, создавать промышленность, обеспечивать рост сельского хозяйства, проводить необходимые реформы. Все это требовало в свою очередь создания прочного, устойчивого правопорядка. О том, что большевистские руководители хорошо понимали связь сильного государства с режимом соблюдения законов, показывает резолюция о революционной законности, принятая XIV конференцией ВКП (б), которая проходила с 27 по 29 апреля 1925 года. В ней было заявлено: «Признавая, что интересы укрепления пролетарского государства и дальнейшего роста доверия к нему со стороны широких масс крестьянства в связи с проводимой ныне политикой партии требуют максимального упрочения революционной законности, в особенности в низовых органах власти, конференция постановляет:

а) одобрить инициативу ЦКК по постановке этой задачи, как одной из основных задач, стоящих в настоящий момент перед Советской властью;

б) поручить ЦК и ЦКК разработать на основе указаний Ленина, высказанных им в опубликованном 23 апреля с.г. письме и доклада Сольца все необходимые организационные мероприятия для укрепления революционной законности с проведением этих мероприятий в советском порядке»⁵⁹.

23 апреля 1925 года в газете «Правда» и 3 мая того же года в «Еженедельнике советской юстиции» было опубликовано

⁵⁹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1953. Ч. 2. 1925–1953. М., 1953. С. 42.

посвященное вопросу законности письмо В.И. Ленина, продиктованное по телефону товарищу Сталину для Политбюро 20 мая 1922 года. Владимир Ильич выступил в нем против «двойного» подчинения прокуратуры, то есть подчинения ее, с одной стороны, центральной власти в лице соответствующего Наркомата, а с другой — местному губисполкому, за которое высказалось большинство комиссии ВЦИК. «Нет сомнения, — утверждал Ленин, — что мы живем в море беззаконности и что местное влияние является одним из величайших, если не величайшим, противником установления законности и культурности»⁶⁰. Вождь ВКП (б) настойчиво предлагал отвергнуть «двойное подчинение» прокуратуры и установить подчинение местной прокурорской власти только центру. «Законность должна быть одна, — убеждал он своих партийцев, — и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности является попустительство исконно русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской. Надо помнить, что в отличие от всякой административной власти прокурорский надзор никакой административной власти не имеет и никаким решающим голосом ни по одному административному вопросу не пользуется. Прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям»⁶¹. Опираясь на этот аргумент, Ленин предложил ЦК РКП (б) отвергнуть в данном случае «двойное» подчинение, «установить подчинение местной прокурорской власти только *центру* и сохранить за прокурорской властью право и обязанность опротестовывать все и всякие решения местных властей с точки зрения законности этих решений или постановлений, без права приостанавливать таковые, а с исключительным правом передавать дело на решение суда»⁶².

⁶⁰ Ленин В.И. О «двойном» подчинении и законности // Еженедельник советской юстиции 1925. № 17. 3 мая. С. 450.

⁶¹ Там же. С. 449.

⁶² Там же. С. 201.

Предписанное резолюцией XIV конференцией ВКП (б) осуществление необходимых организационных мероприятий «для укрепления революционной законности» требовало большого количества квалифицированных юристов, но факультеты общественных наук (ФОНы), в рамках которых преподавались юридические науки, не могли обеспечить их обучение. ФОНы ведь создавались прежде всего для идеологического перевоспитания студенчества в духе приверженности к идеям большевиков, поэтому специальной подготовке к юридической профессии даже на их правовом отделении уделялось второстепенное внимание. Это положение необходимо было теперь изменить. Московскому университету предстояло, следовательно, пережить еще одну реформу и причем реформу именно юридического образования. Профессиональный юрист представлялся в этой ситуации наиболее подходящей кандидатурой на пост ректора. Тем более такой, который занимался юридической практикой, а значит — хорошо знал, какие специалисты требуются в юридических органах, и вместе с тем преподавал юридические науки в рамках ФОНа Московского университета. Ко времени назначения на должность ректора 1-го Московского университета Андрей Януарьевич был здесь преподавателем уголовного процесса, причем лекции по этому предмету он читал не так, как читали старорежимные профессора, а в духе марксизма-ленинизма.

Начало преобразованию ФОНа 1-го Московского университета в полноценный юридический факультет было положено Декретом СНК РСФСР «Об изменениях сети высших учебных заведений», принятым 8 августа 1924 года. Им было предписано: «Из факультета общественных наук 1-го Московского Университета сохранить в составе названного Университета правовое отделение», а «отделение общественно-педагогическое, а также отделение литературы и языков факультета общественных наук 1-го Московского Государственного Университета влить в педагогический факультет 2-го Московского Государственного Университета»⁶³.

⁶³ Декрет СНК РСФСР «Об изменениях сети высших учебных заведений». 8 августа 1924 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и

Любопытно, что в Ленинградском, Ростовском и Саратовском университетах правовое отделение факультета общественных наук предписывалось вообще закрыть. Прием на них прекращался уже в 1924 году⁶⁴.

28 апреля 1925 года Совет Народных Комиссаров РСФСР постановил:

«1. Преобразовать с 1925–1926 учебного года факультет общественных наук Первого Московского Государственного Университета в два факультета: советского права и этнологический.

2. Предложить Народному Комиссариату Просвещения установить структуру этих факультетов и закончить все подготовительные работы по преобразованию к 1-му июня 1925 года»⁶⁵.

Указанные факультеты были созданы в мае 1925 года. Позднее сформировалась их внутренняя структура. Этнологический факультет стал по характеру обучения факультетом историко-филологическим. В его рамках были образованы следующие отделения: 1) этнографическое, 2) литературное, 3) изобразительных искусств, 4) историко-археологическое.

Структура факультета советского права включила в себя также четыре отделения: 1) *судебное* – для подготовки судей, прокуроров, следователей; 2) *хозяйственно-правовое* – для подготовки юрисконсультов хозяйственных наркоматов и учреждений, членов коллегии защитников, нотариусов; 3) *советского строительства* – для подготовки работников центральных и местных учреждений НКВД, РКИ, ГПУ; 4) *международное* – для подготовки работников НКВД, иностранных отделов Наркомата торговли.

крестьянского правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1924. № 68. Ст. 680.

⁶⁴ Постановлением СНК РСФСР, изданным 23 апреля 1926 года, в Ленинградском университете на базе бывшего правового отделения ФОН был открыт факультет советского права.

⁶⁵ Декрет Совета Народных Комиссаров «О преобразовании факультета общественных наук Первого Московского Государственного Университета в факультет советского права и этнологический». 28 апреля 1925 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1925. № 28. Ст. 199. С. 358.

До Вышинского пост ректора 1-го Московского университета занимал с 26 мая 1921 года историк социалистической мысли В.П. Волгин (1874–1962). Любопытно, что Вячеслав Петрович тоже был меньшевиком и так же, как Вышинский, не спешил после захвата власти большевиками становиться в их ряды, вступил в РКП (б) только в 1920 году. Уйдя с должности ректора, В.П. Волгин стал деканом этнологического факультета.

Годы ректорства А.Я. Вышинского пришлись на переломное время как в судьбе страны, так и в участи Московского университета. В середине 20-х годов резко обострилась борьба между группировками Троцкого и Сталина. В сущности своей это была война за различные варианты будущего страны, поэтому она мало кого оставляла равнодушной. Втянутыми в нее оказались и студенты, и преподаватели Московского университета.

В июле 1926 года, успешно сдав вступительные экзамены, на факультет советского права Первого Московского университета поступил Варлам Шаламов. Он учился недолго⁶⁶, но тем не менее оставил в своей автобиографической прозе небольшие заметки о Москве середины 20-х годов и о своей учебе на факультете советского права. «Конец 24-го года, — вспоминал он, — буквально кипел, дышал воздухом каких-то великих предчувствий, и все поняли, что нэп никого не смутит и не остановит. Еще раз поднималась та самая волна свободы, которой дышал 17-й год. Каждый считал своим долгом выступить еще раз в публичном сражении за будущее, которое мечталось столетиями в ссылках и на каторге»⁶⁷. «В 1926 году был впервые объявлен прием в вуз по свободному конкурсу. Была, стало быть, возможность проявить себя и получить высшее образование... Я был принят в университет... Москва тогдашних лет просто кипела жизнью. Вели бесконечные споры о будущем земного шара... В Московском университете, сотрясаемом теми же волнами, диспуты

⁶⁶ 13 февраля 1928 г. студента факультета советского права Варлама Шаламова исключили из Московского университета на основании доноса одного из его товарищей-студентов, сообщившего, что Шаламов скрыл при поступлении в университет свое поповское происхождение.

⁶⁷ Шаламов В.Т. Воспоминания. М., 2001.С. 112.

были особенно остры. Всякие решения правительства обсуждались тут же, как в Конвенте...»⁶⁸.

Вместе с Варламом Шаламовым на факультете советского права учился Иван Михайлович Павлов. Впоследствии он покинул свою родину и, будучи в эмиграции — видимо, в конце жизни — записал свои воспоминания о тогдашней обстановке в Московском университете, о преподавании на факультете советского права и о ректоре Вышинском. В 1995 году эти воспоминания обнаружил в Гуверовском архиве Стэнфордского университета, в так называемой «Папке Павлова», профессор Д. Керанс.

Впечатления И.М. Павлова об атмосфере, которая существовала в середине 20-х годов XX века в Москве и в Московском университете, были очень сходны с шаламовскими, похожим являлось и отношение этих людей к ректору Вышинскому. Но Иван Павлов, в отличие от Варлама Шаламова, писал не литературные мемуарные заметки, вольные по содержанию, а кратко и методично описывал свою жизнь и обстановку, в которой она текла.

Из этого описания видно, что Московский университет не был островком тишины в бушующем море политической борьбы. Эта борьба властно вторгалась в его аудитории, ограничиваясь, правда, более дискуссиями на партийных собраниях. «Наши настроения были просоветскими, — отмечал И.М. Павлов, вспоминая свое студенчество. — Они являлись результатом не только отрицания прежних порядков, но и убеждения, что советская власть является революционной властью. Властью, которая организовала разгром дворянской и буржуазной реакции. Вырвала страну из мировой бойни, разрешила земельный вопрос, дала рабочим прогрессивное трудовое законодательство, социальное страхование, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное образование, преодолела экономическую разруху в стране, повысила жизненный стандарт трудящихся, заработная плата которых уже перешагнула дореволюционный уровень, дала стране новые кодексы, свидетельствующие о стремлении к правопорядку и революционной законности. Все эти революционные преобразования и еще более

⁶⁸ Там же. С. 6-7.

грандиозные планы привлекали наши симпатии и доверие к советской власти, и поэтому так велик был процент коммунистов и комсомольцев среди нас... Антисоветские настроения были широко разлиты и упорно держались только среди студентов старших курсов физико-математического факультета и среди некоторой части педагогического персонала».

И эта университетская среда, сообщал И.М. Павлов в своих воспоминаниях, якобы буквально ненавидела ректора Вышинского. По словам бывшего студента факультета советского права, Вышинский «совсем не пользовался уважением, ни среди профессуры ни среди студенчества», он «обычно улыбался, но сквозь холодную, мертвую и фальшивую его улыбку проглядывало нечто хищное, наглое и трусливо порочное. И лекции его по уголовному процессу, несмотря на внешнюю логичность, гладкость и даже цветистость отдельных фраз, звучали фальшиво, не искренне, скользили поверху, не производя впечатления на слушателя и быстро утомляя его»⁶⁹.

Уход Вышинского с поста ректора 1-го Московского университета И.М. Павлов связал с одним весьма интересным эпизодом, произошедшим в конце октября 1927 года, когда в большой Коммунистической аудитории было созвано последнее дискуссионное собрание. Данный эпизод интересен тем, что хорошо показывает, в какой реально атмосфере пришлось ректорствовать Андрею Януарьевичу.

Официальным докладчиком ЦК ВКП (б) на упомянутом партийном собрании выступил Е.М. Ярославский, а его оппонентом стал член ЦК, находившийся в оппозиции к сталинской группе, Х.Г. Раковский. По воспоминаниям Павлова, «собрание началось бурно, докладчика все время прерывали гневными и оскорбительными репликами: “Могильщик революции!” “Цербер!” “Предатель!” и т.д. Шум в зале все нарастал, и уже через 15–20 минут слова докладчика захлестнул хаос. Все попытки президиума водворить порядок были бесплодны, и Ярославский вынужден был сесть. Выступивший затем Раковский был встречен бешеными аплодисментами оппозиционеров

⁶⁹ Павлов И.М. 1920-е: Революция и бюрократия. Записки оппозиционера. СПб., 2001. С. 55–56.

и беспорядочными криками сталинцев. Громовым басом он заглушил выкрики и с большим подъемом говорил около получаса. Речь его произвела сильное впечатление. С криками “Ура!” все как один поднялись со своих мест оппозиционеры.

– Да здравствует ленинская гвардия! Да здравствуют нестигаемые революционеры! Ура! Ура! Ура! – гремело в аудитории и в коридорах. Овация длилась несколько минут. Затем, сняв со сцены Раковского, оппозиционеры, распевая Интернационал, понесли его на руках на Моховую к стоявшей автомашине. В коридоре и во дворе к процессии присоединились комсомольцы и беспартийные студенты. С небывалым подъемом, точно в экстазе, пели волнующий гимн Интернационалу.

Когда процессия, проходя коридором, спускалась по лестнице, ректор университета А.Я. Вышинский выскочил в коридор и глубоко засунув пальцы в рот стал пронзительно свистать. Стоявшие рядом студенты избили его. Били сначала по лицу, а когда он свалился, били ногами куда попало. Потеряв пенсне, с разбитым носом, растрепанный, грязный и жалкий, выбирался он на четвереньках из толпы, поощряемый пинками ног.

В последующие затем дни, при его появлении в университете всюду слышались крики студентов:

– Свистун, хулиган, рыжий лакей и т.д. Возмущение студентов было так велико, что Вышинский стал прятаться, боясь показываться публично. Даже райком партии не мог пройти мимо хулиганского поступка Вышинского и вынес ему выговор “за недостойное ректора университета и большевика поведение”. Об этом взыскании было сообщено университетской парторганизации. И без того не пользовавшийся доверием и популярностью среди студентов, Вышинский был раздавлен. Так, вероятно, думал и сам Вышинский. Случайно, через Маленкова, об этом инциденте узнал Сталин. Ознакомившись с досье Вышинского, Сталин иначе оценил “подвиг” и “таланты” его. Несколько дней спустя Вышинский был назначен зав. Главпрофобротом и замнаркома просвещения. Это было началом его большой карьеры»⁷⁰.

⁷⁰ Павлов И.М. 1920-е: Революция и бюрократия. Записки оппозиционера. С. 87–88.

Рассказ бывшего студента факультета советского права И.М. Павлова о том, как в Московском университете обошлись однажды с занимавшим там пост ректора будущим прокурором СССР подтверждается одной заметкой писателя Шаламова, сделанной им на манускрипте антиромана под названием «Вишера», в котором Варлам Тихонович удивительно душевно и мудро описал свои тюремные университеты⁷¹. «Я был свидетелем, — сообщил он в этой заметке, — как на открытом партийном собрании в Коммунистической аудитории в новом здании МГУ ударили по физиономии ректора университета Андрея Януарьевича Вышинского. Вышинский перебивал речи оратора из оппозиции, свистел, вставляя пальцы в рот»⁷².

Возможно, такой казус действительно произошел с ректором Вышинским. Но вряд ли его можно считать причиной ухода Андрея Януарьевича с ректорского поста. Данный случай, если действительно произошел, то в октябре 1927 года, а с должности ректора 1-го Московского университета А.Я. Вышинский ушел лишь год спустя, а именно: 1 сентября 1928 года. И уж совсем нельзя считать октябрьский конфликт Вышинского со студентами или преподавателями свидетельством того, что он плохо исполнял свои обязанности руководителя университета. Помимо приведенных воспоминаний, сохранились и другие свидетельства бывших студентов факультета советского права. И в них приводятся факты, показывающие, что Андрей Януарьевич многое сделал для подъема университетского юридического образования на новый уровень, для придания ему такого характера, который позволял вести ускоренную и весьма эффективную подготовку квалифицированных юристов.

4

Ректорская и преподавательская деятельность А.Я. Вышинского осталась в тени его прокурорской службы и не привлекла к себе

⁷¹ Данное автобиографическое произведение не было завершено, но та часть, которую он сам переписал набело, опубликована в шеститомном собрании его сочинений. См.: Шаламов В.Т. Собрание сочинений в 6 томах. Том 4: Автобиографическая проза. М., 2005. С. 14–294.

⁷² Российский государственный архив литературы и искусства. Фонд 2596. Оп. 2. Д. 65. Л. 30

должного внимания писавших о нем историков и публицистов. Между тем она раскрывает в личности этого человека немало таких свойств, которые совершенно не соответствуют сложившимся о нем представлениям и мнениям. Хотя Андрей Януарьевич пробыл на посту ректора 1-го Московского университета всего три года и три с половиной месяца, этот эпизод в его судьбе не был случайным и ничего не значащим. Науку, преподавание и руководство учебным заведением он воспринимал как настоящее свое призвание.

Михаил Сергеевич Смиртюков, работавший в аппарате Совета Народных Комиссаров почти полвека – с октября 1930 до июля 1989 года, а с 1964 года занимавший в этом органе должность управляющего его делами, получил юридическое образование на факультете советского права в 1-й Московском университете, поступив туда в 1927 году. О своей учебе во времена ректорства Вышинского он вспоминал: «Занятия в университете вели крупные специалисты-практики, работающие в государственных учреждениях. Времени на консультации и прием зачетов и экзаменов у них вечно не хватало, и они просто говорили нам: "Пожалуйста, как только будете готовы, приходите ко мне в наркомат, там и поговорим". Финансовое право, например, у нас преподавал Григорий Яковлевич Сокольников – старый большевик и бывший нарком финансов РСФСР и СССР. В то время, когда мы учились у него, он был председателем Нефтесиндиката. А после того как он уехал за границу (его назначили полпредом СССР в Англии), лекции по финансовому праву вместо него стал читать нарком финансов Николай Павлович Брюханов, а когда он тоже ушел из Наркомфина – следующий нарком Григорий Федорович Гринько. Ему же я сдавал итоговый экзамен по этому предмету в 1930 г. Экзаменовал он меня прямо в кабинете. Спрашивал меня и одновременно вел прием сотрудников с разнообразными бумагами. Экономiku промышленности у нас вели консультанты Совнаркома СССР. И сдавать им экзамены мы ходили в Кремль. А лекции по общим юридическим дисциплинам на младших курсах читал Андрей Януарьевич Вышинский, который был ректором университета. Естественно, тогда и подумать никто не мог, что этот умнейший преподаватель и блестящий лектор превратится в грозного прокурора Союза ССР. Правда, не все лекции были одинаково

интересными. Но к лучшим преподавателям студенты валили валом. В Коммунистической аудитории, если мне не изменяет память, было шестьсот мест. Но народ набивался так, что в ней яблоку негде было упасть»⁷³.

О том, что Вышинский был прекрасным лектором, писали в своих воспоминаниях и другие его слушатели. Тексты многих его лекций, докладов, выступлений были опубликованы. И если по ним трудно составить впечатление о нем как лекторе (устная речь сильно отличается от письменной, особенно в том, случае, когда лектор импровизирует), то о содержании его размышлений по правовым проблемам эти публикации дают вполне ясное представление. Лекционный курс по уголовному процессу, который ректор 1-го Московского университета читал студентам факультета советского права, был напечатан в 1927 году «Юридическим издательством Наркомюста» и официально допущен научно-политической секцией государственного ученого совета к использованию в качестве учебного пособия. Его содержание полностью развенчивает мнение о том, что на пост ректора старейшего и первейшего в России университета был назначен не крупный ученый, а простой чиновник. Автором такого курса мог быть лишь человек незаурядных знаний и способностей – не только эрудированный ученый-правовед, знаток российского дореволюционного и послереволюционного законодательства, досконально изучивший труды отечественных правоведов и обладающий обширными историко-правовыми знаниями, но и юрист, способный разобраться в самых сложных юридических проблемах.

При изложении общих, теоретических вопросов уголовного процесса Вышинский старался следовать марксистско-ленинской идеологии и проводил мысль о классовой природе уголовно-процессуального права, оговариваясь, что в этой отрасли

⁷³ Смиртюков М.С. «Я по молодости считал, что так оно и должно быть» // Коммерсантъ- Власть. 2011. № 33. 22 августа. С. 6.

законодательства она обнаруживается труднее. При этом он опирался в своих рассуждениях не только на высказывания о сущности права К. Маркса и Ф. Энгельса, но и на конкретные факты, статьи правовых памятников Древности и Средневековья, нормы уголовно-процессуальных кодексов буржуазных государств. Вместе с тем Андрей Януарьевич, хотя и не прямо, но косвенно, высказывал мысль о высоком значении уголовного процесса и для общества в целом, о его роли в поддержании правопорядка и в устранении личного произвола, соглашаясь с теми определениями уголовного судопроизводства, которые давались в дореволюционной русской юридической литературе – в трудах ведущих русских правоведов: И.Я. Фойницкого, В.К. Случевского, Д.Г. Тальберга, Н.Н. Розина и др.

«Обычное определение уголовного процесса, – отмечал Вышинский в своем лекционном курсе, – сводится к указанию, что процесс – это определенный порядок применения уголовных законов, путь, через который применяется уголовное законодательство страны, средство осуществления карательной деятельности государства, взаимоотношение прав и обязанностей определенных субъектов (сторон и суда), имеющего своей задачей разрешение правового спора, средство обеспечить материальному закону его полное выявление. Каждое из этих определений формально правильно. Ибо, действительно, процессуальные нормы имеют своим назначением обеспечить наиболее правильное и отвечающее интересам государства применение законов материального характера. **Уголовно-процессуальная задача – внести в дело применения материальных законов известный порядок, известную систему, устранить произвол, личное усмотрение, своеволие. В этом отношении уголовный процесс можно уподобить учреждению конституционного порядка»**⁷⁴ (выделено мною. – В.Т.).

Лекционный курс А.Я. Вышинского был рассчитан на студентов факультета советского права, имевших весьма слабую подготовку. Тем не менее уголовно-правовые принципы и нормы трактовались им совсем не упрощенно. Он показал в этом учебном пособии свою

⁷⁴ Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. М., 1927. С. 12.

способность излагать простым, понятным и для необразованного человека языком сложнейшие правовые проблемы. Так, обращаясь к принципу несменяемости судей, Андрей Януарьевич подчеркивал его универсальное значение, приводя высказывание дореволюционного русского правоведа Дмитрия Германовича Тальберга о том, что «принцип несменяемости судей имеет мировое значение в том смысле, что он признан законодательствами всего цивилизованного мира, независимо от формы правления, существующей в той или другой стране»⁷⁵. Правда, при этом Вышинский отмечал, что «едва ли можно назвать какой-либо другой институт, характер которого представлял бы столько неясностей и внутренних противоречий. Начать хотя бы с того, что самое понятие несменяемости и, в этом смысле, самостоятельности совершенно различно в различные исторические эпохи и в различных исторических условиях»⁷⁶.

Д.Г. Тальберг показал в своем пособии к лекциям, как принцип несменяемости судей развивался, начиная с XV века, во Франции, Германии, Англии, отметил, что и в других странах (в Швеции, Нидерландах, Бразилии, Португалии, Бельгии, Испании, Турции) «несменяемость судей составляет органический закон государственного строя»⁷⁷, и после этого описал закрепившие этот принцип положения судебных уставов Российской империи. Вышинский же, приведя в своем лекционном курсе исторические факты, показывающие установление и развитие института несменяемости судей в законодательстве Франции, Англии, России, главное внимание уделит раскрытию подлинного смысла данного института. «В самом деле, что такое эта пресловутая несменяемость?» – удивленно спрашивал он и тут же отвечал, причем, предельно откровенно и прагматично: «Это право судьи занимать судейскую должность в течение всей своей жизни или установленного законом срока без угрозы лишения этой должности иначе, как по суду или по собственному желанию. Но такое право – это одна абстракция! Ведь совершенно невероятно такое представление о государственной

⁷⁵ См.: Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Том 1. Киев, 1889. С. 146.

⁷⁶ Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. С. 57.

⁷⁷ Тальберг Д.Г. Указ. соч. С. 149.

власти, которое делает ее равнодушной к тому, что представляет собой судебный состав и как он несет свои обязанности в смысле соответствия общей политике государственной власти. Нельзя допустить, что государственная власть будет спокойно взирать на такую деятельность судьи, которая оказывается в решительном противоречии с видами правительства, и что правительство, как бы ни были сильны принципы несменяемости и тому подобных красивых формул, не найдет средств либо заставить такого судью служить целям государства либо уйти в отставку! История института несменяемости целиком подтверждает именно этот взгляд на него. История этого института в таких “демократических” странах, как Англия и Франция, дает немало доказательств того, как государственная власть умеет подчинять себе суд, заставляя его проводить свою правительственную политику, и не позволяя ему создавать своей “судейской политики”. Так называемая несменяемость судей в английской истории 17 и 18 вв. была ничем иным, как средством в руках парламентов преодолевать произвол королевской власти. Под этой *несменяемостью* скрывалось в действительности право парламентов *сменять* неугодных им судей. Во Франции несменяемость судей была попеременно то служанкой короля (“всякая власть от короля” – XIV–XVIII века), то служанкой буржуазии (XIX–XX века).

Нечего и говорить о том, что представляла эта несменяемость в истории русского суда! Можно поэтому утверждать, что несменяемости – в смысле невозможности сменить неугодного судью или судью, не отвечающего требованиям правительства, волею этого правительства – никогда не существовало и существовать не могло. Такая несменяемость – чисто абстрактное понятие»⁷⁸.

Если бы Вышинский остановился на этих утверждениях, его трактовка принципа несменяемости судей все равно заслуживала бы внимания, но он пошел в глубину сущности правосудия и показал настоящий смысл данного принципа. «Если нельзя мыслить суда, независимого от государства, от господствующего в государстве класса, – продолжил он свою мысль, – то нельзя мыслить и суда,

⁷⁸ Там же. С. 57–58.

зависимого от всяких иных влияний, кроме организованного влияния своего класса в целом. Если суд не может быть иным, чем это соответствует интересам и целям его класса, и если суд, след[овательно], не может ни стоять вне политики своего класса, ни делать какой-то своей собственной политики, то это отнюдь не должно означать подчинения суда отдельным влияниям разных ведомств, учреждений или даже отдельных лиц. В этом смысле суд должен быть в высшей степени независимым и самостоятельным органом»⁷⁹.

Логикой своих рассуждений и конкретными историческими фактами Вышинский показал, что **независимость суда, которую призван обеспечить принцип несменяемости судей, имеет смысл только в том случае, если ее понимать как качество независимости суда не от государства и общего государственного интереса, а от отдельных частей государства, будь то индивиды, должностные лица или государственные ведомства, административные учреждения, а также свободы от влияния на судебную деятельность каких-либо частных интересов.**

Суд, в понимании Вышинского, – это орган, защищающий общий интерес класса и государства от превалирования над ним частного произвола. В поддержку этой мысли Андрей Януарьевич обращался к высказыванию В.И. Ленина в письме «О “двойном” подчинении и законности»: «Нет сомнения, что мы живем в море беззаконности и что местное влияние является одним из величайших, если не величайшим противником установления законности и культуры»⁸⁰.

Еще одной темой, которую Вышинский постарался подробно разъяснить в своих лекциях по уголовному процессу, стала вполне закономерно проблема сущности *судебного доказывания*. К середине 20-х годов он считался в этой теме признанным знатоком среди советских правоведов. Именно ему было поручено написание статьи «Доказательство» в первый том «Энциклопедии государства и права»,

⁷⁹ Там же. С. 59.

⁸⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1970. С. 198.

вышедший на рубеже 1925 и 1926 годов под редакцией П.И. Стучки и Коммунистической академии⁸¹.

В изложении этой темы Андрей Януарьевич исходил из того, что процесс судебного доказывания, хотя и есть нечто совершенно отличное от обыкновенного процесса доказывания, представляет собой обыкновенный умственный процесс, применяемый ежедневно каждым человеком. Будучи по профессии юристом-практиком, он тем не менее считал, что «в уголовном процессе, где дело идет об установлении достоверности тех или других жизненных явлений, нельзя игнорировать тех же самых приемов и методов доказывания, какими обычно пользуются в науке», что в уголовном судопроизводстве «получают полное оправдание именно научные приемы доказывания — ибо современный процесс, построенный на научных основах, тем и отличается от старого процесса эпохи средневековья.., что свои выводы он обуславливает данными, проверенными путем строго объективной оценки, лишенной в максимальной степени элементов случайности и произвольности»⁸².

Однако Вышинский не сводил уголовно-судебное доказывание к одному лишь процессу научного доказывания, но принимал во внимание тот факт, что главным критерием оценки доказательств с точки зрения современной правовой культуры выступает внутреннее убеждение судьи. Показывая на конкретных нормах иностранного и дореволюционного российского законодательства, что единственным мерилom силы доказательств в них признаются не свойства этих доказательств, но единственно степень судейского убеждения, вызываемого ими, Андрей Януарьевич старался разъяснить особенности применения этого принципа в судебной практике Советского государства. «Отвергая теорию формальных доказательств и кладя в основание судебного приговора “внутреннее убеждение” судей, — заявлял он, — наш процесс, в отличие от буржуазного процесса, не затуманивает это “внутреннее убеждение” никакими ссылками на совесть и проч., прямо связывая его с “социалистическим правосознанием”, т.е. с задачами социалистического строительства,

⁸¹ Вышинский А.Я. Доказательство // Энциклопедия государства и права / Под редакцией П. Стучки. Том 1. М., 1925-1926. С. 985-991.

⁸² Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. С. 99.

которым, по основным принципам наших основ судоустройства, и должен служить советский суд»⁸³. Поясняя смысл статьи 9 УК РСФСР, требовавшей, чтобы «назначение наказания (меры социальной защиты) производилось судебными органами по их социалистическому правосознанию, с соблюдением руководящих начал и статей настоящего Кодекса», Вышинский обращал внимание на то, что категорию социалистического правосознания не следует смешивать с понятием внутреннего убеждения. Если первая – «это общая правовая точка зрения судьи социалиста (коммуниста),.. это – его мировоззрение», то второе – «это частное приложение общего мировоззрения, в связи с оценкой конкретных фактов судебного разбирательства»⁸⁴. По его словам, «решая вопрос о виновности обвиняемого, давая оценку различным обстоятельствам, прошедшим на суде, приходя к определенному выводу относительно меры воздействия на обвиняемого, судья должен прислушиваться к внутреннему голосу своего разума и своего понимания и ни на одну секунду не забывать общих задач социалистического строительства»⁸⁵.

Одной из сложнейших проблем судебного доказывания является вопрос о значении личных показаний подсудимого как судебного доказательства. В литературе о Вышинском распространено мнение о том, что он безоговорочно придавал признанию обвиняемого в совершении преступления первостепенное значение. Придерживавшийся этого мнения Аркадий Ваксберг выразил его даже самым названием своей книги: *«Царица доказательств. Вышинский и его жертвы»*. **Между тем в действительности Вышинский не допускал и не мог допустить столь примитивной юридической оценки собственного признания подсудимого.**

Учение о судебном доказывании ключевая тема в науке и практике уголовного процесса. Эта проблема была главным объектом и его исследований в области юридической науки. Монография А.Я. Вышинского «Теория судебных доказательств в советском праве» выдержала три издания (1941, 1946 и 1950 гг.), ее второе издание было удостоено Сталинской премии первой степени. Прочитав эту книгу,

⁸³ Там же. С. 105.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

нетрудно понять, что столь высокая награда за нее была вполне заслуженной. Но впервые в более или менее развернутом и стройном виде свои суждения по проблеме оценки собственного признания обвиняемого в совершении преступления Вышинский изложил в «Курсе уголовного процесса», написанном в то время, когда он занимал пост ректора 1-го Московского университета.

Андрей Януарьевич смотрел на эту проблему исторически, понимая, что вопрос о значении личного признания обвиняемого решался в истории уголовного процесса по-разному в различные исторические эпохи. «В эпоху господства теории законных (формальных) доказательств, — отмечал он, — личным объяснениям обвиняемого придавалось исключительное, решающее значение — этим объясняется и та невероятная настойчивость, с которой судебные органы добивались сознания подсудимого. Оно считалось “царицей доказательств” (*regina probationum*); лучшим же средством для его получения считалась пытка, физическая или нравственная, безразлично»⁸⁶. Такой подход к собственному признанию обвиняемого Вышинский называл болезнью, указывая, что ею «переболели все страны»⁸⁷. Он считал порочными любые попытки возродить его в современном судопроизводстве в новой форме, с установлением ряда условий. Одну из них, предпринял, например, в конце XIX века профессор Харьковского университета по кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства Л.Е. Владимиров (1845–1917). В своей книге «Учение об уголовных доказательствах» он утверждал, что «собственное признание, правильно отобранное, следовательно, добровольное и вполне согласное⁸⁸ с другими, прочно установленными, обстоятельствами дела, есть лучше всего света доказательство, настоящая королева доказательств»⁸⁹. В качестве

⁸⁶ Там же. С. 108.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Вышинский, цитируя это высказывание, вместо слова «согласное» написал «согласованное» (там же).

⁸⁹ Приводя это высказывание Л.Е. Владимирова в книге «Теория судебных доказательств в советском праве», Вышинский назвал придание признанию обвиняемого качества королевы или царицы доказательств «в корне ошибочным принципом средневекового процессуального права». См.: *Вышинский А.Я. Теория*

основания для такого суждения Леонид Евстафьевич приводил следующий аргумент: «Нет на свете лучшего свидетеля, чем тот, кто сам совершил преступление. И поэтому в вопросе о собственном признании все старания должны быть направлены к тому, чтобы оно было, в процессуальном отношении, безукоризненно отобрано и правильно использовано»⁹⁰.

Для Вышинского же несостоятельность такого взгляда на сознание обвиняемого была очевидной. Ему было хорошо известно, что «судебная хроника знает немало примеров самооговоров, ложных самообличений, продиктованных страхом, стыдом, отчаянием»⁹¹. Однако, объясняя в курсе лекций по уголовному процессу причины, по которым современная теория отказалась от взгляда на собственное сознание обвиняемого, как на одно из лучших доказательств, он отмечал, что и в действовавшем в дореволюционной России Уставе уголовного судопроизводства, и в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 года суду предоставлялось право не производить дальнейшего следствия и переходить к заключительным прениям, если подсудимый давал признательное показание. Устав уголовного судопроизводства, действовавший вплоть до 1917 года, предписывал: «Если признание подсудимого не возбуждает никакого сомнения, то Суд не производя дальнейшего исследования, может перейти к заключительным прениям». Статья 282 УПК РСФСР 1923 года устанавливала: «Если подсудимый согласился с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признал правильным предъявленное ему обвинение и дал показания, суд может не производить дальнейшего судебного следствия и перейти к выслушиванию прений».

Прочитав эту статью в своем лекционном курсе, Вышинский обратил внимание на то, что в ней есть большой практический смысл – она несомненно ускоряет и упрощает процесс. Но вместе с тем в ней имеется и «большая опасность – опасность возможных судебных

судебных доказательств в советском праве. М., 1941. С. 177. Издание третье, дополненное. М., 1950. С. 260.

⁹⁰ *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. Части: общая и особенная. 3-е издание, измененное и законченное. СПб., 1910. С. 298.

⁹¹ *Вышинский А.Я.* Курс уголовного процесса. С. 108.

ошибок, особенно частых при ускоренном и упрощенном судопроизводстве»⁹². Поэтому Вышинский предложил применять эту статью лишь при условии, которое в ней не упомянуто, а именно: «лишь тогда, когда у суда не будет никакого сомнения в истинности признания подсудимого». Ниже он повторил эту мысль в более категоричной форме, заявив: «Нам кажется, что, в силу основных принципов уголовного процесса, **собственное признание подсудимого, как и все его вообще объяснения по делу, должны приниматься с чрезвычайной осторожностью и, во всяком случае, не должны служить основанием для построения приговора. Можно утверждать, что наименее правильно построенным процессом является тот, в основании которого лежит собственное признание обвиняемого.** В таком случае, достаточно обвиняемому отказаться под тем или другим предлогом от своих первоначальных показаний, содержащих это признание, и от обвинения не останется и следа»⁹³ (выделено мною. — В.Т.). В сноске к этому утверждению Вышинский указал, что в его практике бывали случаи, «когда предварительное следствие, усыпленное собственным признанием подсудимого, не озаботилось отысканием объективных данных. Время было упущено. На суде же обвиняемый, убедившись в отсутствии против него иных доказательств, кроме своего первоначального признания, от этого последнего отказался, и обвинение рассыпалось, как карточный домик»⁹⁴.

Содержание рассмотренного лекционного курса Вышинского объясняет во многом, почему впоследствии именно ему, а не кому-либо другому, удалось сделать самую стремительную карьеру на прокурорской службе: среди советских правоведов он оказался, пожалуй, самым глубоким знатоком уголовного процесса. Мало кто был способен так разобраться в наиболее сложных хитросплетениях уголовного судопроизводства, как этот странный человек, вызывавший к себе неприязнь как будто всеми чертами своего внешнего облика и характера, в том числе хорошими и добрыми.

⁹² Там же. С. 109.

⁹³ Там же. С. 109–110.

⁹⁴ Там же. С. 110. Сноска 1.

Андрей Януарьевич неоднократно признавался, что больше всего его привлекала научная и преподавательская деятельность. Скорей всего, так и было в действительности. В своей государственной деятельности он часто мыслил как преподаватель и руководитель учебного заведения. Пребывая во главе Прокуратуры СССР, он стремился заставить своих подчиненных постоянно что-то изучать и читать книги не только по своей специальности, но и по другим наукам, прежде всего по истории, к которой он имел какое-то необъяснимое душевное влечение.

Вышинский никогда не забывал о годах своей преподавательской и ректорской деятельности в Московском университете. Время от времени он вспоминал об этом этапе своей жизни в многочисленных выступлениях, а выступал он довольно часто на разного рода совещаниях или конференциях.

29 мая 1936 года в заключительной речи на совещании в Прокуратуре Союза ССР с районными следователями Андрей Януарьевич коснулся вопроса подготовки юридических кадров. «К сожалению, в прошлом, особенно в 1926–1930 годах, — признался он, — кадрами мы занимались плохо. Зато был период, когда думали, что юридическое образование не нужно, что можно обойтись не только без римского права, но и без советского права, которое кое-кто хоронил по первому разряду, протаскивая гнилые теории об отмирании права, об отмирании юстиции, об отмирании суда. Мы распьилили наши кадры: новых не создали, старые потеряли. Теперь мы стали лучше заботиться о наших кадрах... **Ведь известно, что на юридический факультет шли, как правило, лентяи, которые хотели получить диплом, ничего не делая. У нас этого нет и не может быть. Для того, чтобы этого не было, нам нужно понять, что нам нужно бесконечно много знать, что нам нужно усвоить не только свое право, но и чужое право. Но для того, чтобы это свое право усвоить, переработать в своем сознании, нужно прежде всего усвоить чужое право, право, которое создавалось в течение веков**

эксплуататорскими классами. Без овладения этим наследством мы не сможем перестроить своей культуры»⁹⁵ (выделено мною. — В.Т.).

Последний год ректорства Вышинского ознаменовался его участием в качестве судьи в так называемом «шахтинском деле». Это краткое наименование было дано делу о контрреволюционной организации инженеров и техников, работавших в каменноугольной промышленности СССР, которое расследовалось сотрудниками ОГПУ в шахтинском районе Донбаса с июня 1927-го по апрель 1928 года. Сталин, узнав о нем летом 1927 года, решил придать ему общесоюзное значение, устроив открытый процесс. Оно позволяло оправдать многочисленные аварии на заводах и шахтах, экономические неурядицы, недостатки в государственном управлении экономикой вредительской деятельностью инженеров и техников, заговором буржуазной интеллигенции против советского государства. Арестовано было по этому делу несколько сотен человек, но на открытый судебный процесс, который был запланирован в Москве на май месяц, было решено представить в качестве подсудимых 53 человека.

13 марта 1928 года в газете «Известия ЦИК и ВЦИК» было опубликовано официальное сообщение Прокурора Верховного суда СССР, в котором, в частности, говорилось: «На Северном Кавказе, в Шахтинском районе Донбасса, органами ОГПУ при прямом содействии рабочих раскрыта контрреволюционная организация, которая имела своей целью дезорганизацию и разрушение угольной промышленности этого района. Руководящий центр этой организации, что подтверждается несомненными данными следствия, находится за границей и состоит из бывших капиталистических собственников и акционеров каменноугольных предприятий Донецкого бассейна, имеющих тесные связи с отдельными агентами некоторых немецких промышленных фирм и польской контрразведкой... Следствием установлено, что работа этой контрреволюционной организации, действовавшей в течение ряда лет, выразилась в злостном саботаже и скрытой дезорганизаторской

⁹⁵ Совещание в Прокуратуре Союза ССР с районными следователями // Социалистическая законность. 1936. № 7. С. 83.

деятельности, в подрыве каменноугольного хозяйства методами нерационального строительства, ненужных затрат капитала, понижении качества продукции, повышении себестоимости, а также в прямом разрушении шахт, рудников, заводов и т. д...»

Подлинные мотивы этой акции до сих пор неясны, но Сталин придавал ей такое большое значение, что решил поручить ведение данного судебного процесса крупнейшему в СССР специалисту в области теории уголовного судопроизводства А.Я. Вышинскому⁹⁶. Немаловажным преимуществом Андрея Януарьевича являлось в данном случае и то, что он занимал пост ректора авторитетнейшего университета. Ведь надо было провести публичный процесс над представителями интеллигенции. Сталин рассчитывал, и не без оснований, что участие в нем ректора Московского университета придаст судебному приговору больше легитимности. Необходимо было, правда, еще придумать юридическую конструкцию суда, позволявшую Вышинскому быть в процессе председателем, оставаясь ректором. И такую конструкцию придумали, обратившись к судебной практике Российской империи.

Постановлением Президиума ЦИК СССР 3 мая 1928 года было создано, в отступление от статьи 69 Наказа Верховному Суду Союза ССР, «специальное судебное присутствие Верховного Суда Союза ССР для заслушания Шахтинского дела» в составе председательствующего и 4-х членов и ректор А.Я. Вышинский был назначен «запасным членом Верховного Суда Союза ССР для упомянутого дела»⁹⁷.

9 мая 1927 года газета «Правда» опубликовала следующее официальное сообщение: «Дело об экономической контрреволюции в Донбассе будет слушаться в специальном присутствии Верховного Суда СССР. Специальное присутствие будет заседать в составе председательствующего А. Я. Вышинского — ректора I МГУ, членов Верхсуда — М.И. Васильева-Южина, В.П. Антонова-Саратовского, донецкого шахтера тов. Курченко, московского рабочего т. Киселева и

⁹⁶ Это поручение было оформлено «строго секретным» Постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) «О председателе суда и временных заменах «в комиссии по Шахтинскому делу», принятым 3 мая 1927 г. См.: Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. В 2-х книгах. Кн. 1. М., 2011. С. 309.

⁹⁷ Там же. С. 311.

запасных членов тт. Еремина и Соколова. Государственное обвинение будет поддерживать старший пом[ощник] прокурора республики тов. Н.В. Крыленко и прокурор УКК Верховсуда РСФСР тов. Г.К. Рогинский и общественные обвинители. Защита допущена к ознакомлению с материалами следствия. Предполагается, что дело начнется слушанием 15 мая в Колонном зале Дома Союзов»⁹⁸.

На самом деле слушание дела началось 18 мая, а завершилось 6 июля 1927 года, вынесением 11-ти обвиняемым приговора к высшей мере социальной защиты – расстрелу, оправданием 4-х, и приговорами к лишению свободы от одного года до десяти – остальным подсудимым. Шести подсудимым из приговоренных к расстрелу этот приговор был через день заменен десятью годами лишения свободы со строгой изоляцией, с поражением в правах на пять лет и конфискацией всего имущества. Оставшийся в силе приговор к расстрелу пяти подсудимым был приведен в исполнение 9 июля 1927 года⁹⁹.

Участие Вышинского в этом процессе, да еще в качестве председателя суда, явно предвещало скорое расставание его с Московским университетом. Так и произошло...

1 сентября 1928 года новым ректором 1-го Московского университета был назначен профессор факультета советского права И.Д. Удальцов. Он пришел в Московский университет в 1921 году, вместе с Волгиным и Вышинским. Последние побывали уже на посту ректора – теперь настала его очередь. Вообще смена ректоров 1-го Московского университета, начиная с 1921 года, была явно не случайной, а подчинялась определенной закономерности. Каждый ректор призывался выполнить какую-то задачу, которая была ему ближе, чем кому-либо другому. Так, например, В.П. Волгин лучше всех мог способствовать распространению среди студенчества большевистского социалистического мировоззрения, и за четыре года своего ректорства он действительно добился заметных успехов в этом деле. К 1925 году большевистские настроения в среде студентов Московского университета стали преобладающими. Но выдвижение

⁹⁸ Там же. С. 579.

⁹⁹ Там же. С. 599.

на первый план идеологического воспитания учащихся отрицательно сказалось на их профессиональной подготовке. Поднимать ее на более высокий уровень выпало на долю А.Я. Вышинского. И он сделал все, что мог, для надлежащего выполнения этой задачи, хотя и понимал, что за два-три года невозможно существенно повысить уровень образования.

На долю И.Д. Удальцова выпала, пожалуй, самая печальная задача. В руководстве ВКП (б) и в органах управления народным образованием к концу 20-х годов возобладало мнение о ненужности университетов в Советском государстве. В декабре 1929 года вместо поста ректора была введена должность директора университета, призванного управлять вверенным ему учебным заведением всецело единолично, в отличие от ректора, опиравшегося в этом деле на Ученый Совет. В 1-ом Московском университете директором стал тот же Удальцов, хорошо понявший в какую сторону подул ветер перемен в советском высшем образовании. В январе 1930 году им была опубликована в журнале «Красное студенчество» (№ 16, стр. 12) статья «175-летний старец», посвященная юбилею Московского университета. В адрес юбиляра были сказаны явно не хвалебные слова, в частности заявлялось, что университет как «форма, связанная с русским средневековьем», отжил свой век, тормозит развитие науки, и что его необходимо расчленить «на вполне самостоятельные институты».

В 1930 году факультет советского права был преобразован в факультет советского строительства и права. 23 июля 1930 года вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации вузов, техникумов и рабфаков, которым было объявлено, что «многофакультетные высшие учебные заведения и техникумы реорганизуются в отраслевые учебные заведения и техникумы».

20 апреля 1931 года Постановлением ВЦИК РСФСР «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства» было предписано: «Выделить из Московского, Ленинградского, Саратовского, Иркутского и Казанского государственных университетов факультеты советского строительства и права, реорганизовав их в самостоятельные

институты»¹⁰⁰. На основе факультета советского строительства и права Московского университета было создано два самостоятельных учебных заведения: Институт советского права и Институт советского строительства.

Покинув пост ректора 1-го Московского университета, Вышинский остался в системе управления образованием, поскольку его назначили начальником Главного управления профессионального образования. Одновременно он был включен в состав коллегии Наркомата просвещения. Занимая эти должности, Андрей Януарьевич исполнял также обязанности заведующего учебно-методическим сектором и зам. председателя Государственного ученого совета. Однако работой на ниве просвещения и образования его функции не ограничились.

В конце 1930 года А.Я. Вышинскому пришлось снова, не будучи штатным членом Верховного суда, председательствовать на судебном процессе высшей инстанции. На этот раз по делу контрреволюционной организации «Союза инженерных организаций» («Промышленная партия»). Для его рассмотрения опять было создано специальное судебное присутствие Верховного суда СССР, и снова председателем его был назначен А.Я. Вышинский. Государственным обвинителем и в этот раз выступил Н.В. Крыленко. Процесс начался 25 ноября, а завершился 7 декабря 1930 года. Его стенограмма была опубликована в следующем году. Из нее видно, что Вышинский хорошо выполнил возложенное на него поручение¹⁰¹.

Заслуги бывшего ректора Московского университета в области ведения судебных процессов против «врагов народа» получили высокую оценку со стороны руководства Советского государства. 11 мая 1931 года ему, как бы в награду, была предоставлена должность прокурора РСФСР. Спустя десять дней к ней добавили еще и пост заместителя наркома юстиции РСФСР.

Начался новый этап в жизни Андрея Януарьевича Вышинского — пожалуй, самый сложный и загадочный в его судьбе...

¹⁰⁰ СУ РСФСР. 1931. № 29. Ст. 261.

¹⁰¹ См.: Процесс «промпартии» (25 ноября — 7 декабря 1930 г.). Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М., 1931.

В. А. Томсинов
Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 – 1954):
государственный деятель
и правовед

Часть вторая

Опубликовано:
Журнал «Законодательство»
2017. № 12. С. 79-85.
2018. № 1. С. 87-94. № 2. С. 87-94. № 3. С. 87-94.

1

Назначение А.Я. Вышинского на пост прокурора РСФСР произошло в переломный в судьбе Советского государства период. С точки зрения процессов, разворачивавшихся в то время в экономическом, социальном и политическом строе СССР, а также в руководстве ВКП (б), оно было явно неслучайным. Смысл этого назначения становится более понятным, если принять во внимание обстановку, сложившуюся в нашей стране к весне 1931 года.

В течение 1929 и 1930 годов в СССР развернулось масштабное строительство заводов, фабрик, электростанций, предприятий по добыче полезных ископаемых. Были приняты меры по организации быстрой подготовки технических специалистов для промышленности. Одновременно началась массовая коллективизация сельского хозяйства.

В развитых западных странах в эти годы разразился жесточайший экономический кризис, вызванный в значительной мере проблемами сбыта произведенной продукции, что создало Советскому государству выгодные условия для закупки на западе передовых технологий, станков и даже целых заводов. Стремясь воспользоваться такой обстановкой, И.В. Сталин и его сторонники в руководстве ВКП (б) до предела увеличили темпы индустриализации и коллективизации.

Решимости их действиям добавляло и ясное сознание неизбежности военного столкновения СССР с западным миром, понимание того, что мировая капиталистическая олигархия не оставит своих попыток сокрушить государство, занимающее огромное пространство Евразии. 4 февраля 1931 года И.В. Сталин заявил в своей речи на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость... **Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут**»¹ (выделено мной. — В.Т.)

¹ Сталин И.В. О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г. // Сталин И.В. Сочинения. Том 13. Июль 1930 — январь 1934. М., 1951. С. 39.

Итоги индустриализации, подведенные Объединенным пленумом ЦК и ЦКК ВКП (б) в январе 1933 года, внушали оптимизм. В резолюции пленума, принятой на основании докладов Сталина, Молотова и Куйбышева, было констатировано: «В результате неуклонного проведения политики индустриализации и развернутого социалистического наступления по всему фронту рабочий класс СССР под руководством большевистской партии успешно выполнил основную задачу пятилетки — создание собственной передовой технической базы для социалистической реконструкции всего народного хозяйства»².

В речи, произнесенной на заседании пленума 7 января 1933 года, И.В. Сталин следующими словами характеризовал произошедший перелом:

«У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было действительной и серьезной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

² Материалы Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б). Январь 1933 г. Л., 1933. С. 169.

У нас была одна-единственная угольно-металлургическая база — на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали еще новую угольно-металлургическую базу — на Востоке, составляющую гордость нашей страны.

Мы имели одну-единственную базу текстильной промышленности — на Севере нашей страны. Мы добились того, что будем иметь в ближайшее время две новые базы текстильной промышленности — в Средней Азии и в Западной Сибири. И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы создали их в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии»³.

Об итогах же коллективизации сельского хозяйства Сталин сказал, что в течение трех лет было организовано «более 200 тысяч коллективных хозяйств и около 5 тысяч совхозов зернового и животноводческого направления», а посевные площади были расширены за последние четыре года на 21 млн. гектар. Колхозы стали объединять «свыше 60% крестьянских хозяйств с охватом свыше 70% всех крестьянских площадей»⁴. Эти данные можно поставить под сомнение: они скорее всего не учитывали массового выхода крестьян из колхозов в 1932 года, однако необратимость произошедшего преобразования сельского хозяйства СССР выразалась ими вполне убедительно.

Сталин умолчал в своем докладе Объединенному пленуму ЦК и ЦКК ВКП (б) о том, что политика ускоренной индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства привела к резкому падению жизненного уровня рабочих и крестьян. В ряде регионов СССР начался даже голод, приводивший к массовой гибели людей. Следствием ухудшения условий жизни населения страны стало усиление в нем протестных настроений. В 1929 году на промышленных предприятиях произошло 820 забастовок, в которых участвовало 74242 человека. В 1930 году число забастовок возросло до

³ Сталин И.В. Итоги первой пятилетки // Материалы Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б). Январь 1933 г. Л., 1933. С. 14-15.

⁴ Там же. С. 21.

1464, а количество участников – до 109386 человек⁵. Основными причинами этих протестных выступлений были требования повысить заработную плату, прекратить снижение зарплаты и нерегулярные ее выплаты, наладить снабжение населения продовольственными и промышленными товарами. Но вместе с тем звучали и политические лозунги, призывавшие к смене власти «вплоть до Москвы»⁶.

В сельской местности по данным секретно-политического отдела ОГПУ, в 1930 году было зафиксировано 13 754 массовых и групповых протестных выступлений, в которых участвовало 2 468 625 жителей⁷. При этом в докладной записке, содержащей указанные сведения, констатировалось: «Истекший 1930 г., в основном, характерен решительным поворотом кулачества и всех других контрреволюционных сил в деревне от политики своеобразного «приспособленчества» и экономической борьбы (хлебные забастовки, экономический бойкот и саботаж) к открытой борьбе против Советской власти»⁸. Протестуя против насильственной коллективизации, зажиточные крестьяне массово забивали скот, который должны были передать в колхозы. Информация, собранная ОГПУ показывала, что эти акции имели в 1929–1930 годах массовый характер и самые пагубные последствия для сельского хозяйства СССР⁹.

⁵ Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Бушуева Т.С. Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.). По документам ВЧК–ОГПУ. М., 2012. С. 207.

⁶ Там же.

⁷ Таблица динамики массовых и групповых выступлений в деревне по районам СССР за 1930 год // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Том 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000. С. 804.

⁸ Докладная записка Секретно-политического отдела ОГПУ о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 г. 15 марта 1931 г. Совершенно секретно // Там же. С. 787.

⁹ «В последнее время на Украине, в СКК, НВК, ЦЧО, ИПО, Западной обл., Московской обл., в Казахстане, Башкирии, Татарии, Северном крае, Нижегородском крае и Грузии усилились и приняли широкие размеры убой и распродажа молочно-продуктивного и мелкого скота, распродажа и убой лошадей. Хищнически истребляется и вырезается молодняк, в том числе и племенной. поголовье рабочего, молочного, продуктивного и особенно мелкого скота, за 2–3 месяца местами сократилось на 50–75%. Повсеместно наблюдается резкое сокращение, а нередко и полное уничтожение всего скота в кулацких и части зажиточных хозяйств» (Справка информационного отдела ОГПУ об убое и

В этих условиях усилились оппозиционные по отношению к сталинской группировке настроения внутри правящего слоя советского общества. Причем неприятие со стороны оппозиции вызывал не сам по себе курс на индустриализацию и коллективизацию, а именно то, как он проводился на практике. Критика сталинских методов индустриализации и коллективизации просочилась и в печать. 13 сентября 1930 года Сталин написал секретарю ЦК ВКП (б) В.М. Молотову письмо, в котором с раздражением то ли приказал, то ли попросил: «Уйми, ради бога, печать с ее мышинным визгом о “сплошных прорывах”, “нескончаемых провалах”, “срывах” и т.п. брехне. Это — истерический троцкистско-правоуклонистский тон, не оправдываемый данными и не идущий большевикам. Особенно визгливо ведут себя “Эконом[ическая] жизнь”, “Правда”, “За индустр[иализацию]”, отчасти “Известия”»¹⁰.

За три дня до этого письма Иосиф Виссарионович получил от В.Р. Менжинского протоколы допросов преподавателей военной академии полковников Н.Е. Какурина и И.Л. Троицкого, в которых содержались сведения о поддержке правого уклона в большевистской партии командующим Ленинградским военным округом М.Н. Тухачевским и рядом других военачальников¹¹. В сопроводительной записке председатель ОГПУ СССР, высказав мнение о рискованности ареста участников группы Тухачевского поодиночке, сообщил: «Считаю нужным отметить, что сейчас все повстанческие группировки созревают очень быстро и последнее решение представляет известный риск»¹².

разбазаривании скота. 17 декабря 1930 г. Совершенно секретно // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Том 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000. С. 762).

¹⁰ Письма И.В. Сталина к В.М. Молотову. 1925–1936 гг. М., 1995. С. 219.

¹¹ Так, например, 26 августа 1930 г. Е.Н. Какурин сообщил, что М.Н. Тухачевский собирал у себя военных командиров — сторонников правого уклона, и что после XVI съезда ВКП (б) он «выдвинул вопрос о политической акции, как цели развязывания правого уклона и перехода на новую высшую ступень, каковая мыслилась как военная диктатура, приходящая к власти через правый уклон» (М.Н. Тухачевский и «военно-фашистский заговор». Справка о проверке обвинений // Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 103).

¹² Там же.

И.В. Сталин, встревоженный этими сообщениями, 24 сентября 1930 года, направил полученные из ОГПУ материалы Г.К. Орджоникидзе: «Прочти-ка поскорее показания Какурина – Троицкого и подумай о мерах ликвидации этого неприглядного дела. Материал этот, как видишь, сугубо секретный: о нем знает Молотов, я, а теперь будешь знать и ты. Не знаю, известно ли Климу об этом. Стало быть, Тухачевский оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже антисоветскими элементами из рядов правых. Так выходит по материалам. Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено. Видимо, правые готовы идти даже на военную диктатуру, лишь бы избавиться от ЦК, от колхозов и совхозов, от большевистских темпов развития индустрии»¹³.

Поразмыслив над сложившейся ситуацией, И.В. Сталин решил воздержаться от ареста М.Н. Тухачевского на основании лишь показаний Е.Н. Какурина, однако на посту командующего Ленинградским военным округом его не оставил. В июне 1931 года Михаил Николаевич был перемещен из Ленинграда в Москву на должность зам. Наркома обороны и лишен тем самым реальной силы.

Сталин ясно сознавал, что главная опасность для него и проводимой им политики исходила в то время не от военачальников, а от оппозиционных ему партийных руководителей и правительственных сановников. 22 сентября 1930 года он обратился с письмом к В.М. Молотову, в котором раскрыл замысел реформы государственного управления: «Вячеслав! Мне кажется, что нужно к осени разрешить окончательно вопрос о советской верхушке. Это будет вместе с тем разрешением вопроса о руководстве вообще, т.к. партийное и советское переплетены, неотделимы друг от друга. Мое мнение на этот счет: а) нужно освободить Рыкова и Шмидта и разогнать весь их бюрократический консультантско-секретарский аппарат; б) тебе придется заменить Рыкова на посту Пред[седателя] СНК и Пред[седателя] СТО¹⁴. Это необходимо. Иначе – разрыв между

¹³ Сталин И.В. Сочинения. Том 17. Тверь, 2004. С. 369.

¹⁴ Имеется в виду Совет Труда и Оборона – государственный орган, учрежденный при Совете Народных Комиссаров СССР Постановлением СНК СССР от 21 августа 1923 г. «в целях осуществления хозяйственного и финансового планов Союза ССР, корректирования их в соответствии с экономической и политической

советским и партийным руководством. При такой комбинации мы будем иметь полное единство советской и партийной верхушек, что несомненно удвоит наши силы; в) СТО из органа болтающего нужно превратить в боевой и дееспособный орган по хозяйственному] руководству, а число членов СТО сократить примерно до 10–11 (председатель], два заместителя], председатель] Госплана, Наркомфин, Наркомтруд, ВСНХ, НКПС, Наркомвоен, Наркомторг, Наркомзем); г) при СНК СССР нужно образовать постоянную комиссию («Комиссия Исполнения») с исключительной целью систематической проверки исполнения решений центра с правом быстрого и прямого привлечения к ответственности как партийных, так и беспартийных за бюрократизм, неисполнение или обход решений центра, нераспорядительность, бесхозяйственность и т.п. Эта комиссия должна иметь право пользоваться непосредственно услугами РКИ (прежде всего), ГПУ, Прокуратуры, печати. Без такой авторитетной и быстродействующей комиссии нам не прошибить стену бюрократизма и разгильдяйства наших аппаратов. Без такой или подобной ей реформы директивы центра будут оставаться сплошь и рядом на бумаге»¹⁵.

Упоминание прокуратуры в приведенном письме означало, что Сталин наделял ее особой ролью в обеспечении исполнения решений центральной власти на местах. Вместе с тем оно имело еще один

обстановкой, а также в целях ближайшего руководства народными комиссариатами Союза ССР в области хозяйственных мероприятий и в области мероприятий по обороне». Упразднен Постановлением ЦИК СССР от 28 апреля 1937 г.

¹⁵ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. М., 1995. С. 222–223. Подоплека приведенного письма раскрывается в письме И.В. Сталина В.М. Молотову, написанном приблизительно 13 сентября 1930 г. Иосиф Виссарионович утверждал в нем: «Наша центральная советская верхушка (СТО, СНК, Совецание замов) больна смертельной болезнью. СТО из делового и боевого органа превратили в пустой парламент. СНК парализован водянистыми и по сути дела антипартийными речами Рыкова. Совецание замов, являвшееся раньше штабом Рыкова-Сокольников-Шейнмана, теперь имеет тенденцию превратиться в штаб Рыкова-Пятакова-Квиринга или Боголепова (большой разницы между последним и предпоследним не вижу), противопоставляющий себя Ц[ентральному] Комитету партии. Ясно, что так дальше продолжаться не может. Нужны коренные меры» (Там же. С. 217).

важный смысл: прокуратуре, которая в то время являлась республиканским органом, придавалось **общесоюзное** значение.

19 декабря 1930 года В.М. Молотов был назначен председателем Совета Народных Комиссаров СССР, а 5 января 1932 года было издано совместное постановление ЦИК СССР и СНК СССР «Об образовании народных комиссариатов тяжелой, легкой и лесной промышленности». Согласно ему Высший Совет Народного Хозяйства Союза ССР преобразовывался в общесоюзный Народный Комиссариат тяжелой промышленности, с выделением из его ведения легкой, а также лесной и лесоперерабатывающей промышленности. Соответственно создавались еще два общесоюзных комиссариата¹⁶.

Эти меры создавали органы государственного управления отраслями народного хозяйства и одновременно отдавали правительство в полное распоряжение сталинской группировки, ориентированной на продолжение политики ускоренной индустриализации страны и массовой коллективизации сельского хозяйства.

В обстановке, когда вся экономика страны ставилась под контроль государственной власти, прежними методами управлять страной оказывалось невозможно. Государство должно было превратиться в огромную бюрократическую систему, действующую как инструмент центральной власти, проводник единой государственной воли, воплощенной в персоне вождя. Партийным руководителям всех уровней надлежало стать неотъемлемой частью этой системы, принять ее идеологию и правила, беспрекословно подчиняться командам, исходящим с ее вершины.

В свете этих перемен назначение А.Я. Вышинского 11 мая 1931 года на должность прокурора РСФСР было вполне закономерным. Государство, устроенное как обширная бюрократическая система, которая не просто управляет обществом, но **определяет все его устройство, всю его жизнь и судьбу**, может существовать сколько-нибудь продолжительное время, эффективно выполняя свои задачи, лишь при условии, если его внутренняя организация пронизана

¹⁶ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза советских социалистических республик (далее: СЗ). 1932. № 1. С. 3.

принципом законности. В противном случае такое государство превращается в дикого неуправляемого монстра, смертельно опасного не только для населения страны, но и для высшего ее руководства.

В этой связи совсем неслучайно ЦИК и СНК СССР приняли 25 июня 1932 года совместное постановление «О революционной законности», а Политбюро ЦК ВКП (б) его утвердило.. Смысл этого законодательного и одновременно политического документа явственно проступал в его содержании. Данный акт был направлен прежде всего на искоренение беззакония именно со стороны государственных должностных лиц. В его преамбуле говорилось: «Отмечая десятилетие организации прокуратуры и достигнутые за этот период в СССР успехи в деле укрепления революционной законности, являющейся одним из важнейших средств укрепления пролетарской диктатуры, защиты интересов рабочих и трудящихся крестьян и борьбы с классовыми врагами трудящихся (кулачеством, перекупщиками-спекулянтами, буржуазными вредителями) и их контрреволюционной политической агентурой, ЦИК и СНК СССР особо указывают на наличие все еще значительного числа нарушений революционной законности со стороны должностных лиц и искривлений в практике ее проведения, особенно в деревне»¹⁷.

Четвертая статья постановления «О революционной законности» обязывала «суды и прокуратуру привлекать к строгой ответственности должностных лиц во всех случаях нарушения прав трудящихся, в особенности в случаях незаконных арестов, обысков, конфискации или изъятия имущества и пр., и налагать на виновных строгие меры взыскания»¹⁸.

Но особенно примечательным был последний, шестой, пункт постановления, объявивший: «В целях дальнейшего укрепления революционной законности, улучшения и поднятия значения судебно-прокурорских органов категорически запретить снятие или перемещение народных судей иначе, как по постановлению краевых (областных) исполкомов, а снятие и перемещение районных

¹⁷ СЗ. 1932. № 50. С. 459–460.

¹⁸ Там же.

прокуроров иначе, как решением краевого (областного) прокурора или вышестоящих органов прокуратуры и народных комиссариатов юстиции»¹⁹.

О том, что Сталин придавал принятию постановления «О революционной законности» особое значение, свидетельствует написанное им В.М. Молотову в июне 1932 года письмо с оценкой проекта этого документа: «Здравствуй, Вячеслав! О револ[юционной] законности получил. Вышла неплохая штука. Незначительные мои поправки см[отри] в тексте. Я думаю, что директиву ЦК, собственно – первые два пункта с некоторыми поправками – следует опубликовать, а третий пункт директивы можно разослать в закрытом порядке»²⁰.

Директива, принятая на заседании Политбюро ВКП (б) при утверждении указанного документа, гласила: «ЦК ВКП(б) обращает внимание всех партийных организаций на публикуемое 27 июня постановление ЦИК и СНК СССР о мероприятиях по укреплению революционной законности и требует от всех партийных организаций принятия самых серьезных мер к полному проведению его в жизнь. Отмечая особую роль, которую в деле укрепления революционной законности должен сыграть суд и прокуратура, ЦК предлагает всем партийным организациям:

1. Обеспечить им всяческую помощь и поддержку в деле укрепления революционной законности.

2. Последовательно проводить в жизнь указания партии о строжайшей ответственности коммунистов за малейшую попытку нарушения законов. ЦК ВКП(б)»²¹.

Третьим пунктом своей директивы, который Сталин просил не публиковать и разослать по партийным организациям в закрытом порядке, Политбюро ЦК ВКП (б) строго предписывало: **«Категорически запретить вмешательство партийных организаций в разрешение отдельных конкретных судебных дел, равно как и всякое снятие или перемещение судебных работников в связи с их**

¹⁹ Там же. С. 460–461.

²⁰ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 243.

²¹ Цит. по: Там же. С. 243–244.

деятельностью, без согласования с вышестоящими партийными и судебно-прокурорскими органами»²².

Постановление « О революционной законности» и приведенная директива Политбюро явно повышали роль прокуратуры в Советском государстве и соответственно статус А.Я. Вышинского. Ко времени назначения на главную прокурорскую должность в РСФСР он был признанным специалистом в области уголовного процесса. Но можно с уверенностью предположить, что в условиях обострения внутрипартийной борьбы немаловажное значение для Сталина имело меньшевистское прошлое Вышинского.

Главная опасность для Сталина в условиях, создавшихся в стране и партии к началу 1930-х годов, исходила от «старых» большевиков, пользовавшихся авторитетом среди населения и рядовых партийцев. Принадлежность Андрея Януарьевича к меньшевикам, причем вплоть до февраля 1920 года, делало его весьма уязвимым в самостоятельном противостоянии с этими людьми, особенно с теми из них, кто вступил в ряды большевистской фракции РСДРП еще до революции. Но этот факт биографии Вышинского превращал его в чрезвычайно эффективное и надежное оружие борьбы с ними. Сталин, по всей видимости, уже в начале 1930-х годов хорошо понимал, что революционеры, особенно авторитетные, плохо вписываются в состав бюрократического государства, предполагающего беспрекословное подчинение вышестоящему начальству, и что его борьба с ними будет борьбой не на жизнь, а на смерть. И скорей всего уже тогда он сделал и выбор оружия, которым будет поражать своих противников из «старых» большевиков: им был выбран для этой роли суд.

Судебный процесс позволял ему уничтожить своих противников не только физически, но и духовно. Однако это оружие требовало очень тонкой настройки, чтобы его можно было применить для таких целей. Эту настройку лучше всего мог выполнить прокурор страны, обладающий знанием и пониманием глубин уголовного процесса, недоступных взору обывателя. Вышинский был именно таким человеком.

²² Цит. по: Там же. С. 244.

В октябре 1931 года Сталин опубликовал в журнале «Пролетарская революция» письмо «О некоторых вопросах истории большевизма», в котором подверг резкой критике статью А.Г. Слущкого²³ «Большевики о германской социал-демократии в период её предвоенного кризиса» за содержащееся в ней утверждение о том, что Ленин не вел линии на разрыв с оппортунистами германской социал-демократии, т.е. недооценивал опасности примиренчества с оппортунизмом. Показав, что Слущкий ошибается в этом утверждении, Сталин сделал вывод в своей статье, что редакция журнала «совершила ошибку», допустив дискуссию с фальсификатором истории большевистской партии, и что толкнул ее на этот неправильный путь «гнилой либерализм, имеющий теперь среди одной части большевиков некоторое распространение»²⁴. В качестве примера он привел либеральное отношение к троцкизму со стороны некоторых большевиков, думающих, что «троцкизм есть фракция коммунизма, правда, ошибающаяся, делающая немало глупостей, иногда даже антисоветская, но все же фракция коммунизма».

Назвав такой взгляд на троцкизм глубоко ошибочным, показав, что троцкизм отрицает возможность построения социализма в нашей стране и тем самым помогает антисоветским группировкам обосновать неизбежность борьбы с Советской властью, Сталин заявил далее, что «либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу»²⁵.

15 декабря 1931 года А.Я. Вышинский сделал доклад об этом письме И.В. Сталина на открытом собрании ячейки ВКП (б) в

²³ Имеется в виду историк Анатолий Григорьевич Слущкий (1894–1979), автор книг «Франц Меринг. Революционер, учёный, публицист» (М., 1979) и «Парижская коммуна 1871 года: краткий очерк», выдержавшей три издания (в 1931, 1964 и 1971 гг.).

²⁴ *Сталин И.В.* О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // Сталин И.В. Сочинения. Том 13. Июль 1930 – январь 1934. М., 1951. С. 98. По сведениям историка Светланы Валерьевны Оболенской (1925–2012) после выхода этого письма Сталина в советской печати началось шельмование молодого историка А.Г. Слущкого. Вскоре он был арестован и провел в лагерях целых двадцать лет (<http://svetlao.livejournal.com/222489.html>).

²⁵ Там же. С. 99–100.

Наркомате юстиции. Андрей Януарьевич не просто поддержал вождя большевиков в его непримиримости к троцкистам, но еще более развил его позицию непримиримости к троцкистам. Он говорил так, словно был не прокурором, а партийным идеологом: «Тов. Сталин, указывает на необходимость не проявлять ни в какой мере того «гнилого либерализма», благодаря которому наши классовые враги получают иногда возможность использовать, так сказать, легальные возможности, т.-е. получить возможность выступать в нашей печати, получают возможность выступать в наших семинарах, в наших учебно-научных учреждениях, выступать только потому, что некоторая часть из нас проявляет гнилой либерализм, некоторая часть из нас не понимает, что с контрреволюционными клеветниками не дискусируют, а их бьют, их клеймят, а не предоставляют им трибуны для защиты своих контрреволюционных взглядов. Тов. Сталин против этого «гнилого либерализма», к тому же “проводимого за счет кровных интересов большевизма...”. Это указание т. Сталина, конечно, нас обязывает еще раз серьезно поставить перед собой вопрос о способах и методах различения наших классовых врагов. Для того, чтобы быть беспощадными к этим врагам, для того, чтобы ошибочно не вступать с ними в дискуссию, мы должны уметь, различать этих врагов, знать, где эти враги и в чем их враждебность против нашего дела может проявляться, или проявляется»²⁶.

Этим выступлением А.Я. Вышинский показал, что он очень хорошо понял, какую роль предназначил ему Сталин, поставив на должность прокурора РСФСР, и вместе с тем продемонстрировал свою готовность выполнить ее с полной отдачей своих сил и надлежащим образом .

2

20 июня 1933 года Постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров была учреждена Прокуратура СССР. В преамбуле закона объявлялось, что данная мера была предпринята «в целях укрепления

²⁶ *Вышинский А.Я.* Доклад на открытом собрании ячейки ВКП(б) НКЮ РСФСР 15 | XII – 31 г. в связи с письмом тов. Сталина в редакцию журнала „Пролетарская революция“ // Советская юстиция. 1932. № 1. С. 10.

социалистической законности и должной охраны общественной собственности по Союзу ССР от покушений со стороны противообщественных элементов»²⁷. На следующий день Президиум ЦИК постановил назначить прокурором СССР И.А.Акулова²⁸, а его заместителем — А.Я. Вышинского²⁹.

17 декабря 1933 года постановлением ЦИК и СНК Союза ССР было утверждено Положение о прокуратуре Союза ССР. Существовавшая до этого прокуратура Верховного суда Союза ССР была упразднена. Согласно Положению, на прокуратуру СССР возлагались следующие функции: «а) надзор за соответствием постановлений и распоряжений отдельных ведомств Союза ССР и союзных республик и местных органов власти — Конституции Союза ССР, постановлениям и распоряжениям правительства Союза ССР; б) наблюдение за правильным и единообразным применением законов судебными учреждениями; в) возбуждение уголовного преследования и поддержание обвинения во всех судебных инстанциях на территории Союза ССР; г) надзор на основе особого положения за законностью и правильностью действий ОГПУ, милиции и исправительно-трудовых учреждений; д) общее руководство деятельностью прокуратуры союзных республик»³⁰.

Прокурор СССР И.А. Акулов не являлся профессиональным юристом, его образование ограничивалось учебой в юные годы в Петербургской торгово-промышленной школе. Об особенностях организации прокуратуры и прокурорской деятельности он имел весьма смутное представление, поэтому с самого начала стал допускать ошибки. 25 марта 1934 года им был издан приказ «О перестройке аппарата прокуратуры в центре и на местах», предписавший замену испытанного временем функционального принципа организации внутренней структуры прокурорских органов на производственный или производственно-территориальный.

²⁷ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза советских социалистических республик (далее: СЗ). 1933. Отдел 1. № 40. С. 450.

²⁸ Иван Алексеевич Акулов (1888–1937) занимал в то время пост секретаря ЦК КП (б) Украины по Донбассу, а с 31 июля 1931 г. до 3 октября 1932 г. Состоял первым заместителем председателя ОГПУ.

²⁹ СЗ. 1933. Отдел 2. № 17. С. 120.

³⁰ Положение о Прокуратуре Союза ССР // СЗ. 1934. Отдел 1. № 1. С. 2.

Акулов приказал сохранить такие подразделения, как главная военная прокуратура, главная транспортная прокуратура, сектор надзора за местами лишения свободы, управление делами, и ликвидировать существовавшее в структуре прокуратуры деление на отделы общего и судебного надзора, а также специально выделенное для рассмотрения заявлений отдельных лиц бюро жалоб. Вместо них были созданы:

- 1) сектор по делам промышленности,
- 2) сектор по делам сельского хозяйства,
- 3) сектор по делам торговли, кооперации и финансов,
- 4) сектор по делам водного транспорта,
- 5) сектор по делам административно-судебного и культурного строительства,
- 6) сектор по судебно-бытовым делам,
- 7) сектор мобработки.

По замыслу Акулова органы прокуратуры реорганизовывались «таким образом, чтобы каждый оперативный отдел осуществлял весь комплекс задач, стоящих перед органами прокуратуры: рассмотрение жалоб и заявлений, поступающих к ним от разных лиц и учреждений, наблюдение за нарушением социалистической законности в области соответствующей компетенции данной части прокуратуры как по борьбе с преступлениями в этой области, так и по руководству расследованием и наблюдением за правильным прохождением возбуждаемых органами прокуратуры дел в судебных инстанциях вплоть до их окончательного разрешения»³¹.

В отличие от И.А. Акулова А.Я. Вышинский был известным и авторитетным правоведом, успешно проявившим себя на посту прокурора РСФСР, показавшим не только умение эффективно руководить прокурорской деятельностью, но и глубокое понимание ее идеологии.

Своей перестройкой внутренней организации прокуратуры Акулов стремился придать больше упорядоченности ее судебно-следственной деятельности. Андрей Януарьевич старался добиться

³¹ О перестройке аппарата Прокуратуры в центре и на местах. Приказ по Прокуратуре Союза ССР. № 76. 25 марта 1934 г. // За социалистическую законность. Орган Прокуратуры СССР. 1934. № 4. С. 46.

этого другим способом, а именно: путем разработки надлежащей методики расследования преступлений и техники доказывания виновности обвиняемых в суде. Весной 1932 года он подготовил серию методических писем, содержащих анализ типичных ошибок, допускавшихся при расследовании наиболее важных категорий уголовных дел, и рекомендации по их преодолению.

В методическом письме № 2 от 15 мая 1932 года всем работникам прокуратуры и органов расследования об оценке показаний свидетелей и потерпевших по делам, предусмотренным статьей 58⁸ УК РСФСР, Вышинский, занимавший в то время должность прокурора РСФСР, сообщал: «Неудовлетворительное состояние следствия, которое неоднократно отмечалось в директивных указаниях Наркомюста, может быть изжито в результате как ряда организационных мероприятий, так и упорной работой над методикой расследования по основным видам преступлений. В разработку методической стороны расследовательского процесса должна быть втянута вся следственная периферия. Помимо общих методических указаний по отдельным категориям преступлений Прокуратура Республики приступает к изданию методических писем, в которых будут разработаны вопросы расследования по отдельным конкретным, наиболее характерным делам, прошедшим через Прокуратуру Республики и Верховный суд. В таком порядке будут разрабатываться как дефектные дела (т.е. по которым отмечают наиболее существенные дефекты следствия), так и дела, расследованные успешно, по которым органами расследования проявлена инициатива, умелые приемы расследования, давшие положительные результаты. Эти письма должны доводиться на местах до каждого прокурора и следователя и прорабатываться на производственных совещаниях прокуратуры, следователей и всех работников расследования»³².

Методическое письмо № 3 от 15 мая 1932 года всем работникам прокуратуры и органов расследования Вышинский посвятил оценке

³² *Вышинский А.Я.* Расследование дел по ст. 58⁸ УК. Оценка показаний свидетелей потерпевших. Методическое письмо № 2 всем работникам прокуратуры и органов расследования (Циркуляр НКЮ № 80 от 15 мая 1932 г.) // Советская юстиция. Орган НКЮ РСФСР. 1932. № 15. С. 19.

показаний обвиняемого по делам, предусмотренным статьей 58⁸ УК РСФСР. «При расследовании дел о контрреволюционных преступлениях, в частности о террористических актах, — отмечал он, — существеннейшее значение имеют показания самих обвиняемых. Сознание обвиняемого в преступлении и указание им соучастников значительно облегчает расследование и дает производящему расследование органу нити для раскрытия преступления и причастных к нему лиц. Однако, **сознание обвиняемого и в особенности оговор им других лиц в качестве соучастников ни в какой мере не устраняет необходимости критического подхода со стороны следствия к показаниям обвиняемого, равно не устраняет необходимости для следствия самым инициативным образом собирать и исследовать объективные доказательства. При ином подходе сознание и показания обвиняемого сплошь и рядом могут увести следствие с правильного пути**»³³ (выделено мною. — В.Т.).

Ко всем подобным методическим письмам А.Я. Вышинский прилагал описания конкретных уголовных дел с указаниями на допущенные при их расследовании ошибки. Например, его указание по делу о систематических пожарах в селе Тораное Еланского района Нижне-Волжского края с мая по июнь 1931 года, «когда горело почти исключительно имущество колхозников и по всей обстановке можно было заключить, что пожары были результатом умышленных поджогов», гласило: «Провал следствия по этому делу сигнализирует о следующих существеннейших дефектах следствия: 1. Неумение собирать объективные доказательства (следы). 2. Некритическое отношение к показаниям обвиняемого, на которого производящий расследование всецело полагается. 3. Отсутствие связи органов расследования с местной общественностью — колхозным активом, который в данном деле не только не принимал мер к охране места пожара до прибытия работников расследования, но даже не сообщал о систематических пожарах в течение 2 месяцев, а равно не принимал мер к охране имущества колхоза и колхозников в связи с участвовавшими пожарами. Вину за это следует отнести на счет органов

³³ Вышинский А.Я. Расследование дел по ст. 58⁸ УК. Оценка показаний обвиняемого. Методическое письмо № 3 всем работникам прокуратуры и органов расследования (Циркуляр НКЮ № 81 от 15 мая 1932 г.) // Там же. С. 22.

расследования, которые не имели связи с колхозным активом и не работали с ним»³⁴.

Став прокурором РСФСР, Андрей Януарьевич не перестал быть преподавателем и постарался превратить прокуратуру в особый род учебного заведения — в орган не только надзора за соблюдением законов, но и в учреждение, обучающее своих работников. Об этом свидетельствуют приведенные методические письма, но лучше всего данную особенность его прокурорской деятельности демонстрирует написанное им методическое письмо № 1 от 15 мая 1932 года, касавшееся расследования дел о должностных и хозяйственных преступлениях в области капитального строительства и привлечения к уголовной ответственности специалистов, В нем Вышинский обращал внимание следователей на то обстоятельство, что «при самом возникновении этих дел нередко предрешается их направление с точки зрения квалификации расследуемых фактов и ответственности привлеченных к следствию лиц». Опираясь на практику, на факты конкретных уголовных дел, прокурор РСФСР констатировал, что по делам подобного рода нередко бывало так, что «следователь, усвоив в отношении лиц, привлеченных к ответственности, обвинительную точку зрения, в дальнейшем не стремился уже *объективно* проверять обстоятельства дела. Все его усилия направлялись лишь к подтверждению *во что бы то ни стало* точки зрения обвинения, как она сложилась в первый момент возбуждения уголовного преследования. В погоне за обвинительным материалом, необходимым для обоснования принятой первоначально версии, следствие в этих делах теряло способность правильной ориентировки и шло по линии наименьшего сопротивления, не критически воспринимая указания различных “свидетелей обвинения”, фактически оказавшихся у них в плену, не заметив заинтересованности этих “свидетелей”, некоторых из которых необходимо было бы самих привлечь к уголовной ответственности»³⁵.

³⁴ Там же. С. 23.

³⁵ *Вышинский А.Я.* Расследование дел о должностных и хозяйственных преступлениях в области капитального строительства и привлечение к уголовной ответственности специалистов: Методическое письмо № 1 всем работникам прокуратуры и органов расследования (Циркуляр НКЮ № 79 от 15 мая 1932 г.) // Советская юстиция. 1932. № 15. С. 13.

Подытоживая высказанное, Вышинский констатировал: «Предвзятость установки при возбуждении дела предопределяет и предвзятость и односторонность всего дальнейшего расследования. Следователь принимает к делу все, что подтверждает его версию, и отбрасывает все, что противоречит обвинению, опровергает его»³⁶. При этом Андрей Януарьевич вполне признавал необходимость, полезность создания в начале расследования того или иного дела определенной версии, отмечая, что «и без этого условия, как и при отсутствии плана ведения расследования, расследование вести невозможно». Но наличие предварительной версии, наставлял он следователей, «должно связываться с необходимостью самого критического отношения к попадающим в поле зрения органов расследования материалам и, следовательно, с критическим отношением к самой этой версии, пока фактически и исчерпывающе не подтверждена полная ее достоверность. Отсюда – необходимость внимательной проверки всех данных, могущих послужить опровержением данной версии или подтверждением какой-либо другой версии, хотя бы исходящей от обвиняемого. Отсюда – недопустимость предвзятости, односторонности, тенденциозности ведения расследования. Отсюда – недопустимость такого ведения расследования, при котором:

а) обстоятельства, на которые ссылаются свидетели, принимаются на веру, не проверяются или проверяются формально и поверхностно (если они подтверждают версию следствия);

б) обстоятельства, способные поколебать структуру первоначально сложившейся обвинительной версии, отметаются в сторону (если они противоречат версии следователя)». Конечный вывод прокурора республики звучал предельно жестко: «Мы должны решительно потребовать категорического отказа от таких методов ведения расследования, ибо без устранения этих и им подобных извращений и впредь будет неизбежен тот громадный брак в следовательской работе, который характеризует ее в настоящее время»³⁷.

Демонстрируя работникам прокуратуры пороки следствия конкретных уголовных дел, Вышинский старался показать им

³⁶ Там же. С. 14.

³⁷ Там же.

пагубность этих пороков для интересов Советского государства. «Необходимо раз и навсегда усвоить, — наставлял он следователей, — что все указанные в настоящем письме дефекты следствия приводят к крайне отрицательным результатам и эти отрицательные результаты плохо проведенного расследования ложатся тяжелыми “издержками производства” не только на работу НКЮ, но и на все дело нашего социалистического строительства. По разобранным выше трем хозяйственным делам в результате неудовлетворительно проведенного расследования оказались впустую затраченными громадная энергия, громадное напряжение сил и значительные материальные средства, оказались оторванными от производительного труда несколько десятков специалистов, знания и опыт которых могли быть хорошо использованы в интересах социалистического строительства»³⁸.

После назначения на должность прокурора РСФСР Вышинский стал значительно чаще выступать с пропагандистскими докладами на различного рода совещаниях и публиковать статьи в газетах и журналах. Главной темой его выступлений и публикаций был вопрос о революционной законности. Он старался привлечь внимание к данной теме еще до появления совместного постановления ЦИК и СНК СССР «О революционной законности». Изданный 25 июня 1932 года, этот документ вызвал массу откликов на различных совещаниях и в печати³⁹. Вышинский также принял активное участие в его обсуждении. Но тему революционной законности он поднимал и ранее

³⁸ Там же. С. 18.

³⁹ См., например: *Крыленко Н.В.* Борьба за революционную законность на пороге второй пятилетки. Доклад на расширенном заседании коллегии НКЮ совместно с директором ИССП Комакадемии и ИКП, партийными, советскими и профсоюзными организациями, посвященном 10-летию организации прокуратуры, 3 июля 1932 г. // Советское государство. 1932. № 5-6. С. 3-24. Постановление июльского совещания руководящих работников юстиции по докладу Н.В. Крыленко о конкретных мероприятиях по реализации постановлений ЦК и ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 г. О революционной законности // Советская юстиция. 1932. № 23. С. 11-13. Постановление Президиума Верховного суда по вопросу о мероприятиях, вытекающих из постановления ЦИК и СНК СССР о революционной законности // Советская юстиция. 1932. № 22. С. 1-3. *Старовойтов Ф., Шляпочников А.* За укрепление революционной законности (обзор) // Советское государство. 1932. № 11-12. С. 116-122.

— в связи с наиболее вопиющими случаями нарушения правопорядка, становившимися ему известными по линии прокуратуры. Так, в январе 1932 года Андрей Януарьевич счел необходимым высказаться по поводу издевательств и насилий, которые совершались в сельской местности относительно работников культуры и просвещения, в статье «Культурная революция и органы юстиции». Органы юстиции, заявлял он, призваны «при помощи имеющихся в их распоряжении средств и способов обеспечить необходимые условия развертывания культурной революции. На органах юстиции в этом отношении лежат чрезвычайно высокие и ответственные обязанности. Они обязаны осуществлять надзор за революционной законностью, осуществляя функцию защиты пролетарской революции, пролетарской диктатуры и социалистического строительства, стоять на страже этих интересов, со всей беспощадностью обрушивать свои удары на головы оказывающих делу культурного строительства сопротивление, срывающих это строительство, пытающихся дезорганизовать ряды борцов культурного фронта»⁴⁰.

В начале июля 1932 года А.Я. Вышинский выступил с докладом «Революционная законность на нынешнем этапе соцстроительства» на открытом заседании ячейки ВКП (б) Наркомата юстиции. Содержание этого выступления показывает, что он мыслил себя не просто прокурором, но **прокурором-идеологом**.

Так, Андрей Януарьевич обрушился на «теорию нэповского происхождения революционной законности», попытку ряда советских правоведов (В.П. Антонова-Саратовского, К.А. Архипова, А.Н. Трайнина, А.А. Пионтковского) представить учреждение прокуратуры в 1922 году и провозглашение революционной законности в качестве некоего атрибута новой экономической политики, явления, возникшего лишь в связи с переходом Советского государства к нэпу. Вышинский выразил категоричное несогласие с тем, что до нэпа в Советском государстве действовал только один закон — «закон революционной целесообразности», и что этот закон революционной целесообразности, являющийся единственным критерием,

⁴⁰ Вышинский А.Я. Культурная революция и органы юстиции // Советская юстиция. 1932. № 3. С. 27.

господствовал над всеми советскими законами, упраздняя тем самым принцип законности⁴¹. «Это абсолютно неправильное утверждение, которое имеет своим продолжением утверждение Трайнина о том, что “новая экономическая политика выдвинула необходимость перейти от импульса революционного правосознания к велениям революционной законности”»⁴², — заявил прокурор РСФСР. При этом он обвинил вышеназванных правоведов в непонимании того, что между категориями революционной законности, революционного

⁴¹ В.П. Антонов-Саратовский писал о том, что в 1918 г. «революционная законность почти совпадала с революционной целесообразностью. Точнее: революционная целесообразность называлась революционной законностью. Иначе, конечно, и не могло быть. Центральное правительство в своей законодательной работе, в работе, в работе по установлению порядка пролетарской диктатуры не поспевало тогда за потребностями на местах, а недостаток (порой и полное отсутствие опыта) мешал ему своевременно и правильно заключать в нормы закона бурно развертывающиеся явления борьбы и строительства... В эпоху новой экономической политики, в эпоху устоявшихся отношений, в эпоху роста народного хозяйства, в эпоху окрепшей государственности, безусловного авторитета центральной власти и значительной зрелости законодателя мы возвратились снова к соединению революционной законности с революционной целесообразностью. Уже теперь не может революционная целесообразность противостоять революционной законности, ибо она целиком предусматривается последней. Теперь под революционной законностью должен пониматься тот правопорядок в государстве, который признан целесообразным верховными органами пролетарской диктатуры и который в силу этого обязателен как для граждан, так и для органов и агентов власти. Нарушение этого правопорядка и будет нарушением революционной законности» (Антонов-Саратовский В.П. О революционной законности // Революционная законность. 1926. № 1-2. С. 3).

⁴² А.Н. Трайнин на самом деле связывал провозглашение лозунга революционной законности в 1922 г. не с нэпом, а с «мощным процессом *внутреннего* роста революции». «Революционное сознание, как основание для оценок, — писал он, — пестро и изменчиво, ибо оно всегда субъективно. Но закон и норма обладают известной устойчивостью; для каждого отдельного случая они объективно существуют, как данные, они статичны. Провозглашение законности поэтому должно быть оценено как завершение первого *динамического* фазиса революции. Если позволительно прибегнуть к старому образу, то как река после разлива входит в берега, так с этого момента революция начинает течь по руслу законности. С этого момента в строй русской жизни вводится новый и могучий фактор, правовой так сказать конституционализм, ограничивающий державные права и монархическую волю революционной стихии. С этого момента революция, как *стихия*, перестает существовать, и начинается жизнь революции, как *правопорядка* (Трайнин А.Н. О революционной законности // Право и жизнь. 1922. Кн. 1. Июнь. С. 8).

правосознания и революционной целесообразности нет противоречия или противоположности, но все они являются «элементами, дополняющими друг друга, обуславливающими единство понятия»⁴³. «Революционная законность, — констатировал Вышинский, — есть доказательство дальнейшего развития пролетарской революции, в ревзаконности находящей свое новое и могучее орудие революционного творчества»⁴⁴. Проводя мысль о том, что данное явление составляет не временный атрибут советского государства, а его постоянное, сущностное свойство, он утверждал: «Понять природу революционной законности, конечно, нельзя без правильного понимания сущности советского права и государства, функцией которого, как государства диктатуры рабочего класса, и является революционная законность»⁴⁵.

Главным же выводом Вышинского из всех этих рассуждений и утверждений, получившим впоследствии практическое воплощение в его прокурорской деятельности, был тезис о том, что «революционная законность без революционной целесообразности и социалистического правосознания перестает быть революционной законностью, т.е. законностью пролетарской социалистической революции. Она в таком случае превращается в категорию формально-юридического характера, представляющего собой прямое извращение революционной законности. Революционная законность требует гибкого и, так сказать, свободного (что не значит — произвольного) отношения к закону. Не буква закона, не юридическое крючкотворство, не слепое подобострастное преклонение перед законом, а творческое отношение к закону, такое отношение, когда требования закона (то есть тех юридических формул, в каких он выражен) корректируются пониманием цели, которой он призван служить, и социалистическим пониманием отношений, в которых должно осуществляться его применение. Вопрос о сочетании революционной законности и революционной целесообразности — это

⁴³ *Вышинский А.Я.* Революционная законность на нынешнем этапе соцстроительства: Доклад тов. Вышинского на открытом собрании ячейки ВКП(б) НКЮ // Советская юстиция. 1932. № 19. С. 6.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 3.

вопрос о гранях между ними. Эти вопросы нашей партией разрешались с исчерпывающей ясностью, не оставляющей места для каких-либо сомнений и лжетолкований»⁴⁶.

Основные положения приведенного доклада и в том числе критику мнений о революционной законности, высказанных указанными советскими правоведами, Вышинский повторил спустя месяц в своем выступлении на совещании рабселькоров московской печати⁴⁷. Однако утверждения о том, что «революционная законность без революционной целесообразности и социалистического правосознания перестает быть революционной законностью» и что она требует гибкого отношения к закону, на этот раз в его речи не прозвучало.

В конце 1932 года в журнале «Советское государство» был опубликован обзор публикаций по теме революционной законности, вышедших в текущем году⁴⁸. Помимо брошюр М.И. Калинина, П.П. Постышева, Н.В. Крыленко, Ф. Нахимсона, в нем была упомянута и брошюра А.Я. Вышинского «Революционная законность на современном этапе». Авторы обзора Ф. Старовойтов Ф. и А. Шляпочников подвергли критике мнение прокурора РСФСР о триединстве революционной законности, революционной целесообразности и революционного правосознания и его мысль о том, что революционная законность выступает формой проявления и орудием осуществления революционной целесообразности. «В этой формальной расстановке понятий, — подчеркнули критики, — исчезает самое главное... диктатура пролетариата, которая и является источником и революционного правосознания (или революционной целесообразности) и революционной законности»⁴⁹.

В преамбуле вышедшего 20 июня 1933 года постановления ЦИК и СНК об учреждении Прокуратуры СССР было употреблено словосочетание «социалистическая законность». Вышинский

⁴⁶ Там же. С. 7.

⁴⁷ *Вышинский А.Я.* Доклад на совещании рабселькоров московской печати по вопросу о революционной законности // Советская юстиция. 1932. № 22. С. 3–9.

⁴⁸ *Старовойтов Ф., Шляпочников А.* За укрепление революционной законности (обзор) // Советское государство. 1932. № 11–12. С. 116–122.

⁴⁹ Там же. С. 121.

воспринял его в качестве синонима термина «революционная законность». В докладе на собрании Московской коллегии защитников, состоявшемся 21 декабря 1933 года, Андрей Януарьевич, заговорив о законности революционной, сразу пояснил, что имеет в виду ту законность, «которую мы сейчас называем по праву социалистической законностью, потому что ее основой является охрана и защита социалистической общественной собственности»⁵⁰.

В трактовке революционной (социалистической) законности, представленной в этом докладе, Вышинский связал ее с революционным насилием, хотя и признал при этом, что «революционная законность на каждом этапе пролетарской революции приобретает все новые и новые оттенки, все новые и новые особенности не только, как орудие насилия и подавления, но и как средство организации новых отношений на основе новых и более высоких общественных и политических принципов»⁵¹. Заместитель прокурора СССР заявил, что насилие пролетарской революции отличается от насилия в буржуазном обществе, потому что озарено светом будущего. Оно оправдывается «теми высшими принципами, на которых строится новый более высокий, чем капиталистическое общество, общественный уклад, которым прокладывается дорога к новому социалистическому обществу. Революционное насилие является в то же время и проявлением высокого акта человеческой воли, направленного на то, чтобы построить новый, более высокий общественно-экономический уклад жизни. **В этом оправдание революционного насилия, в этом оправдание наших репрессий, как бы они ни были порой резки и решительны. В этом оправдание тех ударов нашего закона, — в виде наших уголовных репрессий, — которые мы бросаем на головы и наших врагов и недисциплинированных, непокорных пролетарскому государству сынов самого рабочего класса, трудящихся масс, подавляя сопротивляющихся государственным требованиям, принуждая их к**

⁵⁰ Вышинский А.Я. Революционная законность и задачи советской защиты (исправленная и дополненная стенограмма доклада на собрании Московской коллегии защитников 21 декабря 1933 г. М., 1934.

⁵¹ Там же. С. 26–27.

дисциплине пролетарского государства, к повиновению государству Советов»⁵² (выделено мною. — В.Т.).

Данные слова предвещали России жестокое будущее — еще одну революцию. Но совсем не такую, какая произошла в 1917-ом...

На этот раз революции надлежало обрушиться не на государство, а на революционеров.

Топор революционной законности, под который они должны были обреченно и безропотно лечь, уже для них затачивался.

3

XVII съезд ВКП (б), проходивший с 26 января по 10 февраля 1934 года, провозгласил в своих резолюциях полную победу партии и ее руководства над всеми оппозиционными фракциями. Говоря в своем выступлении с отчетным докладом об этом успехе, И.В. Сталин как будто подводил итоги только что закончившейся гражданской войны: «Разбита и рассеяна антиленинская группа троцкистов. Ее организаторы околачиваются теперь за границей на задворках буржуазных партий. Разбита и рассеяна антиленинская группа правых уклонистов. Ее организаторы давно уже отреклись от своих взглядов и теперь всячески стараются загладить свои грехи перед партией. Разбиты и рассеяны национал-уклонистские группировки. Их организаторы либо окончательно спаялись с интервенционистской эмиграцией, либо принесли повинную...

Если на XV съезде приходилось еще доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на XVI съезде — добивать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде — и доказывать нечего, да, пожалуй — и бить некого. Все видят, что линия партии победила. Победила политика индустриализации страны. Ее результаты для всех теперь очевидны. Что можно возразить против этого факта? Победила политика ликвидации кулачества и сплошной коллективизации. Ее результаты также очевидны для всех. Что можно возразить против этого факта? Доказано на опыте нашей страны, что победа социализма

⁵² Там же. С.

в одной, отдельно взятой стране – вполне возможна. Что можно возразить против этого факта?»⁵³.

Любопытно, что группы своих поверженных противников Сталин назвал «антиреволюционными»⁵⁴. Между тем именно **он и его сторонники** в руководстве ВКП (б) были настоящей **антиреволюционной** группой, поскольку проводившаяся ими политика противоречила едва ли не всем большевистским революционным идеалам. Она вела к созданию мощного государства с разветвленным аппаратом государственной власти, способным не только управлять промышленностью и сельским хозяйством, но и развивать экономику страны, стимулировать прогресс науки, образования, культуры, обеспечивать защиту страны от внешних и внутренних врагов. Формирование такого государства возлагало повышенную ответственность за судьбу страны на носителей государственной власти, на партийных и государственных деятелей различных уровней. От них, по замечанию Сталина, стало зависеть «теперь все или почти все»⁵⁵.

Указав в своем отчетном докладе XVII съезду ВКП (б), что ответственность за прорывы и недостатки в работе ложится отныне почти исключительно не на объективные условия, а на «организационное руководство», Иосиф Виссарионович признал, что именно в этой сфере «гнездятся» самые большие трудности. В борьбу за их преодоление он предложил вовлечь массы рабочих и крестьян, мобилизовать саму партию, организовав с помощью этих сил развертывание самокритики и вскрытие недостатков в руководящей работе, «разоблачение и изгнание из аппаратов управления неисправимых бюрократов и канцеляристов»; «снятие с постов нарушителей решений партии и правительства, очковтирателей и болтунов и выдвижение на их место новых людей – людей дела,

⁵³ Отчетный доклад товарища Сталина о работе ЦК ВКП (б) // XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 27–28.

⁵⁴ Дословно И.В. Сталин говорил в своем отчетном докладе XVII съезду ВКП (б): «Большинство сторонников этих антиреволюционных групп вынуждено было признать правильность линии партии и капитулировало перед партией» (там же. С. 28).

⁵⁵ Там же. С. 33.

способных обеспечить конкретное руководство порученной работой и укрепление партийно-советской дисциплины»; «чистку советско-хозяйственных организаций и сокращение их штатов» и, наконец, «чистку партии от ненадёжных и переродившихся людей»⁵⁶.

При этом Сталин призвал обратить особое внимание не только на «неисправимых бюрократов и канцеляристов», но и на тормозящих работу и не дающих двигаться вперед высокопоставленных должностных лиц. «Это люди с известными заслугами в прошлом, — пояснил он, — люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Это те самые люди, которые **не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают, таким образом, основы партийной и государственной дисциплины. На что они рассчитывают, нарушая партийные и советские законы? Они надеются на то, что Советская власть не решится тронуть их из-за их старых заслуг. Эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения руководящих органов. Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом. Их надо смещать с понижением по должности и опубликовывать об этом в печати. Это необходимо для того, чтобы сбить спесь с этих зазнавшихся вельмож-бюрократов и поставить их на место. Это необходимо для того, чтобы укрепить партийную и советскую дисциплину во всей нашей работе»⁵⁷ (выделено мною. — В.Т.).**

Приведенная инвектива И.В. Сталина против высокопоставленных должностных лиц, игнорирующих партийные решения и государственные законы, была, пожалуй, самым значимым элементом его отчетного доклада XVII съезду ВКП (б). Она выражала ясное понимание того, что после разгрома партийной оппозиции, добивавшейся продолжения революционной политики и превращения молодого Советского Союза в хворост для разжигания мировой революции, ни от кого другого, а именно от вельможного-бюрократического слоя исходила главная внутренняя угроза для

⁵⁶ Там же. С. 33–34.

⁵⁷ Там же. С. 34.

нашей страны. Эти люди не выступали открыто против руководства партией и государством. Напротив, всячески демонстрировали свою приверженность официальному политическому курсу, но только на словах. В действиях же своих они руководились не государственными интересами, а прежде всего личными корыстными выгодами.

Такое поведение свойственно любой бюрократии, но в условиях нищей страны, пережившей две революции и многолетнюю гражданскую войну, при отсутствии прочного правопорядка, ограничивающего личный произвол и насилие должностных лиц по отношению к населению, оно приобретало характер широкомасштабного общественного бедствия.

Эту особенность советской государственности понимали даже те из большевиков-революционеров, которые пребывали за границей. В декабре 1935 года в «Бюллетене оппозиции (большевиков-ленинцев)», издававшемся тогда в Париже, была опубликована статья Л.Д. Троцкого «Почему Сталин победил оппозицию?», в которой констатировалось: «Советская бюрократия неизмеримо могущественнее реформистской бюрократии всех капиталистических стран вместе взятых, ибо у нее в руках государственная власть и все связанные с этим выгоды и привилегии. Правда, советская бюрократия выросла на почве победоносной пролетарской революции. Но было бы величайшей наивностью идеализировать, по этой причине, самое бюрократию. В бедной стране, — а СССР и сейчас еще очень бедная страна, где отдельная комната, достаточная пища и одежда все еще доступны лишь небольшому меньшинству населения, — в такой стране миллионы бюрократов, больших и малых, стремятся прежде всего разрешить свой собственный "социальный вопрос", т.е. обеспечить собственное благополучие. Отсюда величайший эгоизм и консерватизм бюрократии, ее страх перед недовольством масс, ее ненависть к критике, ее бешеная настойчивость в удушении всякой свободной мысли, наконец, ее лицемерно-религиозное преклонение перед "вождем", который воплощает и охраняет ее неограниченное владычество и ее привилегии»⁵⁸.

⁵⁸ Троцкий Л.Д. Почему Сталин победил оппозицию? // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1935. № 46. Данная статья написана Троцким 12 ноября 1935 г. в ответ на письмо секретаря Сенской организации молодежи французской

Партийные функционеры, входившие в слой «вельмож-бюрократов», помогли Сталину одолеть оппозиционные группы в коммунистической партии и, естественно, рассчитывали получить за эти свои заслуги особый статус. Бюрократическое государство, формировавшееся в Советском Союзе в начале 30-х годов, вполне допускало для высшей бюрократии возможность иметь привилегии. Однако в их число не входили ни игнорирование постановлений партийных комитетов и приказов партийного руководства, ни пренебрежение законами Советского государства. Такое революционное своеволие советских бюрократов серьезно подрывало устои всей политической системы СССР.

Очевидно, что борьба против вельможно-бюрократического произвола требовала принципиально другой тактики по сравнению с той, которая применялась Сталиным в противостоянии с политической большевистской оппозицией. Оппозиционно настроенные по отношению к Сталину большевики выступали открыто, и главным их оружием были революционные идеологические догмы. Сталину нелегко было справиться с этой оппозицией, в стане которой побывали попеременно все остальные коммунистические вожди, соратники Ленина — Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин. Но он сумел извлечь максимум преимуществ из своего руководящего поста в партийной иерархии и роли главного толкователя революционного ленинского идеологического наследия.

В противостоянии Сталина с вельможами-бюрократами все применявшиеся им ранее — в борьбе с политической оппозицией — уловки и хитрости оказывались бесполезными. Этих людей нельзя было уличить в открытом сопротивлении сталинскому руководству ВКП(б) — они вообще не боролись против кого-то или чего-то. Они лишь использовали свое высокое положение, свои высокие государственные и партийные должности не для служения государству, а прежде всего для извлечения собственной выгоды.

Русский мыслитель Иван Александрович Ильин считал одним из главных устоев нормального государства и правосознания авторитет

социалистической партии Фреда Зеллера «О причинах победы сталинской бюрократии над революционным большевизмом».

государственной власти. «Тот, кто облечен властью, — имеет **священную обязанность поддерживать уважение к ней**, — утверждал он. — “Престиж” власти и “авторитет” власти составляют драгоценное достояние народа, его духовное богатство, залог его силы и расцвета: это есть накопленное веками уважение народа к самому себе и к своему национальному духу»⁵⁹ (выделено мною. — В.Т.). Игнорируя в угоду личным корыстным интересам государственные законы и партийные директивы, вельможи-бюрократы тем самым подрывали в глазах населения авторитет Советского государства и Коммунистической партии. И уже одним этим представляли собой опасную антигосударственную силу. Эффективно бороться с ней можно было только путем установления и поддержания твердого правопорядка, т.е. опираясь на органы суда и прокуратуры. И спустя два с половиной месяца после завершения XVII съезда ВКП (б) в Москве было организовано первое всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников. Оно проходило с 23 апреля по 27 апреля 1934 года. Первый доклад на нем сделал прокурор СССР И.А. Акулов, начавший свое выступление со слов: «Задачи, поставленные XVII съездом партии, требуют укрепления социалистической законности»⁶⁰. Отметив далее, что Сталин на XVII съезде подчеркивал значение революционной законности в деле социалистического строительства, прокурор СССР привел в качестве примера как раз ту цитату из его отчетного доклада, в которой содержалась критика «зазнавшихся вельмож», думающих, что «они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения руководящих органов»⁶¹.

Заместитель прокурора СССР А.Я. Вышинский выступал на вечернем заседании 25 апреля. Его речь, посвященная теме улучшения качества судебно-прокурорской работы, оказалась значительно более объемной и более конкретной по сравнению с выступлением прокурора СССР И.А. Акулова. При этом Андрей Януарьевич говорил не только о состоянии законности в стране, но и о соблюдении законов прокурорскими органами. Более весомая по содержанию, содержащая

⁵⁹ Ильин И.А. О сущности правосознания. Мюнхен, 1956. С. 195.

⁶⁰ Акулов И.А. XVII съезд партии и задачи революционной законности // За социалистическую законность. Орган Прокуратуры СССР. 1934. № 5. С. 7.

⁶¹ Там же.

ряд программных заявлений, она больше, чем доклад Акулова, походила на доклад руководителя прокуратуры Советского государства. «И в нашей среде, – утверждал Вышинский, – встречаются люди, не особенно находящиеся в ладу с советскими законами, люди, принадлежащие к числу тех, о которых говорил на XVII съезде партии Сталин, указывая на “зазнавшихся вельмож”, которые считают, что “советские законы писаны не для них, а для дураков”»⁶². После этого утверждения он процитировал высказывание Сталина о людях, «которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают, таким образом, основы партийной и государственной дисциплины».

Вышинский не мог не понимать, что И.А. Акулов – временная фигура во главе прокуратуры СССР. Член РСДРП с 1907 года, состоявший с самого начала в ее большевистской фракции, т.е. человек, относившийся к категории «старых большевиков», не мог быть в глазах Сталина и его сторонников надежным орудием в борьбе со «старыми большевиками», переродившимися в привилегированных партийных вельмож. Да к тому же он вообще не имел юридического образования. Бывший меньшевик и при этом блестящий юрист оказывался значительно больше подходил на роль карающего меча пролетарской диктатуры, который обрушивается на головы своевольных партийных вельмож из «старых большевиков», возомнивших себя победителями и себя хозяевами жизни.

XVII съезд ВКП (б), в особенности доклад Сталина, показал, что большевики-революционеры, считавшиеся В.И. Лениным главной опорой молодого Советского государства, стали рассматриваться руководством ВКП (б) в качестве силы, расшатывающей государственные устои. Формирование в СССР государства, способного управлять, если не всем, то почти всем, создавало спрос на умных, образованных и дисциплинированных бюрократов. Именно к этой категории людей относился А.Я. Вышинский.

Выступая с докладом на первом всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников, Андрей Януарьевич кажется вполне ясно

⁶² Вышинский А.Я. О мероприятиях по улучшению качества судебно-прокурорской работы // За социалистическую законность. 1934. № 5. С. 18.

ощущал, что наступило время таких, как он, время же большевиков-революционеров безвозвратно ушло. Может быть, именно поэтому он говорил легко и свободно, даже когда переходил к критическим замечаниям. «Кто из присутствующих здесь не признает, — обращался он к залу, — что вся наша работа строилась до последнего времени таким образом, что наши кодексы сами по себе, а мы — сами по себе, когда считалось известного рода щегольством поменьше смотреть в кодекс и поменьше обращать внимания на то, что написано в кодексе. Ведь не редкость такой взгляд на УПК, что УПК — это чепуха, это — для дураков... Ведь даже некоторые НКЮ чисто циркулярным порядком просто *отменили* почти весь УПК, и на мне отчасти лежит этот грех, как на бывш[ем] заместителе НКЮ РСФСР. Но сейчас важно не то, чтобы каяться, важно вскрыть исторические корни того положения, при котором работники юстиции дошли до наплевательского отношения к закону, когда кое-кто из них даже гордится незнанием законов»⁶³.

Вышинский явно чувствовал свое превосходство над слушателями, над всеми работниками прокурорских и судебных органов: он лучше всех понимал, как следует устроить прокуратуру и суд, как они должны функционировать, и какими качествами, профессиональными и человеческими, должны обладать прокуроры и судьи. Поэтому его выступление по тону и содержанию было похоже на лекцию профессора, пытающегося привить своим студентам элементарные истины и знания. «Конечно без чутья — лучше и правильнее сказать, без классового подхода, без четкого социалистического правосознания — выполнять высокоответственные обязанности советского судьи или советского прокурора нельзя, — наставлял Андрей Януарьевич своих слушателей. — Но кроме чутья необходимо еще одно качество, и не менее важное, это — знание и правильное понимание наших законов. А этого-то зачастую и нет. Знать законы некоторые товарищи считают для себя необязательным и излишним, чем то в роде “буржуазного предрассудка”... По таким настроениям нужно решительно ударить. Нужно добиться немедленного устранения таких настроений. Нашим товарищам нужно пересмотреть свой умственный багаж, перетряхнуть

⁶³ Там же.

свой “верхний этаж”, хорошенько разобраться в этом вопросе, продумать этот вопрос. К сожалению, не все умеют у нас думать. Между тем *думать* – это важнейшее условие, особенно нашей работы. Каждый из нас обязан научиться думать, ибо иначе нельзя вести работы, чрезвычайно сложной, имеющей дело с весьма запутанными явлениями. Чтобы вести работу судьи или прокурора, нужно обладать большой и серьезной подготовкой, нужно обладать большой умственной культурой»⁶⁴.

Для иллюстрации своих мыслей Вышинский часто приводил случаи из практики советских судов, делал экскурсы в историю российского правосудия, обращался к судебной реформе 1864 года. Но самое главное – заместитель прокурора СССР показывал такое знание реального состояния советского правосудия и прокурорской деятельности, как будто сам неоднократно был участником судебных процессов на местном уровне.

«У нас судебное следствие ведется таким образом, – говорил он, – что председатель суда чувствует зачастую себя помощником прокурора. Не прокурор помогает судье разбираться в деле, а председатель берет на себя обвинительные функции, изображая собой второго прокурора, и ведет процесс под явно обвинительным уклоном. Это неправильно, неправильно хотя бы потому, что такой судейский “уклон” создает и у обвиняемого и у присутствующих в судебном зале впечатление, что приговор уже предрешен, хотя судебное следствие еще не закончено. **Обвинительные тенденции судьи представляют собой одно из извращений, самым вредным образом действующее на аудиторию, прямо подрывающее авторитет советского суда, а следовательно и советской власти**»⁶⁵ (выделено мною. – В.Т.).

Вышинский обладал редкой способностью видеть в юридических явлениях общественный смысл и государственное значение. Сам он называл эту свою способность «классовым подходом», следуя терминологии официальной политической идеологии Советского государства, но в действительности она выражала его стремление оценивать правовые институты с более широкой точки зрения – с

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 29.

позиции интересов общества в целом или отдельных социальных групп.

В своем докладе Андрей Януарьевич специально затронул тему адвокатуры и выразил при этом довольно решительное несогласие с доминировавшим в то время в среде судебно-прокурорских работников отрицательным или пренебрежительным отношением к данному правовому институту. «Кое-кто в нашей среде думает: проживем без защиты, защита не нужна и даже вредна, — сказал он. — Это ошибка. Сейчас роль защиты в советском суде особенно важна, так как через наши суды проходят в подавляющем большинстве трудящиеся, требующие высококачественной юридической помощи. Думать так, как думают некоторые, что в советском суде специального органа такой помощи не нужно потому, что сам суд защитит обвиняемого, тоже ошибочно. Думать так, значит впадать в схему, рассуждать абстрактно, совершенно нежизненно. Конечно, советский суд лишенный юридической схоластики и формалистики, притом же состоящий из трудящихся, лучше обеспечивает интересы обоняемого, чем любой самый демократический буржуазный суд. Но это не значит, что он может обойтись — особенно в серьезных делах, — без помощи защиты, как и прокуратуры. Суд нее может отказаться от этой помощи уже по одному тому, что, переходя от одного дела к другому, суд нередко не в состоянии сосредоточить своего внимания на отдельных фактах и явлениях, играющих решающую роль в судьбе дела и, следовательно, в судьбе обвиняемого. Роль защитника, как и прокурора, на суде заключается именно в том, чтобы обратить внимание суда на такие факты и обстоятельства и дать им такое объяснение, которое самостоятельно суд сделать не может»⁶⁶.

Подчеркнув важность *защиты обвиняемых*, Вышинский обрушился с критикой на обвинительные заключения и судебные приговоры. Он не сказал прямо о непрофессионализме прокуроров и судей, составляющих такие документы, но убедительно продемонстрировал его проявления на конкретных примерах. Более того, приведенные им случаи показали значительно более вредный для правосудия и прокурорской деятельности феномен, а именно: стремление

⁶⁶ Там же. С. 31.

затушевать юридический непрофессионализм фразами, заимствованными из официальной политической пропаганды. «У нас нередко абсолютно неудовлетворительно составляется и обвинительное заключение и приговор», – сообщил он. Отметив, что эти судебные документы имеют решающее значение в судьбе обвиняемых, заместитель прокурора СССР заявил далее, что приговор в советских судах часто пишется так, что «в нем затрагиваются все важнейшие мировые проблемы, но нет главного, нет ясности относительно того, **кто в чем виноват**. Некоторые считают, что если приговор напичкан ссылками на индустриализацию, вторую пятилетку, классовую борьбу, империалистические происки и пр., то значит приговор политически выдержан. Забывают, что политическая ценность приговора не в том, чтобы в него всадить целые страницы политического, анализа, резолюций съездов и т. п., а в том, чтобы ясно и просто вскрыть корни и причины преступления, порожденного классовым сопротивлением эксплуататоров, чтобы показать **конкретное содержание** этого преступления, показать на живых фактах, в чем состоит данное преступление и **чем именно доказывается** вина данного обвиняемого. На деле же в приговоре нередко говорят о грандиозных задачах индустриализации, а о сути дела молчат, или говорят что-то нечленораздельное. Политическое значение приговора заключается не в многословии по поводу общих задач политики, а в фактическом качестве этого приговора»⁶⁷.

Партийная оппозиция политическому курсу сталинского руководства ВКП (б) была полностью разгромлена организационно, однако в качестве идеологического течения она продолжала существовать. Вышинский ясно это признавал, поэтому в своем докладе на совещании судебно-прокурорских работников не упустил возможности покритиковать одного из главных ее идеологов. Он обрушился на высказанную когда-то соратником В.И. Ленина Григорием Евсеевичем Зиновьевым идею о том, что диктатура пролетариата есть власть, не связанная никакими законами, кроме собственных законов. «По Зиновьеву выходит, – заметил Вышинский, – что революционная законность связывает диктатуру пролетариата.

⁶⁷ Там же. С. 32.

Это неверно. Революционная законность не может связывать, ограничивать диктатуры пролетариата, ибо революционная законность есть функция диктатуры пролетариата. Также ошибочно представлять революционную законность только как один из методов разгрома классового врага, или как насилие и принуждение, отбрасывая в сторону культурно-воспитательную сторону революционной законности»⁶⁸.

Андрей Януарьевич уже высказывал эти идеи⁶⁹. Он мог бы сослаться на В.И. Ленина, назвавшего в своей книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский» верной мыслью о том, что «диктатура есть власть, не связанная никакими законами»⁷⁰, но решил, что достаточным будет просто сказать о невозможности ограничения диктатуры пролетариата революционной законностью. Этот заочный спор Вышинского с Зиновьевым можно было бы считать сугубо теоретическим, если бы не последующие события, показавшие его практический смысл...

* * *

Через десять дней после завершения XVII съезда ВКП (б) Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение об организации «Союзного Наркомата внутренних дел с включением в него реорганизованного ОГПУ»⁷¹. Подготовка проектов законодательных актов по этому решению растянулась на четыре с лишним месяца. Окончательный вариант Постановления ЦИК Союза ССР о создании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) с включением в его состав Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) был издан 10 июля 1934 года.

Согласно ему на новый правительственный орган было признано целесообразным возложить:

⁶⁸ Там же. С. 20.

⁶⁹ См.: Томсинов В.А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883 - 1954): государственный деятель и правовед // Законодательство. 2018. № 1. С. 87-94.

⁷⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 37. М., 1969. С. 244.

⁷¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) об организации Союзного Наркомата внутренних дел. 20 февраля 1934 г. // Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003. С. 486.

- «а) обеспечение революционного порядка и государственной безопасности;
- б) охрану общественной (социалистической) собственности;
- в) запись актов гражданского состояния (запись рождений, смертей, бракосочетаний и разводов);
- г) пограничную охрану»⁷².

В связи с этим в составе нового наркомата было образовано пять главных управлений (государственной безопасности, рабоче-крестьянской милиции, пограничной и внутренней охраны, пожарной охраны, исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений) и два вспомогательных подразделения (отдел актов гражданского состояния и административно-хозяйственное управление).

Руководителем общесоюзного Наркомата внутренних дел и одновременно Главного управления государственной безопасности был назначен заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода.

В союзных республиках (за исключением РСФСР, где был создан институт Уполномоченного Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР) были организованы республиканские наркоматы внутренних дел, в автономных республиках, краях и областях были открыты управления Народного комиссариата внутренних дел союзных республик.

В тот же день было принято Постановление ЦИК Союза ССР «О рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых Народным комиссариатом внутренних дел Союза ССР и его местными органами». Оно установило правило, согласно которому расследуемые НКВД СССР и его местными органами дела о государственных преступлениях подлежали отныне «рассмотрению по подсудности в Верховном Суде Союза ССР, верховных судах союзных республик, краевых и областных судах, а также в верховных судах автономных республик»⁷³. Вместе с тем было решено создавать для рассмотрения этих дел при названных судебных учреждениях Союза ССР и союзных республик «специальные судебные коллегии

⁷² Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза советских социалистических республик (далее: СЗ). 1934. № 36. С. 505.

⁷³ СЗ. 1934. № 36. С. 506.

в составе – председательствующего и двух членов суда». Дела об измене родине, о шпионаже, терроре, взрывах, поджогах и иных видах диверсий, расследуемые НКВД и его местными органами, должны были передаваться, согласно указанному Постановлению, на рассмотрение Военной коллегией Верховного суда Союза ССР и военных трибуналов округов по подсудности.

Создание Народного комиссариата внутренних дел на общесоюзном и республиканском уровне выражало прежде всего стремление руководства ВКП (б) укрепить государство. Ведомство, соединившее в одной системе функции обеспечения общественного порядка и государственной безопасности, было способно более эффективно служить этой цели. Вместе с тем его появление существенно усложняло прокурорскую деятельность. А.Я. Вышинский сполна ощутит это в конце 1934 года, когда в СССР произойдет одно из таких событий, которые называют роковыми или переломными в судьбе государств.

1 декабря 1934 года был убит первый секретарь Ленинградского обкома ВКП (б) С.М. Киров. По словам историка Ю.Н. Жукова, специально изучавшего архивные документы, отразившие данное событие, за этим убийством «последовали беспрецедентные, небывалые еще по масштабам аресты, жесточайшие репрессии. На пяти процессах приговорили к расстрелу 17 человек, к тюремному заключению на различные сроки – 76 человек, к ссылке – 30 человек, да к тому же сугубо партийным постановлением к высылке – 988 человек. Затронула же столь суровая кара в подавляющем большинстве бывших участников оппозиции, но лишь зиновьевской.

Следствие по делу об убийстве Кирова и порожденные им процессы завершились, но слишком многое так и осталось необъясненным, даже в закрытом письме ЦК»⁷⁴.

Немало тайн из этого необъясненного и, может быть, даже самые главные из них, знал А.Я. Вышинский, принимавший активное участие в юридическом оформлении судебных процессов по делу об убийстве Кирова. Благодаря этому он вошел в круг персон, посвященных в

⁷⁴ Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2005. С. 108–109.

самые страшные тайны самого жестокого времени в судьбе Советского государства и в когорту людей, пользовавшихся особым доверием и благорасположением со стороны Сталина — человека, создававшего эти тайны.

4

Убийство Кирова дало руководству ВКП (б) основание перевести борьбу с внутрипартийной оппозицией в сферу прокуратуры и суда. Уже в первом официальном сообщении об этом преступлении убийца был представлен в качестве преступника, «подосланного врагами рабочего класса», т.е. не одиночкой, действовавшим по собственным мотивам, а орудием враждебных сил.

22 декабря 1934 года советские центральные газеты опубликовали под заголовком «В народном комиссариате внутренних дел» следующую информацию: «Предварительное расследование по делу об убийстве члена Президиума ЦИК СССР и секретаря ЦК и ЛК ВКП(б) т. С.М. Кирова закончено 20 декабря сего года, и дело передано в Военную Коллегию Верховного Суда Союза ССР. Расследованием установлено, что Л.В. Николаев, совершивший 1 сего декабря в Смольном свое гнусное преступление, являлся членом террористической подпольной антисоветской группы, образовавшейся из числа участников бывшей зиновьевской оппозиции в Ленинграде. Установлено, что убийство т. Кирова было совершено Николаевым по поручению террористического подпольного “ленинградского центра”, переданному ему членом и одним из руководителей этого центра Котолыновым И.И. Следствие выяснило, что мотивами убийства т. Кирова явилось стремление этой подпольной антисоветской группы дезорганизовать руководство советского правительства путем террористических актов, направленных против главных руководителей советской власти, и добиться таким путем изменения нынешней политики в духе так называемой зиновьевско-троцкистской платформы»⁷⁵.

⁷⁵ Обвинительные материалы по делу подпольной контрреволюционной группы зиновьевцев. М., 1935. С. 5.

Все эти выводы были представлены и в обвинительном заключении по делу Николаева Л.В., Котолынова И.И., Мясникова Н.П. и др., обвиненных в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58⁸ и 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР⁷⁶, которое составили 25 декабря 1934 года заместитель прокурора СССР А.Я. Вышинский и следователь по важнейшим делам при прокуроре Союза ССР Л.Р. Шейнин. «Следствием установлено, — констатировалось в нем, — что, несмотря на капитуляцию бывшей зиновьевской антисоветской группы, подпольная работа наиболее активных участников этого блока не прекратилась и продолжалась до самого последнего времени. Особенно активизироваться эта деятельность стала в 1933–1934 годах, когда в Ленинграде образовалась из числа бывших участников зиновьевской группы подпольная контрреволюционная террористическая группа во главе с так называемым “ленинградским центром”⁷⁷.

⁷⁶ Упомянутые статьи были введены в Уголовный кодекс РСФСР Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 6 июня 1927 г. Статья 58⁸ гласила: «Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собой — меры социальной защиты, указанные в ст.58² настоящего Кодекса». Статья 58² определяла в качестве наказания за «вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях» «высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества». Статья 58¹¹ устанавливала: «Всякого рода организационная деятельность, направления к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собой — меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы (Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1927. № 49. С. 586–587).

⁷⁷ Обвинительное заключение по делу Николаева Л.В., Котолынова И.И., Мясникова Н.П.,... обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58⁸ и 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР // Обвинительные материалы по делу подпольной контрреволюционной группы зиновьевцев. С. 7–8.

Указанное дело рассматривалось в порядке, предписанном Постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 1 декабря 1934 года⁷⁸, выездной сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР весь день 28 декабря. В 2 часа 30 минут 29 декабря суд удалился на совещание для вынесения приговора. В 5 часов 45 минут был объявлен приговор, признавший обвиняемых по этому делу, в числе 14 человек, виновными в совершении преступления, предусмотренного статьями 58⁸ и 58¹¹ УК РСФСР. Все они были приговорены «к высшей мере наказания – расстрелу, с конфискацией принадлежащего им имущества»⁷⁹. В 6 часов 45 минут данный приговор был приведен в исполнение.

13 января 1935 года А.Я. Вышинский и Л.Р. Шейнин составили еще одно обвинительное заключение – на этот раз по делу Зиновьева Г.Е., Евдокимова Г.Е., Гертик А. М., Бакаева И.П., Куклина А.С., Каменева Л.Б. и др., обвиненных в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 17, 58⁸ и 58¹¹ УК РСФСР⁸⁰. В этом документе был сделан вывод о том, что помимо так называемого «ленинградского центра» существовал еще и «московский центр», объединявший «руководителей бывшей антисоветской зиновьевской группы, не прекратившей, несмотря на свою капитуляцию, своей подпольной работы, направленной на осуществление контрреволюционных целей

⁷⁸ Данное Постановление установило новый порядок расследования и судебного рассмотрения дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти. Им было предписано: «1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней. 2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде. 3. Дела слушать без участия сторон. 4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать. 5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора» (О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик. Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР. 1 декабря 1934 г. // За социалистическую законность. Орган Прокуратуры СССР. 1934. № 12. С. 29).

⁷⁹ Обвинительные материалы по делу подпольной контрреволюционной группы зиновьевцев. С. 26.

⁸⁰ Статья 17 УК РСФСР 1926 г. устанавливала: «Меры социальной защиты судебно-исправительного характера подлежат применению одинаково как в отношении лиц, совершивших преступление - исполнителей, так и их соучастников – подстрекателей и пособников».

в духе так называемой зиновьевско-троцкистской платформы»⁸¹. Признав, что «следствием не установлено фактов, которые дали бы основание предъявить членам “московского центра” прямое обвинение в том, что они дали согласие или давали какие-либо указания по организации совершения террористического акта, направленного против т. Кирова», обвинители констатировали: «Но вся обстановка и весь характер деятельности подпольного контрреволюционного “московского центра” доказывают, что они знали о террористических настроениях членов этой группы и разжигали эти настроения»⁸². В связи с этим было заявлено, что члены указанного “московского центра” и в первую очередь обвиняемые Зиновьев, Евдокимов, Гертик и Каменев, должны нести не только моральную и политическую ответственность, но и ответственность по **советским законам**»⁸³ (выделено мною. — В.Т.).

В результате к суду было привлечено по делу так называемого «московского центра» девятнадцать человек. 15 и 16 января 1935 года выездная сессия Военной Коллегии Верховного Суда СССР рассмотрела его и вынесла приговор, которым обвиняемым было назначено наказание в виде тюремного заключения на срок от пяти до десяти лет, в зависимости от степени участия в преступной деятельности. Г.Е. Зиновьева приговорили, как «главного организатора и наиболее активного руководителя подпольной контрреволюционной группы “московского центра” — тюремному заключению на десять лет»⁸⁴. А, например, другому бывшему большевистскому вождю — Л.Д. Каменеву, как менее активному участнику указанной группы, назначили пять лет тюремного заключения. При этом суд постановил конфисковать «имущество всех осужденных, лично им принадлежащее»⁸⁵.

⁸¹ Обвинительное заключение по делу Зиновьева Г.Е., Евдокимова Г.Е., Гертик А. М., Бакаева И. П., Куклина А. С., Каменева Л. Б.,... обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 17, 58⁸ и 58¹¹ УК РСФСР // Обвинительные материалы по делу подпольной контрреволюционной группы зиновьевцев. С. 31

⁸² Там же. С. 36.

⁸³ Там же. С. 36.

⁸⁴ Там же. С. 42–43.

⁸⁵ Там же. С. 43.

18 января 1935 года всем партийным организациям было направлено «Закрытое письмо ЦК ВКП (б)», в котором давалась предельно жесткая оценка внутрипартийной оппозиции, объединившейся вокруг Г.Е. Зиновьева. «Зиновьевская фракционная группа, — утверждалось в этом документе, — является единственной в истории нашей партии группой, которая сочла возможным прибегнуть к террору как методу борьбы против партии и ее руководства. История нашей партии знает немало фракционных группировок. В борьбе этих группировок против линии партии, как и в борьбе партии против этих группировок, применялся обычно один метод: выяснение разногласий, формулировка разногласий, закрытая дискуссия внутри руководящих партийных органов, открытая дискуссия в печати и на партийных собраниях, голосование и подсчет голосов, подчинение меньшинства большинству, наконец — уход из партии тех, которые не считали возможным подчиниться большинству партии, либо исключение из партии наиболее неисправимых фракционеров, ломавших дисциплину и единство партии. История нашей партии не знает ни одного примера, чтобы фракционные группировки в отношении партии или партия в отношении фракционных группировок пытались применить террор. История нашей партии не знает ни одного примера, чтобы группировка, оставшаяся в меньшинстве, пыталась навязать свою волю большинству партии путем насилия, путем террора, чтобы она пыталась применять террор в отношении представителей большинства партии. Зиновьевская фракционная группа является единственной в истории нашей партии группой, которая, обанкротившись вконец и лишившись всякой поддержки партийных масс, скатилась на этот презренный, белогвардейский путь»⁸⁶.

Вытекавший из приведенной характеристики внутрипартийной оппозиции вердикт прозвучал поистине сокрушительно: «Зиновьевская фракционная группа была по сути дела замаскированной формой белогвардейской организации, вполне

⁸⁶ Закрытое письмо ЦК ВКП (б). Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова. Ко всем организациям партии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 99.

заслуживающей того, чтобы с ее членами обращались, как с белогвардейцами»⁸⁷.

Этот вывод раскрывал подлинный смысл только что прошедшего судебного процесса над бывшими большевистскими вождями и их соратниками. Сталин воспринимал его как сражение гражданской войны, которую невозможно прекратить примирением воюющих сторон.

Перевод борьбы с внутрипартийной оппозицией в сферу прокуратуры и суда придавал особое значение должности прокурора СССР и связанной с нею функции главного обвинителя. Очевидно, что исполнять эту роль надлежащим образом и в полном соответствии с политикой руководства ВКП (б) мог только человек, который был способен сочетать с личной преданностью Сталину талант юриста и судебного оратора, умение придать обвинению необходимую юридическую форму и представить его в ярком словесном выражении.

Это означало, что наступило время Вышинского.

* * *

3 марта 1935 года Постановлением ЦИК СССР И.А. Акулов был освобожден от обязанностей прокурора Союза ССР и утвержден секретарем Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР. На его место в тот же день был назначен первый заместитель прокурора СССР А.Я. Вышинский⁸⁸.

Он занимал эту должность до 31 мая 1939 года, то есть всего четыре года и три месяца без малого, но она заслонила собой все другие его государственные посты. Произошло это главным образом вследствие участия Вышинского в качестве государственного обвинителя в самых громких судебных процессах того времени: по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра» (в августе 1936 г.), по делу «антисоветского троцкистского центра» (в январе 1937 г.), по делу «антисоветской троцкистской военной организации» (в июне 1937 г.), по делу «антисоветского право-троцкистского блока» (в марте 1938 г.).

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик (далее: СЗ). Отдел 2. 1935. № 5. С. 70.

Придав ему известность как обвинителю, эти процессы покрыли тенью забвения ту его деятельность на посту прокурора СССР, которая была связана с осуществлением главного предназначения прокуратуры – постоянного надзора за законностью. Между тем именно эта повседневная прокурорская деятельность Вышинского убедительнее всего свидетельствует о том, что должность прокурора СССР раскрыла него настоящее призвание. Поэтому она и заслонила собой все другие его государственные должности.

Вступая на пост главы прокуратуры Советского государства, Андрей Януарьевич имел вполне отчетливое представление о тех проблемах и трудностях, с которыми ему придется столкнуться, и хорошо представлял, что надо делать и как необходимо действовать на этом посту.

Вышинский, конечно же, знал, что прокуратура должна обеспечивать расследование и наказание преступлений, создавая тем самым условия для поддержания правопорядка в обществе. Он хорошо понимал, что по отношению к партийным вельможам, выступившим против политики Сталина, прокуратура должна быть разящим мечом. Но вместе с тем он предельно ясно сознавал, что возглавляемый им государственный орган одновременно должен быть защитником простого народа от произвола разного рода чиновников.

Государственная власть, которая позволяет властвующим нагло угнетать, убивать, калечить и грабить простых людей, неспособных защитить себя без помощи государства, в любой стране перестает быть государственной властью, а превращается в настоящего пособника преступников.

В Советском государстве, которое являлось по своей официальной идеологии государством трудящихся, народным государством, защита простых людей от беззакония вменялась в главную обязанность прокуратуры самим фактом рождения и существования такого государства.

Спустя два месяца после того, как Вышинский был назначен на должность прокурора СССР, И.В. Сталин выступил в Кремлевском Дворце с весьма примечательной речью. Андрей Януарьевич воспринял ее, помимо прочего, и как повод высказать, насколько

возможно подробнее, свои собственные взгляды на предназначение прокуратуры и суда в Советском государстве.

Хотя свою речь Сталин произносил перед выпускниками военных академий, и по логике вещей должен был говорить, главным образом, об армии, он придал ей общегосударственный смысл. «Товарищи! — обратился он к будущим офицерам. — Нельзя отрицать, что за последнее время мы имели большие успехи как в области строительства, так и в области управления. В связи с этим слишком много говорят у нас о заслугах руководителей, о заслугах вождей. Им приписывают все, почти все наши достижения. Это, конечно, неверно и неправильно. Дело не только в вождях. Но не об этом я хотел бы говорить сегодня. Я хотел бы сказать несколько слов о кадрах, о наших кадрах вообще и в частности о кадрах нашей Красной Армии»⁸⁹.

Обрисовав успехи государственной политики в индустриализации страны, Сталин счел необходимым сказать своим слушателям: «Но изжив период голода в области техники, мы вступили в новый период, в период, я бы сказал, **голода в области людей**, в области кадров, в области работников, умеющих оседлать технику и двинуть ее вперед. ... Если мы хотим изжить с успехом голод в области людей и добиться того, чтобы наша страна имела достаточное количество кадров, способных двигать вперед технику и пустить ее в действие, мы должны прежде всего **научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу. Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры.** Надо понять, что при наших нынешних условиях **“кадры решают все”**. В этом теперь главное... Лозунг **“кадры решают все”** требует, чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к **“малым”** и **“большим”**, в какой бы области они ни работали, выращивали их заботливо, помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед и т.д. А между тем на деле мы имеем в целом ряде случаев факты бездушно-

⁸⁹ Сталин И.В. Речь в Кремлевском Дворце на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 года // Сталин И.В. Сочинения. Том 14. М., 1997. С. 58.

бюрократического и прямо безобразного отношения к работникам. Этим, собственно, и объясняется, что вместо того, чтобы изучать людей и только после изучения ставить их на посты, нередко швыряются людьми, как пешками. Ценить машины и рапортовать о том, сколько у нас имеется техники на заводах и фабриках, научились. Но я не знаю ни одного случая, где бы с такой же охотой рапортовали о том, сколько людей мы вырастили за такой-то период и как мы помогали людям в том, чтобы они росли и закалялись в работе. Чем это объясняется? Объясняется это тем, что у нас не научились еще ценить людей, ценить работников, ценить кадры»⁹⁰.

19 мая 1935 года, то есть спустя всего две недели после сталинского выступления, А.Я. Вышинский выступил с докладом «Речь т. Сталина и задачи органов юстиции» на объединенном заседании, организованном Институтом уголовной политики при Прокуратуре Союза ССР, Верховном суде Союза ССР и НКЮ РСФСР и секцией уголовной политики Института советского строительства и права Коммунистической академии. Сокращенная и переработанная стенограмма этого доклада была опубликована в июньском номере журнала «За социалистическую законность» за 1935 года. В том же году переработанный и дополненный текст данного выступления был напечатан в виде отдельной брошюры объемом в 67 стр.

«Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. открывает собой целую эпоху», – такими словами Вышинский начал свой доклад. Отметив, что выдвинутый Сталиным лозунг о том, что сейчас «кадры решают все» открывает новую страницу в истории Советского государства, Андрей Януарьевич сказал, что «этот лозунг был подготовлен всем ходом нашего общественного, экономического и политического развития» и является завершением мысли о ценности кадров, которую Сталин неоднократно высказывал прежде. «Заостряя наше внимание на людях, требуя беспощадной борьбы с враждебными элементами, опасными для дела социалистического строительства, т. Сталин все время говорит и о необходимости воспитывать и новых людей и новые методы,

⁹⁰ Там же. С. 61–62.

социалистические методы работы»⁹¹. Комментируя эти высказывания Сталина, Вышинский подчеркнул, что «в старых методах работы больше всего кроется опасностей в смысле **неправильного отношения к трудящемуся человеку**», что в советских органах прокуратуры и суда «достаточно еще неосторожно, легковесно и безответственно» подходят «к разрешению вопроса о судьбе людей и о судьбе, что еще более важно, дела, которому эти люди могут быть полезны. Величайшее значение речи т. Сталина 4 мая вообще, и в частности для работников советской юстиции, состоит в том, что она круто поворачивает наше внимание к этому вопросу»⁹² (выделено мною. — В.Т.).

В дальнейшем изложении доклад Вышинского принял критический характер. Прокурор СССР использовал выраженную Сталиным в рассматриваемой речи мысль о том, что «**из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди**», для беспощадной критики того состояния прокурорской и судебной деятельности, которое сложилось в Советском государстве к середине 30-х годов. «Один из самых основных недостатков в нашей работе, — заявил он, — это неумение ценить людей, когда мы решаем вопрос о привлечении человека к уголовной ответственности, о предании его суду, об его осуждении; когда решаем вопрос о свободе, чести, достоинстве и даже жизни этого человека. Новый лозунг т. Сталина, данный в его речи на выпуске военных академиков 4 мая в Кремлевском дворце, обязывает нас вновь поставить перед органами советской юстиции ряд новых крупнейших задач: 1) в области судебной политики, 2) методики и тактики нашей работы, работы суда и прокуратуры, 3) в области уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также так называемых гражданских дел (хозяйственное право), 4) в области судоустройства и 5) в области подготовки кадров советских юристов»⁹³.

Вышинский не ограничился в своем докладе оценкой прокурорской деятельности, но обратил внимание и на судебную

⁹¹ *Вышинский А.Я.* Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 2.

⁹² Там же. С. 4.

⁹³ Там же.

политику, и на состояние юридического образования. Будучи Прокурором СССР, он осмелился выступить с позиции государственного деятеля значительно более высокого ранга – во всяком случае, такого, который позволял давать весьма категоричные оценки всем юридическим органам Советского государства, их организации и работе, системе подбора кадров для них, а также законотворческому процессу, законодательству, кодексам. Так, о следственно-прокурорской деятельности и судебной политике он говорил следующее: «Основные недостатки можно сформулировать таким образом: **в стадии возбуждения уголовного преследования** – непродуманность, необоснованность, в значительном числе случаев и безответственность; отсутствие чувства политической ответственности за то, что ты как следователь или как прокурор принимаешь решение о привлечении к уголовной ответственности; наконец, все еще не изгнанная из нашей практики массовость привлечения к уголовной ответственности. **В стадии предания суду** – работа проводится по шаблону, отсутствует реальная ответственность и, как правило, продолжается штамповка обвинительных заключений. **В стадии судебного рассмотрения** – налицо то, от чего предостерегал Владимир Ильич, когда говорил, что нам не нужно судей “торопыг”. У нас работа в стадии судебного рассмотрения дела нередко проходит впопыхах, в спешке, даже в том случае, когда организуются так называемые показательные процессы, которые оказываются показательными в отрицательном смысле... Мы до сих пор еще не добились, чтобы каждый приговор, каждое решение нашего суда было веским и убедительным, как это требовал еще т. Ленин, говоривший, что приговор не столько должен отличаться жестокостью наказания, сколько внедрением убеждения в справедливости и неизбежности этого наказания. Эта сторона дела меньше всего на виду, меньше всего мы думаем о том, чтобы судебный приговор убеждал, воспитывал, мобилизовал общественное мнение»⁹⁴ (выделено мною. – В.Т.).

Приведя примеры конкретных уголовных дел, Вышинский показал, что в советском судопроизводстве распространена практика назначения уголовного наказания, причем нередко в виде лишения

⁹⁴ Там же.

свободы, за такие должностные преступления, как бездеятельность и халатность. Осужденных за подобные деяния в два раза больше, чем за злоупотребление властью и почти в четыре раза больше, чем за корыстные преступления. «Вместо того, чтобы бороться с жуликами, расхитителями, растратчиками, мы бьем преимущественно по таким преступлениям, с которыми можно бороться и иными средствами, чем уголовный суд»⁹⁵, – констатировал прокурор СССР.

В текст своего доклада, изданного в расширенном варианте в виде отдельной брошюры, А.Я. Вышинский включил невысказанное при устном выступлении предостережение в адрес судебно-прокурорских работников, понимавших свою деятельность исключительно как деятельность карательную и без особого разбирательства отправлявших массы людей в места лишения свободы. «Такое положение нетерпимо, – заявил он. – Органы прокуратуры в настоящее время больше, чем когда-либо, должны помнить о громадной ответственности за каждый свой шаг, за каждое мероприятие, связанное с использованием тех исключительных полномочий, которые предоставлены прокуратуре. Нужно не на словах, а на деле доказать, что прокуратура умеет действовать с разбором, умеет бить метко и точно, умеет не допускать ошибок и извращений. Нужно еще раз подчеркнуть, что подлинная революционность, решительность и последовательность в борьбе с классовыми врагом несовместимы с безответственными, беспорядочными, плохо подготовленными и в силу этого лишенными всякой меткости ударами. Нужно беспощадно разоблачать, как самый вредный оппортунизм, стремление некоторых наших судебно-прокурорских работников измерять *качество* своей работы *количеством* заведенных уголовных дел, числом вынесенных обвинительных приговоров независимо от того, правильны ли эти приговоры, виновны ли в действительности осужденные и т.д.

Нужно добиться такого положения, когда *каждое* дело будет тщательно подготовлено следственными органами, правильно проведено судом, когда каждый обвинительный приговор будет понят и одобрен трудящимися массами.

⁹⁵ Там же. С. 5–6.

Нужно свести до возможного минимума судебные ошибки, больно бьющие не только по живым людям, но и по всему обществу трудящихся, по нашему пролетарскому государству... Нам нужно сосредоточить свое внимание на действительных преступлениях, на серьезных преступлениях, чтобы не размениваться на мелочи, чтобы не получалось, что суды загружены ничего не значащими делами, в то время как серьезные и действительно опасные для пролетарского государства преступления остаются безнаказанными»⁹⁶.

А.Я. Вышинский излагал таким образом новую идеологию прокурорской и судебной деятельности, соответствовавшую новому этапу в развитии Советского государства. Ее суть выражала следующая сентенция: **«Бережное отношение к трудящимся при привлечении за должностные и разного рода другие преступления не означает отказа от привлечения к ответственности, от требования еще более быстрого и решительного, последовательного привлечения к уголовному суду врагов пролетарского государства, от беспощадной расправы с этими врагами»**⁹⁷.

Прокурор Союза ССР призывал покончить с «размашистым, кампанейским» отношением к вопросу о привлечении к уголовной ответственности, отказаться от старых методов решения этого вопроса, игнорирующих необходимость беречь кадры, не бить по ним из-за незначительных правонарушений-проступков, не превращать каждое дисциплинарное нарушение трудящимися своих обязанностей в уголовное преступление с последующим лишением свободы. «Когда мы говорим, — пояснял он, — о бережном отношении к кадрам, о сокращении количества привлекаемых к суду, о борьбе с массовостью и необоснованностью привлечений за счет усиления нашей работы по обоснованным привлечением, — это нельзя понимать как свертывание нашей борьбы. Это надо понимать, наоборот, как усиление борьбы с действительными преступниками за счет отказа от борьбы с

⁹⁶ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции. М., 1935. С. 24.

⁹⁷ Там же. С. 25–26. В другом месте с своей брошюры Вышинский выразил эту мысль более прямолинейно и жестко. «Мы должны поставить вопрос так, — заявил он, — чтобы задача бережного отношения к нашим людям была одновременно связана с задачей беспощадной расправы с врагами наших людей, с врагами нашего дела» (там же. С. 26).

“преступниками” в кавычках. Нужно добиться того, чтобы привлечение к уголовной ответственности было событием для привлекаемого к ответственности человека, событием и для его окружающих и для родственников. Тем более таким событием должно быть предание его суду и его осуждение. Надо добиться такого положения, когда привлечение к ответственности, предание суду и вынесение приговора будет рассматриваться всеми без исключения как позор, как справедливое и заслуженное наказание. Без мобилизации общественного мнения вокруг каждого процесса мы не добьемся необходимой эффективности каждого принятого судебного решения. А для этого необходимо прежде всего совершенно иное отношение к судебному процессу, чем то, которое, к сожалению, в ряде случаев у нас наблюдается»⁹⁸.

Сформулированная Вышинским новая идеология прокурорской и судебной деятельности в Советском государстве отличалась здравым смыслом и могла иметь плодотворные результаты. Но она столкнулась с действительностью, которая, к сожалению, всегда бессмысленно жестокая...

⁹⁸ Там же. С. 26–27.

В. А. Томсинов

**Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 – 1954):**

**государственный деятель
и правовед**

Часть третья

Опубликовано:

Журнал «Законодательство»

2018. № 4. С. 87-94. № 5. С. 79-86. № 6. С. 87-94. № 7. С. 87-94.

1

Программный характер выступления А.Я. Вышинского «Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции» подчеркивали заголовки различных разделов его расширенного текста, изданного отдельной брошюрой. Андрей Януарьевич представил их в виде лозунгов, выражавших главные задачи советских органов юстиции:

- «Привлекать к уголовной ответственности обдуманно и обоснованно»¹.
- «Тверже поставить охрану личности трудящихся»².
- «Изгнать следы бюрократического отношения к нуждам людей»³.
- «Улучшить руководство нашими кадрами»⁴.
- «Ускорить реформу нашего законодательства»⁵.

С каждым из этих лозунгов прокурор СССР связывал исправление каких-либо недостатков в деятельности прокурорских и судебных органов. Призывая же к ускорению реформы советского законодательства, он говорил о необходимости окончательно разрешить ряд «принципиальных вопросов уголовного и уголовно-процессуального права»⁶. При этом первостепенное значение придавалось им совершенствованию уголовного законодательства. «Наш уголовный кодекс, — говорил Вышинский, — должен в полной мере отвечать новым требованиям и новым задачам. Он должен полностью освободиться от ошибок и недостатков как ныне действующего УК, так и тех проектов УК, которые создавались из года в год, но ни один из которых до сих пор не увидел света»⁷.

¹ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции. М., 1935. С. 25.

² Там же. С. 38.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Там же.

⁷ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 10.

Андрей Януарьевич в данном случае имел в виду проекты уголовного кодекса, которые разрабатывались с 1928 года одновременно:

— комиссией Государственного института по изучению преступности и преступника (сокращенно: ГИПП) под руководством Е.Г. Ширвиндта⁸,

— возглавляемой Н.В. Крыленко группой сотрудников Института красной профессуры и подсекции уголовного права Института советского строительства и права при Коммунистической академии⁹,

— группой правоведов в составе: прокурора Верховного суда СССР П.А. Красикова, председателя Верховного суда СССР А.Н. Винокурова, заместителя председателя Верховного суда СССР А.В. Галкина.

К 1930 году указанные комиссии и группы правоведов подготовили три проекта уголовного кодекса¹⁰. Но по разным причинам все они были признаны неудачными.

Главными ошибками этих проектов А.Я. Вышинский считал выдвинутые в ходе их разработки идеи о коренном преобразовании установленной Уголовным кодексом РСФСР 1926 года системы преступлений и мер социальной защиты с целью освобождения ее от свойств, присущих уголовному праву буржуазного общества. Особенно

⁸ См.: Деятельность Государственного Института по изучению преступности и преступника (составление проекта уголовного кодекса) // Проблемы преступности. Вып. 4. М., 1929. С. 108–122.

⁹ Крыленко Н.В. Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР. Доклад на заседании коллегии НКЮ от 24. V. 1928 года // Революция права. Журнал секции теории права и государства Коммунистической академии. 1928. № 4. С. 3–19. Данная статья была также опубликована в издании: Еженедельник советской юстиции. 1928. № 22. С. 641–643. № 23. С. 661–664. В 1929 г. указанная работа Н.В. Крыленко была выпущена в свет издательством «Госюриздат РСФСР» в виде отдельной брошюры объемом в 64 страницы под названием «Реформа уголовного кодекса (основные принципы пересмотра уголовного кодекса). Доклад на VI Съезде прокурорских, судебных и следственных работников».

¹⁰ Проект, подготовленный группой правоведов под руководством Н.В. Крыленко был издан Госюриздатом в виде отдельной брошюры объемом в 65 страниц. См.: Проект нового уголовного кодекса РСФСР, выработанный подсекцией уголовного права Института советского строительства и права при Коммунистической академии / Вступит. статья Н.В. Крыленко. М., 1930.

пагубной Вышинскому, как прокурору СССР, представлялась выдвинутая рядом советских правоведов идея о том, что «новый уголовный кодекс вместо твердых и точных составов (преступлений. — В.Т.) должен был иметь ориентировочные составы, абсолютно судью не связывающие»¹¹.

Данная идея стала бурно обсуждаться на различных заседаниях в научных юридических учреждениях и в Наркомате юстиции с весны 1928 года.

19 ноября указанного года руководитель Государственного института по изучению преступности и преступника Евсей Густавович (Гдальевич) Ширвиндт выступил на пленарном заседании данного учреждения с докладом об основных принципах для разработки проекта уголовного кодекса, где изложил свои мысли о наиболее целесообразной методике изложения содержания такого документа. «Система мер социальной защиты УК и порядок применения их судами, — сказал он, — должны обладать гибкостью, которая давала бы возможность, не прибегая к практике ударных кампаний, усиливать репрессию в отношении преступников и преступлений, которые в силу изменений хозяйственной и политической конъюнктуры приобретают особую социальную опасность»¹².

Продолжая высказанную мысль, Е.Г. Ширвиндт сформулировал следующий тезис: «Система определенных приговоров с твердо фиксированными сроками лишения свободы, должна быть заменена системой приговоров относительно неопределенных в разных их формах, в зависимости от социальной опасности тех или иных категорий преступников, но в пределах максимального срока»¹³.

¹¹ *Вышинский А.Я.* Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 10.

¹² Деятельность Государственного Института по изучению преступности и преступника (составление проекта уголовного кодекса). С. 108. В процессе обсуждения в Совете ГИПП фраза «особую социальную опасность» в данном тезисе Ширвиндта была заменена на слова «большую или меньшую социальную опасность» (там же. С. 109)

¹³ Там же. С. 108. После обсуждения в Совете ГИПП данный тезис принял следующий вид: «Система определенных приговоров с твердо фиксированными сроками лишения свободы, должна быть заменена системой относительно неопределенных приговоров. В тех случаях, когда суд признает единственно

Рассмотрев представленные Ширвиндтом тезисы, пленарное заседание Государственного института по изучению преступности и преступника приняло их «в качестве основы для работ Института по составлению проекта уголовного кодекса»¹⁴. Для координации этих работ в рамках ГИПП 18 февраля 1929 года была создана специальная комиссия под председательством Е.Г. Ширвиндта. В ее состав были назначены: Н.Н. Спасокукоцкий, А.Н. Трайнин, С.Б. Тагер и Б.С. Утевский. Позднее в комиссию включили правоведов М.М. Исаева, С.П. Мокринского и А.А. Пионтковского. В таком составе она занялась непосредственно составлением проекта нового уголовного кодекса.

Сделанный Е.Г. Ширвиндтом вывод о необходимости замены системы «определенных приговоров с твердо фиксированными сроками лишения свободы» в советском уголовном кодексе «системой приговоров относительно неопределенных», разделяли многие советские правоведы. Он вполне закономерно вытекал из присущей советской науке уголовного права доктрины преступления и наказания, которая в своем формировании и развитии всегда противопоставлялась соответствующей доктрине буржуазного уголовного правоведения.

Сам Ширвиндт хорошо понимал связь идеи неопределенных приговоров с уголовно-правовыми доктринами Советского государства. В 1927 году он писал в одной из своих статей: «Таким образом, один из первых основных вопросов советского уголовного права, встающий перед нами в начале второго десятилетия Октябрьской революции, это – проблема коренной переработки особенной части Уголовного кодекса в направлении расширения принципа неопределенности приговоров и радикального пересмотра всей системы мер социальной защиты и характера применяемых санкций»¹⁵.

целесообразной мерой социальной защиты лишение свободы, оно во всех случаях должно назначаться на срок от одного года, с тем, что заключенный может быть освобожден соответствующими органами в пределах установленного законом максимального десятилетнего срока» (там же. С. 110)

¹⁴ Там же. С. 122.

¹⁵ Ширвиндт Е.Г. Проблемы советского уголовного права на грани второго десятилетия Октября // Советское право. Журнал Института советского права. 1927. № 6 (30). С. 76.

Поясняя данную мысль, Евсей Густавович развернул широкую и стройную аргументацию. «Непоколебимость, незыблемость приговора, судебного решения является характерной чертой буржуазной юриспруденции, — утверждал он. — Этим капиталистическое государство демонстрирует непримиримость с врагами буржуазного строя, свою непреклонную волю к борьбе с нарушителями абсолютного права частной собственности, в этом, наконец, находит свое логическое завершение теория эквивалентного возмездия, требующая, чтобы преступник во что бы то ни стало отбыл в точности всю установленную судом меру наказания, как соответствующую совершенному преступлению. Всякое колебание приговора есть, с точки зрения этой теории, колебание теории возмездия. Отсюда — святость и незыблемость приговора, отсюда апелляционная и кассационная его проверка до вступления в силу. Отсюда же в капиталистических странах и целый ряд аналогичных явлений в области выполнения приговоров к лишению свободы: фактически ничтожные размеры применения неопределенных приговоров, несмотря на теоретическое их признание, ничтожное по размерам применение досрочного освобождения при общем признании целесообразности этого института, мысль о возможности освобождения заключенного ранее срока лишь в порядке акта милости со стороны верховного органа власти и т.д. и т.д.»¹⁶.

Посетовав, что и по прошествии десяти лет после отмены законов прежней, дореволюционной, России советская юридическая наука все еще находится в плену у буржуазного представления о незыблемости судебного приговора, Е.Г. Ширвиндт убежденно заявил: «Между тем, если подойти к вопросу с революционно-марксистским анализом, то станет ясно, что приговор не может считаться чем-то абсолютным. Если основанием принятия мер социальной защиты является не точно измеримая степень вины, а социальная опасность преступника, ни размеры, ни продолжительность которой не могут быть измерены и хотя бы с приблизительной точностью установлены, то и приговор суда не может дать арифметически точного перевода степени

¹⁶ Там же. С. 80.

социальной опасности на годы, месяцы и дни. Преступление, отдельно взятое и служащее предметом судебного разбирательства, отнюдь не может дать непогрешимо правильного представления о *степени* социальной опасности деятеля. О *продолжительности* же социальной опасности никто, а в том числе и суд, не может дать безошибочно прогноза на более или менее отдаленное будущее»¹⁷.

В качестве еще одного аргумента в поддержку мнения о необходимости замены в советском уголовном кодексе системы определенных приговоров системой приговоров относительно неопределенных Е.Г. Ширвиндт привел тот факт, что не только социальная опасность преступника не является постоянным свойством. Отдельные преступления также «могут изменять или вовсе терять свою социальную опасность». Такие случаи действительно были в советской судебной практике. «С точки зрения буржуазных теорий возмездия, — заметил Евсей Густавович, — осужденные за подобные преступления должны до конца отбыть назначенное им наказание. Революционная марксистская диалектика устанавливает, что дальнейшее содержание таких осужденных является нецелесообразным, бессмысленным и вредным. Бояться *корректирования* таких приговоров, опасаться, что освобождение осужденных за подобные преступления поколеблет стабильность судебной политики, значит быть в плену у буржуазной юридической мысли, значит проповедовать фетишизм самого неприкрашенного типа»¹⁸.

Содержание проекта нового уголовного кодекса, разработанного комиссией правоведов под председательством Е.Г. Ширвиндта, показывает, что ему удалось провести в его тексте идею о неопределенных приговорах, но в весьма ограниченной степени — лишь путем установления сроков лишения свободы от 2-х до 5-ти лет. При этом, согласно данному проекту, применение подобной меры социальной защиты предполагалось только за такие деяния, как:

- 1) преступления против пролетарской диктатуры,

¹⁷ Там же. С. 80–81.

¹⁸ Там же. С. 81.

- 2) массовые беспорядки, соединенные с истреблением имущества, убийствами и другими насильственными действиями,
- 3) бесхозяйственность,
- 4) нарушение кулаками законов о национализации земли,
- 5) контрабанда, подделка денег и поджог,
- 6) нарушение безопасности железнодорожного сообщения, нарушение строительных и противопожарных правил,
- 7) бандитизм.

Самым последовательным в отстаивании идеи освобождения будущего уголовного кодекса Советского государства от каких-либо элементов буржуазного права оказался Н.В. Крыленко. Уже по одной этой причине Вышинский, критикуя в своем докладе «Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции» идею замены в новом уголовном кодексе точных составов преступлений на «ориентировочные составы, абсолютно судью не связывающие», должен был обрушиться главным образом на него. Но у прокурора СССР имелось немало и других оснований для уничтожающей критики Н.В. Крыленко.

Николай Васильевич входил в когорту «старых большевиков» и был юристом по образованию¹⁹. Поэтому занимал в Советском государстве высокие юридические должности: с августа 1920-го до января 1921 года он являлся председателем Верховного революционного трибунала при ВЦИК РСФСР, со 2 января по 15 августа 1922 года был председателем Верховного трибунала при ВЦИК РСФСР. С 15 октября 1928 года до 5 мая 1931 года состоял в должности прокурора РСФСР. С 5 мая 1931 года до 20 июля 1936 года он занимал пост народного комиссара юстиции РСФСР. Обрушиваясь в своем докладе на Н.В. Крыленко, Вышинский наносил удар по человеку, который вполне мог, при роковом стечении обстоятельств, заменить его на посту прокурора СССР. Во всяком случае роль обвинителя «врагов народа» Крыленко был способен исполнить не хуже Вышинского, а возможно даже и лучше.

¹⁹ В 1914 г. Н.В. Крыленко сдал экстерном экзамены по программе юридического факультета Императорского Харьковского университета.

Первый выпад, который Андрей Януарьевич сделал в своем докладе в адрес Николая Васильевича, был похож на укол научной критики. «При построении нового Уголовного кодекса, — начал он свою инвективу, — мы прежде всего сталкиваемся с необходимостью ответить на ряд вопросов, имеющих громадное принципиальное значение. Таков, например, вопрос о так называемых “точных составах преступлений”». После этих слов Вышинский, видимо, сделал паузу: следующая фраза в напечатанной стенограмме его доклада начинается с новой строки. В ней в первый раз встречается фамилия Крыленко. Прокурор СССР сообщил казалось бы малозначащий, никак не порочащий наркома юстиции факт: «Я должен напомнить о том, какой энергичной атаке со стороны некоторых товарищей, и в частности т. Н.В. Крыленко, подвергался этот принцип на протяжении ряда лет». После этого заявления прокурор СССР счел необходимым оправдаться за то, что помянул старое: «Я не стал бы тревожить теней прошлого, если бы этот вопрос не затрагивал самых подлинных глубин нашей судебной практики, если бы то или иное его решение не затрагивало чрезвычайно остро и резко основных вопросов нашей уголовной политики»²⁰. Данным оправданием Вышинский подготовил еще один, на этот раз более тяжелый выпад против своего соперника. «При составлении проекта УК 1930 г. и позже (до проекта 1934 г.), — снова стал вспоминать он, — т. Крыленко требовал “дефетишизации” этих составов, противопоставляя “точным составам”, презрительно именуемым им “прейскурантом” преступлений, лишь “ориентировочный перечень наиболее опасных преступлений и мер репрессии...”. Новый кодекс должен был, по мысли т. Крыленко, “свести их с роли непреложной догмы к роли рабочего инструмента в руках судьи”. Новый УК должен представлять собой сумму “приблизительных наметок мероприятий, которые целесообразно применять в каждом отдельном случае...”»²¹.

Последнее из процитированных прокурором Вышинским высказываний Н.В. Крыленко было взято из доклада «Проект

²⁰ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 10.

²¹ Там же.

Уголовного кодекса Союза ССР», сделанного наркомом юстиции РСФСР 25 декабря 1934 года на совместном заседании президиума Коммунистической академии и Государственного института уголовной и исправительно-трудовой политики при Верховном суде СССР, Прокуратуре СССР и Наркомате юстиции РСФСР. Трудно сказать, насколько точно Андрей Януарьевич процитировал слова Крыленко: при публикации своего доклада в журналах Николай Васильевич переработал его стенограмму²². Высказанная им в докладе и приведенная Вышинским мысль о том, что новый уголовный кодекс должен содержать лишь приблизительные наметки мер, предназначенных для применения судьями, в переработанном варианте получила следующий вид: «Кодекс должен быть достаточно **гибким**, чтобы обеспечить суду возможность не только применить репрессию в каждом конкретном случае, в том числе тогда, когда необходимо судить по аналогии, но и применить репрессию так, чтобы у суда не были связаны руки в смысле выбора **наиболее целесообразной** меры репрессии для каждого конкретного случая»²³.

Третьему своему выпаду в адрес Крыленко Вышинский придал исключительно политический смысл. Прокурор СССР оценил высказывания наркома юстиции о целесообразности давать в новом уголовном кодексе не точные, а лишь «ориентировочные», приблизительные составы преступлений с точки зрения идей, высказанных Сталиным в речи 4 мая 1935 года. «Сейчас, — заметил Вышинский, — больше, чем когда-либо видна ошибочность такого тезиса. В свете речи т. Сталина о кадрах нужно еще более решительно, еще более энергично бороться за устойчивость, твердость и непреложность советского закона. Нельзя защищать этих надуманных “ориентировочных” составов преступлений, особенно в нынешних условиях, когда партия и правительство требуют твердого и точного

²² Крыленко Н.В. Проект Уголовного кодекса Союза ССР. Переработанная стенограмма доклада 25 декабря 1934 г. на заседании президиума Комакадемии совместно с Госинститутом уголовной политики при Прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР // Советское государство. Журнал Института советского строительства и права Комакадемии. 1935. № 1-2. С. 85-107. Советская юстиция. Орган НКЮ РСФСР. 1935. № 11. С. 1-10.

²³ Советское государство. 1935. № 1-2. С. 104. Советская юстиция. 1935. № 11. С. 9.

соблюдения всеми советских законов, когда партия, устами своего вождя, сокрушительно бичует “зазнавшихся вельмож”, думающих, что законы писаны для дураков. “Ориентировочные” составы – это неопределенность, неустойчивость, произвол в области борьбы с преступностью. Нельзя допустить, чтобы каждый судья творил по своему законы... Отказ от “точных составов” открывает дверь самым разнообразным нарушениям закона, самому бесшабашному кустарничанью, самому нелепому “правотворчеству”... Нужно помнить, что вопрос о правильной квалификации тех или иных преступлений является важнейшим условием правильного осуществления нашей судебной политики, имеющей дело с живыми людьми, обязанной считаться с живыми интересами трудящихся, с интересами и всего пролетарского государства»²⁴.

По своему содержанию вопрос о методике изложения материала уголовного кодекса являлся, конечно, вопросом научным. Он предполагал в первую очередь выработку определенного взгляда на сущность преступления и цели наказания или меры социальной защиты, а во-вторых, создание соответствующей этому взгляду классификации преступных деяний и определение круга назначаемых за их совершение наказаний или мер социальной защиты, установление порядка их применения судьями. И как показывают материалы обсуждения вопроса о наиболее целесообразных принципах построения нового уголовного кодекса, спор по этой теме между правоведами как раз и носил преимущественно научный характер. Политический характер этому сложнейшему юридическому вопросу придал именно Крыленко.

В первом же своем выступлении о реформе Уголовного кодекса РСФСР 1926 года, которое было представлено в виде доклада на заседании коллегии наркомата юстиции РСФСР 24 мая 1928 года, Н.В. Крыленко, занимавший в то время должность заместителя наркома юстиции, высказал отрицательное отношение к дозированию уголовной репрессии, соотнесению ее с конкретными преступлениями,

²⁴ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 10–11.

заявив, что по существу это дозирование есть не что иное, как «отражение в уголовной политике идеи эквивалентности товаров друг другу, свойственной обществу, основанному на товарообороте, — отражение в форме принципа, что равным образом, за соответствующее преступление надлежит отпустить такую-то дозу, такую-то порцию репрессии»²⁵. Подменяя юридический подход к вопросу переработки действующего уголовного права политическим подходом, Крыленко старался найти опору своим сугубо идеологическим воззрениям на уголовный кодекс в идеях марксизма и ленинизма. С точки зрения этих идей он оценивал уголовную политику Советского государства и приходил к выводу, что она «не выдерживает критики уже совершенно». Пытаясь обосновать эту оценку, Крыленко утверждал в докладе на коллегии НКЮ, что «основной принцип марксизма, рассматривающего общество как совокупность различных классов, рассматривающего всякую систему репрессии как орудие господства и принуждения, при помощи которого действует один класс в отношении другого, не может мириться ни с теорией “вины” и “наказания”, ибо не за что “наказывать” классовых врагов, ни с теорией исправления, поскольку исправлять классовых врагов, равным образом не имеет никакого смысла»²⁶.

Исключительно политическое воззрение на основополагающие категории уголовного права неизбежно вело Крыленко к отказу от принципа соответствия наказания тяжести преступления, а в конечном итоге — к мысли о бесполезности особенной части уголовного кодекса. «Что же касается задач уголовной политики в отношении представителей своего же класса, — заявлял он, — то с точки зрения марксизма, равным образом, нелепостью является постановка проблемы их исправления путем заключения в тюрьму на те или иные сроки. Плановое воздействие на основы экономики нашего общества,

²⁵ Крыленко Н.В. Принципы переработки уголовного кодекса. Доклад на заседании коллегии НКЮ от 24/V. 1928 г. // Революция права. 1928. № 4. С. 5. Еженедельник советской юстиции. 1928. № 22. С. 641–643. № 23. С. 661–664.

²⁶ Там же. Революция права. 1928. № 4. С. 7. Еженедельник советской юстиции. 1928. № 22. С. 642.

уничтожение классовых противоречий в их корне, устранение основных первопричин, порождающих преступность — вот методология борьбы, которая, в данном случае, может явиться для нас единственно приемлемой. А с этой точки зрения отпадают сразу же и теория “соответствия меры репрессии содеянному” и “теория исправления” путем заключения на тот или иной, заранее определенный срок»²⁷.

Политический, а не юридический характер имела и заимствованная Н.В. Крыленко у П.И. Стучки идея деления всех преступлений на три категории: 1) социально-вредные действия, 2) социально-опасные действия и 3) особо-опасные действия. При изложении этого деления Николай Васильевич высказывал мысль о том, что «так называемая “особенная часть” Уголовного кодекса должна быть разделена на три раздела» соответственно предложенной им классификации преступных деяний²⁸.

Подобные воззрения формировали в молодом Советском государстве **идеологию государственной политики массовых репрессий**. Особенно явственно она проступала в докладе Н.В. Крыленко «*Три проекта реформы уголовного кодекса*», с которым он выступил в 1931 году на Первом Всесоюзном съезде марксистов-государственников. Это было программное выступление. Народный комиссар юстиции РСФСР предельно откровенно выражал свои представления о том, каким должен быть образцовый уголовный кодекс Советского государства. «Главная беда нынешней нашей системы уголовного кодекса, — утверждал он, — в том, что в ней сохраняются и те элементы буржуазной формы права, которые мешают нам на данном этапе. Задача подавления классовых врагов, задача дисциплинирующего воздействия на колеблющиеся элементы из среды трудящихся — обе эти задачи предполагают... дифференциацию репрессии по классовому признаку. Этой дифференциации уголовной политики противопоставляются

²⁷ Там же.

²⁸ Революция права. 1928. № 4. С. 14. Еженедельник советской юстиции. 1928. № 22. С. 662-663.

формальная точка зрения уголовного права буржуазии о равенстве закона для всех, формальное понятие преступления, требование равной репрессии, считающейся только с точной буквой закона, только с объективной тяжестью содеянного. Эта точка зрения мешает правильному построению нашей уголовной политики сейчас. Мы на этой точке зрения стоять не можем, должны ее отвергнуть, ибо она прямо мешает основной задаче — классово дифференцировать методы уголовной репрессии

Не в меньшей мере противостоит этой задаче эквивалентность формы репрессии с вытекающим отсюда делением преступлений на отдельные составы, связанные с дробными мерами репрессий на основе принципа дозировки. Система точных составов, система точных, предуказанных доз репрессии, применяемых на основе формального подхода к совершающему преступление, в период обостряющейся классовой борьбы мешает пролетариату, связывает его руки. В этом процессе классовой борьбы нельзя подходить к врагу с определенным, фиксированным, точным указанием: вот столечко и столечко полагается тебе за данное преступление. Нам нужно в нынешней борьбе развязать руки нашему суду пролетарской диктатуры, как орудию общественной самодисциплины трудящихся. Пусть он в каждом конкретном случае, соблюдая классово дифференцированный подход, ищет наиболее целесообразную меру»²⁹.

Сам Н.В. Крыленко вряд ли сознавал подлинный смысл сформулированных и изложенных им в многочисленных устных выступлениях, в журнальных статьях и книжках уголовно-правовых доктрин. Он считал эти доктрины революционными и присущими пролетарскому государству на всех этапах его развития. Он забыл или не понимал то, что всегда помнил и понимал Вышинский: **государство, как бы оно ни называлось — буржуазным, пролетарским или социалистическим — всегда является прежде всего государством.**

Критику Вышинского Николай Васильевич воспринял предельно серьезно. И еще до публикации доклада прокурора СССР «Речь т.

²⁹ Крыленко Н.В. Три проекта реформы уголовного кодекса // Советское государство и революция права. Журнал Института советского строительства и права. 1931. № 1. С. 89–90.

Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции» написал ответ на его критические выпады. Поэтому в журнале «Советская юстиция», печатном органе Наркомата юстиции РСФСР, доклад А.Я. Вышинского и ответ Н.В. Крыленко на содержащуюся в нем критику были опубликованы одновременно, один за другим³⁰. Андрей Януарьевич ответил на ответ Крыленко. Началась полемика между прокурором СССР и наркомом юстиции РСФСР, непосредственно по проблемам уголовного кодекса, а вообще – по вопросу уголовной политики Советского государства. Данный спор длился на страницах журналов до конца 1935 года. Его содержание, стиль публикаций и их тон многое проясняют не только во взаимоотношениях этих двух людей, игравших в 1920-е – 1930-е годы ключевые роли в юридической жизни и политике Советского государства, но и в общественной атмосфере, существовавшей в нашей стране накануне периода массовых репрессий.

2

Спор между А.Я. Вышинским и Н.В. Крыленко, развернувшийся после выступления прокурора СССР 19 мая 1935 года с критикой в адрес народного комиссара юстиции РСФСР, имел необычный характер. Между собой столкнулись не просто два человека, занимавших высшие юридические должности в Советском государстве, но люди, выражавшие два разных течения в большевистской идеологии и соответственно воплощавшие собой два различных типа советских государственных деятелей. Один из них являлся по своему мировоззрению **большевиком-революционером**, другой – **большевиком-государственником**. Первый из них вошел в число жертв политических репрессий 1936–1938 годов. Второй выступил в качестве обвинителя этих «жертв».

Тайна «сталинских репрессий» 30-х годов XX века вряд будет когда-нибудь будет разгадана: слишком много явлений, процессов, противоречий сплелось воедино в данном феномене. Слишком много

³⁰ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // Советская юстиция. 1935. № 18. С. 1-8. Крыленко Н.В. Ответ т. Вышинскому // Советская юстиция. 1935. № 18. С. 8-11.

противоположностей смешалось в нем. **Это было преступление, в котором нередко жертвы становились собственными палачами, а палачи оказывались жертвами.**

Конфликт между Вышинским и Крыленко показывает, как происходило это удивительное и странное превращение палача в жертву, а жертвы — в палача.

* * *

Критикуя друг друга, и народный комиссар юстиции РСФСР Н.В. Крыленко, и прокурор СССР А.Я. Вышинский подчеркивали, что разногласия между ними касаются непосредственно лишь вопросов уголовного процесса и вопросов уголовного кодекса, т. е. относятся прежде всего к области юридической науки. Однако стиль, содержание и логика их высказываний, аргументация, к которой они прибегали, чтобы доказать свою правоту, показывали, что в действительности они рассматривали полемику между собой как настоящее политическое сражение и соответственно каждый из них относился к своему оппоненту как к политическому противнику. Сознавая принципиальный, идеологический характер своих расхождений в понимании основных вопросов уголовного права и уголовного процесса, оба полемиста не стеснялись называть свой спор «дракой за честь» или просто «дракой», а взаимные критические выпады представлять в качестве «обвинений».

Первый свой ответ на критику со стороны Вышинского, прозвучавшую в докладе прокурора СССР по поводу речи И.В. Сталина о кадровой политике, Крыленко начал с объяснения причины, побудившей его решительно и резко на нее возразить. «Там, где идет вопрос о принципах, — заметил он, — там должно действительно драться до конца или, как говорил принц Гамлет, “драться за скорлупу, если задета честь”. Вот почему мы не можем оставить без ответа выступление т. Вышинского, хотя и не видим ни особенной необходимости, ни особенной логики в связывании этих вопросов с выступлением т. Сталина о кадрах»³¹.

³¹ Крыленко Н.В. Ответ т. Вышинскому // Советская юстиция. 1935. № 18. С. 8.

А.Я. Вышинский в своем ответе на ответ Н.В. Крыленко, опубликованном одновременно в двух журналах — «Советская юстиция» и «Социалистическая законность» — также считал необходимым отметить принципиальность его спора с наркомом юстиции РСФСР. Я не согласен, заявил он, что за скорлупу следует драться, даже если задета честь. В данном случае дело идет не о «скорлупе», как выражается Гамлет, а о «действительно серьезных, принципиальных вопросах нашей судебной политики. Поэтому я готов драться за правильное решение этих вопросов»³².

И Вышинский, и Крыленко были согласны в том, что прокуратура и суд в Советском государстве имеют в борьбе с преступностью два предназначения: защиту интересов трудящихся и подавление классовых врагов. Эту мысль они последовательно проводили и в своих выступлениях. Разногласия между ними начинались лишь тогда, когда заходила речь о способах достижения этих целей.

Андрей Януарьевич был убежден, что защиту интересов трудящихся и подавление классовых врагов можно совмещать и эффективно вести в рамках единого уголовного процесса. Введенный Постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 1 декабря 1934 года упрощенный и ускоренный порядок расследования и судебного рассмотрения дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти он рассматривал как временное исключение из правил, вызванное чрезвычайными обстоятельствами, связанными с убийством С.М. Кирова. Высказывая в докладе «Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции» мнение о необходимости внесения в действующий уголовный кодекс ряда изменений «в духе дальнейшей демократизации нашего судопроизводства», прокурор СССР настойчиво призывал поэтому «решительно отвергнуть всякие попытки возродить теорию двух процессов». «Нельзя, — утверждал он, — смешивать этот вопрос с вопросом о выделении некоторых

³² Вышинский А.Я. Ответ на ответ // Советская юстиция. 1935. № 33. С. 4. Социалистическая законность. 1935. № 10. С. 27.

категорий дел, как это делает закон 1 декабря 1934 года, для рассмотрения в особом порядке. Во всяком процессе могут быть те или иные отступления, исключая из обычного процесса. Это естественно и неизбежно. Но это другой вопрос. Это не вопрос о двух процессах»³³.

Крыленко же, в отличие от Вышинского, полагал, что защита интересов трудящихся и подавление классовых врагов могут эффективно обеспечиваться лишь при условии введения в Советском государстве двух типов уголовного процесса. «Наш судебный процесс, — писал он, — являясь таким же политическим орудием, каким является и наш Уголовный кодекс, должен отличаться двумя основными качествами:

а) быть достаточно гибким в смысле процессуальных полномочий суда для того, чтобы обеспечить необходимую маневренность и свободу в установлении методов для отыскания материальной истины и разоблачения классового врага, во-первых, и быстроту репрессии (ее суровость в свою очередь обеспечивается материальным правом), во-вторых;

б) быть достаточно демократичным, чтобы обеспечить максимальную защиту прав трудящихся в судебном процессе и наибольший воспитательный эффект в отношении окружающих»³⁴.

При этом нарком юстиции РСФСР отмечал, что «эту вторую задачу обеспечивают принципы советской судебной демократии, гласность процесса, его непосредственность, устность и т.д.». А «чрезвычайные полномочия суда при рассмотрении дел по декрету от 1 декабря являются примером тех приемов и способов, к которым прибегает наш процесс для разрешения первой задачи»³⁵.

Указанные две формы судопроизводства Н.В. Крыленко находил настолько качественно различными одна от другой, что делал вывод о появлении в рамках советского правосудия двух типов уголовного процесса. «Это совершенно ясно и отчетливо выраженные две формы судоговорения, применяемые одним и тем же судом в зависимости от

³³ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 12.

³⁴ Крыленко Н.В. Ответ т. Вышинскому. С. 9.

³⁵ Там же.

политической обстановки, места и времени»³⁶, — утверждал он. В связи с этим Николай Васильевич предлагал написать новый уголовно-процессуальный кодекс так, чтобы «у суда были все возможности для применения обеих форм процесса., в зависимости от конкретных обстоятельств места, времени, характера преступления и личности совершившего»³⁷.

А.Я. Вышинский считал разделение судебного процесса на два вида (один — специально для классовых врагов, другой — для трудящихся) недопустимым в условиях, когда гражданская война была закончена и стояла задача упрочения основ Советского государства, утверждения во всех сферах государственной деятельности принципа законности. Против такой реформы уголовного процесса он выступал и ранее. Его спор с Крыленко по данному вопросу был в сущности продолжением давнего с ним спора.

Наркомат юстиции РСФСР еще в 1927 году предлагал принять новый уголовно-процессуальный кодекс, предполагавший два различных судебных процесса: особый — для классовых врагов и обыкновенный — для трудящихся. «Тезисы о реформе УПК», утвержденные постановлением коллегии наркомата юстиции РСФСР 9 июня 1927 года, были разработаны при активном участии Н.В. Крыленко, занимавшего тогда пост заместителя наркома юстиции РСФСР³⁸. В этом документе констатировалось, что существовавший в то время в системе советского правосудия процесс, «долженствовавший обеспечить краткую и быструю репрессию в отношении классовых

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Активное участие Н.В. Крыленко принимал и в разработке на основе этих тезисов проекта нового УПК РСФСР, закрепившего деление судебного процесса на два вида — «судебное заседание в народном суде» и «судебное заседание в губернском суде. Его текст, опубликованный в декабре 1927 г. в журнале «Еженедельник советской юстиции», представлял именно Н.В. Крыленко. См.: *Крыленко Н.В.* К проекту нового УПК РСФСР // *Еженедельник советской юстиции.* 1927. № 47. С. 1457–1459. Данный проект был опубликован в двух номерах указанного журнала. См.: Проект Уголовно-процессуального кодекса РСФСР с постатейным наказом НКЮ о порядке производства уголовных дел в судебных учреждениях РСФСР. Проект постановления СНК РСФСР // *Еженедельник советской юстиции.* 1927. № 47. С. 1473–1481. № 48. С. 1510–1520.

врагов, превратился в свою противоположность — длинный, наполненный формалистикой и крючкотворством процесс»³⁹. В связи с этим было предложено разделить судебный процесс на два вида: «процесс в губернском суде и процесс в народном суде»⁴⁰.

Процесс в народном суде предполагалось в максимальной степени освободить от всяких формальностей, оставив минимум норм, подлежащих обязательному соблюдению. Нормы же, не вошедшие в эту категорию, предусматривалось признать «техническими приемами, нарушение которых не играет существенного значения»⁴¹.

Рассмотрение дел в губернском суде должно было в соответствии с этой реформой строиться как «исключительный процесс» на основании «предоставления руководящей роли председателю, без допущения прокуратуры и защиты, и на основе применения, по усмотрению суда, ряда жестких процессуальных мер»⁴².

А.Я. Вышинский видел в таком разделении процесса большую опасность для Советского государства. В докладе на объединенном заседании секции уголовной политики Института советского строительства и права Коммунистической академии и секции уголовного процесса Института уголовной политики Прокуратуры СССР и НКЮ РСФСР, сделанном 23 октября 1934 года, Андрей Януарьевич подверг резкой критике проект реформы УПК, предложенный наркоматом юстиции в конце 1927 года. «Не разрушать УПК и уголовный процесс, а максимально его укрепить — вот в чем состояла тогда наша задача, — заявил он. — Тогдашний НКЮ попытался пойти по пути наименьшего сопротивления, рассуждая примерно так, что раз классовый враг использует процессуальные права и всякие “формальности”, чтобы уйти от ответственности, то

³⁹ Тезисы о реформе УПК. Постановление Коллегии Нар. Ком. Юстиции РСФСР (протокола № 464/9 заседания от 9 июня 1927 г.) // Ежедневник советской юстиции. 1927. № 47. С. 1472.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 1473.

лучше всего уничтожить эти “права” и “формальности”⁴³. Между тем эти права представляли собой частицу советского права, элементы права пролетарского государства, необходимого пролетариату как одно из орудий подавления именно классового врага, как средство мобилизации широких масс трудящихся на борьбу с классовым врагом и преступлениями.

Ошибочность занятой в 1927 году по отношению к УПК позиции НКЮ совершенно очевидна, особенно теперь, когда так остро стоит перед нами задача максимального укрепления процессуального производства как основы и условия деятельности советского суда, значение которого, особенно в настоящее время, чрезвычайно велико»⁴⁴.

Содержание доклада, сделанного А.Я. Вышинским 23 октября 1934 года, показывает, что его критика позиции Н.В. Крыленко в докладе 19 мая 1935 года отражала в первую очередь идейные расхождения между ними.

Отвечая на критику прокурора СССР, нарком юстиции РСФСР писал: «Выступление т. Вышинского против меня сводится к обвинению: 1) что я выступаю сторонником не точных, а ориентировочных составов в Уголовном кодексе, 2) что продолжаю борьбу против дозировки, 3) ввожу и поощряю “самое нелепое

⁴³ В данном случае А.Я. Вышинский имел в виду третий тезис из Постановления Коллегии Наркомюста от 9 июня 1927 г., в котором дословно говорилось: «Классовый характер общественных отношений, характеризующих до сих пор и советскую действительность, дал возможность буржуазной защите использовать предоставляемые УПК формальные гарантии для избавления классовых противников революции от пролетарской репрессии, в особенности, по делам о хозяйственных преступлениях, отчасти о должностных преступлениях и по всем делам о контрреволюционных преступлениях». На основании этого вывода Наркоматом юстиции РСФСР и было принято решение о «коренном пересмотре» УПК, который позволил бы «дать процесс гибкий, лишенный всякой формалистики и в то же время обеспечивающий обе основные цели: жесткость репрессии по отношению к классовым врагам и поддержание через суд общественно-правовой дисциплины среди трудящихся» (Тезисы о реформе УПК. Постановление Коллегии Нар. Ком. Юстиции РСФСР (протокола № 464/9 заседания от 9 июня 1927 г.). С. 1472.

⁴⁴ *Вышинский А.Я.* Реформа уголовно-процессуального законодательства // Советское государство. 1934. № 6. С. 46.

правотворчество”, в итоге чего появляются юридические конструкции, способные только “сбить местных работников юстиции с толку”»⁴⁵. В свою очередь Вышинский, раскрывая суть своего спора с Крыленко, указывал, что их разногласия касаются трех вопросов: «1) Вопросы о твердых составах, 2) вопроса о дозировке и дробности наказания и 3) вопроса о двух процессах или об едином процессе»⁴⁶.

В действительности разногласия между прокурором СССР и наркомом юстиции РСФСР, проявившиеся особенно ярко после мая 1935 года, были расхождением значительно более глобального характера. Конфликт между этими людьми по вопросам, казалось бы, чисто юридическим, был по своему глубинному смыслу столкновением между прошлым и будущим Советского государства. Н.В. Крыленко выступал за продолжение революции и гражданской войны или, во всяком случае, считал, что они продолжаются, поэтому старался органы юстиции, уголовный и уголовно-процессуальный кодексы приспособить для более эффективной борьбы с классовыми врагами. Вышинский же хотел окончательного прекращения революции и гражданской войны, поэтому стремился привести следственную, судебную и прокурорскую деятельность в состояние, присущее нормальному государству.

В докладе «Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции» А.Я. Вышинский утверждал: «В настоящее время мы больше, чем когда бы то ни было должны требовать, чтобы наказания, которые мы выносим, соответствовали индивидуальному вреду того или другого человека, индивидуально выраженному преступлению. Колебания в этой точке зрения должны быть отвергнуты решительным образом»⁴⁷.

Крыленко в своем ответе на критику Вышинского привел данное высказывание прокурора СССР, но лишь для того, чтобы выразить свое несогласие с призывом назначать только такие наказания, которые

⁴⁵ Крыленко Н.В. Ответ т. Вышинскому // Советская юстиция. 1935. № 18. С. 9.

⁴⁶ Вышинский А.Я. Ответ на ответ // Советская юстиция. 1935. № 33. С. 4. Социалистическая законность. 1935. № 10. С. 27.

⁴⁷ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 12.

соответствуют индивидуальному вреду, причиненному преступником. Задав риторические вопросы, он довольно категорично высказал мнение о том, какой должна быть судебная политика Советского государства: «Вреду или опасности? Ведь в этом гвоздь. Наказания должны соответствовать опасности этого человека, или должны соответствовать (быть пропорциональными) вреду, который этот человек нанес? Ведь это же вещи совершенно разные. Увы ясного ответа т. Вышинский не дает.

Никогда я не охаивал советской судебной политики, если она строила свои приговоры, исходя из индивидуальных особенностей преступления, из индивидуальных особенностей каждого совершившего преступление. Но я всегда боролся и буду бороться против дробности наказания, мотивированной буржуазной схоластикой теории возмездия, хотя также никогда не сводил всякую дробность к этой буржуазной схоластике.

В этом суть вопроса. В этом коренная разница. “Кажинный раз” на этом самом месте сбиваются и спотыкаются все те, которые не хотят видеть коренной принципиальной разницы между обеими постановками и которые поэтому в судебной практике скатываются систематически к теории возмездия-отмщения за причиненный вред – вместо отыскания методов борьбы сообразно выявившейся опасности данного человека»⁴⁸.

В отличие от Вышинского, выступавшего за то, чтобы наказания соответствовали **вреду, причиненному преступником**, Крыленко считал, что наказания должны зависеть от **опасности преступника как человека**. Данный принцип назначения наказаний доминировал в уголовно-правовой идеологии и карательной политике Советского государства в первые годы его существования. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», утвержденные Постановлением Народного комиссариата юстиции РСФСР 12 декабря 1919 г., провозглашали: «При определении *меры воздействия* на совершившего преступление, суд оценивает *степень и характер (свойство) опасности для общежития*

⁴⁸ Крыленко Н.В. Ответ т. Вышинскому // Советская юстиция. 1935. № 18. С. 11.

как самого *преступника*, так и совершенного им *деяния*»⁴⁹. Преступлением в этом документе называлось «действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений», т.е. признак вины совершенно не учитывался. Соответственно наказание трактовалось как «оборонительная мера» или как «те меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников)»⁵⁰. Пункт 10 «Руководящих начал» предписывал и объявлял: «При выборе наказания следует иметь в виду, что преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник. Поэтому наказание не есть возмездие за “вину”, не есть искупление вины»⁵¹.

С тех пор, как была сформулирована приведенная доктрина преступления и наказания, прошло шестнадцать лет. Советское государство окончательно сложилось как механизм властвования, как аппарат управления. Действовавшее в нем уголовное законодательство отошло от основных постулатов революционной, военизированной доктрины преступления и наказания. Тем не менее Крыленко продолжал их исповедовать: в его речах и статьях отражался все тот же взгляд на преступление и наказание, который был выражен в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 года. Таким образом, спор Н.В. Крыленко с А.Я. Вышинским по вопросам преступления и наказания был в сущности своей столкновением двух советских доктрин уголовного права: первоначальной, присущей Советскому государству эпохи становления, которая пришлась на годы гражданской войны; и зрелой, утверждавшейся в первой половине 30-х годов XX века, которая соответствовала Советскому государству, вышедшему из состояния гражданской войны.

⁴⁹ Постановление Народного Комиссариата Юстиции «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР». 12 декабря 1919 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1919. № 66. С. 842.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

Продолжая полемику с А.Я. Вышинским, Н.В. Крыленко становился все более категоричным и открытым в выражении своих взглядов. Он вел научную по своему содержанию дискуссию с прокурором СССР так, будто боролся с классовым врагом. Не сумев удержаться от политической оценки своего оппонента, Николай Васильевич использовал в споре слова «либерал», «либеральный». Для истинного и неистового большевика-революционера эти определения были равнозначны выражению «классовый враг».

Наиболее резкую отповедь со стороны Крыленко вызывали призывы прокурора Союза ССР строго следовать закону при возбуждении и рассмотрении уголовных дел. «Нельзя допустить, чтобы граждан привлекали к суду за такие преступления, которые не обозначены в законе»⁵², — говорил Вышинский в своем докладе 19 мая 1935 года. «Ведь закон имеет один смысл, одно содержание — точное. Кто пренебрегает точным смыслом закона, кто допускает такое толкование закона, которое противоречит его точному смыслу, тот вступает в противоречие со смыслом закона и, следовательно, с законом, нарушает закон»⁵³, — утверждал Андрей Януарьевич в последующей своей статье, содержащей новую критику взглядов Крыленко.

Николай Васильевич считал приведенные высказывания Вышинского самым большим его прегрешением в области юриспруденции. Он даже процитировал их в своей критической статье, чтобы решительно от них отмежеваться. «Я обвиняю его в **либерализме**, — пояснял нарком юстиции РСФСР свою позицию в споре с прокурором СССР, — не в связи с оспариванием им теории об ориентировочных составах и не в связи якобы с непризнанием им теории об ориентировочных составах и не в связи якобы с непризнанием им принципа аналогии. Я бросал ему упрек в либерализме за выставление им буржуазного **либерального**

⁵² *Вышинский А.Я.* Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 11. Советская юстиция. 1935. № 18. С. 7.

⁵³ *Вышинский А.Я.* Ответ на ответ // Советская юстиция. 1935. № 33. С. 5. Социалистическая законность. 1935. № 10. С. 29.

принципа: *“nullum crimen, nulla poena sine lege”*⁵⁴, как основного принципа нашей политики. Вот в чем я обвиняю т. Вышинского. В том, что он вводит в нашу политику в качестве основного принципа **неправильный либеральный принцип**, который нет нужды вводить и введение которого только запутает нас и будет нам мешать в нашей практике»⁵⁵ (выделено мною. — В.Т.).

Резкое неприятие со стороны Крыленко данного уголовно-правового принципа было неслучайным. Он разрушал революционную доктрину преступления и наказания, от которой Николай Васильевич не желал отказываться. Вышинский же полагал, что без принятия этой доктрины невозможно установить и поддерживать надлежащий правопорядок в любом, в том числе и в социалистическом государстве. Полемизируя с Вышинским, Крыленко не скрывал, что отвергает принцип «нет преступления, нет наказания, если нет о том указания закона» прежде всего потому, что он противоречит революционной доктрине уголовного права, сложившейся в первые годы существования Советского государства. Свое суждение на сей счет он выразил в предельно категоричной форме: **«Можно и должно сейчас в нашу эпоху подчеркивать значение незыблемости закона. Можно и должно в нашу эпоху вести борьбу за максимально точное его применение. Можно и должно для этого соответственно и своевременно изменять и уточнять наш уголовный закон. Но нельзя класть в основу нашей уголовной политики, как абсолютный принцип ее построения, формулированный выше т. Вышинским буржуазный принцип “nullum crimen, nulla poena sine lege”.** Нельзя колебать наши основные установки

⁵⁴ Дословно: «Нет преступления, нет наказания — без закона». Н.В. Крыленко давал еще и такой перевод данного изречения: «Нет преступления, нет наказания, если нет о том указания закона». В статье 8 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. данный принцип был выражен в следующей форме: «Никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, принятого и обнародованного до совершения правонарушения и надлежаще примененного» (Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время. 2-е издание, дополненное / Сост.: профессор В. А. Томсинов. М., 2018. С. 161.

⁵⁵ Крыленко Н.В. Точки над «и» // Советская юстиция. 1935. № 33. С. 8–9.

и взгляды на существо того, что мы называем преступлением (преступно все опасное для пролетарской диктатуры, а вовсе не только то, что обозначено в законе) и незачем кастрировать наши методы борьбы с преступлениями, не без успеха применявшиеся нами до сих пор.

В этом методологически-порочном подходе т. Вышинского к основным вопросам построения нашей уголовной политики и находится основное наше с ним расхождение и корень всех его ошибок»⁵⁶.

Самое примечательное в приведенном заявлении Н.В. Крыленко – это его формулировка основного принципа революционной доктрины преступления, который нарком юстиции РСФСР считал незыблемым: **«преступно все опасное для пролетарской диктатуры, а вовсе не только то, что обозначено в законе»**.

На восемнадцатом году существования Советского государства этот принцип должен был восприниматься как архаизм. И Вышинский именно так его и воспринимал. Почему же тогда Крыленко рассматривал его как вполне современный и старался защитить его от любых посягательств – даже со стороны прокурора СССР?

Разгадка этой тайны проста: в отличие от Вышинского Николай Васильевич считал, что большевистская революция в нашей стране в середине 30-х годов еще не закончилась, а продолжается. Поэтому он довольно раздраженно реагировал на призывы Вышинского соблюдать законы в их точном смысле. Возражая оппоненту, Крыленко горячо утверждал: **«Наша практика не укладывается в эти его требования, не укладывается не только в силу несовершенства наших законов, очень часто отстающих от жизни, но и потому, что условия нашей, еще не завершенной нами революции таковы, что мы не можем провозглашать этот принцип, не связывая себя этим самым без нужды, что условия нашей политической действительности таковы, что иной раз требуют применения закона с отступлением от его текстуального толкования и очень часто требуют применения не той**

⁵⁶ Там же. С. 10.

статьи, под которую прямо подпадает данное преступление при опять-таки текстуально-точном толковании закона. **Политическая линия судебной политики при этом остается правильной, хотя формально-логическое толкование закона страдает»⁵⁷.**

Публикуя статью, которая содержала приведенное высказывание, Н.В. Крыленко уже принял решение прекратить полемику с А.Я. Вышинским. Поэтому назвал ее «Точки над “и”». «У меня нет охоты дальше спорить с Вышинским, — заявил он в самом начале своей публикации. — Есть спор и спор. Есть спор, из которого, как говорили древние, рождается истина, и есть спор, который только затемняет. Это бывает тогда, когда вместо спора по существу уходят от принципиальных вопросов, создавая в то же время видимость якобы серьезной аргументации»⁵⁸.

В ответ на указанную статью Вышинский опубликовал краткую, всего на одной странице, заметку, в которой объявил, что три вопроса, по поводу которых шел спор, по существу, разрешены не в пользу т. Крыленко. В качестве пояснения к этому утверждению Андрей Януарьевич заметил: «По первому вопросу о точных или неопределенных составах т. Крыленко сдал все свои позиции, прикрывшись, впрочем, ссылкой на требования нашей эпохи...

По второму вопросу о дозировке т. Крыленко фактически сдал свои позиции, даже не прикрываясь никакой эпохой.

Вопрос третий — о двух процессах — новым проектом УПК разрешен в направлении, прямо противоположном взглядам т. Крыленко.

Стоит ли после этого продолжать спор?»⁵⁹

Данный спор действительно являлся весьма странным. Оба полемиста были озабочены более изложением собственных суждений, чем надлежащим уяснением и объяснением высказываний своего оппонента.

⁵⁷ Крыленко Н.В. Точки над «и» // Советская юстиция. 1935. № 33. С. 9.

⁵⁸ Там же. С. 6.

⁵⁹ Вышинский А.Я. Вопрос действительно исчерпан // Социалистическая законность. 1935. № 12. С. 4.

Прокурор СССР утверждал, например: «Кто пренебрегает точным смыслом закона, кто допускает такое толкование закона, которое противоречит его точному смыслу, тот вступает в противоречие со смыслом закона и, следовательно, с законом, нарушает закон». Нарком юстиции РСФСР почему-то понял данное толкование закона как исключительно «текстуальное» или «формально-логическое». Но ведь Вышинский совершенно отчетливо писал о толковании законов для выявления их точного смысла, а не о текстуальном или формально-логическом их толковании.

В заметке, завершившей его спор с Николаем Васильевичем, Андрей Януарьевич подчеркнул: «Чтобы устранить всякую путаницу, повторяю, толкование закона допустимо, неизбежно и необходимо, но толкование **по смыслу**, а не по тексту. Такое толкование (**по смыслу**), конечно, дело трудное, но без преодоления этой трудности невозможно проводить правильную судебную политику»⁶⁰ (выделено мною. — В.Т.).

Закончил Вышинский свой спор с Крыленко выводом, который нельзя было не признать справедливым: «Вопросы, явившиеся предметом этого спора, столь серьезны и имеют столь серьезное значение для дальнейшего развития нашего советского права, что, независимо от наших личных вкусов и настроений, к этим вопросам нам придется еще возвращаться неоднократно»⁶¹.

3

В публицистической литературе, посвященной советскому обществу 1930-х годов, всецело доминирует тема «массовых репрессий». 1936 год считается временем их начала — своего рода прологом к периоду, охватывающему весь 1937-й и первую половину 1938 года, на который пришлось наибольшее количество репрессированных.

Для такого взгляда есть определенные основания. Архивные документы показывают, что в 1936 году было арестовано 88873

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

советских гражданина, из них 1118 было расстреляно. В 1937 году количество арестованных составило уже 918671, из которых расстреляно было 353074 человека. В 1938 году аресту подверглось 629695 граждан, расстрелом окончили свою жизнь 328074 человека. На 1939 год пришлось 41627 арестованных и 2601 расстрелянных⁶².

Приведенные цифры действительно заставляют смотреть на 1936 год как на время начала «массовых репрессий». Однако если мы ограничимся этим взглядом, то ничего не поймем в их подоплеке и не сумеем разобраться в подлинном смысле этого страшного для любого общества и государства феномена.

Год 1936-й был примечательным не только с точки зрения явления, называемого «сталинскими» или «массовыми» репрессиями. Он оказался во многих отношениях судьбоносным для нашей страны. В течение его произошли события, определившие характер всей дальнейшей эволюции советского общества.

Во-первых, был завершен процесс становления **экономической основы** социалистического государства, обеспечивающей его независимость и возможность самостоятельного развития. Отчеты Народного комиссариата финансов СССР об исполнении государственного бюджета показывают, что 1936 год стал наиболее успешным для экономики Советского Союза за все четырнадцать лет, прошедшие с момента его образования. Заметно возросла ее прибыльность⁶³. Небывалыми темпами стало расти производство

⁶² Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии. 9 февраля 1956 г. // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 — февраль 1956. М., 2000. С. 317.

⁶³ «План накопления в 1936 г. был перевыполнен. Общая сумма прибылей социалистического хозяйства при составлении государственного бюджета 1936 г. была предусмотрена в размере 11, 3 млрд. руб., фактически же она составила 14, 5 млрд. руб. Утвержденный ЦИК СССР план отчислений от прибылей перевыполнен на 512 млн. руб., или на 16%. По сравнению с 1935 г. Отчисления от прибылей возросли на 78, 6%» (Из объяснительной записки к отчету Наркомфина СССР об исполнении госбюджета за 1936 г. // Индустриализация СССР. 1933–1937 гг. Документы и материалы. М., 1971. С. 124).

продукции во всех отраслях промышленности⁶⁴. Началось формирование военно-промышленного комплекса, способного разрабатывать и выпускать передовое вооружение для сухопутной армии, авиации и флота⁶⁵.

Во-вторых, была создана **конституционная основа** для формирования политической системы демократического типа. 5 декабря 1936 года Чрезвычайный VIII съезд Советов принял новую Конституцию СССР, предполагавшую переход советской государственности в зрелое состояние, воплощением которого должно было стать общенародное государство. Первый раздел действовавшей прежде Конституции 1924 года содержал «Декларацию об образовании Союза Советских Социалистических Республик», в которой фактически провозглашался курс на мировую революцию. Декларация завершалась заявлением о том, что новое союзное государство «послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»⁶⁶. Новая Конституция СССР ничего подобного не содержала и содержать не могла. Это была конституция, направленная не на мировую революцию, а на укрепление советского социалистического государства.

И.В. Сталин в своем докладе о проекте Конституции Союза ССР, сделанном в первый день работы Чрезвычайного VIII съезда Советом, считал необходимым подчеркнуть: «Составляя проект новой Конституции, Конституционная Комиссия исходила из того, что

⁶⁴ Валовая продукция тяжелой индустрии выросла в 1936 г. на 33,1% по отношению к предыдущему году, а производительность труда — на 26% (Там же. С. 128). Легкая промышленность дала прирост продукции по сравнению с 1935 г. на 34,5% (Там же. С. 130). Заметно выросло и производство продуктов питания. Согласно отчету Наркомата финансов СССР об исполнении государственного бюджета за 1936 г., продукция Наркомата пищевой промышленности увеличилась по сравнению с 1935 г. на 27,7% (Там же. С. 132).

⁶⁵ *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 104.

⁶⁶ Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (Утвержден II съездом Советов Союза ССР). 31 января 1924 г. М., 1924. С. 5.

конституция не должна быть смешиваема с программой. Это значит, что между программой и конституцией имеется существенная разница. В то время как программа говорит о том, чего еще нет и что должно быть еще добыто и завоевано в будущем, конституция, наоборот, должна говорить о том, что уже есть, что уже добыто и завоевано теперь, в настоящем. Программа касается главным образом будущего, конституция настоящего... Таким образом проект новой Конституции представляет собой итог пройденного пути, итог уже добытых завоеваний. Он является, стало быть, регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле»⁶⁷.

Общенародный характер Конституции СССР 1936 года юридически выразился в предоставлении всем гражданам равных избирательных прав. И.В. Сталин говорил по этому в своем докладе, что буржуазные конституции «говорят о равных избирательных правах для всех граждан, но тут же ограничивают их оседлостью и образовательным и даже имущественным цензом. Они говорят о равных правах граждан, но тут же оговариваются, что это не касается женщин, или касается их частично. И т. д. и т. п. Особенность проекта новой Конституции СССР состоит в том, что он свободен от подобных оговорок и ограничений. Для него не существует активных или пассивных граждан, для него все граждане активны. Он не признает разницы в правах между мужчинами и женщинами, “оседлыми” и “неоседлыми”, имущими и неимущими, образованными и необразованными. Для него все граждане равны в своих правах. Не имущественное положение, не национальное происхождение, не пол, не служебное положение, а личные способности и личный труд каждого гражданина определяют его положение в обществе»⁶⁸.

⁶⁷ Доклад тов. Сталина И.В. на Всесоюзном VIII Съезде Советов о проекте Конституции Союза ССР. 25 ноября 1936 г. // Чрезвычайный VIII съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. Бюллетень № 1. М., 1936. С. 14–15. Текст данного стенографического отчета составлен из бюллетеней заседаний, каждый из которых имеет свою нумерацию страниц.

⁶⁸ Там же. С. 17.

Статья 30 новой Конституции определила, что «высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР». Статья 32 установила, что «законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР». Данный орган делился на две палаты: Совет Союза и Совет Национальностей. Депутаты обеих палат должны были избираться гражданами СССР сроком на четыре года.

Статьи со 135 по 140 установили, что выборы депутатов являются всеобщими, равными, прямыми, а голосование — тайным. Сталин решительно выступил против поправки, предлагавшей «лишить избирательных прав служителей культа, бывших белогвардейцев, всех бывших людей и лиц, не занимающихся общепольным трудов, или же, во всяком случае, — ограничить избирательные права лиц этой категории, дав им только право избирать, но не быть избранными»⁶⁹. «Я думаю, — сказал он, — что эта поправка должна быть отвергнута. Советская власть лишила избирательных прав нетрудовые и эксплуататорские элементы не навеки вечные, а временно, до известного периода. Было время, когда эти элементы вели открытую войну против народа и противодействовали советским законам. Советский закон о лишении их избирательного права был ответом Советской власти на это противодействие. С тех пор прошло немало времени. За истекший период мы добились того, что эксплуататорские классы уничтожены, а Советская власть превратилась в непобедимую силу. Не пришло ли время пересмотреть этот закон? Я думаю, что пришло время»⁷⁰.

В-третьих, следует отметить, что 1936 год в истории СССР стал примечательным не только принятием новой советской конституции. По замыслу Сталина новая конституционная основа Советского государства должна была обеспечить серьезное обновление его **кадровой основы**, а именно: формирование в СССР нового правящего слоя, способного беспрекословно и эффективно выполнять

⁶⁹ Там же. С. 31–32.

⁷⁰ Там же. С. 32.

команды, исходящие от высших партийных и государственных органов, строго соблюдать советские законы.

Дело в том, что в 1930-е годы основные должности в партийном и государственном аппарате замещались большевиками-революционерами, завоевавшими авторитет среди рядовых членов коммунистической партии еще во времена подпольной борьбы и в тяжелые для советской власти годы гражданской войны. Поэтому произвести кадровое обновление ускоренными темпами, заменив людей, носивших почетное звание «старых большевиков», на других управленцев, даже более образованных и способных эффективнее проводить в жизнь политику руководства ВКП (б) и Советского государства, было чрезвычайно трудно.

И.В. Сталин сначала пытался решить эту задачу посредством альтернативных выборов, ввести которые он предполагал вместе с принятием новой Конституции СССР. Этот замысел был раскрыт им в интервью, данном 1 марта 1936 года председателю газетного объединения США «Скриппс-Говард Ньюспейперс» господину Рою Говарду.

Завершая интервью, американский корреспондент задал Сталину следующий вопрос: «В СССР разрабатывается новая конституция, предусматривающая новую избирательную систему. В какой мере эта новая система может изменить положение в СССР, поскольку на выборах по-прежнему будет выступать только одна партия?» Иосиф Виссарионович ответил: «Мы примем нашу новую конституцию, должно быть, в конце этого года. Комиссия по выработке конституции работает и должна будет скоро свою работу закончить. Как уже было объявлено, по новой конституции выборы будут всеобщими, равными, прямыми и тайными. Вас смущает, что на этих выборах будет выступать только одна партия. Вы не видите, какая может быть в этих условиях избирательная борьба. Очевидно, избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные беспартийные организации. А таких у нас сотни. У нас нет противопоставляющих себя друг другу партий, Точно так же как у нас нет противостоящих друг другу класса капиталистов и класса эксплуатируемых

капиталистами рабочих. Наше общество состоит исключительно из свободных тружеников города и деревни — рабочих, крестьян, интеллигенции. Каждая из этих прослоек может иметь свои специальные интересы и отражать их через имеющиеся многочисленные общественные организации»⁷¹.

Объяснив далее господину Рою Говарду, почему выборы по новой конституции будут «всеобщими», «равными» и «прямыми», Сталин сказал: «Вам кажется, что не будет избирательной борьбы. Но она будет, и я предвижу весьма оживленную избирательную борьбу. **У нас немало учреждений, которые работают плохо.** Бывает, что тот или иной местный орган власти не умеет удовлетворить те или иные из многосторонних и все возрастающих потребностей трудящихся города и деревни. Построил ли ты или не построил хорошую школу? Улучшил ли ты жилищные условия? Не бюрократ ли ты? Помог ли ты сделать наш труд более эффективным, нашу жизнь более культурной? Таковы будут критерии, с которыми миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, **отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры.** Да, избирательная борьба будет оживленной, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, главным образом вопросов практических, имеющих первостепенное значение для народа. **Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу.** Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти»⁷² (выделено мною. — В.Т.). Данное интервью было напечатано 5 марта 1936 года в газете «Правда» и в других периодических изданиях.

Предполагая осуществить обновление кадрового состава Советского государства путем выборов, проводимых на основе новой Конституции СССР, Сталин понимал, что его противники из категории «старых большевиков» никогда не смирятся с

⁷¹ Сталин И.В. Беседа с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» господином Рой Говардом 1 марта 1936 года // Сталин И.В. Сочинения. Том 14. С. 111.

⁷² Там же. С. 112.

отстранением их от власти и, лишённые значимых партийных и государственных постов посредством демократических процедур, будут стремиться восстановить свои позиции путем заговора, государственного переворота, физического уничтожения руководителей ВКП (б). В речи перед выпускниками военных академий, произнесенной 4 мая 1935 года, Сталин говорил о таких деятелях: «Но эти товарищи не всегда ограничивались критикой и пассивным сопротивлением. Они угрожали нам поднятием восстания в партии против Центрального Комитета. Более того: **они угрожали кое-кому из нас пулями**»⁷³. Очевидно, что бывшие вожди большевиков — такие, как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, имели немало своих сторонников в партии и на государственных постах, в том числе в армии, что позволяло им и после отстранения от власти сохранять определенное влияние на государственную политику, а также плести сети заговора, готовить государственный переворот.

Соратник И.В. Сталина член Политбюро ЦК ВКП (б) Лазарь Моисеевич Каганович, касаясь обстановки, существовавшей в коммунистической партии и Советском государстве во второй половине 1920-х и в первой половине 1930-х годов, рассказывал публицисту Ф.И. Чуеву: «Иметь в условиях нашего окружения капиталистического столько правительств на свободе, ведь они все были членами правительств — троцкистское правительство было, зиновьевское правительство было, рыковское правительство было — это было очень опасно и невозможно. Три правительства могло возникнуть из противников Сталина... Кто же мог поверить, что старые, опытные конспираторы, используя весь опыт большевистской конспиративности и большевистской кооперации, и подпольной организации, что эти люди не будут между собой связываться и не будут составлять организацию? Они составляли организацию... Они организовывали восстания против Советской власти, и возглавили бы восстание. Весь метод Ленина борьбы против буржуазного правительства они

⁷³ Сталин И.В. Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии. 4 мая 1935 г. // Сталин И.В. Сочинения. Том 14. М., 1997. С. 60.

использовали и могли использовать против нашего правительства, против нас. И в армии они имели своих людей, и всюду имели своих людей. Они создали распространенную цепь организаций. И докладывали друг другу, и связь организовали. Бухарин с Каменевым встречался, беседовали, разговаривали о политике ЦК и прочее. Как же можно было их держать на свободе? Говорят, мол, как они могли с иностранными государствами связываться? Так они рассматривали себя как правительство, как подпольное нелегальное правительство. Неустойчивое, но правительство. И шли на это»⁷⁴.

Как бы то ни было, к 1936 году у Сталина и его соратников сложилось стойкое убеждение в необходимости применения по отношению к «старым большевикам», выступавшим против государственной политики, бескомпромиссных репрессивных мер. В этой связи совсем не случайным событием стал судебный процесс по делу об «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре», проходивший в Москве с 19 по 24 августа 1936 года. В рамках его к уголовной ответственности за совершение тягчайших государственных преступлений, предусмотренных статьями 58⁸ и 58¹¹ действовавшего в то время Уголовного кодекса РСФСР, то есть за подготовку и совершение террористических актов, «направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций», были привлечены шестнадцать политических деятелей. Всех обвиняемых по этому делу рассматривавшая его Военная коллегия Верховного суда Союза ССР приговорила к расстрелу. 25 августа данный приговор был приведен в исполнение. Среди расстрелянных оказалась группа известных большевиков, занимавших прежде высокие партийные и государственные должности, а именно: Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Е. Евдокимов, И.П. Бакаев, С.В. Мрачковский, В.А. Тер-Ваганян, И.Н. Смирнов. Таким образом, угрозы Сталина в адрес партийных вельмож, игнорировавших советские законы и указания руководящих органов ВКП (б), которые он неоднократно высказывал в предыдущие годы, начали осуществляться самым жестоким образом.

⁷⁴ Чувев Ф.И. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 138-139.

Месяц спустя после завершения процесса по делу об «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» произошло событие, показавшее, что у руководства ВКП (б) есть намерение подготовить и провести против партийных вельмож новые судебные процессы. 25 сентября 1936 года Сталин и Жданов, отдохавшие в то время в Сочи, сообщили шифрованной телеграммой в Москву Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро ЦК ВКП:

«Первое. Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей Наркомвнудела. Заком Ежова в Наркомвнуделе можно оставить Агранова.

Второе. Считаем необходимым и срочным делом снять Рыкова по Наркомсвязи и назначить на пост Наркомсвязи Ягodu. Мы думаем, что дело это не нуждается в мотивировке, так как оно и так ясно»⁷⁵.

В четвертом пункте данной телеграммы рекомендовалось оставить Ежова по совместительству председателем КПК «с тем, чтобы он девять десятых своего времени отдавал Наркомвнуделу»⁷⁶. В пятом и шестом пунктах сообщалось, что Ежов с этими предложениями согласен и что он остается секретарем ЦК. Сталин явно возлагал на нового руководителя наркомата внутренних дел какие-то очень большие надежды.

Политбюро ЦК ВКП (б) не замедлило со своим решением. 26 сентября Н.И. Ежов был рекомендован к назначению на пост наркома внутренних дел. При этом его оставили на высоких партийных должностях – секретаря ЦК и председателя КПК при ЦК ВКП (б). Спустя три дня Политбюро приняло путем опроса своих членов постановление, утвердившее следующую директиву об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам: «а). До

⁷⁵ Сталин, Жданов – Кагановичу, Молотову. 25 сентября 1936 года // Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 682–683.

⁷⁶ Там же. С. 683.

последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политической и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз, и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе. б). В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подследственных вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не завершены, но и тех, которые были раньше высланы»⁷⁷.

В выработке текста этого документа участвовал и новоявленный нарком внутренних дел Н.И. Ежов. Пребывая в охотничьем азарте, он предложил добавить к нему третий пункт: «В общей сложности расстрелять не менее тысячи человек. Остальных приговорить к 10–8 годам заключения плюс столько же лет ссылки в северные районы Якутии». Однако Политбюро не согласилось с этим странным предложением.

* * *

Прокурор СССР А.Я. Вышинский не остался в стороне от всех этих событий. Он дважды выступил с докладами о проекте новой Конституции СССР (на Всесоюзном прокурорском совещании 13 июля 1936 г. и на Чрезвычайном VIII съезде Советов 27 ноября 1936 г.)⁷⁸. А на августовском судебном процессе по делу об «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» Андрей

⁷⁷ Постановление ЦК ВКП (б) № П 43/305 от 29 сентября 1936 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Фонд 17. Оп. 163. Д. 1124. Л. 55.

⁷⁸ См.: *Вышинский А.Я.* Сталинская конституция и задачи органов юстиции // Социалистическая законность. 1936. № 8. С. 6–23. Речь прокурора Союза ССР т. А.Я. Вышинского о проекте Конституции // Чрезвычайный VIII съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. Бюллетень № 5. М., 1936. С. 14–22. Также см.: Социалистическая законность. 1936. № 12. С. 32–35.

Януарьевич произнес обвинительную речь в качестве государственного обвинителя⁷⁹.

Все выступления прокурора СССР показывают, что он хорошо понимал подлинный смысл речей и действий Сталина. Вышинский ясно видел антиреволюционный характер сталинской политики, ее противоречие с большевистскими революционными идеалами или, во всяком случае, несовместимость с ними. Но такая политика не вызывала и не могла вызывать с его стороны какого-либо неприятия. Она в полной мере отвечала взглядам и настроениям самого Вышинского.

Новая советская Конституция таила в своем содержании юридические механизмы, позволявшие обуздать своеволие партийных вельмож. Вышинский как прокурор СССР становился после введения ее в действие значительно более влиятельным должностным лицом, чем являлся прежде.

Первоначальный текст проекта данной конституции был составлен к марту 1936 года. В течение апреля и первой половины мая шла его доработка. В результате получился «Предварительный проект Конституции СССР». 15 мая 1936 года он был одобрен конституционной комиссией и передан на утверждение в ЦК ВКП (б). 11 июня проект новой Конституции СССР утвердил Президиум ЦИК СССР. После этого он был опубликован во всех газетах страны и издан в виде брошюр на 100 языках народов СССР тиражом более 70 миллионов экземпляров. Началось его всенародное обсуждение⁸⁰.

А.Я. Вышинский принял в этом процессе самое активное участие.

Своему докладу о новой советской Конституции, прочитанному 13 июля 1936 года на Всесоюзном прокурорском совещании, Андрей Януарьевич дал весьма примечательное название «Сталинская

⁷⁹ Обвинительная речь на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра государственного обвинителя, прокурора СССР А.Я. Вышинского, произнесенная в судебном заседании Военной Коллегии верховного Суда СССР 22 августа 1936 г. // Социалистическая законность. 1936. № 9. С. 6–23.

⁸⁰ О том, что обсуждение проекта новой конституции СССР было совсем не формальным, свидетельствует неимоверно большое количество предложенных поправок в его текст — более двух миллионов.

Конституция и задачи органов юстиции». Сделал он это явно не случайно. Проект новой Конституции СССР был представлен им в качестве документа, отразившего победу той политики, которая на протяжении последних лет неуклонно и настойчиво проводилась коммунистической партией и ее вождем И.В. Сталиным. Любопытно, что прокурор СССР дважды упомянул в своем докладе интервью Сталина Рою Говарду, процитировав высказывания вождя о сущности советской демократии.

Содержание доклада Вышинского показывает, что разработанный по инициативе и при участии Сталина проект новой Конституции СССР подвергался ожесточенным нападкам со стороны большевиков-революционеров. Весь доклад прокурора СССР представлял собой в сущности лишь ответы на упреки, которые высказывались старыми партийцами в адрес данного проекта.

Провозглашенные новой советской Конституцией всеобщие, равные, прямые выборы при тайном голосовании воспринимались большевиками-революционерами как отход от идеи пролетарской диктатуры, предполагавшей предоставление полных избирательных прав только представителям рабочего класса. Стремясь развенчать это мнение, Вышинский заявлял: «Делают громадную ошибку те, кто представляет себе, что проект новой Конституции говорит не об укреплении, не о дальнейшем развитии мощи и силы советского государства, именно как государства пролетарской диктатуры, — те, которые представляют себе, что принципы пролетарской демократии, нашедшие себе в проекте Конституции свое величайшее выражение, в какой бы то ни было степени ограничивают принцип пролетарской диктатуры, в какой бы то ни было мере находятся с этим принципом в противоречии. Ведь только на основе победы пролетарской диктатуры оказалось возможным внести в нашу ныне действующую Конституцию такие изменения, которые предполагается внести в нее утвержденным Президиумом ЦИК Союза для внесения на Всесоюзный съезд советов проектом Конституции. Диктатура пролетариата и ничто иное обеспечило Советской стране победы,

породившие проект новой Конституции, дающие нам самую демократическую конституцию в мире»⁸¹.

Объясняя отказ от ограничения избирательных прав, наделение новой советской конституцией всех граждан СССР равными избирательными правами, Вышинский ссылаясь в первую очередь на изменившиеся общественные и экономические условия. «Неправильно представление, — говорил он, — что пролетарская демократия всегда, во всех условиях, при всех условиях своего развития должна характеризоваться теми ограничениями, которые в отношении избирательных и гражданских прав отдельных категорий граждан были установлены Конституцией в начале нашей революции. Думающие так не понимают, что эти ограничения были вызваны тогдашними условиями, характером и особенностями классовой борьбы. Проект новой Конституции отменяет эти ограничения как потерявшие всякий политический смысл в новых условиях, в бесклассовом социалистическом обществе»⁸². В дальнейшем изложении своего доклада прокурор СССР снова и снова обращался к этой теме, чтобы затвердить мысль: «Ограничение в избирательных правах или полное лишение избирательных прав отдельных категорий населения для пролетариата, осуществляющего свою диктатуру, является исторической необходимостью, а не принципом *sine qua non* (абсолютным условием). Меняется историческая обстановка, меняются исторические условия, меняется и решение этого вопроса»⁸³.

Вышинский отвергал всякие попытки представить новый проект Конституции СССР как шаг, возвращающий советскую страну к буржуазному строю, и призывал проявить снисходительность к тем представителям бывших эксплуататорских классов, которые ничем уже не отличались от простых трудящихся. «Буржуазии в Союзе ССР уже нет, — говорил он. — Это просто “бывшие люди”, которые разгромлены как класс, лишены всякой экономической почвы, уходят

⁸¹ Вышинский А.Я. Сталинская конституция и задачи органов юстиции // Социалистическая законность. 1936. № 8. С. 6.

⁸² Там же. С. 3.

⁸³ Там же. С. 9.

как класс в вечность. В таких условиях нет необходимости устанавливать ограничения, которые могли бы помешать этим людям стать в ряды трудящихся, строящих новое социалистическое общество»⁸⁴.

Защищая сталинский проект конституции от нападков большевиков-революционеров, Вышинский утверждал, что его «величайшей особенностью» является «принцип подлинного верховенства советского народа»⁸⁵. В доказательство своего утверждения он приводил статьи конституции, провозгласившие принцип сосредоточения законодательной власти в руках Верховного Совета Союза и Верховных Советов союзных республик. «Ни один орган власти, — подчеркивал он, — не обладает законодательными функциями — ни Президиум Верховного Совета, ни Совнарком, ни тем более отдельные наркоматы. Президиум Верховного Совета имеет лишь право толковать законы, издавая указы, толковать действующие законы, но никаких новых законов Президиум Верховного Совета издавать не может. Совнарком Союза и СНК союзных республик по будущей Конституции не имеют даже права толковать законы. Они имеют право лишь издавать постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов и в соответствии с действующими законами. Наркомы имеют право издавать приказы и инструкции в пределах своего ведомства и тем самым лишаются полномочий, которые могли бы напоминать законодательные функции. Это — особенность для юристов в высокой степени важная, над ней необходимо юристу серьезно задуматься. В этом отношении проект Сталинской конституции представляет собою громадное новшество по сравнению с конституциями прошлых лет... Ни одна из Конституций, ранее существовавших в нашем советском государстве, не ставит так вопроса о роли и месте советского закона»⁸⁶.

А.Я. Вышинский много раз упоминал в своем выступлении имя Сталина и не упускал повода высказать в адрес вождя хвалебные слова, но в этих восхвалениях он был вполне искренним. Проект

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. С. 11.

⁸⁶ Там же. С. 12-13.

новой советской Конституции, не без основания названный прокурором СССР «сталинским», воплощал идеи, в полной мере соответствовавшие его мировоззрению. Эти идеи он высказывал и отстаивал в своих речах, статьях и книгах.

4

А.Я. Вышинский не был доктринером, бездумным приверженцем каких-либо теорий. В своих выступлениях он часто цитировал высказывания Маркса, Энгельса, Ленина, но делал это, как правило, лишь для придания большей убедительности собственным выводам. Оценивая проект новой советской конституции, Андрей Януарьевич исходил не из марксистско-ленинских догм, а из реального состояния советского общества и содержания статей Основного Закона.

В докладе о новой советской Конституции, прочитанном 13 июля 1936 году на Всесоюзном прокурорском совещании, прокурор СССР уверенно констатировал: «Ни одна из конституций, ранее существовавших в нашем советском государстве, не ставит так вопроса о роли и месте советского закона.., как это мы встречаем в проекте Сталинской Конституции»⁸⁷. «Новая конституция, — пояснял Вышинский далее, — является свидетельством полной победы принципа непоколебимости, незыблемости и единства советского закона»⁸⁸. В обоснование этого вывода Андрей Януарьевич привел целый ряд статей проекта Конституции СССР, в которых имелись прямые указания на регулирующее действие закона. В частности, он обратил внимание на текст статьи 9 проекта новой советской Конституции, гласивший «Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда». Оценивая данную статью, Вышинский заметил, что ее вполне можно было сформулировать таким образом, чтобы упоминание о законе отсутствовало, между тем она была

⁸⁷ Вышинский А.Я. Сталинская конституция и задачи органов юстиции // Социалистическая законность. 1936. № 8. С. 13.

⁸⁸ Там же. С. 14.

сформулирована так, что «не просто наряду с социалистической системой хозяйства допускается мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей; она подчеркивает, что хозяйство это допускается законом»⁸⁹. Слово «закон», утверждал Вышинский, было вставлено здесь не случайно, но прежде всего для того, чтобы поставить «законные пределы действию права частного хозяйства». По его словам, это означало, что «мелкое частное хозяйство можно иметь лишь при наличии условий или в пределах, которые очерчиваются законом»⁹⁰.

Кроме того, Вышинский обратил внимание на употребление термина «закон» также в статьях Конституции СССР, касавшихся деятельности Советов народных комиссаров, Советов депутатов трудящихся и других государственных органов. В этих статьях устанавливалось, что компетенция всех государственных органов «определяется с точки зрения действующего закона»⁹¹. Все это, по мнению прокурора СССР, свидетельствовало о том, что «закону в новой Конституции отводится громадная роль, как организующей, регулирующей общественные отношения силой, как силой, которая является одним из важнейших рычагов государственного строительства, организации общественных и политических отношений»⁹².

По своей должности Вышинский был призван служить закону. Прокурорские работники — это, по его собственным словам, «носители идеи советского закона», «хранители» советских законов. Неудивительно поэтому, что при рассмотрении проекта новой советской Конституции он придавал особое значение закреплению в его статьях принципа законности. Однако Андрей Януарьевич смотрел на данный проект еще и с точки зрения ученого правоведа. Он увидел в его содержании идеи, создававшие основание для новой научной юриспруденции, — идеи, придававшие праву и закону самостоятельную роль, значение фундаментальных устоев

⁸⁹ Там же. С. 13.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

социалистического общества. По мнению Вышинского, новая Конституция СССР знаменовала собой окончательный отход от доминировавшего в советской юридической литературе двадцатых и первой половины тридцатых годов пренебрежительного отношения к праву, правового нигилизма в самой агрессивной его форме.

Наиболее отчетливо такие настроения выражали правоведы Александр Григорьевич Гойхбарг (1883–1962) и Константин Андреевич Архипов (1891–1939). Именно к их работам и обратился Вышинский, чтобы показать, с какими опасными извращениями в советской юриспруденции порывала новая советская Конституция.

А.Г. Гойхбарг опубликовал в 1924 году книгу «Основы частного имущественного права», предпослав ее основному тексту главу «Несколько замечаний о праве». Данная глава была в том же году опубликована им и отдельно, в журнале «Советское право». Это явно свидетельствует о том, что автор придавал высказанным в ней идеям особое значение. В то время он был профессором кафедры частного права факультета общественных наук 1-го Московского университета.

Опираясь на методологию классового подхода к общественным явлениям, Александр Григорьевич заявлял: «Религия и право — идеологии угнетающих классов, постепенно сменяющие одна другую. И если нам еще в настоящее время приходится ожесточенно бороться с религиозной идеологией, то еще в гораздо большей степени нам придется бороться с правовой идеологией. Всякий сознательный пролетариат знает в настоящее время или, по крайней мере, сотни раз слышал, что религия — опиум для народа. Но редко кто, мне кажется, сознает, что право есть еще более отравляющий и дурманящий опиум для того же народа... Право моложе религии и потому бороться с идеей права, которая служит интересам эксплуататорского класса, гораздо труднее, чем с религиозными идеями. Гораздо более трудной и, пожалуй, гораздо более настоятельной задачей, чем антирелигиозная пропаганда, должна явиться для нас пропаганда антиправовая. Право — следующее убежище для эксплуататорских классов после убежища религии. Лишившись последнего, эти классы

тем охотнее укрываются в первом»⁹³. Подводя же итог своим рассуждениям о праве, Гойхбарг утверждал: «Мы отказываемся, таким образом, видеть в праве некоторую идею, которая явилась бы полезной и для рабочего класса, и для пролетариата. В свое время эта идея имела некоторый смысл, но в настоящее время в идеологии пролетариата она излишня, и ее необходимо вытравлять из пролетарских мозгов»⁹⁴.

Характеризуя подобные взгляды, А.Я. Вышинский не стеснялся в выражениях: «По Гойхбаргу выходит так, что право вообще, всякое право, и значит и советское право, служит интересам эксплуататорских классов. Это абсурд. Проф. Гойхбарг говорит: “Гораздо более трудной и, пожалуй, гораздо более настоятельной задачей, чем антирелигиозная пропаганда, должна явиться для нас пропаганда антиправовая”. Удивительное явление! Член коллегии Наркомата юстиции — в роли пропагандиста против права!... В этом рассуждении мы встречаемся с полным смешением понятий и отличий права буржуазного от права советского. Утверждение, что право вообще является убежищем для эксплуататоров и в силу этого необходимо бороться с идеей права и с правом вообще, в этой всеобщей форме ошибочно и политически вредно. Это, конечно, чепуха, против которой нужно решительнейшим образом возражать. Это утверждение дает основание для извращенного представления о советском праве, о том, что собой представляет советский социалистический закон, оно вызывает и неправильное отношение к советскому праву и к советскому закону — отношение наплевательства и нигилизма к требованиям закона, в нашей практике — игнорирование требований уголовно-процессуальных и уголовных законов. Неправильное понимание роли и значения советского права, непонимание отличия права советского от права буржуазного, недооценка роли советского права и советского закона, как силы революционизирующей, как силы творческой, это

⁹³ Гойхбарг А.Г. Несколько замечаний о праве // Советское право. 1924. № 1 (7). С. 3. Гойхбарг А.Г. Основы частного имущественного права. М., 1924. С. 7.

⁹⁴ Гойхбарг А.Г. Несколько замечаний о праве. С. 11–12. Гойхбарг А.Г. Основы частного имущественного права. С. 22.

непонимание и недооценка влекут за собой ряд тяжелых последствий»⁹⁵.

К.А. Архипов в 1926 году издал книгу «Закон в советском праве», в которой представил закон как таковой в качестве идеологической формы буржуазной экономики и соответственно в советском законе увидел всего лишь выражение сохраняющихся в советском государстве буржуазных экономических отношений. «Не надо быть особенно внимательным и чутким, — писал он в начале указанной книги, — чтобы признать, что закон и законность не составляли и не составляют одну из патетических нот режима пролетарской диктатуры: иные начала составляют его *essentiale*, иные принципы вдохновляют его творчество. Закон и законность в управлении играют свою роль в рабочем государстве, но это роль инструмента, а отнюдь не идеала или боевого лозунга. Очевидно, что в государстве, для которого роль “*Contrat social*”⁹⁶ играют “Государство и революция” и “Пролетарская революция”⁹⁷ с чеканным определением диктатуры как власти, не связанной никакими законами, какое-либо фетишизирование закона и законности без извращения основных принципов этого государства невозможно. В соответствии с этим исследователь, поставивший своей задачей уяснить понятие и роль закона в советском государстве, если он желает дать понятие, адекватное предмету, должен заранее исходить из сознания ограниченности, обусловленности и подчиненности того, что он исследует, иным началам»⁹⁸.

А.Я. Вышинский оценил эти мысли как чрезвычайно вредные. процитировав в своем докладе о новой советской Конституции вышеприведенные высказывания К.А. Архипова о законе и законности в условиях пролетарского государства, он заявил: «Против подобной точки зрения нужно решительно предостеречь, нужно

⁹⁵ Вышинский А.Я. Сталинская конституция и задачи органов юстиции. С. 14-15.

⁹⁶ К.А. Архипов подразумевает трактат Жан-Жака Руссо «*Du contrat social, ou principes du droit politique* (Об общественном договоре, или принципы политического права)», вышедший первым изданием в Амстердаме в 1762 г.

⁹⁷ Имеются в виду брошюры В.И. Ленина «Государство и революция» и «Пролетарская революция и ренегат Каутский», опубликованные в 1918 г.

⁹⁸ Архипов К.А. Закон в советском государстве. М.-Л., 1926. С. 7.

было бы предостеречь и 10 лет тому назад». Вместе с тем Андрей Януарьевич подчеркнул, что «Архипов⁹⁹ грубо извращает учение Маркс-Ленина-Сталина по вопросу о государстве. Архипов совершенно не понимает, что управление экономикой осуществляется и через законы и при помощи законов, что закон как орган, как инструмент, как орудие управления играет громадную роль, в особенности в таком сложном хозяйстве, каким является наше хозяйство, в такой огромной стране, какой является наша страна»¹⁰⁰.

Наиболее резкую отповедь со стороны Вышинского вызвали взгляды К.А. Архипова на законность и его трактовка соотношения социалистической законности и революционной целесообразности. «Материальное содержание принципа революционной законности не в том, что над всем господствуют нормы, а тем более, что эти нормы-законы проистекают только из одного источника, устанавливаются только одним органом власти, — утверждал Константин Андреевич, — а в том, что нижестоящие органы власти обязаны выполнять акты вышестоящих органов, независимо от того, нормативный это акт или индивидуальный»¹⁰¹. Под законностью Архипов понимал, таким образом, не строгое соблюдение всеми государственными органами и гражданами действующих законов, но подчинение нижестоящих государственных органов вышестоящим, а граждан — государственной власти. При этом он вполне допускал несоблюдение законов и нормативных актов. «Говоря о принципе иерархии как основном принципе советского правового режима, — заявлял К.А. Архипов, — необходимо иметь в виду, что он является таковым лишь при том неременном условии, что акты вышестоящих органов отнюдь не должны пониматься нижестоящими органами, как предел, “его же не преjdeши”. Повторяем: *fiat justitia, pereat mundus*¹⁰² больше чем ошибочное мнение в условиях советского режима. Верховным

⁹⁹ На титульном листе книги «Закон в советском государстве» фамилия автора была дана с двумя «п», т.е. как «Архиппов». В рассматриваемом докладе Вышинского она употребляется с одним «п», — как «Архипов».

¹⁰⁰ *Вышинский А.Я.* Сталинская конституция и задачи органов юстиции. С. 15.

¹⁰¹ *Архиппов К.А.* Закон в советском государстве. С. 44–45.

¹⁰² Смысл этого латинского изречения переводится на русский язык следующим образом: «Да свершится правосудие, даже если погибнет мир».

мерилом является революционная целесообразность; если для нижестоящего органа совершенно очевидно, что обязательная для него норма, по сути дела, отнюдь не предусматривает данного случая, он вряд ли обязан ее применять. Этот принцип не зафиксирован законодательством, но вряд ли его и можно зафиксировать. Это дело такта. Однако же недаром в условиях советского режима контроль есть не только контроль с точки зрения “законности, но и контроль с точки зрения целесообразности”, и недаром вождь пролетарской революции считал главной задачей советской демократии подбор личного состава органов власти»¹⁰³.

Подвергая эти взгляды на закон и законность критике, Вышинский признавал, что за десять лет, прошедшие после издания книги «Закон в советском государстве», воззрения ее автора могли неоднократно меняться, и его обращение к данной книге продиктовано совсем не желанием обратить внимание на профессора Архипова, но тем, что утверждения о «гибкости» и «зыбкости» советских законов, как свойствах, отличающих их от законов буржуазных, «не только были в ходу в прошлом, но и до сих пор еще в ходу». «И сейчас, в наши дни, — отмечал прокурор СССР, — мы можем указать на целый ряд выступлений и высказываний, которые по сути дела воспроизводят точку зрения, отражающую недооценку роли и значения нашего закона, как одного из рычагов борьбы за социализм. Ведь до сих пор еще спорят о соотношении между законом и так называемой “революционной целесообразностью”, до сих пор еще кое-кто — и их, к сожалению, немало — думают, что революционная целесообразность — это все, закон — ничто. Конечно, так откровенно сейчас никто не рискует ставить вопрос о законе, но в контрабандном порядке такая точка зрения протаскивается нередко и в выступлениях, и, что еще хуже, в решениях отдельных судебных дел»¹⁰⁴.

Самым пагубным последствием изложенных в книге К.А. Архипова «Закон в советском праве» представлений о законе как

¹⁰³ Архипов К.А. Закон в советском государстве. С. 45.

¹⁰⁴ Вышинский А.Я. Сталинская конституция и задачи органов юстиции. С. 16.

абстракции, как автономии собственников, как явлению, не составляющем дело пролетарской революции, Вышинский считал подрыв уважения к советскому закону. «Нельзя, — категорично заявлял он, — пропагандировать в советском обществе подобную ересь, как нельзя расшатывать уважение к советскому закону, внедряя мысль о его гибкости, отсутствии абсолютной его обязательности и т.д. и т.п.»¹⁰⁵

Столь же негативно Андрей Януарьевич оценивал и стремление подчинить советский закон и советское правосудие принципу революционной целесообразности. «Неправильное представление о соотношении между социалистическим законом и судебским убеждением, о социалистическом законе и социалистическом правосознании, — убеждал он, — является источником путаницы в головах очень многих людей. Эта путаница приводит к наплевательскому отношению к закону, которое оправдывает возможные нарушения законов тем, якобы, что этот закон не выдерживает критики с точки зрения революционной целесообразности.

Между тем советское право отличается именно тем, что в советском праве достигнут величайший синтез этих трех начал: социалистического закона, социалистической целесообразности и социалистического правосознания. В советском праве не может быть противоречия между законом и целесообразностью, потому что советский закон и выражает то, что целесообразно с точки зрения борьбы за социализм»¹⁰⁶.

Взгляд Вышинского на право предполагал его понимание не только как регулятора общественных отношений, но и как фактора, организующего эти общественные отношения, как творческой силы, оформляющей их на основе господствующего экономического строя. Данный взгляд позволял ему относить советское право к социалистическому типу права. Новая Конституция СССР, возвышая

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

значение права и роль закона в общественной жизни знаменовала собой начало нового этапа в развитии советского права.

Вместе с тем, данная конституция открывала, по мнению Вышинского, новый этап и в развитии советской научной юриспруденции. Особенно актуальной он считал разработку на основе новой советской Конституции общей теории социалистического права. Вышинский признавал, что теория советского права еще не только не создана, но к ее созданию по-настоящему еще никто и не подошел. До сих пор не поставлена надлежащим образом проблема закона и законности в социалистическом государстве. Он высказывал поэтому убеждение, что в свете новой Конституции «проблема закона, проблема законодательства, проблема природы советских органов законодательной власти, исполнительной и судебной должна быть разработана по-новому. Подобно буржуазной науке, создавшей свою теорию разделения власти, как основную теорию, конституционную теорию, мы должны разработать свою конституционную теорию»¹⁰⁷.

Статья 14 проекта новой Конституции СССР отнесла к ведению Союза Советских Социалистических Республик «законодательство о судостроительстве и судопроизводстве; уголовный и гражданский кодекс». Вышинский считал, что тем самым был поставлен вопрос «не только о едином, общесоюзном уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, но и вопрос о едином для всего Союза ССР гражданском кодексе». А это в свою очередь означало постановку вопроса «о коренном пересмотре ряда принципиальных вопросов и в области гражданского материального и процессуального права»¹⁰⁸.

Рисуя в своем докладе о проекте новой советской Конституции перспективу дальнейшего развития советского права и советской научной юриспруденции, Вышинский особое внимание уделил уголовному процессу, указав на вопросы, настоятельно требовавшие решения в силу того, что они были поставлены в тексте данной

¹⁰⁷ Там же. С. 17.

¹⁰⁸ Там же. С. 18.

конституции. В первую очередь он обратил внимание на изложенный в новой Конституции СССР в самой общей форме вопрос о праве на защиту. По его мнению, решение этого вопроса в уголовно-процессуальном законодательстве требовало предоставления обвиняемым права на защиту и в досудебный период, т.е. до того, когда дело переходит в суд. «Я ставлю этот вопрос очень осторожно, в силу понятных и естественных причин»¹⁰⁹, — оговаривался Вышинский и далее заявлял с несвойственной ему решительностью: — Но при этой осторожности законно поставить сейчас вопрос о праве на защиту не только в том смысле, что обвиняемый может защищаться собственными силами, но в том смысле, что он может пригласить для защиты своих интересов защитника и в стадии досудебной, по крайней мере в стадии предания суду. Я не исключаю возможности поставить в ближайшее время вопрос о допущении защиты на предварительном следствии. Это может показаться еретическим, опасным, рискованным, но я готов взять на себя риск утверждения, что не исключена целесообразность, необходимость уже теперь подготовиться к тому, что в ближайшее время защита должна быть допущена, по крайней мере по определенной категории дел, или вернее по всем делам за исключением определенной категории дел, к участию и в предварительном следствии. Во всяком случае здесь целый ряд вопросов надо ставить иначе, чем это было до сих пор»¹¹⁰.

Касаясь перспектив развития гражданско-процессуального законодательства, Вышинский высказал мнение о том, что в гражданском процессе «должны быть в гораздо большей степени раздвинуты рамки принципа публичности, чем это имеет место сейчас. Надо установить в целом ряде дел обязательное участие прокурора в целях защиты интересов советского государства и принципов социализма»¹¹¹.

Заключительную часть своего доклада о проекте Конституции СССР, сделанного на Всесоюзном прокурорском совещании 13 июля 1936 года, А.Я. Вышинский посвятил недостаткам в работе суда и

¹⁰⁹ Там же. С. 18.

¹¹⁰ Там же. С. 18.

¹¹¹ Там же.

прокуратуры, а также задачам, которые возлагались на них в соответствии с новым основным законом Советского государства.

Следующую свою речь на эту тему прокурор СССР произнес 27 ноября 1936 года на вечернем заседании Чрезвычайного VIII съезда Советов. Она сильно отличалась по содержанию и стилю от его июльского доклада. Это был настоящий, хотя и прозаический, гимн во славу новой советской конституции, ознаменовавшей торжество социализма в советской стране. За два дня до этого, в день открытия съезда, доклад о проекте Конституции Союза ССР сделал И.В. Сталин¹¹². В нем описывалась краткая предыстория разработки данного проекта, выделялись его основные особенности по сравнению с Конституцией СССР 1924 года и с конституциями буржуазных держав, представлялись поправки и дополнения к нему, сделанные в процессе его обсуждения, определялось значение новой Конституции СССР. Вышинский построил свою речь как торжественную иллюстрацию к сталинскому докладу, но при этом не упустил случая еще раз сказать о том, как благодаря принятию новой конституции в Советском государстве возрастет роль законов и упрочится режим законности.

«Новая великая сталинская Конституция, — говорил прокурор СССР на Чрезвычайном VIII съезде Советов, — поднимает нашу советскую юстицию, наш советский суд, советскую прокуратуру, социалистическую законность на новую ступень их исторического развития, на огромную высоту в деле борьбы за социализм, за новые победы коммунизма. Позавчера товарищ Сталин сказал: “стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было”. Новая Конституция обеспечивает стабильность, гарантирует неприкосновенность, нерушимость и незыблемость советского закона, являющегося могучим орудием социалистического государства рабочих и крестьян в борьбе за коммунизм.

¹¹² Доклад тов. Сталина И.В. на Всесоюзном VIII съезде Советов о проекте Конституции Союза ССР // Чрезвычайный VIII съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября — 5 декабря 1936 г. Бюллетень № 1. М., 1936. С. 7-34.

Новая Конституция обеспечивает независимость наших судов, подчиняющихся только закону. Новая Конституция особое место отводит советской прокуратуре. Новая Конституция ставит на стражу советских законов, на стражу законов советского государства и советских граждан нашу прокуратуру, призванную беззаветно служить делу социализма. Высший надзор за точным исполнением законов всеми наркоматами и подведомственными учреждениями, отдельными гражданами новая Конституция возлагает на Прокуратуру Союза. Новая Конституция завершает исторический путь развития советской прокуратуры, единой, централизованной, независимой от каких бы то ни было местных влияний и органов, как прокуратуры социалистического государства рабочих и крестьян»¹¹³.

5 декабря 1936 года на вечернем заседании Чрезвычайного VIII съезда Советов состоялось постатейное чтение окончательного проекта новой Конституции СССР и голосование по каждой из 146-ти ее статей. По окончании этой процедуры на голосование съезда был внесен проект постановления «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик» следующего содержания: «Чрезвычайный VIII Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик постановляет: Проект Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик в редакции, представленной Редакционной Комиссией Съезда, утвердить»¹¹⁴. Данное постановление было принято единогласно. После этого съезд единогласно постановил: «Поручить Центральному Исполнительному Комитету Союза ССР на основе новой Конституции СССР разработать и утвердить Положение о выборах, а также установить сроки выборов Верховного Совета Союза ССР»¹¹⁵.

¹¹³ Речь прокурора Союза ССР т. А.Я. Вышинского о проекте Конституции // Чрезвычайный VIII съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. Бюллетень № 5. М., 1936. С. 21–22. Также см.: Социалистическая законность. 1936. № 12. С. 35.

¹¹⁴ Чрезвычайный VIII съезд Советов. Стенографический отчет. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. Бюллетень № 12. М., 1936. С. 38.

¹¹⁵ Там же. С. 39.

Последним своим постановлением Чрезвычайный VIII съезд решил: «В ознаменование принятия новой Конституции Союза Советских Социалистических Республик объявить день принятия Конституции — 5-е декабря — всенародным праздником»¹¹⁶.

* * *

Принятие новой Конституции СССР представлялось в официальных речах и документах торжеством социализма и победой сталинского политического курса. Между тем одновременно с разработкой проекта данной конституции в рамках НКВД и Прокуратура СССР велась подготовка к судебному процессу над наиболее активными сторонниками Г.Е. Зиновьева и Л.Д. Троцкого. Сохранившиеся документы показывают, как разворачивалась на протяжении 1936 года политика репрессий в отношении партийных деятелей, оппозиционно настроенных к руководству ВКП (б).

5 февраля начальник секретно-политического отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР Г.А. Молчанов сообщил рапортом наркому внутренних дел Г.Г. Ягоде о том, что следствие показывает «тенденции троцкистов к воссозданию подпольной организации по принципу цепочной связи небольшими группами» и их террористические намерения¹¹⁷.

9 февраля заместитель наркома внутренних дел Г.Е. Прокофьев направил местным органам НКВД директиву, в которой сообщалось: «имеющиеся в нашем распоряжении... данные показывают возросшую активность троцкистско-зиновьевского контрреволюционного подполья и наличие подпольных террористических формирований среди них. Ряд троцкистских и зиновьевских групп выдвигают идею создания единой контрреволюционной партии и создания единого организационного центра власти в СССР... Задачей наших органов является ликвидация без остатка всего троцкистско-зиновьевского подполья. Немедленно приступите к ликвидации всех ... дел по троцкистам и зиновьевцам, не ограничиваясь изъятием актива,

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Цит. по: Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. М., 1991. С. 216.

направив следствие на вскрытие подпольных к.-р. Формирований, всех организационных связей троцкистов и зиновьевцев и вскрытие террористических групп»¹¹⁸.

25 марта Г.Г. Ягода в служебной записке И.В. Сталину предложил, ссылаясь на полученные при арестах и обысках сторонников Троцкого сведения об активизации ими оппозиционной деятельности, арестовать и направить в дальние лагеря всех троцкистов, находящихся в ссылке. Троцкистов же, исключенных из партии при последней проверке партийных документов, арестовать и решением особого совещания направить в дальние лагеря сроком на пять лет. Троцкистов, уличенных в причастности к террору, судить и расстрелять. Сталин переслал это письмо на заключение прокурору СССР.

31 марта А.Я. Вышинский направил в ЦК ВКП (б) тов. Сталину следующее мнение: «Считаю, что тов. Ягода в записке от 25 марта 1936 г. правильно и своевременно поставил вопрос о решительном разгроме троцкистских кадров.

Со своей стороны считаю необходимым всех троцкистов, находящихся в ссылке, ведущих активную работу, отправить в дальние лагеря постановлением особого совещания при НКВД, после рассмотрения каждого конкретного дела. В этом же порядке считаю необходимым направить в лагеря и троцкистов, исключенных из ВКП (б) при последней проверке документов.

С моей стороны нет также возражений против передачи дел о троцкистах, уличенных в причастности к террору, то есть в подготовке террористических актов, в Военную коллегия Верховного суда Союза, с применением к ним закона от 1 декабря 1934 г. И высшей меры наказания — расстрела»¹¹⁹.

В тот же день, 31 марта, Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение: «Всех арестованных НКВД троцкистов, уличенных следствием в причастности к террору, предать суду Военной Коллегии Верховного суда с применением к ним в соответствии с

¹¹⁸ Цит. по: Там же. С. 176.

¹¹⁹ Цит. по: там же. С. 217.

законом от 1. XII. 1934 г. расстрела. Обязать НКВД и Прокуратуру Союза по окончании следствия представить список лиц, подлежащих суду по закону от 1. XII. 1934 г.»¹²⁰. В местные органы внутренних дел была послана следующая директива НКВД: «Основной задачей наших органов на сегодня является немедленное выявление и полнейший разгром до конца всех троцкистских сил, их организационных центров и связей, разоблачение и репрессирование всех троцкистов-двурушников... Следствие по всем ликвидационным троцкистским делам ведите максимально быстро, ставя основной задачей следствия вскрытие и разгром всего троцкистского подполья, обнаружение и ликвидацию организационных центров, выявление и пресечение всех каналов связей с закордонным троцкистским руководством»¹²¹.

20 мая Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление об ужесточении карательных мер против выявленных и нераскаявшихся троцкистов следующего содержания: «Ввиду непрекращающейся контрреволюционной активности троцкистов, находящихся в ссылке и исключенных из ВКП(б), предложить НКВД СССР:

1) 583 чел. троцкистов, находящихся в ссылке, срок ссылки которых истекает не ранее чем через 2 года, а также 23 чел., находящихся в режимных пунктах, изъять и решением Особсовещания НКВД заключить в отдаленные концлагеря на срок от 3-х до 5 лет;

2) исключенных из ВКП(б) троцкистов, проявляющих враждебную активность, проживающих в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Днепропетровске, Одессе, Свердловске, Тифлисе, Баку, Минске, Смоленске, Саратове, Сталинграде, Ярославле, Горьком, — решением Особсовещания НКВД СССР заключить в отдаленные концлагеря на срок от 3 до 5 лет;

3) всех арестованных НКВД троцкистов, уличенных следствием в причастности к террору, предать суду Военной Коллегии Верховного Суда с применением к ним в соответствии с законом от 1.XI 1.1934 г. — расстрела.

¹²⁰ Цит. по: Там же. С. 177.

¹²¹ Там же.

Обязать НКВД и Прокуратуру Союза по окончании следствия представить список лиц, подлежащих преданию суду по закону от 1.XII.34 г.»¹²².

Работа над проектом новой Конституции СССР в рамках конституционной комиссии была завершена к середине мая 1936 года. И по какому-то странному совпадению именно в мае указанного года руководство ВКП (б) приняло решение об осуществлении судебных репрессий против самой активной части партийной оппозиции.

¹²² Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) о троцкистах. 20 мая 1936 г. // Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 756.

В. А. Томсинов

**Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 - 1954):
государственный деятель
и правовед**

Часть 4

**Процесс троцкистско-зиновьевского
террористического центра
19-24 августа 1936 года**

Опубликовано:

Журнал «Законодательство»

2018. № 8. С. 86-94. № 9. С. 87-94. № 10. С. 87-94. № 11. С. 87-94.

1

1 июня 1936 года Г.Г. Ягода представил И.В. Сталину докладную записку о показаниях шести сторонников Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева, арестованных еще в связи с убийством С.М. Кирова. «Яковлев и Маторин, — докладывал в ней нарком внутренних дел, — показали, что, со слов Каменева и Бакаева, им было известно, что троцкисты и зиновьевцы объединились на основе террористической борьбы с руководством ВКП (б) и что существует объединенный центр в составе Зиновьева, Каменева, Бакаева, Смирнова, Тер-Ваганяна и Мрачковского»¹. Приложенный к этой записке протокол допроса М.Н. Яковлева, проведенного 27 мая 1936 года, содержал признания, из которых вытекало, что намерение бывших большевистских вождей прибегнуть к террору в борьбе со Сталиным было вполне продуманным. Отвечая на вопрос, что именно говорил Каменев о решении центра организации по подготовке террористических актов над руководителями ВКП (б) и правительства, Яковлев сообщил следователям: «Каменев сказал мне, что в данных условиях единственно возможным методом борьбы против Сталина является террор. Всякий иной путь неизбежно приведет к тому, что нас окончательно разгромят. Шансы на успех только в терроре. Поэтому, пока у нас имеются силы, надо использовать это последнее средство»².

19 июня 1936 года прокурор СССР А.Я. Вышинский и нарком внутренних дел Г.Г. Ягода, во исполнение поручения Политбюро ЦК ВКП (б) от 31 марта указанного года, представили И.В. Сталину список на 82-х «участников контрреволюционной троцкистской

¹ Докладная записка Г.Г. Ягоды И.В. Сталину о показаниях арестованных участников троцкистско-зиновьевской организации, с приложением протокола допроса М.Н. Яковлева. 1 июня 1936 г. // Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003. С. 758.

² Протокол допроса Яковлева Моисея Наумовича. 27 мая 1936 г. // Там же. С. 759–760.

организации, причастных к террору» и «подлежащих суду по закону»³ от 1 декабря 1934 г.»⁴. В сопроводительном письме к этому списку, которое было подписано только Ягодой, уточнялось, что в него включены лишь «организаторы террористических актов над руководителями ВКП(б)», «бомбометатели», «группа прикрытия бомбометателей», «участники террористических групп» в Ленинграде и Киеве, «политические руководители и организаторы террористической борьбы с руководством ВКП(б), непосредственно связанные с троцкистским центром за границей»⁵. В списке не было имен Зиновьева и Каменева, тем не менее нарком внутренних дел предложил вновь предать их суду, заверив Сталина, что проведенным расследованием бывшие вожди большевиков «полностью изобличены не только как вдохновители, но и как организаторы террора, не выдавшие на следствии и на суде в Ленинграде террористов, продолжавших подготовку убийства руководителей ВКП(б)»⁶.

Ознакомившись с материалами, представленными Вышинским и Ягодой, Сталин дал им указание подготовить общий судебный процесс над сторонниками Троцкого и Зиновьева. К 20-м числам июля 1936 года эта задача была в основном выполнена. 29 июля в адрес республиканских центральных комитетов, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов ВКП (б) было направлено от имени ЦК ВКП (б) закрытое письмо, в котором были представлены наиболее значимые показания обвиняемых на допросах и вытекающие из них выводы. Его проект составил Н.И. Ежов, занимавший в то время должности председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б), а также секретаря и члена оргбюро ЦК ВКП (б). Он же дал и

³ Слова «по закону от 1 декабря 1934 г.» в указанном документе подразумевают изданное в этот день Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». См.: За социалистическую законность. Орган Прокуратуры СССР. 1934. № 12. С. 29.

⁴ Записка Комиссии Президиума ЦК КПСС в Президиум ЦК КПСС о результатах работы по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов [Не позднее 18 февраля 1963 г.] // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том 2. Февраль 1956 - начало 80-х годов. М., 2003. С. 558.

⁵ Цит. по: Там же.

⁶ Цит. по: Там же.

предварительное название этому документу — «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевской контрреволюционной группы». Сталин заменил в этом названии слово «группы» на слово «блока» и внес в текст письма ряд существенных дополнений и поправок. Так, в начальной части письма он добавил фразу о том, что ранее «не была вскрыта роль троцкистов в деле убийства тов. Кирова». В утверждении о том, что объединенный центр троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока ставил «основной и главной задачей» убийство Сталина приписал к своей фамилии Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора и Постышева.

В перечне фактов, установленных следствием, письмо ЦК ВКП (б) от 29 июля 1936 года прежде всего указывало на сведения о том, что «зиновьевцы проводили свою террористическую практику в прямом блоке с Троцким и троцкистами»⁷. «Блок троцкистской и зиновьевско-каменевской группы, — сообщалось в письме, — сложился в конце 1932 года, после переговоров между вождями контрреволюционных групп, в результате чего возник объединенный центр в составе: от зиновьевцев — Зиновьева, Каменева, Бакаева, Евдокимова, Куклина и от троцкистов — Смирнова И. Н., Мрачковского и Тер-Ваганяна. Главным условием объединения обеих контрреволюционных групп было взаимное признание террора в отношении руководителей партии и правительства как единственного и решающего средства пробраться к власти»⁸. Далее утверждалось со ссылкой на конкретные показания обвиняемых, что «после убийства товарища Кирова и разгрома в связи с этим троцкистско-зиновьевского центра Троцкий берет на себя все руководство террористической деятельностью в СССР»⁹ и что «для восстановления террористических групп в СССР и активизации их деятельности» он «перебрасывает из-за границы по подложным документам своих проверенных агентов»¹⁰.

⁷ Закрытое письмо ЦК ВКП (б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока». 29 июля 1936 года // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 101.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 106.

¹⁰ Там же.

Одной из главных целей письма было полное развенчание бывших большевицких вождей в глазах членов коммунистической партии. Для этого недостаточно было информации о сотрудничестве Зиновьева и Каменева с Троцким. Окончательно опорочить их могли только факты, показывающие, что они вступили в сговор с врагами Советского государства. И в письме были приведены такие свидетельства обвиняемых на допросах, которые позволили руководству ВКП (б) заявить: «Встав на путь индивидуального белогвардейского террора, троцкистско-зиновьевский блок потерял всякое чувство брезгливости и для осуществления своих преступных замыслов стал пользоваться услугами не только разгромленных остатков последышей белогвардейщины, но и услугами иностранной разведки, иностранных охранников, шпионов и провокаторов»¹¹. «Они превратились в организующую силу худших и наиболее озлобленных врагов СССР, потому что у них не осталось никаких политических мотивов борьбы с партией и с Советской властью. кроме голого, неприкрытого карьеризма и желания во что бы то ни стало прокрасться к власти.

Перед лицом совершенно неоспоримых успехов социалистического строительства они вначале надеялись, что наша партия не сможет справиться с трудностями, в результате чего создадутся условия для их возможного выступления и прихода к власти. Но видя, что партия с успехом преодолевает трудности, они ставят ставку на поражение Советской власти в предстоящей войне, в результате чего они мечтают пробраться к власти»¹².

В конце письма пояснялось, что ЦК ВКП(б) считает необходимым довести до сведения всех партийных организаций об этих фактах «террористической деятельности троцкистов и зиновьевцев», чтобы еще раз «приковать внимание всех коммунистов к вопросам борьбы с остатками злейших врагов партии и рабочего класса», показать необходимость всемерного повышения большевистской революционной бдительности. Завершалось письмо призывом: «Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих

¹¹ Там же. С. 109.

¹² Там же. С. 112.

условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он не был замаскирован»¹³.

Закрытое письмо ЦУ ВКП (б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» фактически предопределяло исход судебного процесса по этому делу, проходившего с 19 по 24 августа 1936 года. Неслучайно обвинительное заключение, составленное прокурором СССР в своем окончательном варианте за десять дней до его начала, воспроизводило в несколько измененной редакции выдвинутые в указанном письме обвинения против зиновьевцев (включая самого Г.Е. Зиновьева с Л.Б. Каменевым) и троцкистов.

А.Я. Вышинский утверждал в своем заключении «на основании вновь открывшихся обстоятельств, выясненных следственными органами в 1936 году в связи с раскрытием ряда террористических групп троцкистов и зиновьевцев»:

«1. Что в конце 1932 года произошло объединение троцкистской и зиновьевской групп, организовавших объединенный центр в составе привлеченных в качестве обвиняемых по настоящему делу Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева (от зиновьевцев) и Смирнова И.Н., Тер-Ваганяна и Мрачковского (от троцкистов);

2. что основным условием объединения этих контрреволюционных групп явилось взаимное признание индивидуального террора в отношении руководителей ВКП (б) и советского правительства;

3. что именно с этого времени (конец 1932 года) троцкисты и зиновьевцы по прямым указаниям Л. Троцкого, полученным объединенным центром через специальных агентов, сосредоточили всю свою враждебную деятельность против ВКП (б) и советского правительства, главным образом, на организации террора в отношении виднейших руководителей;

4. что в этих целях объединенным центром были организованы специальные террористические группы, подготовившие ряд практических мероприятий по убийству гг. Сталина, Ворошилова,

¹³ Там же. С. 115.

Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева и др.;

5. что одной из этих террористических групп, в составе Николаева, Румянцева, Мандельштама, Левина, Котолынова и других, осужденных Военной коллегией Верховного Суда Союза ССР 28–29 декабря 1934 г., было осуществлено 1-го декабря 1934 года, по прямому указанию Зиновьева и Л. Троцкого и под непосредственным руководством объединенного центра, злодейское убийство С.М. Кирова»¹⁴.

Материалы процесса троцкистско-зиновьевского центра публиковались сначала в газетах (в наибольшем объеме в «Правде» и «Известиях»)¹⁵, в сокращенном и отредактированном виде, а затем их газетная версия была издана народным комиссариатом юстиции СССР на английском языке в виде отдельной книги¹⁶. Данное издание

¹⁴ Обвинительное заключение по делу Зиновьева Г.Е., Каменева Л.Б., Евдокимова Г.Е., Смирнова И.Н., Бакаева И.П., Тер-Ваганяна В.А., Мрачковского С.В., Дрейцера Е.А., Гольцмана Э.С., Рейнгольда И.И., Пикеля Р.В., Ольберга В.П., Бермана-Юрина К.Б., Фрица Давида (Круглянского И.И.), М. Лурье и Н. Лурье, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-8, 19-58-8 и 58-11 УК РСФСР. Правда. 1936. № 229 (6835). 20 августа. С. 2–3.

¹⁵ Согласно записке заведующего отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Б.М. Таля о порядке освещения процесса в печати, одобренной И.В. Сталиным и утвержденной 19 августа путем опроса остальными членами Политбюро, было установлено: «1) В "Правде" и "Известиях" печатаются ежедневно отчеты о процессе в размере одной полосы. В других газетах печатаются отчеты о процессе размером до половины полосы. Обвинительное заключение и речь прокурора печатаются полностью... 2) Из представителей печати на процесс допускаются по спискам, утвержденным т. Ежовым: а) редакторы крупнейших центральных газет, корреспонденты "Правды" и "Известий"; б) работники ИККИ и корреспонденты для обслуживания иностранной печати; в) корреспонденты иностранной буржуазной печати по списку Наркоминдела» («На процесс допускаются по спискам, утвержденным т. Ежовым». Документы РГАСПИ о «процессе 16-ти». 1936 год // Отечественные архивы. 2008. № 2. С. 127).

¹⁶ Сохранились документы, свидетельствующие о том, что первоначально «Судебный отчет по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра» предполагалось издать не только на английском, но и на других европейских языках. 28 августа 1936 г. И.В. Сталин, находившийся на отдыхе в Сочи, сообщил шифрованной телеграммой Л.М. Кагановичу: «Следовало бы перевести на европейские языки отчет о судебном процессе в том виде, в каком он печатался в "Правде" и "Известиях". Обвинительный акт придется включить, речь прокурора также, последние слова обвиняемых обязательно. Издать надо не от Партиздата или "Правды", а от Наркомюста СССР. Это надо сделать поскорее и

имело два титульных листа. На левом было указано русское название книги — «Судебный отчет по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 19–24 августа 1936 г.». На правом листе — ее название на английском языке: «Report of Court Proceedings. The Case of the Trotskyite-Zinovievite Terrorist Centre, Heard Before the Military Collegium of the Supreme Court of the U.S.S.R. Moscow, August 19–24, 1936»¹⁷.

Титульный лист на русском языке создает впечатление о том, что наркомат юстиции СССР издал наряду с англоязычной версией данной книги также и ее вариант на русском языке. Историки, изучавшие процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра, проходившего в Москве с 19 по 24 августа 1936 года, пытались найти это русскоязычное издание в библиотечных хранилищах, но все их попытки оказывались безуспешными. Английский ученый Роберт Конквест, специализировавшийся на изучении истории Советского государства 30-х годов XX века, писал в одном из примечаний к своему произведению «Большой террор»: «Русского текста этого отчета нам не удалось найти даже в крупнейших библиотеках мира. Мы были вынуждены поэтому прибегнуть к обратному переводу с английского из опубликованного Наркомюстом в 1936 году в Москве Report of Court Proceedings. The Case of the Trotskyite-Zinovievite Terrorist Centre, English Edition, Moscow 1936, указывая страницы именно этого издания»¹⁸.

В 2018 году материалы процесса троцкистско-зиновьевского террористического центра, публиковавшиеся в августе 1936 года в газете «Правда», были изданы в виде книги санкт-петербургским издательством «Арт-Экспресс». В предисловии к ней составители указали:

— «Следов отдельного издания «Судебного отчета по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра» не удалось

распространить за границей широко» (Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 651).

¹⁷ В 1976 г. Лондонское издательство «Red Star Press Ltd.» выпустило в свет репринтное издание этой книги.

¹⁸ Конквест Р. Большой террор. Firenze, 1974. С. 92–93.

обнаружить нигде, ни в водной российской библиотеке, хотя мы привлекали к поискам работников многих ведущих библиотек страны;

– попытки поискать в зарубежных библиотеках, в том числе в крупнейших, мирового уровня, тоже ни к чему не привели..;

– эту книгу с тем же печальным результатом искали не только мы, а многие независимые исследователи, частные лица и группы, в числе которых имелись и профессиональные историки.

Сам факт того, что этот источник, как “в воду канул”, в то время как материалы двух других “московских процессов” – 1937 и 1938 годов без всяких проблем можно было либо купить у букинистов, либо найти в Интернете в виде электронных книг, изрядно озадачивал. Вывод можно было сделать только один: в этих материалах содержится нечто такое, что никак не должно было стать публичным достоянием в конце 50-х – начале 60-х годов. Там было что-то, что полностью разоблачало хрущевскую контру, и именно поэтому материалы данного процесса пропали, то есть были уничтожены специально и очень тщательно»¹⁹.

Отсутствие русского варианта печатного издания «Судебного отчета по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 19–24 августа 1936 г.» действительно очень странный факт в свете того, что изданные наркоматом юстиции СССР книги, содержащие судебные отчеты по другим весьма значимым делам («антисоветского троцкистского центра», антисоветского «право-троцкистского блока»), рассмотренным Военной коллегией Верховного суда в 1937–1938 годах, сохранились в библиотеках и всегда были доступны читателям²⁰. Более того, сохранилась и стала доступной изданная в 1937 году по машинописному тексту и под грифом «совершенно секретно» «Стенограмма судебного заседания специального

¹⁹ Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра. 19–24 августа 1936 г. СПб., 2018. С. 7–8.

²⁰ См.: Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 23–30 января 1937 года... М., 1937. Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2–13 марта 1938 года... М., 1938.

судебного присутствия Верховного суда Союза ССР от 11 июня 1937 года по делу Тухачевского М.Н., Якира И.Э., Уборевича И.П., Корка А.И., Эйдемана Р.П., Фельдмана Б.М., Примакова В.М. и Путны В.К. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-16, 58-8 и 58-11 УК РСФСР»²¹. Однако не менее странным представляется и предположение о том, что книга «Судебный отчет по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра» была в какой-то момент изъята из российских и иностранных библиотек и уничтожена. Как показывает такая практика, хотя бы один или несколько экземпляров предназначенных к уничтожению книг все равно сохраняются.

Более вероятным кажется другое, а именно: **русскоязычный вариант этой книги так и не был выпущен**. Наркомат юстиции СССР издал только англоязычную версию «Судебного отчета по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра». Перед основным текстом этой книги было указано: «Translated into English from the report as published in the IZVESTIA TsIK SSSR (Переведено на английский язык из отчета, опубликованного в газете «Известия ЦИК)»²². И не сохранилось ни одного свидетельства о том, что данный судебный отчет был издан в виде книги и на русском языке.

Дело троцкистско-зиновьевского террористического центра должно было рассматриваться судом в порядке, предписанном Постановлением ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года, т.е. без участия сторон, без права на кассационное обжалование и подачу ходатайства о помиловании. Однако за несколько дней до начала процесса ЦИК СССР принял секретное постановление, предписавшее рассматривать это дело, в виде исключения, на основе всех норм Уголовно-процессуального кодекса РСФСР», т.е в открытом заседании и с правом обвиняемых прибегать к помощи защитников. Очевидно, что это решение не могло быть принято без одобрения руководства ВКП (б) и прежде всего И.В. Сталина, но его инициатором являлся скорей

²¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 171. Д. 392. Л. 1-172.

²² Report of Court Proceedings. The Case of the Trotskyite-Zinovievite Terrorist Centre, Heard Before the Military Collegium of the Supreme Court of the U.S.S.R. Moscow, August 19-24, 1936. Moscow, 1936. P. 8.

всего А.Я. Вышинский. Об этом свидетельствует сохранившаяся в Российском государственном архиве социально-политической истории записка прокурора СССР секретарю ЦК ВКП (б) Н.И. Ежову, датированная 2-м августа 1936 года: «Направляю проект постановления Президиума ЦИК СССР, о котором я вчера Вам докладывал, для утверждения ЦК ВКП(б)». К записке был приложен следующий текст: «ЦИК СССР постановляет: В изъятие из постановления ЦИК СССР о порядке рассмотрения дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти допустить рассмотрение в Военной коллегии ВС СССР дела по обвинению *Зиновьева, Каменева, Бакаева, Рейнгольда, Пикеля, Мрачковского и других* по статьям 58 п. 8 и 58 п. 11⁴ Уголовного кодекса РСФСР с соблюдением всех правил, установленных Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР»²³.

Рассмотрение дела троцкистско-зиновьевского террористического центра проходило по заранее разработанному при активном участии А.Я. Вышинского сценарию. Сталин с 14 августа пребывал на отдыхе в Сочи, но внимания своего к этому делу не ослаблял. Это был первый процесс, предполагавший вынесение смертного приговора большевистским вождям, жизнь которых прежде считалась неприкосновенной. Поэтому даже мелкие его детали согласовывались со Сталиным.

17 августа Л.М. Каганович сообщил телеграммой Сталину:

«1) Сегодня беседовали с т.т. Вышинским и Ульрихом и установили: слушание дела начать 19-го в 12 ч[асов] дня с расчетом окончания суда 22-го; допрос вести в следующем порядке: 1) Мрачковский, 2) Евдокимов, 3) Дрейцер, 4) Рейнгольд, 5) Бакаев, 6) Пикель, 7) Каменев, 8) Зиновьев, 9) Смирнов, 10) Ольберг, 11) Берман-Юрин, 12) Гольцман, 13) Н. Лурье, 14) М. Лурье, 15) Тер-Ваганян, 16) Фриц Давид.

2) Роль Гестапо выявлять в полном объеме.

²³ РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 189. Л. 4-5. Данное постановление не было опубликовано, поскольку имело статус «секретного».

3) Если обвиняемые будут называть Пятакова и других, не препятствовать. Если у Вас будут указания по этим пунктам, просим сообщить»²⁴.

Первый день процесса – 19 августа – был посвящен формальному опросу подсудимых, чтению обвинительного заключения и допросам²⁵. В 19 часов 15 минут этого дня Л.М. Каганович направил И.В. Сталину первую свою телеграмму с кратким описанием происходившего на судебном заседании. Надо думать, с особым удовольствием Лазарь Моисеевич сообщал: «После оглашения обвинительного заключения все подсудимые опрошены – признают ли себя виновными – все ответили: “Да признаем”... На иностранных корреспондентов признание всех подсудимых в своей виновности произвело ошеломляющее впечатление»²⁶.

Допрос подсудимых вел А.Я. Вышинский. Поскольку обвиняемые отказались не только от защитников, но и от защиты и взяли на себя исполнение функции обвинения в отношении, как себя, так и других подсудимых, его роль в процессе оказалась весьма необычной. Чаще всего он всего лишь помогал подсудимым обвинять себя, подсказывая им своими вопросами те ответы, которые от них требовались по сценарию процесса.

Особенно интересными с этой точки зрения были допросы Каменева и Зиновьева, состоявшиеся во второй день процесса, 20 августа. Меншевик Вышинский просто глумился над вождями большевиков, выставляя их на посмешище. *«У меня есть статья ваша “25 лет”, изданная в 1933 году, и у меня есть ваше заявление, написанное в мае 1933 года. Эти статьи и заявление вы писали, когда вами владело то настроение, о котором мы с вами так много говорим? – спрашивал он Каменева. – Как оценить те статьи, в которых вы выражаете преданность партии? Обман?»*²⁷ – вопрошал он Каменева. «Нет, хуже

²⁴ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 631.

²⁵ Стенограмма заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 19 августа 1936 г. // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 381. Л. 4–7.

²⁶ Там же. С. 635.

²⁷ Стенограмма заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 20 августа 1936 г.

обмана», — отвечал тот. «Вероломство?» — подсказывал прокурор СССР. «Хуже», — продолжал свое покаяние Каменев. «Измена? Хуже обмана, хуже вероломства — найдите слово. Измена? — восклицал Вышинский. «Вы его нашли», — соглашался Каменев. «Это не только личное качество, — продолжал допрос Вышинский, — это общественное явление. Вы это делали по соглашению с Зиновьевым?» «Я делал это не только по соглашению с Зиновьевым, — уточнял Каменев, — а делал это во исполнение определенного, выработанного плана захвата власти, который заключался в сочетании террористического действия с двурушничеством»²⁸.

Цель допроса, казалось бы, достигнута, но Андрей Януарьевич все равно не успокаивался. «Можно Зиновьева спросить? Обвиняемый Зиновьев, — обращался он к соратнику Каменева, — по этому вопросу вы то же самое можете сказать?» «Да», — исторгал из себя Зиновьев. «Подсудимый Каменев, — снова спрашивал Вышинский, — на XVII съезде партии вы выступали с речью, в которой говорили о том, что вы хотели бы сбросить с себя эту ослиную шкуру. Это тоже проявление той же измены, вероломства, двурушничества? «Да», — отвечал Каменев. «Подсудимый Зиновьев, вы то же самое можете сказать? «Да» — соглашался Зиновьев. «Измена, вероломство, двурушничество?» — подсказывал Вышинский. «Да», — решительно соглашался Зиновьев²⁹ (курсив мой. — В.Т.).

Роль Вышинского в процессе была чрезвычайно странной, но при тех признаниях, которые делали подсудимые она другой и не могла быть. «Признаете ли вы, — спрашивал прокурор СССР Каменева, — то обстоятельство, что все способы, методы, формы борьбы, которые вы приняли в тот период времени, носят явно уголовный характер, отдают явной уголовщиной?»³⁰ И Каменев отвечал: «Я могу признать только одно, что поставив перед собой чудовищно-преступную цель дезорганизовать правительство социалистической страны, мы

// РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 382. Л. 17. При публикации в газете «Правда» этот фрагмент стенограммы был представлен в сокращенном и измененном виде: «Как оценить ваши статьи и заявления, которые вы писали в 1933 г. и в которых выражали преданность партии. Обман?» (Правда. 1936. № 230 (6836). 21 августа. С. 3).

²⁸ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 382. Л. 17-18.

²⁹ Там же. Л. 18.

³⁰ Там же. Л. 19.

употребляли методы борьбы, которые, по нашему мнению, соответствовали этой цели и которые так же низки и подлы, как и сама цель, которую мы перед собой поставили». «Правильно, — одобрял подсудимого Вышинский. — Я и хотел, чтобы вы этот вывод сделали»³¹.

Обвиняемые сами становились на путь своего разоблачения и готовы были идти по этому пути до конца. Вышинскому не надо было их уличать, ловить на противоречиях, недомолвках. Надо было только подсказать им, в чем еще они должны были себя обвинить. Стенограмма заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра и даже ее подправленные, отредактированные ее фрагменты, опубликованные в газете «Правда», показывают, как незамысловато прокурор СССР это делал.

«Вышинский: *Следовательно, вашей политикой против руководства партии руководили мотивы обычного низменного личного порядка — жажда личной власти?*

Каменев: Да, жажда власти нашей группы.

Вышинский: *Не находите ли вы, что это ничего общего не имеет с общественными идеалами?*

Каменев: Оно имеет то общее, что имеет революция и контрреволюция.

Вышинский: *Значит вы на стороне контрреволюции?*

Каменев: Да.

Вышинский: *Следовательно, вы отчетливо себе представляете, что ведете борьбу против социализма?*

Каменев: Мы отчетливо представляем, что ведем борьбу против руководства партии и правительства, которые ведут страну к социализму.

Вышинский: *Тем самым вы и против социализма?*

Каменев: Вы делаете вывод историка и обвинителя»³².

Подобные диалоги, безусловно, придавали процессу троцкистско-зиновьевского террористического центра театральные характер. И,

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 21–22..

думается, охотно признаваясь в тяжких преступлениях и с удивительным усердием разоблачая себя, подсудимые тем самым надеялись довести его до абсурда. Надо признать — в какой-то степени им удалось это сделать. Но среди их признаний оказались такие, которые нельзя было не воспринять как вполне серьезные, поскольку они явно показывали, что Сталину и его соратникам угрожала реальная опасность со стороны бывших большевистских вождей, отстраненных им от власти. «Террористический заговор, — признавался Каменев во время допроса 20 августа, — был организован и руководим мною, Зиновьевым и Троцким³³... В этот момент я пришел к убеждению, что политика партии и политика руководства победила в том единственном смысле, в котором возможна победа политики в стране социализма, что эта политика признана трудящимися массами... Ставка наша на расчеты, которыми мы руководствовались в предшествующий период — возможность раскола партийного руководства — оказалась битой³⁴... Правительство и руководство партии, которые провели народ через такой важный и трудный этап революции, как индустриализация и коллективизация, не имеют перед собой внутри страны таких трудностей, которые хотя бы в дальнейшем позволили нам рассчитывать на крах их политики³⁵... Наша политика опереться в борьбе за власть на сочувствие масс и завоевание этого сочувствия, сделанная нами в 1928–1929 г. потерпела крах. Тот факт, что вслед за этим крахом мы рассчитывали на мелкобуржуазное течение, которое имело в то время место среди руководства, в виде правых групп — РЫКОВА, БУХАРИНА и ТОМСКОГО., после того, как эта группа была выведена из состава руководства и дискредитирована перед трудящимися — и эта ставка была бита»³⁶.

Рассказав, каким образом он и его сторонники пришли к идее захватить власть путем заговора и террористических актов, Каменев счел необходимым сообщить: «Возможно, что этот заговор не дал бы тех кровавых плодов, которые он дал, если бы те соображения, те

³³ Там же. Л. 7.

³⁴ Там же. Л. 8.

³⁵ Там же. Л. 9.

³⁶ Там же. Л. 9–10.

мысли и те чувства, о которых я сейчас говорил, оставались достоянием очень узкого круга бывшей, так называемой ленинградской оппозиции. Должен указать, что в 1932 г. эти **террористические настроения были распространены гораздо шире, именно — в среде всех бывших оппозиционных и превратившихся в контрреволюционные группы**, и что именно эта, если можно так выразиться, широкая атмосфера террористических настроений, охватившая в этот момент эти группы, эта атмосфера терроризма и заговора укрепила нас на том пути, на который мы встали. Мы весьма скоро убедились, что, ставши на этот путь, мы целиком и точно совпадаем с тем путем, на который встал ТРОЦКИЙ и его представительство здесь, в стране. Ранее, однако, чем обратиться к этому решающему моменту для создания заговора, — не для наших террористических мыслей и настроений, а для состава заговора и механики его действия, — раньше, чем обратиться к позициям наших ближайших сотрудников в этом деле — троцкистов и их руководителя ТРОЦКОГО, я должен пояснить, конкретизировать то обстоятельство, на которое я указывал, как **на проникновение террористических настроений в среду всех бывших оппозиционных и превратившихся в контрреволюционные группы»**³⁷ (выделено мною. — В.Т.). Именно это последнее признание Каменева и должно было больше всего ужаснуть Сталина и его сторонников в руководстве ВКП (б) и правительства. Бывший большевистский вождь совершенно недвусмысленно говорил о том, что заговорщическими и террористическими настроениями и замыслами оказались охваченными все оппозиционные группы, существовавшие в большевистской партии. Это означала, что раскол правящего слоя в Советском государстве принял такой характер, при котором возникала реальная опасность новой гражданской войны, причем намного более жестокой, нежели предыдущая.

Приведенные признания Каменева полностью подтверждались показаниями других подсудимых. «Мы [были] уверены в том, что руководство должно быть во что бы то ни стало сменено, что оно

³⁷ Там же. Л. 12.

должно быть сменено нами вместе с Троцким и правыми»³⁸, — говорил во время допроса в зале суда Г.Е. Зиновьев.

Все это означало, что раскол правящего слоя в Советском государстве принял такой характер, при котором возникала реальная опасность новой гражданской войны, причем намного более жестокой, нежели предыдущая. Августовский судебный процесс 1936 г. по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра был прежде всего ответом на эту страшную для любого зрелого государства и смертельную для государства формирующуюся угрозу.

2

На утреннем заседании 22 августа 1936 г. А.Я. Вышинский произнес обвинительную речь. Ее текст был опубликован на следующий день в газетах «Известия» и «Правда»³⁹, месяц спустя его напечатали в журналах «Социалистическая законность»⁴⁰ и «Советская юстиция»⁴¹. В том же году речь прокурора СССР была издана в виде отдельной брошюры объемом в 64 страницы издательством «Советское законодательство»⁴². Текст этой речи был напечатан также в сборнике судебных выступлений Вышинского, вышедшем в свет первым изданием в 1938 г.⁴³

Английский адвокат (barrister) Дэнис Притт, присутствовавший на всех заседаниях процесса троцкистско-зиновьевского террористического центра, писал впоследствии о выступлении А.Я. Вышинского: «Он говорил в течение четырех или пяти часов. Он выглядел как очень интеллигентный, наделенный довольно мягкими манерами английский бизнесмен. Говорил энергично и ясно. Редко

³⁸ Там же. Л. 73.

³⁹ Правда. 1936. № 232 (6838). 23 августа. С. 2–5. Текст этой речи вошел в сборник судебных выступлений Вышинского, вышедший в свет первым изданием в 1938 г. См.: *Вышинский А.Я. Судебные речи.* М., 1938. С. 356–391.

⁴⁰ Социалистическая законность. 1936. № 9. С. 6–23.

⁴¹ Советская юстиция. 1936. № 25. С. 6–16.

⁴² *Вышинский А.Я. Обвинительная речь на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра.* Стенограмма речи государственного обвинителя, прокурора СССР А.Я. Вышинского, произнесенной в судебном заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР 22 августа 1936 г. М., 1936.

⁴³ *Вышинский А.Я. Судебные речи.* М., 1938. С. 356–391.

повышал голос. Совсем не скандировал, не кричал и не стучал по столу. Иногда смотрел на публику или играл для эффекта. Он говорил убедительно; называл подсудимых бандитами и бешеными собаками и предлагал истребить их. Даже в таком серьезном деле, как это, некоторые английские Генеральные прокуроры, возможно, не говорили бы столь убедительно; но во многих менее серьезных случаях многие английские обвинители используют гораздо более жесткие слова. Его не прерывали ни суд, ни кто-либо из обвиняемых. Публика хлопала во время его речи, и никто не пытался прекратить аплодисменты. Это кажется странным для английского сознания, но там, где нет присяжных, это не может причинить большого вреда, и вообще было заметно, что усилия суда подавить, с помощью маленького колокольчика, смех, вызванный либо ответами заключенных, либо каким-то другим инцидентом, не сразу увенчивались успехом»⁴⁴.

Судебный процесс над бывшими вождями большевиков явно воспринимался присутствовавшими в зале судебных заседаний как театральная спектакль. Да и подсудимые вели себя так, будто играли на сцене театра свою роль. Лишь некоторые из них предпринимали робкие попытки защитить себя, отрицая свое участие в террористической деятельности. Большинство же легко и даже пафосно признавалось в совершении самых тяжких преступлений. Они как будто совсем не верили, что оказавшись на скамье подсудимых, взойти на эшафот и неминуемо будут казнены.

⁴⁴ «He spoke for four or five hours. He looked like a very intelligent and rather mild-mannered English business man. He spoke with vigour and clarity. He seldom raised his voice. He never ranted, or shouted, or thumped the table. He rarely looked at the public or played for effect. He said strong things; he called the defendants bandits, and mad dogs, and suggested that they ought to be exterminated. Even in as grave a case as this, some English Attorney-Generals might not have spoken so strongly; but in many cases less grave many English prosecuting counsel have used much harsher words. He was not interrupted by the Court or by any of the accused. His speech was clapped by the public, and no attempt was made to prevent the applause. That seems odd to the English mind, but where there is no jury it cannot do much harm, and it was noticeable throughout that the Court's efforts, by the use of a little bell, to repress the laughter that was caused either by the prisoners' sallies or by any other incident were not immediately successful» (*Pritt D.N. The Moscow Trial Was Fair. London, 1936 // <https://www.marxists.org/history/international/comintern/sections/britain/pamphlets/1936/moscow-trial-fair.htm>*

Налет театральности придавался процессу во многом сознательно самими его организаторами. Сталин и его сторонники в правительстве и руководстве ВКП (б) надеялись использовать его для укрепления своей власти в стране. Вместе с тем они стремились получить выгодный пропагандистский эффект и за границей. Именно поэтому в Октябрьский зал Дома Союзов в Москве, где слушалось дело троцкистско-зиновьевского террористического центра, были допущены корреспонденты влиятельных иностранных средств массовой информации. Главный обвиняемый этого процесса отсутствовал в зале, но именно о нем больше всего говорилось в ходе судебных заседаний, именно в его адрес было брошено больше всего инвектив и проклятий. И это не случайно. Троцкий раскалывал рабочее и коммунистическое движение в западных странах, которое руководство Советского государства все еще считало главным своим союзником на международной арене. Судебный процесс над так называемым «троцкистско-зиновьевским центром» был задуман в качестве «показательного» еще и потому, что должен был показать перерождение товарища Троцкого из революционера-коммуниста в обыкновенного уголовного преступника-террориста.

Использование судебных процессов для достижения политических целей и придание им для этого показательного характера к середине 30-х годов стало уже политико-юридической традицией Советского государства. Эта традиция была заложена и теоретически обоснована никем иным, как самим В.И. Лениным. В частности, он предлагал использовать жанр показательного судебного процесса в борьбе с таким пороком бюрократической системы управления, как волокита.

В письме наркому юстиции РСФСР Д.И. Курскому от 3 сентября 1921 года Владимир Ильич начертал даже целый план судебных мероприятий для ее искоренения: «Волокита эта особенно в московских и центральных учреждениях самая обычная. Но тем более внимания надо обратить на борьбу с ней. Мое впечатление, что НКЮст относится к этому вопросу чисто формально, т. е. в корне неправильно. Надо: 1) поставить это дело на суд; 2) добиться ошельмования виновных и в прессе и строгим наказанием; 3) подтянуть судей через ЦК, чтобы карали волокиту строже; 4) устроить

совещание московских народных судей, членов трибуналов и т. п. для выработки успешных мер борьбы с волокитой; 5) обязательно этой осенью и зимой 1921-22 гг. поставить на суд в Москве 4-6 дел о московской волоките, подобрав случаи “поярче” и сделав из каждого суда *политическое* дело; 6) найти хотя бы 2-3 умных «экспертов» по делам о волоките из коммунистов по- злее и побойчее (привлечь Сосновского), чтобы научиться травить за волокиту; 7) издать хорошее, толковое, не бюрократическое письмо (циркуляр НКЮ) о борьбе с волокитой»⁴⁵. Д.И. Курский не выполнил указаний председателя Совнаркома, но Ленин оказался настойчивым и повторил свое требование «сделать из каждого суда политическое дело» над волокитой еще раз — в письме от 4 ноября 1921 года⁴⁶.

Первостепенное значение в политических судебных процессах В.И. Ленин придавал обвинительной речи прокурора. По его мысли, прокурор должен был выступать в таких процессах не только обвинителем, но также идеологом.

Все эти ленинские указания воспринимались советской прокуратурой как обязывающие предписания. В методическом письме прокуратуры СССР «Участие прокурора в судебном следствии», составленном в 1938 году известным советским правоведом, специалистом в области уголовного процесса М.С. Строговичем под редакцией А.Я. Вышинского, говорилось: «От прокурора в суде требуется максимальная бдительность в разоблачении перед судом и перед широкими массами трудящихся врагов народа, диверсантов, троцкистско-бухаринских изменников, фашистских шпионов и др. От прокурора на суде требуется максимальное умение, максимальная решительность и настойчивость в изобличении лиц, виновных в совершении преступлений, посягающих на социалистический правопорядок и права граждан

⁴⁵ Ленин В.И. Письмо в НКЮ Д.И. Курскому о борьбе с волокитой судебными мерами. 3/IX [1921 г.] // Ленинский сборник. Том 8. М., 1928. С. 35–36. Также см.: Ленин В.И. Письмо Д.И. Курскому 3 сентября [1921 г. Москва] // Ленин В.И. Сочинения. Том 29. Письма 1911–1922. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 1932. С. 403–404.

⁴⁶ Ленин В.И. Письмо Д.И. Курскому 4 ноября 1921 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 54. Письма. Ноябрь 1921 – март 1923. М., 1975. С. 1.

СССР. От прокурора требуется в то же время полная обоснованность всех его выступлений и утверждений на суде и неуклонное соблюдение предписаний социалистического закона». После этих рекомендаций отмечалось: «Для советского прокурора руководящими должны быть указания Владимира Ильича Ленина, данные им в письме о борьбе с волокитой. Ленин писал, что обвинитель должен “перед всеми разнести вдрызг, осмеять и опозорить преступление”; в то же время обвинитель должен “поставить обвинение разумно, правильно, в меру”»⁴⁷.

Методическое письмо подразумевало в данном случае замечание В.И. Ленина о прокурорской обвинительной речи из его письма А.П. Богданову от 23 декабря 1921 года. «Не понимаю, почему умный обвинитель не может перед всеми разнести вдрызг, осмеять и опозорить “богдановскую” и “осинскую” защиту бюрократической волокиты и вместе с тем поставить обвинение разумно, правильно, в меру?»⁴⁸ — спрашивал он.

А.Я. Вышинский при составлении обвинительных речей всегда следовал этому ленинскому рецепту. Своему выступлению на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра он сознательно придал политический характер, чтобы «перед всеми разнести вдрызг, осмеять и опозорить преступление». Особенно явно это проявлялось в первой его части, причем не только в содержании, но и в названиях разделов: «Троцкистско-зиновьевский центр — **банда презренных террористов**», «**Троцкий, Зиновьев, Каменев —**

⁴⁷ Участие прокурора в судебном следствии. Методическое письмо Прокуратуры Союза ССР, составленное т. М.С. Строговичем под редакцией т. А.Я. Вышинского // Социалистическая законность. 1938. № 8. С. 47.

⁴⁸ Ленин В.И. Письмо П.А. Богданову 23 декабря [1921 г. Москва] // Ленин В.И. Сочинения. Том 29. Письма 1911–1922. М., 1932. С. 415. В своем учебнике уголовного процесса и в учебном пособии «Уголовный процесс», вышедших в 1938 г., М.С. Строгович, процитировав эти указания Ленина, отметил, что они «представляют в сжатом виде целое руководство для работников суда и прокуратуры и показывают, как надлежит на практике применять процессуальные формы, как следует строить уголовный процесс, чтобы он обеспечил максимальный общественный эффект и правильное по существу решение уголовных дел» (Строгович М.С. Учебник уголовного процесса. М., 1938. С. 61. Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1938. С. 58). То же самое и в издании: Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1941. С. 75.

заклятые враги Советского Союза», «Двурушничество, обман и провокация — основной метод троцкистов-зиновьевцев».

Содержание обвинительной речи Вышинского показывает, что он говорил весьма эмоционально, допуская даже ругательные выражения в адрес подсудимых, но в то же время его выступление не было лишено логической стройности. «Товарищи судьи, товарищи члены Военной Коллегии Верховного суда Союза! — начал прокурор СССР свою речь. — Три дня со всей тщательностью и вниманием вы исследовали представленные государственным обвинением улики и доказательства, направленные против сидящих здесь на скамье подсудимых людей, обвиняемых в совершении тягчайших государственных преступлений. Со всей возможной тщательностью вы подвергли исследованию и судебной проверке каждое из этих доказательств, каждый факт, каждое событие, каждый шаг обвиняемых в течение многих лет нанизывающих одно преступление на другое в своей борьбе против советского государства, против советской власти и нашей партии, против всего нашего советского народа.

Ужасна и чудовищна цепь этих преступлений, направленных против нашей социалистической родины, преступлений, каждое из которых достойно самого сурового осуждения и самой суровой кары. Ужасна и чудовищна вина этих преступников и убийц, поднявших руку против руководителей нашей партии, против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, против наших руководителей, руководителей советского государства. Чудовищны преступления этой банды людей, не только подготовивших террористические акты, но и убивших одного из лучших сынов рабочего класса, одного из преданнейших делу социализма, одного из любимейших учеников великого Сталина, пламенного трибуна пролетарской революции незабываемого Сергея Мироновича Кирова»⁴⁹.

В сохранившемся в архиве первоначальном машинописном тексте данной речи с рукописной правкой самого Вышинского на

⁴⁹ Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра. Речь государственного обвинителя прокурора СССР тов. А.Я. Вышинского // Правда. 1936. № 232 (6838). 23 августа. С. 2.

месте фразы «ужасна и чудовищна цепь этих преступлений» стоят слова: «Ужасны и чудовищны цели этих преступлений»⁵⁰. Во втором варианте этого текста Андрей Януарьевич почему-то заменил своей рукой юридический термин «цели» на бытовое слово «цепь»⁵¹. Между тем почти половину своего выступления прокурор СССР посвятил именно **целям** преступной деятельности подсудимых.

Для ее оценки прокурор СССР специально подбирал определения, способные вызвать максимальное возмущение в адрес обвиняемых со стороны советского общества. «Этот процесс, — восклицал он, — “герои” которого связали свою судьбу с фашистами, с агентами полицейских охранок, “герои” которого потеряли всякую разборчивость в средствах и дошли до геркулесовых столбов двурушничества и обмана, возвели вероломство и предательство в систему, в закон своей борьбы против Советского государства, этот процесс вскрыл до конца и еще раз доказал, как велика и безмерна злоба и ненависть наших врагов к великому делу социализма; этот процесс показал, как ничтожны эти враги, мечущиеся и кидающиеся от одного преступления к другому. Презренная, ничтожная, бессильная кучка предателей и убийц — она думала остановить своими грязными преступлениями биение могучего сердца нашего великого народа! Презренная, ничтожная кучка авантюристов пыталась грязными ногами вытоптать лучшие благоухающие цветы в нашем социалистическом саду»⁵². «СССР побеждает, СССР строит социализм, в СССР торжествует социализм. Тем сильнее их ненависть против ЦК, против товарища Сталина и правительства, которым страна обязана этой победой, которыми страна гордится. В мрачном подполье Троцкий, Зиновьев и Каменев бросают подлый призыв: убрать, убить! Начинает работать подпольная машина, оттачиваются ножи, заряжаются револьверы, снаряжаются бомбы, пишутся и фабрикуются фальшивые документы, завязываются тайные связи

⁵⁰ Стенограмма заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 21-22 августа 1936 г. // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 383. Л. 164.

⁵¹ Стенограмма заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 22-24 августа 1936 г. // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 384. Л. 85.

⁵² Правда. 1936. № 232 (6838). 23 августа. С. 2.

с германской политической полицией, расставляются посты, тренируются в стрельбе, наконец, стреляют и убивают»⁵³.

Вышинский понимал, что желания, замыслы, планы только в том случае образуют состав преступления, если дополняются соответствующими действиями. Именно это и есть главное, говорил он, в своей обвинительной речи. «Контрреволюционеры не только мечтают о терроре, не только строят планы террористического заговора или террористического покушения, не только подготовляются к этим злодейским преступлениям, но осуществляют их, стреляют и убивают! Главное в этом процессе — в том, что они претворили свою контрреволюционную мысль в контрреволюционное дело, свою контрреволюционную теорию в контрреволюционную террористическую практику: они не только говорят о стрельбе, но они стреляют, стреляют и убивают!»⁵⁴

При подведении итога первой части обвинительной речи прокурор СССР заявил: «Троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда, очень примитивную и простую, выражающуюся в немногих словах, для составления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренней политики исчерпывалась⁵⁵ убийством, их программа внешней политики — поражением СССР в войне, их метод — вероломством, коварством, изменой»⁵⁶.

Смысл терминов «террор», «терроризм», «террористический акт», которые Вышинский употреблял в своей обвинительной речи, отличался от значения, вкладываемого в них в настоящее время⁵⁷.

⁵³ Там же. С. 3.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ В машинописном варианте стенограммы на месте слова «исчерпывалась» стояло другое слово: «Их программа внутренней политики определялась убийством» (РГАСПИ Ф.17, Оп. 171, Д. 382. Л. 195).

⁵⁶ Правда. 1936. № 232 (6838). 23 августа. С. 3.

⁵⁷ Статья 205 ныне действующего Уголовного кодекса РФ дает следующее определение террористического акта: «Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а

Действовавший в то время Уголовный кодекс РСФСР определял террористический акт как деяние, направленное на убийство конкретных людей: «представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций». Предусматривавшая это преступление статья 58⁸ была введена в действие Постановлением ВЦИК и СНК от 6 июня 1927 года. Совершение террористических актов и участие в их выполнении, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекли за собой «высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества»⁵⁸.

Обвиняя подсудимых в создании тайной организации, направленной на физическое уничтожение руководства ВКП (б) и советского государства, Вышинский ссылаясь главным образом на их собственные показания, данные во время следствия и в ходе судебного процесса. «Террор лежал в основе всей их деятельности, он был базой троцкистско-зиновьевского объединения», — заявлял прокурор СССР и пояснял: «Здесь совершенно согласно об этом показали люди, непосредственно друг с другом не связанные в их подпольной работе... Все эти лица под тяжестью предъявленных им улик не смогли дальше заператься и должны были признать, что главным и даже единственным объединявшим их преступную деятельность средством борьбы против советской власти и партии был террор, были убийства... Именно насильственное устранение руководства ВКП (б) и советского правительства являлось основной задачей этого троцкистско-зиновьевского блока, который по справедливости можно

также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями».

⁵⁸ Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 6 июня 1927 г. «Об изменении Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 г.» // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1927. № 49. С. 586.

назвать, как я это и сделал в обвинительном заключении, обществом политических убийц»⁵⁹.

В обоснование этого вывода Вышинский привел, помимо показаний подсудимых, призыв Л.Д. Троцкого «убрать Сталина», выраженный им в открытом письме в адрес Президиума ЦИК СССР, опубликованном в марте 1932 года в «Бюллетене оппозиции». Вождь большевиков-революционеров написал его после того, как ознакомился с напечатанным в газете «Правда» Постановлением Президиума ЦИК СССР от 20 февраля 1932 года о лишении «за контрреволюционную деятельность» 37 лиц, проживающих за границей в качестве эмигрантов и сохранивших еще советские паспорта, «союзного гражданства с запрещением им въезда в Союз ССР по документам иностранных государств». В списке этих лиц Троцкий увидел себя и членов своей семьи – жену Наталью Ивановну Седову и сына Льва Львовича Седова. В ответ на данную меру он разразился гневным письмом. Главным инициатором принятия указанного постановления Лев Давидович счел И.В. Сталина⁶⁰, поэтому именно на него обрушил самые жесткие слова. «Сталин завел вас в тупик, – заявил он, обращаясь к Президиуму ЦИК. – Нельзя выйти на дорогу иначе, как ликвидировав сталинщину. Надо довериться рабочему классу, надо дать пролетарскому авангарду возможность, посредством свободной критики сверху донизу, пересмотреть всю советскую систему и беспощадно очистить ее от накопившегося мусора. Надо, наконец, выполнить последний настойчивый совет Ленина: **убрать Сталина**»⁶¹.

17 апреля 1937 года Лев Троцкий в заключительной речи на заседании общественной комиссии по расследованию выдвинутых против него обвинений⁶², будет утверждать, что писал в данном

⁵⁹ Правда. 1936. № 232 (6838). 23 августа. С. 2.

⁶⁰ По словам Троцкого, «Сталин слишком на сей раз высунулся из-за кулис и неосторожно обнажил свой подлинный политический и моральный рост».

⁶¹ Троцкий Л.Д. Открытое письмо Президиуму ЦИК'а СССР // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1932. № 27. С. 6.

⁶² Данная комиссия заседала в резиденции Троцкого в Мексике с 10 по 17 апреля 1937 г. В ее состав вошло 11 общественных деятелей из различных стран, большинство из которых являлись по профессии журналистами и только один (Джон Финнерти) был профессиональным юристом. Председателем комиссии

письме не «о физическом уничтожении Сталина, а лишь о ликвидации его аппаратного могущества»⁶³. Однако Вышинский, доказывая в обвинительной речи, что Троцкий подстрекал именно к убийству Сталина, опирался не только на его открытое письмо Президиуму ЦИКа, в котором он призвал «убрать» Сталина. «Этот подлый призыв, – говорил прокурор СССР, – с еще большей откровенностью Троцкий обратил к ряду своих зарубежных учеников, завербованных им в качестве убийц для переброски в СССР, с целью организации террористических актов и покушений против руководителей нашего советского государства и нашей партии. Об этом здесь подробно рассказывал подсудимый Фриц Давид. Он сообщил, как в ноябре 1932 года он беседовал с Троцким и как во время этой беседы Троцкий сказал буквально следующее: “Сейчас нет другого выхода, как только насильственное устранение Сталина и его сторонников. Террор против Сталина – вот революционная задача. Кто революционер – у того не дрогнет рука”⁶⁴. С этой целью Троцкий занимался подбором экзальтированных людей, внушая им, чтобы они осуществили этот контрреволюционный акт, как какую-то “историческую миссию”. Берман-Юрин показывал здесь, что Троцкий систематически и неоднократно говорил: “До тех пор, пока Сталин не будет насильственно убран – нет никакой возможности изменить политику партии; в борьбе против Сталина нельзя останавливаться перед крайними мерами – Сталин должен быть физически уничтожен”. Фриц Давид и Берман-Юрин вели с Троцким разговоры об убийстве Сталина. Они приняли от Троцкого задание и сделали целый ряд практических шагов, чтобы это задание осуществить. Разве этого

стал Джон Дьюи, профессор философии Колумбийского университета. Главной задачей комиссии было восстановить репутацию Троцкого, пошатнувшуюся после выдвинутых в его адрес на прошедших в Москве судебных процессах над большевистскими вождями обвинений в терроризме.

⁶³ Контрпроцесс Троцкого. Стенограмма слушаний по обвинениям, выдвинутым на московских процессах 1930-х гг. М., 2017. С. 565.

⁶⁴ Здесь Вышинский сослался на том 8 лист 62 дела троцкистско-зиновьевского террористического центра.

мало, чтобы они были достойны самого сурового наказания, предусмотренного нашим законом, — расстрела?»⁶⁵.

Самым стойким из обвиняемых на допросах во время следствия и в судебном процессе был Иван Никитич Смирнов⁶⁶. Он решительно отрицал какое-либо свое участие в террористической деятельности троцкистско-зиновьевского центра, но при этом подтвердил, что во время заграничной командировки в Берлин, куда он прибыл в мае 1931 года, ему довелось в июле встретиться со старшим сыном Троцкого Львом Седовым. В начале беседы Смирнов по просьбе Седова рассказал о том, что делается в СССР, что «пятилетка проходит хорошо, с большим напряжением, трудностями, но вообще⁶⁷ проходит хорошо и выйдет», что «несколько хуже дело обстоит в деревне»⁶⁸. «А как вы перешли на разговор о терроре?» — спросил Вышинский. Смирнов ответил: «Когда я все это ему рассказал, когда он сообщил, что делается за границей и когда между нами происходил обмен мнений, он сказал, что ему кажется, что старая форма борьбы теперь уже не даст результатов и, что, пожалуй, террористический способ борьбы мог бы дать более положительные результаты. Но это было изложено довольно необоснованно»⁶⁹.

⁶⁵ Правда. 1936. № 232 (6838). 23 августа. С. 3. Стенограмма заседаний Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 22-24 августа 1936 г. // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 384. Л. 19.

⁶⁶ На утреннем заседании 21 августа Вышинский при допросе И.Н. Смирнова после того, как столкнулся с его отрицательными ответами, счел необходимым заметить: «В томе 29 (л. д. 7) имеются показания СМИРНОВА, которые разрешите огласить. Это — тот самый протокол, где СМИРНОВ отрицает все подряд, даже отрицает то, что вчера он, наконец, признал. Это — первый протокол допроса от 20 мая 1936 г. (каждая страница подписана СМИРНОВЫМ), где СМИРНОВ все время говорит: “я это отрицаю”, “я это отрицаю”, “я это отрицаю” — все время отрицает. Вы помните этот протокол?» (Стенограмма заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 21-22 августа 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 383. Л. 11).

⁶⁷ Так в стенограмме. — В.Т.

⁶⁸ Стенограмма заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 20 августа 1936 г. // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 382. Л. 126.

⁶⁹ Там же. Л. 127.

Факт встречи И.Н. Смирнова с сыном Троцкого в июле 1931 года спустя некоторое время после завершения процесса троцкистско-зиновьевского террористического центра подтвердил сам Лев Седов в очерке «Московский процесс — процесс над Октябрем», опубликованном сначала в «Бюллетене оппозиции», а затем в виде брошюры под названием «Красная книга о московском процессе», вышедшей в Париже на французском языке⁷⁰. Описывая эту встречу, сын Троцкого отрицал, что передавал Смирнову установку на террор, как на единственную меру, могущую изменить положение в Советском Союзе, но подтвердил, что они «прежде всего обменялись информацией» и Смирнов, «не останавливаясь прямо на вопросе о своем отходе от оппозиции, указал и настоял на том, что между ним и Л.Д. Троцким имеется прежде всего то разногласие, что он, Смирнов, не разделяет точки зрения Л.Д. Троцкого о необходимости вести в СССР политическую работу», так как «нынешние условия в СССР не позволяют вести никакой оппозиционной работы, и что во всяком случае нужно ждать изменения этих условий»⁷¹.

Услышав от Смирнова, что он не согласился с установкой на террор, Вышинский выразил удивление: «Хотя Вы с Седовым не согласились, однако, сочли необходимым сообщить об этом своей подпольной организации?» «Да не предполагал, что они ее воспримут как установку Троцкого»⁷², — ответил Смирнов, явно себя выгораживая. Однако другие подсудимые не позволили ему остаться в стороне. С.В. Мрачковский, отвечая на вопрос Вышинского: что ему говорил Смирнов о свидании с Седовым, сообщил: «Раньше он пытался отрицать свидание с СЕДОВЫМ, говорил, что он не хотел этой встречи. Затем он мне сказал, что он через СЕДОВА связался с ТРОЦКИМ и получил указания о терроре. СМИРНОВ здесь который

⁷⁰ Le livre rouge du procès de Moscou. Documents recueillis et rédigés par L. Sédov. Édité par le Parti Ouvrier Internationaliste, Éditions Populaires, 1936.

⁷¹ Седов Л.Л. Московский процесс — процесс над Октябрем // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1936. № 52–53.

⁷² Стенограмма заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 20 августа 1936 г. // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 171. Д. 382. Л. 129–130.

раз уже упоминает о том, что установка была привезена не как установка, а как простая информация»⁷³.

«Как личная точка зрения»? — уточнил Вышинский. «Извините меня, — сказал Мрачковский, — мне очень трудно определить разницу между головой СМИРНОВА и его сапогами, но найти разницу между информацией и дачей установки — для меня не так трудно, и как будто мы все поняли, что вопрос — не информационный, а вопрос директивный»⁷⁴.

В. Ольберг при допросе во время судебного процесса дал еще более страшные для И.Н. Смирнова показания. Он сообщил, что в одну из встреч с Седовым, которая имела место в ноябре или декабре 1931 года, сын Троцкого рассказал ему о свидании со Смирновым в «совершенно иной версии», чем та, которая прозвучала в зале суда. «Лев Седов, — заявил Ольберг, — несколько раз говорил мне о Смирнове, как о руководителе троцкистской организации в Советском Союзе, отзывался о нем с большим уважением, он сказал, что некоторое время тому назад он имел несколько встреч со Смирновым. Смирнов приехал в Берлин и нашел его там. Террористические настроения, которые имелись у Седова, по его словам не были новыми для Ивана Никитича Смирнова. Среди русских троцкистов, т.е. среди троцкистов в Советском Союзе в 1931 году были троцкистские настроения»⁷⁵.

«То есть террористические настроения»? — уточнил Вышинский. «Да, террористические», — признал Ольберг и сообщил новый факт: «Иван Никитич Смирнов отправился в Берлин для того, чтобы попытаться узнать об отношении Троцкого к террору»⁷⁶.

«Откуда вам это известно?» — спросил Вышинский. «Это мне известно от самого Льва Львовича Седова, — ответил Ольберг. — Лев Седов, услышав вопрос Смирнова, а также вопрос о блоке с зиновьевцами, передал этот вопрос своему отцу и получил от Льва Давидовича Троцкого ответ, который являлся директивой для

⁷³ Там же. Л. 133.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. Л. 140.

⁷⁶ Там же. Л. 140–141.

троцкистов Советского Союза. Эта директива Л.Д. Троцкого гласила: необходимо перейти к террористическим действиям»⁷⁷.

Л.Д. Троцкий пребывал в это время в Норвегии и внимательно следил по поступающим к нему газетам за ходом судебного процесса. Он понимал, какое судьбоносное значение для Советского государства имеет этот процесс. На следующий день после выступления прокурора СССР с обвинительной речью Лев Давидович написал статью «Заявление о судебном процессе», в которой попытался кратко ответить на прозвучавшие в его адрес во время процесса обвинения в подстрекательстве к террористическим актам против Сталина и в сотрудничестве с германской тайной полицией (гестапо). «Я сейчас изучаю весь материал, в виде брошюры, с юридической и политической точек зрения. В то же время готов ответить на все вопросы, на которые мировая пресса хотела бы получить ответ»⁷⁸, — заявил он в конце статьи.

3

Поведение Троцкого в период процесса по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра свидетельствовало о его чрезвычайной обеспокоенности тем, что происходило в зале суда. 19 августа 1936 года, в первый же день судебных заседаний, еще не имея никаких материалов из Москвы, он написал статью для газеты «Нью-Йорк Таймс» «Хуже, чем дела Дрейфуса⁷⁹ и о поджоге Рейхстага⁸⁰»,

⁷⁷ Там же. Л. 141.

⁷⁸ *Trotsky L.D. Statement on the Trial // The Writings of Leon Trotsky [1935–1936]. New York, 1977. P. 405.* Данная статья будет опубликована на французском языке в парижской газете «Lutte ouvriere» 5 сентября 1936 г.

⁷⁹ «Дело Дрейфуса» — это состоявшийся в декабре 1894 г. судебный процесс над офицером французского генерального штаба капитаном Альфредом Дрейфусом, обвиненным в шпионаже в пользу Германии. Подсудимый был приговорен к пожизненной ссылке на основании документов и свидетельских показаний, вызывавших серьезные сомнения в их достоверности.

⁸⁰ Судебный процесс о поджоге Рейхстага проходил с 21 сентября по 23 декабря 1933 года в Лейпциге. Обвинение было выдвинуто против пяти коммунистов и строилось на подложных доказательствах. В результате четверых из них (трех болгар, среди которых был Георгий Димитров, и немца) суд оправдал и только нидерландского коммуниста Маринуса ван дер Люббе, признавшего себя виновным, приговорил к смертной казни.

которая была опубликована на следующий день⁸¹. Троцкий высокопарно заявил в ней: «Весь процесс фальшивый. Признания были сделаны под давлением ГПУ, что дает обвиняемому выбор между признанием в соответствии с желаниями ГПУ и приговором к менее строгому наказанию, либо приговором к смертной казни. Если бы я был в России, я мог бы легко опровергнуть обвинения. Но у меня есть копии всех писем, которые я отправлял в последние годы, и в предоставленное время я докажу, что провокаторы приняли активное участие в московском процессе ради политической мести»⁸².

20 августа, во второй день процесса, ознакомившись с текстом обвинительного заключения, Лев Давидович разразился двухстраничной заметкой «Кто такой В. Ольберг?», которая не была опубликована и, видимо, не предназначалась для печати. Она была написана в ответ на приведенные в обвинительном заключении показания В.П. Ольберга. «В. Ольберг признал, — утверждалось в нем, — что он нелегально приехал в СССР⁸³ с целью ведения троцкистской контрреволюционной работы и организации террористического акта над товарищем Сталиным. На допросе 21 февраля с.г. В. Ольберг показал, что во время одного из свиданий с сыном Л. Троцкого — Седовым последний показал ему письмо Троцкого, в котором Троцкий предложил командировать Ольберга с группой немецких троцкистов в Советский Союз для подготовки и организации убийства Сталина»⁸⁴.

Наибольшую тревогу у Троцкого должны были вызвать показания В.П. Ольберга о его связях с гестапо. В обвинительном заключении приводилось его показание о встречах с «видным чиновником гестапо» для обсуждения плана по подготовке терроракта и цитировалось сделанное им на допросе 31 июля заявление о том, что его связь с гестапо «вовсе не была исключением... Это была линия троцкистов в соответствии с директивой Л. Троцкого, данной через

⁸¹ New York Times. August 20, 1936.

⁸² *Trotsky L.D. Than Dreyfus and Reichstag Cases // The Writings of Leon Trotsky [1935-1936].* New York, 1977. P. 389.

⁸³ В.П. Ольберг приехал в СССР в июле 1935 г. Из Чехословакии, где проживал после лишения в 1933 г. За свою политическую деятельность германского гражданства.

⁸⁴ Правда. 1936. № 229 (6835). 20 августа. С. 2.

Седова». К этим показаниям добавлялось замечание о том, что «показания В. Ольберга полностью подтвердил и арестованный по другому делу его брат Пауль Ольберг, также являющийся агентом германской тайной полиции»⁸⁵.

Троцкий отрицал, что встречался когда-либо с В.П. Ольбергом, но не мог отрицать факта переписки с ним и частых встреч Ольберга с Львом Седовым в начале 30-х годов. 12 апреля 1937 года на заседании общественной комиссии по расследованию выдвинутых против него обвинений Троцкому пришлось признаться, что с конца 1929 или начала 1930 года он переписывался с В.П. Ольбергом «на протяжении нескольких месяцев», отвечая «на более или менее серьезные письма, которые получал» от него. Лев Давидович признался также в том, что В.П. Ольберг поддерживал отношения с Львом Седовым во время его пребывания в Берлине⁸⁶.

20 августа 1936 года Троцкий написал статью «Индивидуальный террор и массовый террор»⁸⁷, где заявил: «Изолированный бюрократ боится терроризма. Бюрократия как каста использует для своей выгоды каждый террористический акт. Мы видим это в наиболее ясной и шокирующей манере в самом СССР»⁸⁸.

21 августа Троцкий снова обратился к теме терроризма. На этот раз из-под его пера вышла статья «Революционер, а не террорист»⁸⁹. В тот же день он дал интервью либеральной норвежской газете «Dagbladet», в котором сообщил, что на процессе в Москве цитировали его письмо к И.Н. Смирнову с призывом убить Сталина и Ворошилова и организовать тайные ячейки в армии, чтобы в случае нападения на СССР захватить власть. «Все это грубая фальсификация, ложь, — возмутился Троцкий, — это позорная ложь, направленная

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Контрпроцесс Троцкого. Стенограмма слушаний по обвинениям, выдвинутым на московских процессах 1930-х гг. М., 2017. С. 138.

⁸⁷ Данная статья будет опубликована 5 сентября 1936 г. в парижской газете «Lutte ouvriere».

⁸⁸ *Trotsky L.D. Individual Terror and Mass Terror // The Writings of Leon Trotsky [1935–1936]. New York, 1977. P. 394.*

⁸⁹ *Trotsky L.D. A Revolutionary, Not a Terrorist // The Writings of Leon Trotsky [1935–1936]. New York, 1977. P. 395–399.*

против меня, но в СССР нет никакой возможности поднять критический голос»⁹⁰.

Стремясь отвести от себя прозвучавшие на процессе в Москве и попавшие в европейские газеты обвинения в подстрекательстве к террористическим актам, Лев Давидович отрицал буквально все, что могло дать малейшее основание для такого мнения. «Во время моего пребывания в Норвегии я не принимал гостей из СССР. Я также не писал в СССР, прямо или косвенно»⁹¹, — заверял он корреспондента столичной норвежской газеты.

* * *

После обвинительной речи А.Я. Вышинского был объявлен перерыв. На вечернем заседании 22 августа были заслушаны выступления подсудимых с последним словом. В предыдущем своем течении процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра был похож на обычную театральную постановку — последние речи подсудимых превратили его в театр абсурда.

Первым говорил С.В. Мрачковский. «Я не прошу, — сказал он, — смягчить мне наказание. Не этого я хочу. Я хочу, чтобы поверили, что я сказал на следствии и суде всю правду. Я хочу уйти из жизни, не унося с собой никакой пакости. Почему же я стал на контрреволюционный путь? Связь с Троцким — вот что меня к этому привело, вот с каких пор я начал обманывать партию, обманывать ее вождей»⁹². Закончил Мрачковский свое выступление приговором самому себе: «Я ухожу, как предатель своей партии, как изменник, которого надо расстрелять, я прошу об одном, чтобы мне поверили, что я на следствии всю эту блевотину выплюнул»⁹³.

«Вывод может быть только один, — сказал в своем последнем слове Р.В. Пикель. — Мы представляем собой самую озверелую шайку уголовных преступников, являющуюся ничем иным, как отрядом международного фашизма. Троцкий, Зиновьев и Каменев были

⁹⁰ Ibid. P. 399.

⁹¹ Ibid. P. 398.

⁹² Стенограмма Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 22-24 августа 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 384. Л. 167.

⁹³ Там же. Л. 168.

нашим знаменем. К этому знамени тянулись не только мы, подонки советской страны, но и шпионы, диверсанты, агенты иностранных государств. Последние 8 лет являются для меня годами подлости, годами жутких кошмарных дел. Я должен понести заслуженное наказание»⁹⁴.

На утреннем заседании 23 августа первым выступил Л.Б. Каменев. «Я вместе с Зиновьевым и Троцким, — спокойно начал он свою речь, — был организатором и руководителем террористического заговора, замышлявшего и подготовлявшего ряд террористических покушений против руководителей правительства и партии нашей страны и осуществившего убийство Кирова»⁹⁵. Закончил же Каменев свое выступление совсем уже равнодушным самобичеванием: «Так служили мы фашизму, так организовывали мы контрреволюцию против социализма, подготовляли, расчищали дорогу интервентам. Таков был наш путь и такова та яма презренной измены и всякой мерзости, в которую мы свалились»⁹⁶.

Сплошным потоком признаний в тяжких преступлениях стала последняя речь Г.Е. Зиновьева. «Я хочу еще раз сказать, — заявил он, — что признаю себя целиком и полностью виновным. Я виновен в том, что был вторым после Троцкого организатором троцкистско-зиновьевского блока, поставившего себе целью убийство Сталина, Ворошилова и ряда других руководителей партии и правительства. Я признаю себя виновным в том, что был главным организатором убийства Кирова»⁹⁷. Талант агитатора не покинул Григория Евсеевича в этот тяжелый момент и позволил ему украсить свое последнее публичное выступление подобающими лозунгами. «Мой дефективный большевизм, — продекламировал он, — превратился в антибольшевизм, а я через троцкизм пришел к фашизму. Троцкизм — это разновидность фашизма, а зиновьевщина — разновидность троцкизма»⁹⁸.

⁹⁴ Там же. Л. 172.

⁹⁵ Там же. Л. 173.

⁹⁶ Там же. Л. 174.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. Л. 175.

В отличие от других подсудимых И.Н. Смирнов в своем последнем слове признал себя виновным лишь частично. Причем не за преступление, а, по его словам, «за ошибку, которая переросла затем в преступление». Такой ошибкой он назвал восстановление своей связи с Троцким, а также «искание связи с группой зиновьевцев», что привело его «к блоку с группой зиновьевцев, к получению в ноябре 1932 г. через Гавена директивы о терроре от Троцкого». «Блок эту директиву принял, стал действовать», — признал Иван Никитич. При этом он отказался признавать собственную ответственность за деятельность троцкистско-зиновьевского центра после своего ареста в начале января 1933 года. Любопытно, что подлинные высказывания И.Н. Смирнова из этой части его выступления отсутствуют в стенограмме судебного заседания, их заменяет краткое сообщение о том, что он, «как и на предварительном и судебном следствии», продолжал «отрицать ответственность за преступления, совершенные троцкистско-зиновьевским террористическим центром после своего ареста»⁹⁹.

Не занимаясь самобичеванием, но спокойно признавал свои ошибки и преступления В.П. Ольберг. «Все мое политическое мировоззрение, — говорил он, — сложилось под влиянием Троцкого и троцкизма. Я вслед за Троцким не останавливался ни перед террором, ни перед соглашением с фашистами. Цели троцкистской контрреволюционной организации и их безнадежность стали мне особенно ясны на этом процессе, на котором я со всей четкостью увидел, как жалки те лидеры троцкистско-зиновьевской контрреволюции, которые повели нас, молодых, по пути террористической борьбы, и как велика мощь советского государства... Я прошу Верховный суд дать мне возможность попытаться, хотя бы частично, загладить свои чудовищные преступления»¹⁰⁰.

Последним из подсудимых выступал Фриц Давид (И.И. Круглянский). «Я хочу заверить пролетарский суд, — сказал он, — что

⁹⁹ Там же. Л. 176. После слова «ареста» в этом варианте стенограммы была зачеркнута фраза: «в частности, за убийство Кирова», которая имела в первом ее варианте. См.: Там же. Л. 191.

¹⁰⁰ Там же. С. 177.

я проклиная Троцкого. Я проклиная этого человека, который погубил мою жизнь и толкнул меня на тяжкое преступление»¹⁰¹. После этого суд удалился на совещание¹⁰².

В 2 часа 30 минут ночи 24 августа председательствующий армвоенюрист В. Ульрих огласил приговор: Военная коллегия Верховного суда Союза ССР приговорила всех подсудимых «к высшей мере наказания – РАССТРЕЛУ, с конфискацией всего лично им принадлежавшего имущества»¹⁰³. Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал, но приговоренные могли подать прошение о помиловании. Они воспользовались этим правом, но ни одно из прошений не было удовлетворено, а скорей всего даже не рассматривалось. В ночь с 25 на 26 августа 1936 года приговор был приведен в исполнение.

В день, когда завершался процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра, Троцкий дал интервью лондонской газете «News Chronicle». Первым вопросом корреспондента было: «Каков ваш ответ на категорические обвинения, выдвинутые против вас и вашего сына на московском процессе?» Лев Давидович дал высокопарно жесткий ответ: «Мое предварительное суждение о московском деле выражается в нескольких декларациях. Это дело представляет собой один из самых больших, самых неуклюжих и самых преступных заговоров тайной полиции против мирового мнения»¹⁰⁴.

Наиболее интересным был ответ Троцкого на вопрос: «Думаете ли Вы, что советское правительство считает необходимым провести чистку перед введением нового режима?» «Сталинская клика, — заявил он, — пыталась этим делом доказать, что она порвала окончательно и беспощадно с революционными традициями большевистской партии. Но не следует забывать, что Политбюро, которое направляло судьбу русской революции, так же как

¹⁰¹ Там же. Л. 179.

¹⁰² В стенограмме указано: «В 7 часов вечера суд удаляется в совещательную комнату» (Там же).

¹⁰³ Там же. Л. 201.

¹⁰⁴ *Trotsky L.D. Interview in New Chronicle. August 24, 1936 // The Writings of Leon Trotsky [1935-1936]. New York, 1977. P. 413.*

Коминтерн, когда Ленин был еще жив, состояло из: Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Томского, Рыкова, Сталина, Бухарина как кандидата.

Ленин мертв. Всех остальных членов Политбюро, кроме Сталина, теперь обвиняют как заговорщиков против Советского государства, как террористов, и даже как союзников немецкой тайной полиции! Любой, кто способен мыслить политически, конечно, не будет питать ни малейшего доверия этим обвинениям, а напротив, признает их безошибочными знаками великих политических изменений, которые произошли в стране. Новый консервативный руководящий слой, советская аристократия, олицетворяемая Сталиным, окончательно разрывает пуповину, соединившую ее с Октябрьской революцией»¹⁰⁵.

Троцкий продолжал лихорадочно изучать материалы процесса троцкистско-зиновьевского террористического центра и после его завершения. «Вооруженный красным, синим и черным карандашами, — вспоминала Наталья Седова, — он делал выписки из отчетов суда и набрасывал свои заметки на клочках бумаги. Его кабинет был заполнен гранками и рукописями, разоблачавшими преступления. После того как наступало утомление, он выходил на улицу, расправлял плечи, шел к елям и созерцал горные пейзажи и невероятный покой. Однажды, задолго до того, как началось все это кровавое безумие, он сказал мне, когда мы стояли в зимнем снегу: “Я устал от всего — от всего этого, понимаешь?” Это было не упущением или слабостью, просто революционеры тоже всего лишь люди»¹⁰⁶.

В статье «Суд без конца», написанной 27 августа 1936 года, через два дня после казни и опубликованной во французской газете «Сир (Sir)» 1 декабря того же года, Троцкий сообщал: «Я в процессе чтения отчетов суда в "Правде". Они заставляют меня задыхаться от отвращения. Представить себе такое бесстыдство, такую глупость, такое вероломство — задача непростая даже для политика. Любой, кто мог бы принять это дело за хорошую монету, был бы навсегда мертв в моих глазах. Однако этот процесс не последний...»¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Ibid. P. 414.

¹⁰⁶ *Serge V., Sedova N. Life and Death of Leon Trotsky. Chicago, 2015. P. 206.*

¹⁰⁷ *Trotsky L.D. Trial without End. August 27, 1936 // The Writings of Leon Trotsky [1935–1936]. New York, 1977. P. 425.*

В конце данной статьи Лев Давидович обращал внимание на поразительное совпадение. «Комментарии газеты "Правда" к процессу – указал он, – были написаны Заславским, который в каждой строке принимает как должное, что я и другие обвиняемые были связаны с гестапо. В 1917 году тот же Заславский, публиковавшийся в газете банкиров «День», был самым ярким врагом большевиков. Он обвинял Ленина, меня и других в работе на немецкий генеральный штаб. В серии статей, написанных в 1917 году, Ленин обычно повторял: "Заславский и другие негодяи . . ." Этот негодяй теперь поддерживает сталинский "большевизм" против нас, агентов гестапо. Ни теоретическая, ни поэтическая фантазия, ни фантазия Маркса, ни фантазия Шекспира не могли придумать такой ситуации. Но жизнь знает, как это сделать»¹⁰⁸.

По мнению историка Ю.Н. Жукова, судебное разбирательство по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра было обращено к политическим силам как внутри Советского Союза, так и в демократических странах Запада. Оно «должно было ещё раз продемонстрировать решительный и окончательный отказ от старого курса, который ориентировался, прежде всего, на мировую революцию» и связывался «с экспортом революции, что для всех олицетворялось двумя именами – Троцкого и Зиновьева»¹⁰⁹. В действительности для Сталина не было никакой необходимости показывать отход от «старого курса» – наоборот он должен был всячески маскировать свой разрыв с революционным большевизмом, который имел массу сторонников как в ВКП (б), так и в международном коммунистическом движении.

Именно за отказ от идеалов революционного большевизма жестко критиковал Сталина с конца 20-х годов главный его противник в мировом коммунизме Л.Д. Троцкий. Специально посвященный московскому процессу 19–24 августа 1936 года двоянный (52–53) номер троцкистского «Бюллетеня оппозиции» вышел в октябре 1936 года под заголовком «Московский процесс – процесс над Октябрем».

¹⁰⁸ Там же. С. 426.

¹⁰⁹ Жуков Ю.Н. Иной Сталин: Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2005. С. 238.

В нем утверждалось: «Сталин не только кроваво рвет с большевизмом, со всеми его традициями и прошлым, — он старается втоптать большевизм и Октябрьскую революцию в грязь. Он это делает **в интересах мировой и внутренней реакции**. Трупы Зиновьева и Каменева должны в глазах мировой буржуазии доказать разрыв Сталина с революцией, послужить ему свидетельством о благонадежности и национально-государственной зрелости. Трупы старых большевиков должны доказать мировой буржуазии, что Сталин действительно радикально изменил свою политику, что люди, вошедшие в историю, как вожди революционного большевизма, — враги буржуазии, они и его враги. Троцкий, имя которого неразрывно связано с именем Ленина, как вождя Октябрьской революции, Троцкий, создатель и руководитель Красной армии; Зиновьев и Каменев — ближайшие ученики Ленина, один председатель Коминтерна, другой заместитель Ленина и член Политбюро; Смирнов, старейший большевик, победитель Колчака — сегодня они расстреливаются, и в этом мировой буржуазии надлежит видеть символ нового времени. Это конец революции, — говорит Сталин. Мировая буржуазия может и должна считаться теперь со Сталиным, как с серьезным союзником, как с вождем национального государства»¹¹⁰.

Эти обвинения наносили серьезный удар по авторитету Сталина в международном коммунистическом движении, которое являлось в то время влиятельной политической силой на мировой арене. Поэтому он не мог позволить себе специально демонстрировать «решительный и окончательный отказ от старого курса, который ориентировался, прежде всего, на мировую революцию». Но каков же тогда был подлинный смысл состоявшегося в Москве в августе 1936 года судебного процесса над бывшими большевистскими вождями?

Его раскрыл сам И.В. Сталин в письмах к своим сторонникам. Он пребывал в это время на отдыхе в Сочи, но внимательно следил за всем, что происходило в Москве на судебных заседаниях по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. Вечером 22

¹¹⁰ Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1936. № 52-53
// <http://iskra-research.org/FI/BO/BO-52.shtml>

августа Л.М. Каганович переслал ему зашифрованной телеграммой текст проекта приговора. Ближе к вечеру следующего дня Сталин сообщил телеграммой Л.М. Кагановичу, что считает проект приговора по существу правильным, но требующим стилистической отшлифовки. «Нужно упомянуть в приговоре в отдельном абзаце, — указал он, — что Троцкий и Седов подлежат привлечению к суду или находятся под судом или что-либо другое в этом роде. Это имеет большое значение для Европы, как для буржуа, так и для рабочих. Умолчать о Троцком и Седове в приговоре никак нельзя, ибо такое умолчание будет понято таким образом, что прокурор хочет привлечь этих господ, а суд будто бы не согласен с прокурором»¹¹¹. Кроме того Сталин предложил «вычеркнуть заключительные слова: “приговор окончательный и обжалованию не подлежит”». «Эти слова лишние, — пояснил он, — и производят плохое впечатление. Допускать обжалование не следует, но писать об этом в приговоре неуместно»¹¹².

Сохранившиеся в архиве два варианта текста проекта приговора действительно содержат слова «приговор окончательный и обжалованию не подлежит», которые завершают вердикт: «всех к **ВЫСШЕЙ МЕРЕ НАКАЗАНИЯ — Р А С С Т Р Е Л Л У**, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества»¹¹³. В официально же объявленный приговор они не попали. Зато в нем появилось заключительное заявление следующего содержания: «Находящиеся в настоящее время за границей **Троцкий Лев Давидович** и его сын **Седов Лев Львович**, избличенные показаниями подсудимых **Смирнова И.Н., Гольцмана Э.С., Дрейцера, В. Ольберга, Фрица Давида** (Круглянского И.И.) и **Бермана-Юрина** и материалами настоящего дела в непосредственной подготовке и личном руководстве организацией в СССР террористических актов против руководителей ВКП (б) и советского государства, в случае их обнаружения на территории Союза ССР, подлежат немедленному

¹¹¹ Сталин — Кагановичу. 23 августа 1936 г. // Сталин и Каганович. Переписка. 1931 — 1936 гг. М., 2001. С. 642.

¹¹² Там же.

¹¹³ Стенограмма Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 22–24 августа 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 384. Л. 201, 209.

аресту и преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР»¹¹⁴.

Сравнение официально объявленного текста приговора с его предварительными вариантами, хранящимся ныне в Российском государственном архиве социально-политической истории, позволяет увидеть, как на самом деле редактировался, правился этот документ. В записке, составленной в начале 1963 года комиссией, которая была создана постановлением Президиума ЦК КПСС от 19 января 1962 года для изучения результатов работы «по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов»¹¹⁵, было отмечено: «За несколько дней до окончания судебного процесса Вышинский и Ульрих представили Кагановичу проект приговора, в основу которого также было положено закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 года. *Каганович внес в проект приговора ряд произвольных поправок, усиливавших тяжесть обвинения, и дописал свою фамилию в число лиц, против которых якобы готовились террористические акты*»¹¹⁶ (курсив мой. — В.Т.). На самом деле Лазарь Моисеевич свою фамилию в приговор не вписывал и не мог это сделать без ведома Сталина: она изначально присутствовала среди перечисленных в нем руководителей партии и правительства СССР, в подготовке убийства которых обвинялись подсудимые. Вписал он туда фамилию Орджоникидзе, но она упоминалась в перечне высших должностных лиц, против которых террористические акты готовили Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Мрачковский, Тер-Ваганян и Смирнов.

А вот поправку, усиливавшую тяжесть обвинения, Каганович действительно внес. В первоначальном варианте проекта приговора подсудимые Дрейцер, Рейнгольд, Пикель, Гольцман, Фриц Давид, Ольберг, Берман-Юрин, Лурье М.И., Лурье Н.Л. обвинялись в том, что

¹¹⁴ Правда. 1936. № 233 (6839). 24 августа. С. 1.

¹¹⁵ В конце этой записки было указано, что в состав комиссии входили: А. Шелепин, З. Сердюк, Р. Руденко, Н. Миронов, В. Семичастный, а председателем ее был Н. Шверник.

¹¹⁶ Записка комиссии Президиума ЦК КПСС в Президиум ЦК КПСС о результатах работы по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов [Не позднее 18 февраля 1963 г.] // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том 2. Февраль 1956 — начало 80-х годов. М., 2003. С. 561.

«будучи членами подпольной террористической троцкистско-зиновьевской организации, приняли участие в подготовке убийства тт. СТАЛИНА, ВОРОШИЛОВА, ЖДАНОВА, КАГАНОВИЧА, КОССИОРА и ПОСТЫШЕВА»¹¹⁷. Лазарь Моисеевич изменил эту формулировку на другую, согласно которой названные подсудимые были обвинены в том, что «будучи членами подпольной террористической троцкистско-зиновьевской организации, **являлись прямыми активными участниками** подготовки убийства **руководителей партии и правительства** т.т. СТАЛИНА, ВОРОШИЛОВА, ЖДАНОВА, КАГАНОВИЧА, **ОРДЖОНИКИДЗЕ**, КОССИОРА и ПОСТЫШЕВА»¹¹⁸. Выделенные жирным шрифтом слова были вписаны от руки в первоначальный напечатанный вариант.

Сталин не скрывал от своих соратников, что процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра понадобился ему для полнейшей дискредитации в глазах населения Советского Союза и международного коммунистического движения не только бывших большевистских вождей, непосредственно представших перед судом, но и Троцкого, нашедшего убежище за пределами СССР. Именно поэтому Иосиф Виссарионович проявлял особую заботу о том, чтобы его столкновение с бывшими большевистскими вождями не сводилось в средствах массовой информации к личным конфликтным отношениям, но представлялось более масштабно — как столкновение различных мировоззрений, идеологий, политических программ.

В телеграмме, отправленной 6 сентября 1936 года Кагановичу и Молотову, Сталин с нескрываемым раздражением заявил, что «"Правда" в своих статьях о процессе зиновьевцев и троцкистов провалилась с треском». Почему же им был сделан такой вывод? Потому что, объяснил он, «ни одной статьи, марксистски объясняющей процесс падения этих мерзавцев, их социально-политическое лицо, их подлинную платформу — не дала "Правда". Она все свела к личному моменту, к тому, что есть люди злые, желающие захватить власть, и люди добрые, стоящие у власти, и этой мелкотравчатой мешаниной кормила публику.

¹¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 384. Л. 200.

¹¹⁸ Там же. Л. 208.

Надо было сказать в статьях, что борьба против Сталина, Ворошилова, Молотова, Жданова, Косиора и других есть борьба против Советов, борьба против коллективизации, против индустриализации, борьба, стало быть, за восстановление капитализма в городах и деревнях СССР. Ибо Сталин и другие руководители не есть изолированные лица, а олицетворение всех побед социализма в СССР, олицетворение коллективизации, индустриализации, подъема культуры в СССР, стало быть, олицетворение усилий рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции за разгром капитализма и торжество социализма.

Надо было сказать, что кто борется против руководителей партии и правительства в СССР, тот стоит за разгром социализма и восстановление капитализма.

Надо было сказать, что разговоры об отсутствии платформы у зиновьевцев и троцкистов — есть обман со стороны этих мерзавцев и самообман наших товарищей. Платформа была у этих мерзавцев. Суть их платформы — разгром социализма в СССР и восстановление капитализма. Говорить этим мерзавцам открыто о такой платформе было невыгодно. Отсюда их версия об отсутствии платформы, принятая нашими головотяпами на веру.

Надо было, наконец, сказать, что падение этих мерзавцев до положения белогвардейцев и фашистов логически вытекает из их грехопадения, как оппозиционеров, в прошлом»¹¹⁹ (выделено мною. — В.Т.).

«Вот в каком духе и в каком направлении надо было вести агитацию в печати. Все это, к сожалению, упущено»¹²⁰, — завершил Сталин длинную цепь своих упреков в адрес газеты «Правда».

В разгар судебного процесса, на вечернем заседании 21 августа 1936 года, прокурор СССР выступил с заявлением, которое давало понять, что скоро предстоят новые судебные разбирательства в отношении известных большевиков. «На предыдущих заседаниях, — сказал Вышинский, — некоторые обвиняемые (Каменев, Зиновьев и

¹¹⁹ Сталин — Кагановичу, Молотову. 6 сентября 1936 г. // Сталин и Каганович. Переписка. 1931 — 1936 гг. М., 2001. С. 664–665.

¹²⁰ Там же. С. 665.

Рейнгольд) в своих показаниях указывали на Томского, Бухарина, Рыкова, Угланова, Радека, Пятакова, Серебрякова и Сокольников, как на лиц, причастных в той или иной степени к их преступной контрреволюционной деятельности, за которую обвиняемые по настоящему делу и привлечены сейчас к ответственности. Я считаю необходимым доложить суду, что мною вчера сделано распоряжение о начале расследования этих заявлений обвиняемых в отношении Томского, Рыкова, Бухарина, Угланова, Радека и Пятакова, и в зависимости от результата этого расследования будет Прокуратурой дан законный ход этому делу. Что касается Серебрякова и Сокольников, то уже сейчас имеющиеся в распоряжении следственных органов данные свидетельствуют о том, что эти лица изобличаются в контрреволюционных преступлениях, в связи с чем Сокольников и Серебряков привлекаются к уголовной ответственности».

Это заявление прокурора СССР, опубликованное на следующий день в газете «Правда»¹²¹ и других печатных изданиях, шокировало так называемых «старых большевиков»¹²². Его содержание показывало, что дело «троцкистско-зиновьевского террористического центра» возникло не случайно, не под влиянием эмоций, но представляло собой начало целой череды судебных операций против тех, кто воплощал собой большевистскую революцию.

4

13 июня 1988 года Пленум Верховного суда СССР отменил своим постановлением приговор военной коллегии Верховного суда Союза ССР, вынесенный 24 августа 1936 года в отношении всех шестнадцати

¹²¹ Правда. 1936. № 231 (6837). С. 4.

¹²² Бывший член Политбюро М.П. Томский, прочитав это сообщение, застрелился. Руководство ВКП (б) расценило этот поступок как стремление «спрятать концы в воду самоубийством». Сообщение об уходе Томского из жизни, появившееся в верхней части 2-й страницы газеты «Правда» 23 августа, было похоже на приговор: «ЦК ВКП(б) извещает, что кандидат в члены ЦК ВКП(б) М. П. Томский, запутавшийся в своих связях с контрреволюционными и троцкистско-зиновьевскими террористами, 22 августа на своей даче в Болшеве покончил жизнь самоубийством».

участников так называемого объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра и прекратил дело за отсутствием в их действиях состава преступления. Любопытно, что текст данного постановления остался неопубликованным¹²³. Однако вскоре после его принятия была составлена справка Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Прокуратуры СССР и Комитета государственной безопасности СССР «О так называемом “Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре”». Приведенные в ней доводы были представлены в качестве основания для отмены упомянутого приговора военной коллегии Верховного суда¹²⁴.

В тексте данной справки повторялись факты и утверждения из составленной в начале 1963 года записки комиссии Президиума ЦК КПСС по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов, работавшей под предсе-

¹²³ В «Бюллетене Верховного суда СССР» было опубликовано сообщение о том, что 13–14 июня 1988 г. состоялся пленум Верховного суда, на котором рассматривались «протесты Председателя Верховного суда СССР и Генерального прокурора СССР по судебным делам» (1988. № 4. С. 13), но в этом сообщении не было сказано о том, какие конкретно дела были опротестованы. На заседании Комиссии Политбюро ЦК КПСС «по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов», проходившем 27 июля 1988 г. было объявлено, что «Пленум Верховного суда СССР удовлетворил протест Генерального прокурора СССР по так называемому делу “Антисоветский объединенный троцкистско-зиновьевский блок” и отменил приговор Военной коллегии Верховного суда СССР и дело прекратил за отсутствием состава преступления в действиях Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, Г.Е. Евдокимова, И.П. Бакаева, С.В. Мрачковского, В.А. Тер-Ваганяна, И.Н. Смирнова, Е.А. Дрейцера, И.И. Рейнгольда, Р.В. Пикеля, Э.С. Гольцмана, Фрица-Давида (И.-Д.И. Круглянского), В.П. Ольберга, К.Б. Бермана-Юрина, М.И. Лурье, Н.Л. Лурье» (Протокол № 5 заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов. 27 июля 1988 г. // Известия ЦК КПСС. 1988. № 6. С. 102).

¹²⁴ На это прямо указывают заключительные слова данной справки: «В силу изложенного приговор военной коллегии Верховного суда СССР от 24 августа 1936 г. по делу так называемого “антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра” в июне 1988 г. Пленумом Верховного суда СССР и был отменен, а все осужденные реабилитированы с прекращением дела за отсутствием в их действиях состава преступления» (О так называемом «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 94).

дательством Н.М. Шверника. Достоверность представленной информации не подвергалась при этом никаким сомнениям.

«Троцкистско-зиновьевского террористический центр» назывался в записке «Объединенным троцкистско-зиновьевским центром», т.е. без определения «террористический», что отражало мнение членов комиссии Шверника о недоказанности его преступной деятельности. Более того в записке отрицался сам факт существования такого центра. «Проверкой установлено, — констатировалось в ней, — что “Объединенного троцкистско-зиновьевского центра” не существовало, осужденные по этому процессу лица террористических групп не создавали, террористической деятельностью не занимались и к убийству Кирова не причастны»¹²⁵.

Главная роль в фальсификации дела об этом центре согласно записке 1963 года принадлежала Сталину и Ежову. Вместе с тем особо отмечалось участие в этом прокурора СССР. «В фальсификации дела “Объединенного троцкистско-зиновьевского центра”, — утверждалось в записке, — наряду с сотрудниками НКВД деятельное участие принимали Вышинский и Шейнин. Они допрашивали обвиняемых, проводили очные ставки, участвовали в других следственных действиях и, создавая таким образом видимость прокурорского надзора, в действительности прикрывали грубейшие нарушения законности. На совещаниях работников НКВД Вышинский проявлял крайнюю суровость к следователям, требовал, чтобы они добивались от арестованных прямых показаний о терроре, “смелых политических выводов и обобщений”»¹²⁶.

Составленная во второй половине 1988 года справка «О так называемом “Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре”» повторила это утверждение в более негативном по отношению к Вышинскому стиле: «По сути провокационную роль при расследовании дел сыграл А.Я. Вышинский. На совещаниях,

¹²⁵ Записка комиссии Президиума ЦК КПСС в Президиум ЦК КПСС о результатах работы по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов [Не позднее 18 февраля 1963 г.] // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том 2. Февраль 1956 — начало 80-х годов. М., 2003. С. 561.

¹²⁶ Там же. С. 559.

проявляя крайнюю суровость по отношению к следователям, он призывал добиваться прямых показаний от арестованных о терроре. При анализе показаний требовал более острых политических выводов и обобщений, а по существу – фальсификации дел»¹²⁷.

Стремление Вышинского до предела разоблачить подсудимых, максимально унижить бывших большевистских вождей, выставить их врагами народа было весьма заметным во время его выступлений в ходе процесса «троцкистско-зиновьевского террористического центра». Но само по себе оно не давало основания для такой оценки его действий, которая содержалась в приведенном документе. Как глава высшего государственного органа, призванного осуществлять надзор за соблюдением законов в процессе уголовного расследования, Вышинский просто обязан был «проявлять крайнюю суровость по отношению к следователям» и требовать от них доказательств в причастности арестованных к террору, в том числе и «прямых показаний» о своей террористической деятельности, и выявления мотивов преступных действий, т.е. «политических выводов и обобщений».

В записке комиссии Шверника требование прокурора СССР от следователей по этому делу добиваться от арестованных «прямых показаний о терроре» не представлялось как его требование фальсифицировать дело и его роль не называлась «провокационной». «Политических выводов и обобщений» Вышинский, согласно тексту записки, требовал добиваться от арестованных. В справке же 1988 года заимствованная из записки 1963 года характеристика роли Вышинского в рассматриваемом процессе препарировалась таким образом, что получалось будто он требовал «политических выводов и обобщений», причем не «смелых», а «острых», не от арестованных, а от самих следователей. И данное требование было представлено в справке как требование «фальсификации дел».

Процесс «троцкистско-зиновьевского террористического центра» готовился весьма тщательно. По замыслу Сталина, он должен был не только **изобличить** Троцкого, Зиновьева, Каменева и их сторонников

¹²⁷ О так называемом «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре». С. 88.

как уголовных преступников, но также разоблачить бывших большевистских вождей, имевших множество приверженцев среди руководителей и рядовых членов ВКП (б), идеологически и политически, показать их враждебность к своей стране, опасность для коммунистической партии и государства. При столь сложном характере судебного процесса «политические выводы и обобщения» становились необходимым дополнением юридических аргументов. А главный обвинитель, прокурор СССР, призван был действовать не только в качестве обвинителя **юридического**, но и **политического**. Вышинский должен был предстать в этом процессе помимо прочего еще и настоящим **идеологом**.

Что же касается «фальсификации», то это определение более подходит как раз к документам реабилитационного назначения, в данном случае — к составленной в начале 1963 года записке комиссии Президиума ЦК КПСС по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов и к изготовленной спустя четверть века справке Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Прокуратуры СССР и Комитета государственной безопасности СССР «О так называемом “Анτισоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре”». Факты, действительно имевшие место, переплетаются в содержании этих документов с явно выдуманными фактами, а также с очевидно ложными или голословными, ничем не подкрепленными утверждениями.

На фальсификационный характер реабилитационных документов, касающихся процесса «троцкистско-зиновьевского террористического центра», указывает уже сама методика обоснования необходимости реабилитации осужденных по этому делу.

«Таким образом, — утверждается в справке 1988 года, — признательные показания обвиняемых на следствии и в суде о принадлежности к “объединенному центру” и в проведении террористической деятельности объясняются применением к арестованным незаконных методов следствия. Кроме того, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, В.А. Тер-Ваганян и другие, подвергавшиеся уже ранее репрессиям — неоднократным арестам, допросам, одиночным

камерам, ссылкам, тюремному заключению, в период следствия и суда по настоящему делу находились в подавленном моральном и физическом состоянии. Доведенные до морального и физического истощения, они стали к обвинениям относиться безразлично и потому “признавать” их»¹²⁸. На основании чего был сделан этот вывод? Что предшествует ему в тексте рассматриваемой справки? Оказывается, непосредственным основанием для такого заключения послужили свидетельства предателя – бывшего начальника управления НКВД Дальневосточного, комиссара государственной безопасности третьего ранга Генриха Самойловича Люшкова. Опасаясь ареста, он 13 июня 1938 года перешел границу СССР в районе Маньжурии, оккупированной в то время Японией и сдался японским официальным лицам. Ровно месяц спустя, находясь уже в Токио, Люшков выступил на специальной, продолжавшейся более двух часов пресс-конференции перед иностранными и японскими журналистами. Трудно поверить, но именно заявления предателя, сделанные на этой пресс-конференции, были положены составителями справки «О так называемом “Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре”» в основание выводов о фальсификации судебного процесса 1936 года над бывшими большевистскими вождями и недействительности их показаний и признаний.

Между тем данная справка была выпущена в свет от имени таких органов и учреждений, как Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Прокуратура СССР и Комитет государственной безопасности СССР. В справке без каких-либо комментариев говорилось: «Бывший сотрудник НКВД Г.С. Люшков, принимавший активное участие в расследовании дела, бежав в 1938 году за границу, сделал там следующее заявление: “Я до последнего времени совершал большие преступления перед народом, так как я активно сотрудничал со Сталиным в проведении его политики обмана и терроризма. Я действительно предатель. Но я предатель только по отношению к Сталину... Таковы

¹²⁸ О так называемом «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре». С. 89.

непосредственные причины моего побега из СССР, но ими только дело не исчерпывается. Имеются и более важные и фундаментальные причины, которые побудили меня так действовать. Это то, что я убежден в том, что ленинские принципы перестали быть основой политики партии»¹²⁹.

Утверждение Люшкова о том, что он выступил предателем только по отношению к Сталину, было опровергнуто им же самим. Характеризуя политический режим в СССР, бывший высокопоставленный сотрудник НКВД заявил, что он прочен и никакая внутренняя сила смести его не сможет. «Только иностранное давление — такое, как война, — могло бы свергнуть сталинское правительство», — объяснял он иностранным корреспондентам, добавляя при этом, что самым благоприятным вариантом было бы «вступление Японии в войну против СССР, во взаимодействии с Германией»¹³⁰.

Переводчик, приставленный к Люшкову в Японии, писал впоследствии в своих воспоминаниях, объясняя его предательство: «Люшков, который в качестве начальствующего лица ГПУ забрал жизни 5000 человек в течение одного года под предлогом чистки, столкнулся с неразрешимой проблемой, когда пришла его очередь подвергнуться чистке в качестве номера 5001»¹³¹.

Историк Эльвин Кукс, специально изучавший жизненный путь предателя, сделал в статье, посвященной ему, следующий вывод: «Г.С. Люшков был очень сложной личностью. С одной стороны, он являлся чекистским продуктом революции, который служил верным и безжалостным приспешником таких жестоких боссов, как Ягода, Ежов и сам Сталин. Он играл заметную роль в распространении тюремного

¹²⁹ Там же. С. 88.

¹³⁰ *Сох А.Д. L'Affaire Lyushkov: Anatomy of a Defector // Soviet Studies. 1968. Vol. 19. No. 3. P. 417.*

¹³¹ «Lyushkov, who as GPU commander had taken the lives of 5000 people in one year in the name of the purge, was faced by an unsettling problem when it became his turn to be purged as No. 5001» (Цит. по: *Сох А.Д. Lesser of Two Hells: NKVD general G.S. Lyushkov's defection to Japan, 1938–1945. Part 1 // The Journal of Slavic Military Studies. 1998. Vol. 11. No. 3. P. 168.*

заклучения, пыток, убийств или депортации жертв, втянутых в чистку»¹³².

Во время упомянутой пресс-конференции в Токио 13 июля 1938 года Люшков под давлением журналистов признал, что «не только непосредственно занимался расследованием дела об убийстве Кирова, но и активно принимал участие в публичных процессах и казнях, проводившихся после кировского дела под руководством Ежова»¹³³. Он признал также, что имел отношение к делу «ленинградского террористического центра», рассматривавшегося в начале 1935 года, к делу «террористического центра о заговоре против Сталина в Кремле», раскрытого в том же году, к делу «троцкистско-зиновьевского объединенного центра», судебный процесс по которому проходил с 19 по 24 августа 1936 года.

В справке 1988 года, выпущенной от имени Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Прокуратуры СССР и Комитета государственной безопасности СССР, было приведено следующее заявление Люшкова на токийской пресс-конференции: «Перед всем миром я могу удостоверить с полной ответственностью, что все эти мнимые заговоры никогда не существовали, и все они были преднамеренно сфабрикованы»¹³⁴. Если бы эти показания Люшкова были подкреплены фактами, документами, аргументами, тогда их надо было бы оценивать именно с точки зрения этих оснований, но поскольку Люшков ничего не сообщил в подтверждение своих слов о фабрикации заговоров против Сталина и его сторонников в руководстве ВКП (б), то остается оценивать их с позиции личности обвинителя.

¹³² «G. S. Lyushkov was a highly complex individual. On the one hand he was a Cheka product of the Revolution who served as the loyal and ruthless minion of such brutal bosses as Yagoda, Yezhov, and Stalin himself. He played an appreciable role in engineering the imprisonment, torture, killing or deportation of victims pulled in by the purge» (*Сох А.Д. Lesser of Two Hells: NKVD general G.S. Lyushkov's defection to Japan, 1938-1945. Part 2 // The Journal of Slavic Military Studies. 1998. Vol. 11. No. 4. P. 105*).

¹³³ О так называемом «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре». С. 88.

¹³⁴ Там же.

Составители рассматриваемой справки не приняли во внимание, чьи свидетельства они положили в основание реабилитации. **В результате возникла парадоксальная ситуация: осужденные на смертную казнь по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра» были оправданы, помимо прочего, на основании показаний их палача, который вскоре стал предателем, а впоследствии работал на ЦРУ США против СССР¹³⁵.**

Уверенно утверждать о том, что «признательные показания обвиняемых на следствии и в суде о принадлежности к “объединенному центру” и в проведении террористической деятельности объясняются применением к арестованным незаконных методов следствия», можно было только на основании критического рассмотрения самих этих показаний. А этого при подготовке реабилитации Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, И.Н. Смирнова осуществлено не было. Некоторые показания осужденных были приведены в справке 1988 года «О так называемом “Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре”», но лишь для иллюстрации высказанного априори мнения. «Когда в судебном заседании, — сообщалось в этом документе, — А.Я. Вышинский сделал вывод о том, что Л.Б. Каменев, как один из организаторов “объединенного троцкистско-зиновьевского центра”, вынужден был признать себя виновным в террористической деятельности, оказавшись перед “стеной улик”, то в ответ на это Л.Б. Каменев заявил, что он признал себя виновным не потому, что против него

¹³⁵ В 1945 г. Г.С. Люшков перебрался в США и здесь умер в 1968 г., на 69-м году жизни. Он работал в качестве консультанта по проблемам Советского Союза в ЦРУ, написал несколько книг по истории советской разведки и внешней политики СССР. Он продолжал придерживаться мнения, которое высказал еще в первое время своего пребывания в Японии: советский режим настолько прочен и репрессивен, что исключает «любой публичный протест, тем более с оружием в руках». Отсталость советской экономики также не приведет к краху советского государства. «Природные ресурсы страны столь огромны, что скомпенсируют сколь угодно бездарное руководство», — утверждал Люшков. Надежду на крушение СССР бывший советский чекист связывал с несменяемостью советских партийных и государственных руководителей. «Они несменяемы, и в этом их слабость; — пророчествовал он, — в конце концов они просто от старости выпустят руль из рук».

имелись улики, а “... потому, что, будучи арестованным и обвиненным в этом преступлении, я его признал»¹³⁶.

Приведенное же после этих слов показание И.Н. Смирнова совсем не является признательным, что опровергает мнение о том, что у обвиняемых не было никакого выбора, как только признаваться в преступлениях.

«Вышинский. Когда же Вы вышли из “центра”?

Смирнов. Я и не собирался выходить, не из чего было.

Вышинский. Центр существовал?

Смирнов. Какой там центр»¹³⁷.

Чтобы показать, что Зиновьев, Каменев и другие осужденные были во время следствия и суда доведены до «до морального и физического истощения», и «стали к обвинениям относиться безразлично и потому признавать их», составители не нашли ничего лучшего, как привести выдержки из писем Зиновьева, написанных в апреле и мае 1935 года, т.е. более, чем за год до судебного процесса по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра»¹³⁸.

В справке приводились факты, свидетельствовавшие о вмешательстве Сталина и Кагановича в ход следствия и судебного процесса по этому делу. Указывалось, что они читали и правили протоколы допросов обвиняемых, предварительные варианты обвинительного заключения и приговора, что итоги судебного разбирательства были predeterminedены закрытым письмом ЦК ВКП (б) от 29 июля 1936 года «ко всем организациям партии о террористической деятельности троцкистско-зиновьевско-каменевской контрреволюционной группы». «Это письмо, — отмечалось в справке, — явилось основой для составления обвинительного заключения и приговора суда»¹³⁹.

Эти факты действительно имели место, они подтверждаются сопоставлением документов. Если бы процесс «троцкистско-зиновьевского террористического центра» был чисто **юридическим**,

¹³⁶ О так называемом «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре». С. 89.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. С. 89–90.

¹³⁹ Там же. С. 91.

если бы он являлся всего лишь **судебным** процессом, то подобные факты явно свидетельствовали бы о грубых нарушениях процессуальных норм и только об этом. Однако поскольку данный процесс получил первостепенное **политическое** и отчетливо выраженное **идеологическое** значение, применительно к нему правильнее было говорить *о приспособлении его юридического содержания к содержанию политическому и идеологическому.*

Л.Д. Троцкий хорошо понимал эту двойную природу августовского процесса 1936 года в Москве. Поэтому к его началу он постарался завершить работу над книгой под названием, которое подчеркивало радикально политическое значение ее содержания — **«Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет».**

Настоящая реабилитация осужденных в результате процесса «троцкистско-зиновьевского террористического центра» бывших большевистских вождей предполагала реабилитацию не только юридическую, но также политическую и идеологическую.

Вместо этого была предпринята попытка исключительно юридической реабилитации, причем слишком поспешная и непродуманная. Она совершенно не приняла во внимание открытий западных ученых в архиве Л.Д. Троцкого. Составители справки, выпущенной в 1988 году от имени Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Прокуратуры СССР и Комитета государственной безопасности СССР, как будто вовсе и не знали об этих открытиях. Иначе не утверждали бы опрометчиво, что Троцкий никаких указаний своим сторонникам в СССР не давал. В справке говорилось, в частности:

«В январе-феврале 1935 г. органами НКВД в Ленинграде было арестовано 843 чел. бывших зиновьевцев. В период следствия над этими арестованными И.В. Сталин и Н.И. Ежов искусственно создали версию о тесной связи зиновьевцев с троцкистами, об их совместном переходе к террору против руководителей партии и Советского правительства и об объединении на этой основе всей их контрреволюционной деятельности»¹⁴⁰.

¹⁴⁰ Там же. С. 82.

«Согласно сфабрикованным обвинениям, основой для создания так называемого “объединенного центра” послужили показания о получении из-за границы указаний Л.Д. Троцкого о терроре. Однако эти показания никакими документальными доказательствами и другими объективными данными не подтверждались. Более того, в силу их надуманности они противоречивы и некорректны»¹⁴¹.

«Установлено, таким образом, что после 1927 г. бывшие троцкисты и зиновьевцы организованной борьбы с партией не проводили, между собой ни на террористической, ни на другой основе не объединялись, а дело об “объединенном троцкистско-зиновьевском центре” искусственно создано органами НКВД по прямому указанию и при непосредственном участии И.В. Сталина»¹⁴².

В марте 1940 года Л.Д. Троцкий, нуждаясь в деньгах, продал имевшиеся в его распоряжении бумаги, составлявшие большую часть его архива. Гарвардскому университету¹⁴³. При этом по условиям заключенного договора доступ к нему мог быть открыт лишь через сорок лет. В марте 1980 года данный срок истек, и французский исследователь Пьер Бруэ, занимавшийся подготовкой томов сочинений Л.Д. Троцкого, написанных в 1936 и 1937 годах, начал изучать хранившиеся в этом архиве документы. В результате им были обнаружены письма Льва Троцкого Льву Седову и Льва Седова Льву Троцкому, свидетельствовавшие о «существовании в Советском Союзе в 1932 году антисталинского “оппозиционного блока” (*L'existence, en Union soviétique en 1932, d'un "bloc des oppositions" contre Staline*)»¹⁴⁴. Свое сообщение об открытии и найденные письма Пьер Бруэ опубликовал в том же году в периодическом издании «Тетради Льва Троцкого (*Cahiers Léon Trotsky*)»¹⁴⁵. Документы не показывали террористической направленности данного блока, но тем не менее они давали понять, что Сталин не придумал объединение троцкистов и

¹⁴¹ Там же. С. 92.

¹⁴² Там же. С. 94.

¹⁴³ До этого, в 1936 г., Л.Д. Троцкий передал или продал часть своих бумаг Парижскому филиалу Амстердамского института современной истории.

¹⁴⁴ *Broué P. Trotsky et le bloc des oppositions de 1932 // Cahiers Léon Trotsky. 1980. No. 5. P. 5.*

¹⁴⁵ *Ibidem. P. 5-37.*

зиновьевцев в блок, а опирался на какие-то сведения о действительном его существовании.

Письмо Л.Д. Троцкого сыну было написано на немецком языке, а ответное письмо Льва Седова отцу — на русском языке. Оба письма можно датировать предположительно концом ноября 1932 года¹⁴⁶.

Л.Д. Троцкий писал:

«1. Мое письмо на родину уже было написано до того, как я получил ваше письмо об известии, касающемся Кол[окольникова] (это была конспиративная фамилия И.Н. Смирнова. — В.Т.). Мое письмо, очевидно, предназначено для левой оппозиции в истинном смысле этого слова. Но вы можете показать его "информатору" (под этим прозвищем выступал Гольцман, еще один осужденный в августе 1936 г. — В.Т.), чтобы он имел представление о том, как я вижу вещи.

2. Предложение о блоке мне кажутся вполне мере приемлемыми. Я должен четко дать понять, что мы имеем дело с блоком, а не со слиянием.

3. Моя предлагаемая декларация, очевидно, предназначена для нашей фракции левой оппозиции в строгом смысле этого слова (а не для наших новых союзников). Мнение союзников, согласно которому мы должны ждать более глубокого вовлечения правых, не имеет моего согласия в том, что касается нашей фракции. Борьба с репрессиями посредством анонимности и заговора, а не молчания. Потеря времени недопустима: с политической точки зрения это было бы равносильно тому, чтобы оставить поле деятельности правым.

4. Как будет выражаться блок? На данный момент главным образом путем обмена информацией. Союзники информируют нас о том, что касается Советского Союза, как мы информируем их о том, что касается Коммунистического Интернационала. Мы должны договориться об очень точных условиях переписки.

Союзники должны присылать нам корреспонденцию для Бюллетеня¹⁴⁷. Редакторы Бюллетеня обязуются публиковать

¹⁴⁶ Пьер Бруэ обнаружил упоминание о первом из этих писем в послании Жана Хейдженорта Льву Седову, датированном 3 июля 1937 г. См.: *Lettre de Jean van Heijenoort á Leon Sedov. 3 juillet 1937 // Cahiers Léon Trotsky. 1980. No. 5. P. 34.*

документы союзников. Но оставляют за собой право свободно комментировать их.

5. Блок не исключает взаимной критики. Любой пропаганде союзников от имени капитулянтов мы будем неумолимо, беспощадно противостоять.

6. Вопрос об экономической программе изложен в последнем номере Бюллетеня и (будет) развит в последующих выпусках»¹⁴⁸.

В ответном письме отцу Лев Седов сообщал: «[Блок] организован, в него вошли зиновьевцы, группа Стэн-Ломинадзе и троцкисты (бывшие “_____”). Группа Сафар[арова]-Тархан[ова] формально еще не вошла — они стоят на слишком крайней позиции; войдут в ближайшее время. Заявление З[иновьева] и К[аменева] об их величайшей ошибке в [19]27 г. было сделано при переговорах с нашими о блоке непосредственно перед высылкой З[иновьева] и К[аменева].

Провал группы И.Н. [Смирнова], Преобр[аженовского] и Уф[имцева] (эти трое входили в центр) был сделан каким-то полусумасшедшим, больным человеком. Его арестовали случайно, — он начал выдавать. Вряд ли у И.Н. [Смирнова] и др. нашли материалы (“троцк. литература”) за несколько дней до ареста И.Н. [Смирнов] говорил нашему информатору: Х начал выдавать, я жду ареста со дня на день. Он был подготовлен благодаря наличию своего Морковкина, доставлявшего всю информац[ию]. К сожалению, его И.Н. [Смирнов] не успел передать. Информатор сообщает, что никаких провалов едущих из-за границ, вообще связанных с заграницей не было. Если есть важные вопросы, то телеграфно до четверга (то же указание).

Провал “бывших” большой удар, но заводские связи сохранялись»¹⁴⁹.

В 1985 году в гарвардском архиве Л.Д. Троцкого работал американский историк Джон Арчибальд Гетти. Ему удалось

¹⁴⁷ Имеется в виду «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)», издававшийся Л.Л. Седовым.

¹⁴⁸ Lettre de Trotsky á Léon Sedov // Cahiers Léon Trotsky. 1980. No. 5. P. 35–36.

¹⁴⁹ Document 1. Sedov to Trotsky 1932. Trotsky Arch[iv] 4782 // Furr G. Trotsky's Amalgams: Trotsky's Lies. The Moscow Trials as Evidence. The Dewey Commission. Trotsky's Conspiracies of the 1930s. Vol. 1. Kettering, 2016. P. 503–504. Lettre de Sedov á Trotsky // Cahiers Léon Trotsky. 1980. No. 5. P. 36–37.

обнаружить квитанции об оплате посылки целого ряда писем большевистским деятелям из Советского Союза. Все они датируются периодом от апреля по декабрь 1932 года. Сокольникову и Преображенскому письма посылались Троцким в Лондон, где они тогда находились. Карлу Радеку — в Женеву. Свои письма Троцкий посылал в это время также Коллонтай и Литвинову. Копии же самих этих писем в архиве отсутствовали. Дж.А. Гетти сделал вывод о том, что кто-то провел чистку данного архива, чтобы избавить его от бумаг, свидетельствующих о том, что Троцкий, находясь за границей, продолжал общаться со своими сторонниками в СССР ¹⁵⁰. О главной цели такого общения нетрудно догадаться — бывший большевистский вождь Троцкий надеялся вернуться в Советский Союз и затеять новую революцию, непременно кровавую. Другой революции Лев Давидович для России и не мыслил.

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра, как бы он ни назывался, был ареной, на которой столкнулись не просто группировки влиятельных большевиков, а два принципиально различных мировоззрения, две различные идеологии и, в сущности, — **два противоположных варианта будущего нашей страны.**

¹⁵⁰ *Getty J.A. Origins of Great Purges. Soviet Communist Party Reconsidered, 1933-1938. Cambridge, 1987. P. 119, 245.*

В. А. Томсинов

**Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 – 1954):**

**государственный деятель
и правовед**

Часть 5

**Процесс антисоветского
троцкистского центра
23–30 января 1937 года**

Опубликовано:

Журнал «Законодательство»

**2018. № 12. С. 79–87. 2019. № 1. С. 86–94. № 2. С. 86–94.
№ 3. С. 86–94.**

1

Сталин хотел, чтобы приговор, вынесенный бывшим большевистским вождям в результате судебного разбирательства, проходившего в Москве с 19 по 24 августа 1936 года, воспринимался в прессе и в СССР и на Западе не как расправа над его личными врагами, но как наказание политикам, предавшим свой народ, выступившим против индустриализации своей страны, превращения ее в социалистическое государство, в мощную промышленную и культурную державу.

Троцкий, против которого был в первую очередь направлен данный процесс, также старался избежать трактовки его как проявления личного конфликта внутри большевистской партии. Выступая 11 декабря 1936 года на судебном заседании по делу о нападении на квартиру, где он проживал, группы норвежских фашистов, стремившихся завладеть его архивом¹, Лев Давидович говорил: «В печати можно на каждом шагу встретить попытки свести всю проблему к личной вражде между Сталиным и Троцким: "борьба за власть", "соперничество" и проч. Такое объяснение надо отвергнуть как поверхностное, неумное и прямо абсурдное. Многие десятки тысяч так называемых "троцкистов" подвергались в СССР

¹ Сам Троцкий рассказывал об этом случае следующее: «5 августа 1936 года я отправил первые экземпляры законченной рукописи американскому и французскому переводчикам. В тот же день мы отправились вместе с четой Кнудсен в южную Норвегию, чтобы провести две недели у моря. Но уже на следующее утро, в пути, мы узнали, что в предшествующую ночь на нашу квартиру совершено было норвежскими фашистами нападение с целью овладеть моими архивами. Задача сама по себе не представляла никаких трудностей: дом никем не охранялся, и даже шкафы не запирались. Норвежцы до такой степени привыкли к спокойному ритму своей демократии, что даже от друзей нельзя было добиться соблюдения элементарных правил осторожности. Фашисты нагрянули в полночь, показали фальшивые полицейские значки и попытались немедленно приступить к "обыску". Оставшаяся дома дочь наших хозяев заподозрила неладное, не потерялась, стала с распростертыми руками перед дверью моей комнаты и заявила, что никого не пропустит. Пять фашистов, еще неопытных в своем ремесле, опешили перед мужеством молодой девушки. Тем временем младший брат ее поднял тревогу. Показались в ночных одеяниях соседи. Потерявшие голову герои бросились наутек, захватив с ближайшего стола несколько случайных документов. Полиция без труда установила на следующий день личность нападавших».

в течение последних тринадцати лет жестоким преследованиям, отрывались от семей, от друзей, от работы, лишались огня и воды, нередко и жизни, — неужели все это ради личной борьбы между Троцким и Сталиным? Книга “Преданная революция”, которая так расстроила атторнея защиты, была написана до московского процесса; она дает, как признает пресса, истинное политическое и историческое объяснение этого процесса»²

Названная книга была издана осенью 1936 года на французском языке³, а в начале 1937 года — на английском⁴. На русском языке она вышла в 1936 году в Париже в издательстве «IV Internationale-Rouge» под названием «Что такое СССР и куда он идет?»⁵. Троцкий считал ее создание «главным делом своей жизни». Во введении к основному тексту книги он довольно витиевато объяснил для чего написал ее: «Задача настоящего исследования — правильно оценить то, что есть, чтоб лучше понять то, что становится»⁶. Оценивал Троцкий прежде всего политическую деятельность Сталина, но также в целом политику руководства ВКП (б) и Советского государства. Оценивал он и сложившийся в СССР к середине 30-х годов государственный строй, его экономическую и социальную основу. Суждения бывшего большевистского вождя, соратника Ленина были весьма категоричными, поскольку отражали в большей мере его собственные взгляды и пристрастия, нежели объективную реальность. Посвятив свою книгу тому, что происходило в СССР в годы, последовавшие за его изгнанием оттуда, Троцкий в сущности написал ее также и о себе самом, о собственном мировоззрении, о своем понимании революции, социализма, общественной жизни и устройства государства. Тем самым он показал, с чем на самом деле боролся Сталин, преследуя

² In closed court. December 11, 1936 // Writings of Leon Trotsky [1935–1936]. New York, 1977. P. 472.

³ *Trotsky L. La Révolution Trahie / Traduit de Russe par Victor Serge. Paris, 1936.* Предисловие Л.Д. Троцкого к этому изданию книги, названное «Objet de ce travail», датировано сентябрем 1936 г. (Ibid. P. 13).

⁴ *Trotsky L. The Revolution Betrayed. What is the Soviet Union and Where is it Going? / Translated by Max Eastman. New York, 1937. London, 1937.*

⁵ *Троцкий Л. Что такое СССР и куда он идет? Paris, 1936.*

⁶ *Trotsky L. The Revolution Betrayed. What is the Soviet Union and Where is it Going? New York, 1983. P. 3.*

троцкистов. И почему Иосиф Виссарионович был в этом предельно последовательным, упорным и даже жестоким.

Книга «Преданная революция» действительно давала «истинное политическое и историческое объяснение» прошедшего в августе 1936 года судебного процесса над бывшими большевистскими вождями, хотя и не совсем такое, которое старался внушить ее читателям автор. Вместе с тем она проливала свет на темные стороны и тех судебных процессов над бывшими большевистскими партийными и государственными руководителями, которые последовали в 1937 и 1938 годах. Имя А.Я. Вышинского ни разу не появилось на страницах этой книги, но все, что Троцкий в ней высказал, имело к деятельности прокурора СССР прямое отношение. Подлинная роль Вышинского в указанных судебных процессах становится понятнее в свете ее содержания.

Название книги «Преданная революция» выражало главное обвинение, которое Троцкий предъявлял Сталину и его сторонникам в руководстве ВКП (б) и Советского государства. Лев Давидович доказывал, что сталинская группировка предала идеалы Октябрьской революции 1917 года, из которых главной была идея рабочего государства, лишённого бюрократии и специального аппарата принуждения, опирающегося не на профессиональную армию, а на вооруженный народ. «Как бы, в самом деле, ни истолковывать природу нынешнего советского государства, — утверждал Троцкий, — неоспоримо одно: к концу второго десятилетия своего существования оно не только не отмерло, но и не начало “отмирать”; хуже того: оно разрослось в еще небывалый в истории аппарат принуждения; бюрократия не только не исчезла, уступив свое место массам, но превратилась в бесконтрольную силу, властвующую над массами; армия не только не заменена вооруженным народом, но выделила из себя привилегированную офицерскую касту, увенчивающуюся маршалами, тогда как народу, “вооруженному носителю диктатуры”, запрещено ныне в СССР ношение даже и холодного оружия. При наивысшем напряжении фантазии трудно представить себе контраст, более разительный, чем тот, какой существует между схемой рабочего государства по Марксу-Энгельсу-Ленину и тем реальным государством, какое ныне

возглавляется Сталиным. Продолжая перепечатывать сочинения Ленина (правда, с цензурными изъятиями и искажениями), нынешние вожди Советского Союза и их идеологические представители даже не ставят перед собою вопроса о причинах столь вопиющего расхождения между программой и действительностью»⁷.

Троцкий не принимал во внимание или как будто не понимал, что все эти идеи — и пролетарского государства, и государства без бюрократии, без аппарата принуждения и профессиональной армии, и связанные с ними мнения о неизбежном отмирании государства и права — изначально составляли утопическую часть учения Маркса-Энгельса-Ленина. В истинном своем значении они представляли собой всего лишь идеологию разрушения традиционной государственности и правовой культуры. Успешно применив данную идеологию для уничтожения государственного аппарата, доставшегося им от прежних правителей России, большевики спустя некоторое время после захвата власти сами стали отказываться от нее и довольно быстро возродили имперское государство, пусть и в новом облике — в виде Союза Советских Социалистических Республик.

Отход от идеалов Октябрьской революции в устройстве Советского государства Троцкий усматривал также в отказе руководства ВКП (б) от равенства в распределении материального продукта и в установлении и в установлении принципа распределения материальных благ, согласно которому каждый работает по способностям и получает оплату по труду. Оценивая этот принцип, Троцкий утверждал, что объявлять его основным принципом социализма значит «идеи новой, более высокой культуры цинично втаптывать в привычную грязь капитализма»⁸. При этом он признавал, что «успешное социалистическое строительство немислимо без включения в плановую систему непосредственной личной заинтересованности производителя и потребителя, их эгоизма, который, в свою очередь, может плодотворно проявиться лишь в том случае, если на службе его стоит привычное надежное и гибкое орудие: деньги»⁹.

⁷ Ibid. P. 51–52.

⁸ Ibid. P. 82.

⁹ Ibid. P. 67.

Явным предательством революционных идеалов Троцкий считал и превращение бюрократии в привилегированный правящий слой. Однако вследствие недостатка сведений о советском обществе первой половины 30-х годов Лев Давидович не смог определить, насколько далеко зашел этот процесс. Поэтому свое суждение о классовой природе советской бюрократии он высказал весьма осторожно: «В советской политической литературе можно нередко встретить обличения “бюрократизма”, как некоторых дурных привычек мысли или приемов работы (обличения всегда направлены сверху вниз и являются приемом самозащиты верхов). Но чего нельзя встретить совершенно, это исследований о бюрократии, как правящем слое, об ее численности и структуре, об ее плоти и крови, об ее привилегиях и аппетитах, о поглощаемой ею доле народного дохода. Между тем она существует. И тот факт, что она так тщательно прячет свою социальную физиономию, свидетельствует, что у нее есть специфическое сознание господствующего “класса”, который, однако, далек еще от уверенности в своем праве на господство»¹⁰.

Сделав вывод о формировании в среде правящего слоя СССР «сознания господствующего класса», Троцкий, несмотря на это, не признал советскую бюрократию сложившимся классом, указав на отсутствие у нее законного права собственности на средства производства. «Она вербуетя, пополняется, обновляется в порядке административной иерархии, вне зависимости от каких-либо особых, ей присущих отношений собственности, — отметил он. — Своих прав на эксплуатацию государственного аппарата отдельный чиновник не может передать по наследству. Бюрократия пользуется привилегиями в порядке злоупотребления. Она скрывает свои доходы. Она делает вид, будто в качестве особой социальной группы, она вообще не существует. Присвоение ею огромной доли народного дохода имеет характер социального паразитизма. Все это делает положение командующего советского слоя в высшей степени противоречивым, двусмысленным и недостойным, несмотря на полноту власти и дымовую завесу лести»¹¹.

¹⁰ Ibid. P. 135.

¹¹ Ibid. P. 249–250.

Новую конституцию СССР, обсуждение и доработка которой шла с июня 1936 года, Троцкий оценивал всецело негативно, усматривая в выраженном в ней стремлении уравнивать в политическом и юридическом отношениях все классы советского общества и придать Советскому государству общенародный характер сознательный отход от идеалов Октябрьской революции 1917 года. «Представляя собою огромный шаг назад, от социалистических принципов к буржуазным, — заявлял он, — новая конституция, скроенная и сшитая по мерке правящего слоя, идет по той же исторической линии, что отказ от мировой революции в пользу Лиги Наций, реставрация мелкобуржуазной семьи, замена милиции казарменной армией, восстановление чинов и орденов и рост неравенства. Юридически закрепляя абсолютизм “внеклассовой” бюрократии, новая конституция создает политические предпосылки для возрождения нового имущего класса»¹².

Шагом к реставрации буржуазного строя Троцкий представлял и попытки Сталина ввести в СССР с помощью новой конституции систему альтернативных выборов на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. «В области политической отличием новой конституции от старой, — писал он, — является возвращение от советской системы выборов, по классовым и производственным группировкам, к системе буржуазной демократии, базирующейся на так называемом “всеобщем, равном и прямом” голосовании атомизированного населения. Дело идет, короче говоря, о юридической ликвидации диктатуры пролетариата. Где нет капиталистов, там нет и пролетариата, разъясняют творцы новой конституции, а следовательно и самое государство из пролетарского становится народным»¹³.

Подобные суждения, если бы их высказывал какой-либо ученый-обществовед, не имели бы никаких политических последствий. Да и вряд ли вообще вызвали бы к себе сколько-нибудь серьезный интерес. О бюрократическом перерождении пролетарского государства в Советской России много и предельно резко говорил и писал еще

¹² Ibid. P. 273.

¹³ Ibid. P. 260–261.

вождь большевиков В.И. Ленин и его соратники. Неоднократно и жестко высказывался о советской бюрократии также И.В. Сталин. Он откровенно признавал, что государственное управление в СССР организовано и действует намного хуже, чем в развитых странах Западного мира.

В 1931 году в Берлине на немецком языке вышло три части сборника «Мир над пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве», в котором советская бюрократия представлялась русскими учеными-эмигрантами во всей полноте своей мерзости. Профессор И.А. Ильин опубликовал в этом сборнике статью с весьма примечательным названием «Коммунизм как господство чиновников», в которой характеризовал советскую бюрократическую систему государственного управления намного более жестко и уничижительно, чем Троцкий. Иван Александрович утверждал, что «основная идея этой системы состоит в том, чтобы заменить *природу* в социальной жизни человека *усмотрением и произволом*; исключить *спонтанную личную инициативу* человека и заполнить образовавшуюся брешь *государственными предписаниями*; поставить на место *иррационально-целесообразного инстинкта принуждения и террору* подавить принцип *конкурирующего множества* и сделать решающим принцип *централистского единства*; *механизировать органичное* в сущности общества и вытеснить культурный слой классовых врагов свежими и верно настроенными силами коммунистического пролетариата... Коммунисты реализовали ее и, соответственно, создали нечто странное — небывалую систему *революционной и коммунистической бюрократии*, такого чиновничества, которое набирают из *самого необразованного и самого политически неопытного* социального слоя. Эта бюрократия старается выступать и действовать в Советской России не только как *primiti moventes* (*первая движущая сила*), но и как *soluti moventes* (*единственно движущая сила*): те социальные слои, которые еще не поработаны и не проглочены, систематически гонят по направлению к *разложению и новому устройству*, она стремится добиться в социальной жизни не

унификации, а систематической неповторимости и исключительности. Следуя своей идее, она хочет стать “всем во всем”»¹⁴.

Ничего нового о Советском государстве в целом и его бюрократии в частности Троцкий в своем произведении «Преданная революция» не написал, но лишь повторил то, что было множество раз написано до него. В сравнении с характеристиками, которые давались советской бюрократии другими учеными и политиками, его оценка этого самого заметного явления советской жизни выглядела намного более упрощенной и блеклой. Повышенное политическое значение данной книге придавало не само по себе ее содержание, а фигура ее автора. Троцкий был вождем самой многочисленной, наиболее сплоченной и радикальной по устремлениям оппозиционной группировки, противостоявшей Сталину и его сторонникам.

Книга «Преданная революция» несла в своем содержании массу негативных оценок и предсказаний относительно устройства и судьбы Советского государства. При этом троцкистам в СССР и за его пределами она давала новый вариант большевистской революционной идеологии.

Высказанные в ней пророчества были предназначены парализовать волю советской бюрократии страхом неминуемой расплаты за предательство революционных идеалов. «Как сознательная политическая сила, бюрократия изменила революции, — вещал Троцкий. — Но победоносная революция есть, к счастью, не только программа и знамя, не только политические учреждения, но и система социальных отношений. Мало изменить ей, — ее надо еще и опрокинуть. Октябрьская революция предана правящим слоем, но она еще не опрокинута. Она располагает большой силой сопротивления, которая совпадает с установленными отношениями собственности, с живой силой пролетариата, с сознанием его лучших элементов, с безвыходностью мирового капитализма, с неизбежностью мировой революции»¹⁵.

¹⁴ Ильин И.А. Коммунизм как господство чиновников // Мир над пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве. Ч. I и II. М., 2001. С. 139.

¹⁵ Trotsky L. The Revolution Betrayed. What is the Soviet Union and Where is it Going? New York, 1983. P. 251–252.

Данная книга была призвана внушать безверие в возможность победы социализма в одной стране, даже если эта страна необыкновенно огромна своими размерами и сказочно богата природными ресурсами. «Изнутри советского режима, — пророчествовал Троцкий, — вырастают две противоположные тенденции. Поскольку он, в противоположность загнивающему капитализму, развивает производительные силы, он подготавливает экономический фундамент социализма. Поскольку, в угоду высшим слоям, он доводит до все более крайнего выражения буржуазные нормы распределения, он подготавливает капиталистическую реставрацию. Противоречие между формами собственности и нормами распределения не может нарастать без конца. Либо буржуазные нормы должны будут, в том или ином виде, распространиться и на средства производства, либо, наоборот, нормы распределения должны будут прийти в соответствие с социалистической собственностью»¹⁶.

Троцкисты получили в виде книги «Преданная революция» настоящую политическую программу для своего движения. Троцкий не просто позвал своих сторонников к новой революции — он придал своему призыву предельно убедительное содержание и постарался облечь его в возвышенную форму. Его рассказ о том, к чему должны стремиться новые революционеры, поднимаясь на борьбу с советской бюрократией, выглядел как описание будущего, которое наступит неизбежно и довольно скоро: «Пролетариату отсталой страны суждено было совершить первую социалистическую революцию. Эту историческую привилегию он, по всем данным, должен будет оплатить второй, дополнительной революцией — против бюрократического абсолютизма. Программа новой революции зависит во многом от момента, когда она разразится, от уровня, какого достигнет к тому времени страна, и, в огромной степени, от международной обстановки. Основные элементы программы, ясные уже сейчас, даны на протяжении этой книги, как объективный выход из анализа противоречий советского режима. Дело идет не о том, чтобы заменить одну правящую клику другой, а о том, чтобы изменить самые методы управления хозяйством и руководства культурой. Бюрократическое

¹⁶ Ibid. P. 244.

самовластью должно уступить место советской демократии. Восстановление права критики и действительной свободы выборов есть необходимое условие дальнейшего развития страны. Это предполагает восстановление свободы советских партий, начиная с партии большевиков, и возрождение профессиональных союзов. Перенесенная на хозяйство демократия означает радикальный пересмотр планов в интересах трудящихся. Свободное обсуждение хозяйственных проблем снизит накладные расходы бюрократических ошибок и зигзагов. Дорогие игрушки – Дворцы советов, новые театры, показательные метрополитены – потеснятся в пользу рабочих жилищ. “Буржуазные нормы распределения” будут введены в пределы строгой необходимости, чтоб, по мере роста общественного богатства, уступить место социалистическому равенству»¹⁷.

Троцкий не объяснил, как «советская демократия» сможет заменить государственный аппарат и обеспечить профессиональное управление экономикой. Он ничего не сказал о том, каким образом коммунистическая партия, превращенная в дискуссионный клуб, сможет объединить наиболее активных членов общества и направить их к достижению общих целей, к решению общих проблем, стоящих перед страной. Несмотря на это представленная им в книге «Преданная революция» политическая программа имела все возможности для того, чтобы привлечь на его сторону людей, способных пожертвовать своим благополучием ради возвышенных идеалов, то есть тех, из кого, как показывает мировой революционный опыт, всегда получаются самые стойкие и последовательные политические борцы и революционеры. И эта программа вполне могла стать для них руководством к действию.

Ее пороки скрывались в деталях, а потому были незаметны. Свой рассказ о программе новой революции Троцкий завершил следующими пророчествами: «Чины будут немедленно отменены, побрякушки орденов поступят в тигель. Молодежь получит возможность свободно дышать, критиковать, ошибаться и мужать. Наука и искусство освободятся от оков. Наконец, внешняя политика вернется к

¹⁷ Ibid. P. 289.

традициям революционного интернационализма»¹⁸. Последняя из приведенных фраз и таила в себе подлинный смысл того государственного переворота, к которому призывал Троцкий. Лев Давидович так и не отказался от идеи использования России в качестве тарана для разрушения сложившегося мирового порядка и возбуждения мировой революции. Возврат внешней политики Советского государства «к традициям революционного интернационализма» означал в его понимании всемерную материальную, военную и идеологическую поддержку революционного движения в других странах. Иначе говоря, **новая революция в России была необходима Троцкому не для того, чтобы создать на ее просторах новое, более справедливое, более социалистическое и могучее советское государство, но исключительно затем, чтобы принести русский народ в жертву самому страшному в человеческом обществе безумию, под названием мировая революция и мировая война.** «Если буржуазия не может мирно вращаться в социалистическую демократию, — заявлял он, — то и социалистическое государство не может мирно вращаться в мировую капиталистическую систему, — рассуждал кровавый пророк. — В порядке исторического дня стоит **не мирное социалистическое развитие “отдельной страны”, а долгая серия мировых потрясений: войн и революций.** Потрясения неизбежны и во внутренней жизни СССР. Если бюрократии пришлось в борьбе за плановое хозяйство раскулачивать кулака, то рабочему классу придется в борьбе за социализм разбюрократить бюрократию. На могиле ее он начертает эпитафию: «здесь покоится теория социализма в отдельной стране»¹⁹ (выделено мною. — В.Т.).

Книга «Преданная революция» писалась Троцким в чрезвычайно нервном состоянии — во время работы над ее текстом ему стало известно, что в Советском Союзе началась подготовка целой серии публичных судебных процессов над троцкистами и троцкизмом. Поэтому-то Лев Давидович о многом в данной книге проговорился, многое выдал, вольно или невольно, из того, что таил в глубине своей души.

¹⁸ Ibid. P. 289–290.

¹⁹ Ibid. P. 301.

Ни в каком другом своем произведении он не дал более стройного и откровенного изложения идеологии разрушения советского общества и государства, нежели в книге «Преданная революция». Политические деятели, проникнутые выраженным в ней мировоззрением, представляли собой опаснейшую угрозу не только лично для Сталина и его соратников, но и всей для нашей страны в целом. Вооруженные новым вариантом большевистской революционной идеологии они становились сплоченной и в то же время бескомпромиссно враждебной к политике руководства ВКП (б) и Советского государства группой политических деятелей.

Сталин в полной мере это сознавал. С текстом указанной программной книги Л.Д. Троцкого Иосиф Виссарионович ознакомился еще до ее выхода в свет. Отправив 5 августа 1936 года экземпляры рукописи «Преданной революции» издателям в Париж и в Нью-Йорк, Лев Давидович послал еще один ее экземпляр Льву Седову с просьбой опубликовать наиболее значимые ее фрагменты в «Бюллетене оппозиции». Оказавшись у сына Троцкого, рукопись, естественно, попала и к находившемуся при нем агенту НКВД Марку Збровскому, который и переправил ее в Москву. Работавший с ним начальник иностранного (7-го) отдела Главного управления государственной безопасности НКВД А.А. Слуцкий немедленно доложил полученные сведения Сталину: «Седов ведет переговоры с разными издательствами об издании книги. Ее предполагается издать на нескольких языках. На французский язык ее переводит Виктор Серж (издательство “Грасси”). Немецкий перевод делает жена немецкого троцкиста Пфюмферта. В Чехословакии изданием будет заниматься В.Бурян. Получено также предложение польского издательства “Видовництво Польске” в Варшаве»²⁰.

В свете этого донесения Сталину понятной становится стремительная замена на посту наркома внутренних дел Г.Г. Ягоды на Н.И. Ежова. 25 сентября 1936 года Сталин и Жданов сообщили из Сочи зашифрованной телеграммой в Москву Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро ЦК ВКП о том, что считают **«абсолютно необходимым и срочным делом»** назначение тов. Ежова на пост

²⁰ Цит. по: *Волкогонов Д.А. Троцкий. Кн. 2. М., 1998. С. 184–185.*

наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения **троцкистско-зиновьевского блока**»²¹ (выделено мною. – В.Т.). На следующий день Политбюро рекомендовало Ежова к назначению наркомом внутренних дел.

Любопытно, что именно Н.И. Ежов занимался вместе с прокурором СССР А.Я. Вышинским подготовкой процесса троцкистско-зиновьевского террористического центра.

Знакомство Сталина с содержанием книги Троцкого «Преданная революция» объясняет и появление 29 сентября 1936 года очень странного по стилю и смыслу постановления Политбюро ЦК ВКП (б), гласившего:

«Утвердить следующую директиву об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам:

а) До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политической и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз, и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе.

б) В связи с этим **необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами**, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подследственных вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не завершены, но и тех, которые были раньше высланы». Внизу этого документа было помечено: «Опросом. Подписано: Каганович, Молотов, Андреев, Ежов, Рудзутак»²² (выделено мною. – В.Т.).

Ю.Н. Жуков, специально изучавший архивный экземпляр этого документа, обратил внимание на его крайнюю необычность. По сведениям историка, указанное постановление Политбюро было составлено на основе записки, поступившая из сочинского санатория

²¹ Сталин, Жданов – Кагановичу, Молотову. 25 сентября 1936 года // Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 682–683.

²² Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам». 29 сентября 1936 г. // РГАСПИ. Фонд 17. Оп. 3. Д. 981. Л. 58. Текст данного документа, опубликованный в издании «Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов» (М., 1991. С. 221), ошибочно представлен как подписанный Сталиным.

«Зеленая роща», где пребывал в то время Сталин. «Данное решение П[олит]бюро», — отметил Юрий Николаевич, — стилистически более напоминает не обычный партийный документ, а стенографическую запись речи кого-то (Сталина?), некое своеобразное напутствие Ежову, указание на то, с чего же ему незамедлительно следует начинать работу. Действительно, если не принимать во внимание специфические слова вроде “мерзавцы”, “отряд мировой буржуазии, разведчики, шпионы, диверсанты и вредители”, то есть чисто эмоциональные оценки сторонников Троцкого и Зиновьева, то остается существенное — программа. Она же сводится к предельно четкой установке: необходимо немедленно расправиться (хотя юридический смысл понятия и очень расплывчат, но все же за ним угадывается лишь одно — вынесение смертного приговора) со всеми без исключения выявленными, известными троцкистами и зиновьевцами, то есть левыми. И с теми, кто уже получил приговор — заключение на какое-то количество лет, и с теми, кому суд лишь предстоит, и даже с теми, кто давным-давно, скорее всего с 1927 года, находится в ссылке. Со всеми!»²³.

8 октября 1936 года на первой странице газеты «Правда» была опубликована статья В.М. Молотова «Докатились». В ней были даны новые значительно более жесткие оценки троцкистам, явно отражавшие реакцию Сталина на книгу Троцкого «Преданная революция». «Как настоящие отбросы революции, — возмущался Вячеслав Михайлович, — троцкисты скатились к терроризму, вредительству, шпионажу и диверсиям в пользу иностранной буржуазии и ее фашистских сил. Оставаясь в авангарде международной контрреволюции, они превратились в контрреволюционных террористов и вредителей, в презренных шпионов и диверсантов на службе буржуазии. Более подлых и бесчестных врагов, чем троцкисты с их предательской маской двурушников, мы не имели. Одно ясно: троцкисты дошли до последней черты, троцкисты докатились...»²⁴.

Данная публикация означала, что Сталин начал идеологическую подготовку нового судебного процесса над троцкистами. Юридическая

²³ Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2005. С. 273–274.

²⁴ Правда. 1936. № 278 (6884). 8 октября. С. 1.

же его подготовка возлагалась на прокурора СССР А.Я. Вышинского и наркома внутренних дел Н.И. Ежова.

К началу декабря 1936 года основные мероприятия по делу о новой троцкистской организации были проведены. Ни Сталин, ни Вышинский не требовали от следователей соблюдения юридических процедур. Аресты целого ряда обвиняемых были осуществлены без прокурорских санкций. Троцкисты как будто заранее были совсем лишены какой-либо правовой защиты. В их число зачислили всех тех, кто сотрудничал Троцким во время его пребывания в руководстве ВКП (б) и Советского государства или имел с ним какие-то контакты после того, как Лев Давидович оказался за пределами СССР.

4 декабря 1936 года Н.И. Ежов выступил на заседании Пленума ЦК ВКП (б) с докладом о результатах расследования по делу о так называемом «запасном троцкистском центре». Доклад наркома внутренних дел был выслушан с большим интересом, часто прерывался вопросами и репликами членов ЦК. В конце своего выступления Ежов напомнил о постановлении Политбюро от 29 сентября 1936 года. «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам». Зачитав его текст, он сказал: «Мне кажется, что эта директива имеет прямое отношение ко всем партийным организациям, ко всем членам партии. Мы имеем людей, которые, как будто точно²⁵ порвали с прошлым, но, во всяком случае, это люди околопартийные. Что касается ЧК²⁶, товарищи, то я могу только уверить, что эта директива ЦК Компартии, написанная и продиктованная т. Сталиным, будет нами выполнена; до конца раскорчем всю эту троцкистско-зиновьевскую грязь и уничтожим их физически»²⁷.

²⁵ В оригинале: «тесно», но это явная опечатка.

²⁶ Имеется в виду ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, созданная 7 (20) декабря 1917 г. и существовавшая до 6 февраля 1922 г. Ежов назвал этой аббревиатурой свой наркомат.

²⁷ Ежов Н.И. Доклад на Пленуме ЦК ВКП (б). 4 декабря 1936 г. // Декабрьский Пленум ЦК ВКП (б) 1936 года. Документы и материалы. М., 2017. С. 46.

Обширный конспект этого доклада представлял довольно сумбурную сводку показаний обвиняемых по делу²⁸. Комментарии и выводы, которые Ежов к ним добавил, не оставляли никаких сомнений в исходе нового судебного процесса над троцкистами.

2

20 января 1937 года газета «Правда» опубликовала сообщение из Прокуратуры СССР, в котором объявлялось: «В настоящее время органами НКВД закончено следствие по делу троцкистского “параллельного центра” в составе Пятакова Ю.Л. (Г.Л.), Радека К.Б., Сокольникова Г.Я., Серебрякова Л.П., организованного в 1933 г., по указаниям находящегося в эмиграции Л. Троцкого, наряду с существовавшим троцкистско-зиновьевским центром в составе Зиновьева, Каменева, Смирнова, Мрачковского и др.

Следствием установлено, что “параллельный центр”, по прямым указаниям Л. Троцкого, организовал диверсионные и террористические группы, осуществившие на ряде предприятий, особенно имеющих оборонное значение, вредительские и диверсионные (подрывные) акты и подготовлявшие террористические акты против руководителей ВКП (б) и советского правительства. Эти же группы по прямым указаниям Л. Троцкого и “параллельного центра” осуществляли шпионаж в пользу некоторых иностранных государств.

Следствием установлено, что преступная деятельность “параллельного центра” и других членов троцкистской организации, привлеченных по настоящему делу в качестве обвиняемых, была направлена на подрыв военной мощи СССР, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам в захвате территории и расчленении СССР, на свержение советской власти и восстановление в Советском Союзе капитализма и господства буржуазии.

По делу к судебной ответственности привлекаются: Пятаков Ю.Л. (Г.Л.) , Радек К.Б., Сокольников Г.Я., Серебряков Л.П., Муралов Н.И., Лившиц Я.А., Дробнис Я.Н., Богуславский М.С., Князев И.А., Ратайчак

²⁸ [Ежов Н.И. Конспект доклада «Об антисоветских троцкистских и правых организациях». [Конец ноября – не позднее 4 декабря 1936 г.] // Там же. С. 143–183.

С.А., Норкин Б.О., Шестов А.А., Строилов М.С., Турок И.Д., Граше И.И., Пушкин Г.Е. и Арнольд В.В.

Обвинительное заключение утверждено Прокурором Союза ССР и направлено с делом в Военную Коллегию Верховного Суда СССР для рассмотрения в открытом судебном заседании.

Дело слушанием в Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР назначено на 23 января с.г.»²⁹.

21 января на первой странице газеты «Правда» появилась статья «Троцкистские шпионы, диверсанты, изменники родины», в которой, в частности, утверждалось, что «за каждым обвиняемым, поименованным в сообщении Прокуратуры Союза ССР, тянется цепь чудовищных преступлений, превосходящих в своем цинизме, в своей омерзительности все, что может дать воображение»³⁰. Завершалась статья выводом, звучавшим как приговор: «Их преступления безмерны. Пролетарский суд воздаст им полной мерой за подлую измену родине»³¹.

23 января в 12 часов 5 минут председатель Военной коллегии Верховного суда Союза ССР армвоенюрист В.В. Ульрих объявил первое заседание по процессу антисоветского троцкистского центра открытым. Обратившись к подсудимым, он спросил, хотят ли они заявить отвод кому-либо из состава суда или представителю государственного обвинения. Все обвиняемые сказали, что отводов у них нет. Сообщив далее, что троих подсудимых будут защищать адвокаты, остальные же подсудимые отказались от защитников при вручении обвинительного заключения и выразили защищаться сами, Ульрих просил этих подсудимых, «не изменили ли они свое решение и не желают ли иметь защитников»³². Подсудимые подтвердили свой отказ от защитников. Тогда председатель Военной коллегии Верховного суда СССР пояснил, что «они имеют право задавать вопросы свидетелям, экспертам и подсудимым, а также давать разъяснения по каждому вопросу, который будет затронут на суде, имеют право произносить защитительные

²⁹ В Прокуратуре Союза ССР // Правда. 1937. № 20 (6986). 20 января. С. 2.

³⁰ Правда. 1937. № 21 (6987). 21 января. С. 1.

³¹ Там же.

³² Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. С. 9.

речи»³³. Процесс антисоветского троцкистского центра начинался, таким образом, как обыкновенное судебное разбирательство.

После выполнения председателем предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством первоначальных обязательных процедуры секретарь Верховного суда огласил обвинительное заключение, составленное и подписанное прокурором Союза ССР А.Я. Вышинским. Главные пункты представленной в этом документе формулы обвинения были изложены в сообщении из Прокуратуры СССР, опубликованном 20 января в газете «Правда». Однако обвинительное заключение включало и дополнительные пункты о том, что антисоветский троцкистский центр, по поручению Л.Д. Троцкого, «через обвиняемых *Сокольников* и *Радека*, вступил в сношение о представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы против Советского Союза», что «троцкистский центр обязался, в случае своего прихода к власти, предоставить этим государствам целый ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок», что «вместе с тем, этот центр, через своих членов и других участников преступной троцкистской организации, систематически занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая иностранные разведки секретными сведениями важнейшего государственного значения»³⁴.

Руководителями антисоветского троцкистского центра были названы в обвинительном заключении Л. Пятаков, Г.Я. Сокольников, К.Б. Радек и Л.П. Серебряков. Они действительно были выше других обвиняемых по своему статусу в большевистской партии и в советском государстве. Но их нельзя было отнести к влиятельным большевистским партийным и государственным деятелям³⁵. Из рядовых подсудимых

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 21.

³⁵ *Юрий (Георгий) Леонидович Пятаков* (1890–1937) был членом большевистской партии с 1910 г. В момент своего ареста 12 сентября 1936 г. занимал пост первого заместителя наркома тяжелой промышленности СССР. *Карл Бернгардович Радек* (1885–1939) состоял в РСДРП с 1903 г. До своего ареста 16 сентября 1936 г. являлся заведующим бюро международной информации ЦК ВКП (б). *Григорий (Гирш) Яковлевич Сокольников* (Бриллиант) (1888–1939), член большевистской партии с 1905 г. До своего ареста 26 июля 1936 г. был первым заместителем наркома лесной промышленности СССР. *Леонид Петрович Серебряков* (1888–1937), член

только Л.А. Лившиц занимал весомый государственный пост, являясь заместителем наркома путей сообщения. Остальные были всего лишь руководителями предприятий, главными инженерами, экономистами³⁶.

Между тем И.В. Сталин вмешивался в процедуру подготовки и рассмотрения дела антисоветского троцкистского центра столь же активно, как и в процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра, проходивший в августе 1936 года. В записке комиссии Президиума ЦК КПСС в Президиум ЦК КПСС о результатах работы по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов, составленной в начале 1963 года, отмечалось со ссылкой на материалы архива ЦК КПСС, что по этому делу «составлялось три варианта обвинительного заключения и все они направлялись Сталину. Второй вариант Сталин редактировал лично. При этом он произвольно вычеркнул из числа обвиняемых Членова (главного юрисконсульта Наркомата внешней торговли) и вписал вместо него фамилию Турока (заместителя начальника управления железной дороги)»³⁷.

большевистской партии с 1905 г. До своего ареста 17 августа являлся заместителем начальника Главного управления шоссейных дорог.

³⁶ В составленной в начале 1963 г. записке комиссии Президиума ЦК КПСС в Президиум ЦК КПСС о результатах работы по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов об этих подсудимых были приведены следующие сведения: «**Муралов Н.И.**, состоявший в ВКП(б) с 1908 по 1927 год, начальник сельхозотдела управления рабочего снабжения «Кузбасстрой»; **Дробнис Я.Н.**, член ВКП(б) с 1907 года, заместитель начальника Кемеровского «Химкомбинатстроя»; **Богуславский М.С.**, член ВКП(б) с 1917 года, начальник «Сибмашстроя»; **Князев И.А.**, член ВКП(б) с 1918 года, заместитель начальника Центрального управления движения НКПС; **Ратайчак С.А.**, член ВКП(б) с 1919 года, начальник «Главхимпрома» НКТП; **Норкин Б.О.**, член ВКП(б) с 1917 года, начальник Кемеровского «Химкомбинатстроя»; **Шестов А.А.**, член ВКП(б) с 1918 года, управляющий Салаирским цинковым рудником (Кузбасс); **Строилов М.С.**, беспартийный, главный инженер треста «Кузбассуголь»; **Турок И.Д.**, член ВКП(б) с 1918 года, заместитель начальника управления железной дороги; **Граше И.И.**, член ВКП(б) с 1917 года, старший экономист производственно-технического отдела «Главхимпрома» НКТП; **Пушин Г.Е.**, член ВКП(б) с 1924 года, главный инженер строительства Рионского азотнотукового комбината (Грузия) и **Арнольд (Васильев) В.В.**, член ВКП(б) с 1924 года, заведующий гаражом Анжеро-Судженского рудоуправления (Кузбасс)» (Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том 2. Февраль 1956 – начало 80-х годов. М., 2003. С. С. 567).

³⁷ Там же.

Второй вариант обвинительного заключения был согласован Вышинским со Сталиным 9 января 1937 года. Из журнала записи лиц, принятых И.В. Сталиным в этот день, видно, что прокурор СССР А.Я. Вышинский вошел к нему в кабинет в 14 часов 10 минут, а вышел в 15 часов 35 минут, т.е. находился на приеме у Сталина почти полтора часа. В это время в сталинском кабинете были Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе, Ежов, Калинин, Каганович, Литвинов, Крыленко. Вместе с Вышинским из кабинета вышли Орджоникидзе, Литвинов и Крыленко, остальные покинули кабинет через пять минут после этого³⁸.

В следующий раз Вышинский был приглашен на прием к Сталину 23 января, то есть в день открытия процесса антисоветского троцкистского центра. Находился он в сталинском кабинете недолго — с 17 часов 30 минут до 17 часов 40 минут³⁹. 24 января у Сталина был прием с 20 часов 50 минут до 22 часов 35 минут. Он успел принять в своем кабинете лишь четырех человек и среди них Вышинского⁴⁰. Андрей Януарьевич вошел в кабинет в 22.20 и вышел последним — в 22.35⁴¹. Следующий его визит к Сталину состоялся 27 января: в 22.20 прокурор СССР вошел в сталинский кабинет, в 22.35 вышел.

29 января в 16.15, то есть в последний день процесса и накануне оглашения приговора, в кабинете Сталина собрались: Молотов, Каганович, Андреев, Орджоникидзе, Ворошилов, Ежов, Ульрих и Вышинский. В 16.30 к ним присоединился Микоян. Председатель Военной Коллегии Верховного суда СССР В.В. Ульрих и прокурор СССР А.Я. Вышинский покинули кабинет одновременно в 17.15⁴². Нетрудно догадаться, что главной темой данного совещания был судебный приговор. Следующий визит Вышинского к Сталину состоится только 19 февраля.

Таким образом, за время процесса антисоветского троцкистского центра А.Я. Вышинский четыре раза был вызван в кабинет Сталина.

³⁸ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2008. С. 198.

³⁹ Там же. С. 200.

⁴⁰ Кроме Вышинского в кабинете Сталина побывали Жданов (с 20.50 до 21.15), Мехлис и Таль (оба с 22.20 до 22.30).

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 200.

Записи, сохранившиеся в архиве прокурора СССР, показывают, что он получал от Сталина прямые указания по ведению судебного процесса и по содержанию обвинительной речи. Так, Сталин обязывал его характеризовать «обвиняемых как людей, борющихся якобы всю жизнь против В.И. Ленина, что они пали ниже Деникина, Колчака и других белогвардейцев и представляют из себя банду преступников»⁴³. Указания Сталина распространялись и на порядок ведения Вышинским допросов обвиняемых. В частности, Иосиф Виссарионович просил Андрея Януарьевича при допросе подсудимых Князева и Турока не давать им «говорить много о крушениях на транспорте», «не давать много болтать», «цыкнуть» на них и, если потребуется, остановить их болтовню.

Январский судебный процесс 1937 года был чрезвычайно значим для Сталина, но причина этого заключалась явно не в личностях подсудимых, как это было в случае с августовским процессом 1936 года, а их показаниями о Льве Давидовиче Троцком — о том, что бывший большевистский вождь твердо стал на позицию насильственного свержения сталинского руководства методами террора и вредительства. Такие показания давались обвиняемыми следователям, но Сталину было важно, чтобы сказанное во время допросов было подтверждено публично, в открытом судебном процессе. Главной задачей Вышинского было вытянуть из подсудимых во время допросов в зале суда признания о подготовке по указаниям Троцкого террористических актов против руководителей ВКП (б) и Советского государства с целью захвата власти, о готовности Троцкого и его сторонников пойти ради достижения своих целей на сотрудничество с иностранными агрессорами, на уступки им территорий СССР, на свержение советской власти и восстановление в Советском Союзе капитализма и господства буржуазии. Протоколы заседаний процесса антисоветского троцкистского центра показывают, что прокурору СССР вполне удалось выполнить эту задачу. Кроме того, он сумел получить от подсудимых показания, подтверждавшие обвинения, выдвинутые против членов так называемого «троцкистско-зиновьевского террористического центра», приговоренных 24 августа

⁴³ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том 2. С. 567.

1936 года к смертной казни, а также сведения о преступной деятельности Бухарина, Рыкова и Томского. Как уже отмечалось, Сталин был недоволен тем, как прошел указанный процесс, и явно желал повторить наиболее важные его сюжеты.

После оглашения обвинительного заключения начался публичный допрос Вышинским подсудимых. Первым допрашивался Юрий Леонидович Пятаков.

«Скажите, когда начался последний период вашей подпольной троцкистской деятельности?» — спросил его главный обвинитель. «С 1931 года — это последний период, не считая 1926–1927 годов», — ответил подсудимый. «В чем выразилась эта деятельность?» — продолжил допрос Вышинский. «В 1931 году я был в служебной командировке в Берлине, — начал отвечать Пятаков. — Одновременно со мной было несколько троцкистов, в том числе Смирнов и Логинов. Меня также сопровождал Москалев. Был и Шестов. В середине лета 1931 года в Берлине Смирнов Иван Никитич сообщил мне о том, что сейчас возобновляется с новой силой троцкистская борьба против советского правительства и партийного руководства, что он, Смирнов, имел свидание в Берлине с сыном Троцкого — Седовым, который дал ему по поручению Троцкого новые установки, выражавшиеся в том, что от массовых методов борьбы надо отказаться, что основной метод борьбы, который надо применять, это метод террора и, как он тогда выразился, метод противодействия мероприятиям советской власти»⁴⁴.

И.Н. Смирнов являлся одним из руководителей троцкистской организации, по делу о которой судебное разбирательство в августе 1936 года вел Вышинский, тем не менее Андрей Януарьевич спросил: «О каком Смирнове вы говорите?». «Известный троцкист Иван Никитич Смирнов», — пояснил Юрий Леонидович. «Тот самый, который судился?» — снова спросил, как бы для уточнения, Вышинский. «Да, тот самый, который впоследствии входил в объединенный зинovieвско-троцкистский центр», — подтвердил Пятаков.

Признавшись далее в том, что у него были неоднократные встречи со Смирновым, Пятаков сообщил: «В одну из таких встреч, когда у меня

⁴⁴ Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. С. 24.

никого не было в кабинете, он стал мне рассказывать о возобновлении троцкистской борьбы и о новых установках Троцкого. Тогда же Смирнов сказал, что одной из причин поражения троцкистской оппозиции 1926–27 гг. было то, что мы замкнулись в одной стране, что мы не искали поддержки извне. Тут же он передал мне, что со мной очень хочет увидеться Седов, и сам от своего имени рекомендовал мне встретиться с Седовым, так как Седов имеет специальное поручение ко мне от Троцкого»⁴⁵.

Подробности о встрече с сыном Л.Д. Троцкого Львом Седовым, которые Пятаков сообщил в ответ на вопросы Вышинского, заставляют полагать, что такая встреча действительно была, что он про нее не придумал, а вспомнил.. Юрий Леонидович спокойно рассказал: «Смирнов передал Седову мой телефон, и по телефону мы условились относительно встречи. Есть такое кафе “Амцоо”, недалеко от зоологического сада, на площади. Я пошел туда и увидел за столиком Льва Седова. Мы оба очень хорошо знали друг друга по прошлому. Он мне сказал, что говорит со мной не от своего имени, а от имени своего отца — Л.Д. Троцкого, что Троцкий, узнав о том, что я в Берлине, категорически предложил ему меня разыскать, со мной лично встретиться и со мной переговорить. Седов сказал, что Троцкий ни на минуту не оставляет мысли о возобновлении борьбы против сталинского руководства, что было временное затишье, которое объяснялось отчасти и географическими передвижениями самого Троцкого, но что эта борьба сейчас возобновляется, о чем он, Троцкий, ставит меня в известность. Причем образуется или образовался, — это мне сейчас трудно вспомнить, — троцкистский центр; речь идет об объединении всех сил, которые способны вести борьбу против сталинского руководства; нащупывается возможность восстановления объединенной организации с зиновьевцами»⁴⁶.

Пятаков говорил именно то, что и хотел от него услышать Вышинский. Говорил так, будто был не обвиняемым, а помощником главного обвинителя страны. Прокурор СССР в то время уже готовил новый судебный процесс над большевистскими вождями —

⁴⁵ Там же. С. 24–25.

⁴⁶ Там же. С. 25.

значительно более сложный, нежели предыдущие. И Пятаков постарался дать нужные для него показания, добавив к своему рассказу о встрече с сыном Троцкого: «Седов сказал также, что ему известно, что и правые в лице Томского, Бухарина и Рыкова оружия не сложили, только временно притихли, что и о ними надо установить необходимую связь. Это было как бы введение, прощупывание. После этого Седов мне задал прямо вопрос: “Троцкий спрашивает, намерены ли вы, Пятаков, включиться в эту борьбу?” Я дал согласие. Седов не скрыл своей большой радости по этому поводу. Он сказал, что Троцкий не сомневался в том, что, несмотря на нашу размолвку, которая имела место в начале 1928 года, он все же найдет во мне надежного соратника. После этого Седов перешел к изложению сущности новых методов борьбы: о развертывании в какой бы то ни было форме массовой борьбы, об организации массового движения не может быть и речи; если мы пойдем на какую-нибудь массовую работу, то это значит немедленно провалиться; Троцкий твердо стал на позицию насильственного свержения сталинского руководства методами террора и вредительства. Дальше Седов сказал, что Троцкий обращает внимание на то, что борьба в рамках одного государства — бессмыслица, что отмахиваться от международного вопроса нам никак нельзя. Нам придется в этой борьбе иметь необходимое решение также и международного вопроса или, вернее, междугосударственных вопросов»⁴⁷.

О том, какое решение «междугосударственных вопросов» имелось в виду, Ю.Л. Пятаков рассказал, когда во время допроса Вышинским завел речь о содержании директив Троцкого, переданных в Россию через Карла Радека в середине 1934 года и в конце 1935 года. О первой из указанных директив Юрий Леонидович сообщил, что Троцкий считал невозможным для правительства блока ни придти к власти, ни удержаться у власти «без необходимой поддержки со стороны иностранных государств», поэтому высказывал мнение «о необходимости соответствующего предварительного соглашения с наиболее агрессивными иностранными государствами, такими, какими являются Германия и Япония», добавляя при этом, что «им, Троцким, со

⁴⁷ Там же. С. 25.

своей стороны, соответствующие шаги уже предприняты в направлении связи как с японским, так и с германским правительствами»⁴⁸.

О второй директиве бывшего вождя большевиков Пятаков счел необходимым рассказать подробнее: «Примерно к концу 1935 года Радек получил обстоятельное письмо-инструкцию от Троцкого. Троцкий в этой директиве поставил два варианта о возможности нашего прихода к власти. Первый вариант — это возможность прихода до войны, и второй вариант — во время войны. Первый вариант Троцкий представлял в результате, как он говорил, концентрированного террористического удара. Он имел в виду одновременное совершение террористических актов против ряда руководителей ВКП(б) и Советского государства и, конечно, в первую очередь, против Сталина и ближайших его помощников. Вторым вариантом, который был с точки зрения Троцкого более вероятным, — это военное поражение. Так как война, по его словам, неизбежна, и притом в самое ближайшее время, война прежде всего с Германией, а возможно с Японией, следовательно, речь идет о том, чтобы путем соответствующего соглашения с правительствами этих стран добиться благоприятного отношения к приходу блока к власти, а, значит, рядом уступок этим странам на заранее договоренных условиях получить соответствующую поддержку, чтобы удержаться у власти. Но так как здесь был очень остро поставлен вопрос о поражении, о военном вредительстве, о нанесении чувствительных ударов в тылу и в армии во время войны, то у Радека и у меня это вызвало большое беспокойство. Нам казалось, что такая ставка Троцкого на неизбежность поражения объясняется в значительной мере его оторванностью и незнанием конкретных условий, незнанием того, что здесь делается, незнанием того, что собою представляет Красная армия, и что у него поэтому такие иллюзии. Это привело и меня и Радека к необходимости попытаться встретиться с Троцким»⁴⁹.

Вышинский сразу понял, что эти показания — ключевой момент всего процесса антисоветского троцкистского центра, что именно ради них Сталиным был инициирован данный процесс. Поэтому Андрей Януарьевич тут же обратился к тому, кто, по словам Пятакова, получал

⁴⁸ Там же. С. 40.

⁴⁹ Там же. С. 42.

директивы непосредственно от Л.Д. Троцкого: «Подсудимый Радек, были ли получены вами в 1935 году, или несколько раньше, от Троцкого два письма или больше?» Карл Радек подтвердил сказанное Пятаковым: «Одно письмо – в апреле 1934 года, второе – в декабре 1935 года». «Содержание их соответствует тому, что здесь говорил Пятаков?» – снова спросил Вышинский. «В основах – да», – ответил Радек и дал следующие пояснения: «В первом письме по существу речь шла об ускорении войны, как желательном условии прихода к власти троцкистов. Второе же письмо разрабатывало эти, так называемые, два варианта – прихода к власти во время мира и прихода к власти в случае войны. В первом письме социальные последствия тех уступок, которые Троцкий предлагал, не излагались. Если идти на сделку с Германией и Японией, то, конечно, для прекрасных глаз Троцкого никакая сделка не совершится. Но программы уступок он в этом письме не излагал. Во втором письме речь шла о той социально-экономической политике, которую Троцкий считал необходимой составной частью такой сделки по приходе к власти троцкистов»⁵⁰.

Упомянув о плане Троцкого заключить после захвата власти в СССР сделку с Германией и Японией, Радек замолчал. Но Вышинский заставил его рассказать о ней подробнее. «В чем это заключалось?» – поинтересовался он, и Радек довольно обстоятельно разъяснил, в чем была суть преступного замысла Троцкого: «Если спросить о формуле, то это было возвращение к капитализму, реставрация капитализма. Это было завуалировано. Первый вариант усиливал капиталистические элементы, речь шла о передаче в форме концессий значительных экономических объектов и немцам и японцам, об обязательствах поставки Германии сырья, продовольствия, жиров по ценам ниже мировых. Внутренние последствия этого были ясны. Вокруг немецко-японских концессионеров сосредоточиваются интересы частного капитала в России. Кроме того, вся эта политика была связана с программой восстановления индивидуального сектора, если не во всем сельском хозяйстве, то в значительной его части. Но если в первом варианте дело шло о значительном восстановлении капиталистических элементов, то во втором – контрибуции и их последствия, передача

⁵⁰ Там же. С. 42–43.

немцам в случае их требований тех заводов, которые будут специально ценны для их хозяйства. Так как он в том же самом письме отдавал себе уже полностью отчет, что это есть возрождение частной торговли в больших размерах, то количественное соотношение этих факторов давало уже картину возвращения к капитализму, при котором оставались остатки социалистического хозяйства, которые бы тогда стали просто государственно-капиталистическими элементами. В первом письме не было социальной программы, во втором она есть. Первое было короткое – об ускорении войны, а второе письмо – с оценкой международного положения, здесь рассматривалась тактика на случай войны»⁵¹.

Для придания своему рассказу большей убедительности Радек дополнил его конкретным фактом: «Если первое письмо надо рассматривать как толчок для пораженческой тактики, то второе письмо давало полную разработанную программу, поэтому оно и отличается по своему объему. Первое письмо было на 2–3 страничках, а второе – 8 страничек на английской тонкой бумаге, подробное письмо»⁵².

Допрашивая Карла Радека на утреннем заседании 24 января, Вышинский прежде всего постарался получить от него публичные показания на руководителей троцкистско-зиновьевской организации, осужденных и расстрелянных за пять месяцев до этого. Январский 1937 года процесс антисоветского троцкистского центра одновременно являлся как будто продолжением проходившего в августе 1936 г. процесса троцкистско-зиновьевского террористического центра.

«Когда вы узнали о существовании и деятельности объединенного центра?» – спросил Вышинский. «Я узнал о возникновении его в ноябре 1932 года», – сообщил К.Б. Радек. На вопрос «От кого?» Карл Бернгардович ответил: «Предварительно о том, что готовится, я узнал из письма Троцкого ко мне в феврале – марте 1932 года. О самом факте возникновения организации я узнал от Мрачковского в ноябре 1932 года»⁵³.

Рассказывая о содержании упомянутого разговора, Радек вспомнил, что троцкист Мрачковский совершенно определенно сказал: «Борьба

⁵¹ Там же. С. 43.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 52.

вошла в террористическую фазу и для реализации этой тактики мы теперь объединились с зиновьевцами и возьмемся за подготовительную работу»⁵⁴. «Какую подготовительную работу?» – решил уточнить Вышинский и услышал от Радека: «Ясно, что раз новым положением был террор, то подготовительная работа должна была заключаться в собирании и создании террористических кадров»⁵⁵.

Радек не умолчал и своих разговорах с Бухариным, в которых бывший большевистский вождь показал себя таким же сторонником террора, как и Троцкий. По словам Радека, «первый разговор был в июне или июле 1934 года, после перехода Бухарина для работы в редакцию “Известий”. В это время мы с ним заговорили, как члены двух контактирующихся центров. Я его спросил: “Вы встали на террористический путь?” Он сказал: “Да”. Когда я его спросил, кто руководит этим делом, то он сказал об Угланове и назвал себя, Бухарина. Во время разговора он мне сказал, что надо готовить кадры из академической молодежи. Технические и всякие другие конкретные вещи не были предметом разговора с нашей стороны. Мрачковский при встрече пытался поставить этот вопрос Бухарину, но Бухарин ему ответил: “Когда тебя назначат командующим всеми террористическими организациями, тогда тебе все на стол выложим”»⁵⁶.

В другом разговоре, который состоялся в июле 1935 года, Бухарин, согласно показаниям Радека, сообщил, что у них в центре думают, «было бы легкомыслием и малодушием на основе результатов убийства Кирова отказываться вообще от террора, что, наоборот, нужно перейти к планомерной, продуманной, серьезной борьбе, от партизанщины – к планомерному террору»⁵⁷.

Карл Радек действительно вел переписку с Троцким: этот факт подтверждается документами архива Троцкого в Гарвардском университете⁵⁸. Вышинский придал ему первостепенное значение во

⁵⁴ Там же. С. 53.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 55–56.

⁵⁷ Там же. С. 56.

⁵⁸ См.: Томсинов В.А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954): государственный деятель и правовед. Статья шестнадцатая // Законодательство. 2018. № 11. С. 93–94.

время допроса на судебном заседании. «Подсудимый Радек, сообщите, пожалуйста, суду о содержании вашей переписки с Троцким, касающейся вопросов, если можно так выразиться, внешней политики», — потребовал главный обвинитель, заранее зная, что получит нужный ответ. «У меня было три письма Троцкого: в апреле 1934 года, в декабре 1935 года и в январе 1936 года, — рассказал Радек. — В письме от 1934 года Троцкий ставил вопрос так: приход к власти фашизма в Германии коренным образом меняет всю обстановку. он означает войну в ближайшей перспективе, войну неизбежную, тем более, что одновременно обостряется положение на Дальнем Востоке. Троцкий не сомневается, что эта война приведет к поражению Советского Союза. Это поражение, писал он, создает реальную обстановку для прихода к власти блока, и из этого он делал вывод, что блок заинтересован в обострении столкновений. Троцкий указывал в этом письме, что он установил контакт с неким дальневосточным и неким средне-европейским государствами и что он официозным кругам этих государств открыто сказал, что блок стоит на почве сделки с ними и готов на значительные уступки и экономического и территориального характера. Он требовал в письме, чтобы мы в Москве использовали возможность для подтверждения представителям соответствующих государств нашего согласия с этими его шагами»⁵⁹.

Карл Бернгардович замолчал, но Вышинский счел его ответ неполным. «Вы сказали, что было и второе письмо — в декабре 1935 года. Расскажите о нем», — настойчиво попросил прокурор. Радек вынужден был дать весьма подробный ответ: «Если до этого времени Троцкий там, а мы здесь, в Москве, говорили об экономическом отступлении на базе Советского государства, то в этом письме намечался коренной поворот. Ибо, во-первых, Троцкий считал, что результатом поражения явится неизбежность территориальных уступок, и называл определенно Украину. Во-вторых, дело шло о разделе СССР. В-третьих, с точки зрения экономической, он предвидел следующие последствия поражения: отдача не только в концессию важных для империалистических государств объектов

⁵⁹ Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). С. 57.

промышленности, но и передача, продажа в частную собственность капиталистическим элементам важных экономических объектов, которые они наметят. Троцкий предвидел облигационные займы, т.е. допущение иностранного капитала к эксплуатации тех заводов, которые формально останутся в руках Советского государства.

В области аграрной политики он совершенно ясно ставил вопрос о том, что колхозы надо будет распустить, и выдвигал мысль о предоставлении тракторов и других сложных с.-х. машин единоличникам для возрождения нового кулацкого слоя. Наконец, совершенно открыто ставился вопрос о необходимости возрождения частного капитала в городе. Ясно было, что шла речь о реставрации капитализма.

В области политической новой в этом письме была постановка вопроса о власти. В письме Троцкий сказал: ни о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс прожил 18 лет революции, и у него аппетит громадный, а этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелейшей конкуренции с иностранным капиталом. Значит — будет крутое ухудшение положения рабочего класса. В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто»⁶⁰.

Замыслы Троцкого, о которых рассказали на процессе антисоветского троцкистского центра Ю.Л. Пятаков и К.Б. Радек, хотелось бы считать всего лишь измышлениями, придуманными организаторами данного процесса, — уж очень фантастическими они кажутся. Их действительно можно было бы считать лживыми, если бы не видели мы три десятилетия тому назад, как последовательно, самым полным и жестоким образом они осуществились в нашей стране.

3

Допросы всех семнадцати обвиняемых в рамках судебного процесса по делу антисоветского троцкистского центра заняли пять

⁶⁰ Там же. С. 59–60.

дней и завершились на вечернем заседании 27 января. Протоколы судебных заседаний, публиковавшиеся в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» и затем изданные отдельной книгой⁶¹, демонстрировали деятельное раскаяние подсудимых: все они безоговорочно признавались в совершении преступлений, в которых обвинялись.

Между тем среди инкриминированных им преступлений было и такое в высшей степени позорное с точки зрения правосознания советского общества деяние, как измена родине. Статья 58^{1а} действовавшего в то время Уголовного кодекса РСФСР определяла это преступление как «действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории». Удивительно, но подсудимые признавались в совершении и таких преступных действий. Сообщали на допросах, что вступили «в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы против Советского Союза», в том, что обязались, в случае прихода к власти, «предоставить этим государствам целый ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок».

Доказательства совершения подсудимыми такого рода действий рассматривались на закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда Союза ССР вечером 27 января. В опубликованной стенограмме процесса было приведено лишь краткое сообщение о происходившем. Суд заслушал сначала экспертов — инженеров Лекуса и Покровского, изложивших «свое заключение по утвержденным судом вопросам, не подлежащим обсуждению в открытом судебном заседании». Затем «свидетель *Штейн* дал показания о своих связях с официальным представителем одного из иностранных государств». После этого были допрошены подсудимые *Пятаков*, *Сокольников*, *Радек* «об их связи с официальными представителями иностранных государств и о переговорах с представителями этих государств в соответствии с установками Троцкого на ускорение войны против СССР, содействие агрессивным иностранным

⁶¹ Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937.

государствам в поражении СССР и расчленении его территории». Далее в сообщении о закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда было отмечено, что «допросом подсудимых *Радека* и *Сокольников*, а также предъявлением им соответствующих документов установлены личности в должностное положение представителей иностранных государств, с которыми подсудимые *Радек* и *Сокольников* вели переговоры. Допросом подсудимых *Ратайчака*, *Князева*, *Турока*, *Граше*, *Шестова* и *Строилова* установлены конкретные связи их с агентами иностранных разведок по шпионской и диверсионной работе, которая ими велась в СССР как по заданиям этих разведок, так и по заданиям антисоветского троцкистского центра, — на основе установок Троцкого. Допросом подсудимых, предъявлением и оглашением соответствующих документов установлены фамилии и должностное положение упоминаемых в обвинительном заключении г-на К., г-на Х. и других лиц, о которых упоминалось в судебном следствии без оглашения их фамилий»⁶².

Иностранные корреспонденты, присутствовавшие на открытых судебных заседаниях по делу антисоветского троцкистского центра, не верили, что признания подсудимых в совершении тяжких преступлений делались добровольно. Репортер газеты «Нью-Йорк Таймс» Уолтер Дюранти лично знал Карла Радека и с недоверием отнесся к выдвинутым в его адрес обвинениям. В статье «Радек побеждает упадок остроумия на процессе», опубликованной 25 января 1937 года, американский корреспондент поделился своими впечатлениями от допроса известного большевистского публициста: «Под тенью верной смерти это было ясное и смелое представление, но мое сердце горело, когда мой друг Радек произнес слова .., которые затянули петлю вокруг его собственной шеи... Радек так многому меня научил и так часто мне помогал — как я мог поверить в его вину, пока не услышал его слов?»⁶³.

⁶² Правда. 1937. № 27 (6993). 28 января. С. 4. Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). С. 166.

⁶³ «Under the shadow of certain death it was a clear and brave performance, but it burned my heart to watch my friend Radek utter the words...that tied the noose around his own neck... Radek taught me so much and helped me so often — how could I believe him guilty until I heard him say so?» (*Duranty W. Radek Wins Tilt of Wits at Trial // New York Times. 1937. 25 January. P. 3*).

Ответы подсудимых на вопросы прокурора СССР Вышинского убедили Уолтера Дюранти в том, что они действительно думали и говорили о необходимости отстранения сталинской группировки от власти любыми средствами, в том числе и путем поражения своей страны в случае внешней агрессии. При этом он не увидел каких-либо серьезных доказательств того, что ими были совершены реальные действия для осуществления этого замысла. Более того, наблюдая за поведением подсудимых, американский корреспондент пришел к выводу о том, что они и не могли вследствие присущих им личностных свойств воплотить свои замыслы в действия. «Удивительной особенностью этих московских процессов, — отмечал У. Дюранти, — является то, что во всех них есть элемент театра, и тем не менее они представляют собой не просто спектакль, за который проигравшие расплачиваются своими жизнями. Данный процесс — чистый “Гамлет”, но его актеры не оживут, когда опустится занавес. Показания Радека сегодня и Григория Сокольников, и Л. Серебрякова отчетливо продемонстрировали, что в них “я не смею” сильнее “я хотел бы”⁶⁴. **Они планировали это и говорили об этом, но в реальности мало что делали.** Они говорили, что следовали за Троцким, полагая, что сталинский режим может быть свергнут только путем поражения их страны, но ничего не могли предпринять, потому что в их сердцах таилось внутреннее противоречие. **Каждый из них мог бы убить Сталина, но они не сделали этого — не от страха, а из-за этого внутреннего противоречия, которое разрушило весь их заговор. Эту странную русскую историю способны понять только читатели Федора Достоевского»⁶⁵.**

⁶⁴ Дословно: «Let I dare not wait upon I would». Американский репортер цитирует здесь высказывание леди Макбет из первого акта седьмой сцены пьесы Уильяма Шекспира «Макбет»: «And live a coward in thine own esteem, Letting 'I dare not' wait upon 'I would'...». В переводе Михаила Лозинского (который, по моему мнению, является лучшим) данная фраза звучит на русском языке следующим образом: «Живя, как трус, и сам же видя это, Отдав "хотел бы" под надзор "не смею"...».

⁶⁵ «That is an amazing feature of these Moscow trials; that all have an element of the theater, and yet it is not just a play, for the losers pay with their lives. This trial is pure Hamlet, but there will be no come-back for the actors when the curtain falls. Radek's testimony today and Gregory Sokolnikov's and L. Serebryakov's showed clearly that they had “Let I dare not wait upon I would”. **They planned this and talked that, but in reality did little.** They said they followed Trotsky in believing that Stalin's regime could

Позднее, в статье, опубликованной в газете «Нью-Йорк Таймс» 30 января 1937 года и посвященной приговору по делу антисоветского троцкистского центра, Уолтер Дюранти с сожалением заметит, что «в открытых судебных заседаниях не было представлено никаких документальных доказательств»⁶⁶.

Американский правовед Макс Радин выражал такое же мнение. «Слабым местом дела для обвинения является отсутствие писем, написанных либо обвиняемыми, либо к ним, из которых можно было бы вывести заключения относительно их участия в революционном заговоре»⁶⁷, — утверждал он в статье «Московские процессы: юридический взгляд», опубликованной в октябрьском номере журнала «Foreign Affairs» за 1937 год. Макс Радин не присутствовал на судебном процессе в Москве. Свои выводы о его юридической базе он делал на основе английского текста судебного отчета по делу антисоветского троцкистского центра, изданного в Нью-Йорке вскоре после его завершения⁶⁸. Наиболее интересный из этих выводов касался признаний обвиняемыми своей вины. По словам Макса Радина, «публичные признания всех обвиняемых чрезвычайно трудно объяснить на каком-либо правдоподобном основании, если только они не были действительно виновны. Беспрецедентно, что люди такого типа — некоторые из них отличались высоким интеллектом, некоторых можно назвать солдатами, доказавшими свою храбрость, — должны были действовать так, как они действовали, не имея каких-либо разумных оснований считать, что они смогут

be overthrown only by their country's defeat, but they could not quite do things because there was an inner contradiction in their heart. **Anyone of them might have killed Stalin, but they did not** — not from fear but on account of this inner contradiction that ruined their whole plot. This is a strange Russian story, which only readers of Feodor Dostoyevsky will understand» (*Duranty W. Radek Wins Tilt of Wits at Trial // New York Times. 1937. January 25. P. 3*).

⁶⁶ *Duranty W. Soviet Dooms 13; Radek And Others Get 10-Year Terms // New York Times. 1937. 30 January. P. 2.*

⁶⁷ «The weakness of the case for the prosecution is the absence of letters written either by the accused or to them, from which inferences could be drawn as to their participation in a revolutionary conspiracy» (*Radin M. The Moscow Trials: A Legal View // Foreign Affairs. 1937. Vol. 16. No. 1 (Oct.). P. 79*).

⁶⁸ *Report of Court Proceedings in the Case of the Anti-Soviet Trotskyite Center. Moscow: People's Commissariat of Justice of the U.S.S.R., 1937. New York, 1937.*

избежать смертной казни, и без каких-либо конкретных свидетельств применения к ним пыток. Мы могли бы далее предположить, что обвинение заставило их вступить в заговор с целью инкриминирования этого преступления Троцкому и его сыну, без выгоды для себя и не облегчая правительству арест и наказание Троцкого. Это возможно, так же, как вполне возможно, что существуют достаточные, хотя и нераскрытые причины отсутствия документальных доказательств»⁶⁹.

А.Я. Вышинский как государственный обвинитель на процессе антисоветского троцкистского центра не мог не сознавать, что отсутствие необходимых документальных доказательств придавало обвинению спорный, недостаточно убедительный характер. Поэтому в своей обвинительной речи, произнесенной 28 января 1937 года, он постарался объяснить причины, по которым суду не были представлены документы, подтверждавшие признательные показания обвиняемых.

«Наш закон требует, — напомнил прокурор СССР, — производить оценку имеющихся в деле доказательств по внутреннему убеждению суда, на основании рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности. 320-я статья Уголовно-процессуального кодекса РСФСР говорит о необходимости постановки на разрешение суда при вынесении приговора ряда вопросов. Из них я считаю наиболее существенными и важнейшими два первых вопроса: вопрос о том, имело ли место деяние, приписываемое подсудимому и, во-вторых, содержит ли это деяние в себе состав уголовного преступления? На оба эти вопроса обвинение дает положительный ответ. Да, приписываемые обвиняемым преступления имели место.

⁶⁹ «On the other hand, the public confessions of all the defendants are extremely difficult to explain on any plausible ground unless they were actually guilty. It is unprecedented that men of this type — some of them of high intelligence, some of them soldiers of proved courage — should have acted as they did without any reasonable ground to believe that they would escape the death penalty and without any specific evidence of torture. We should further have to assume that the prosecution forced them to enter into a conspiracy to incriminate Trotsky and his son without advantage to themselves and without thereby making the seizure and punishment of Trotsky easier for the government. This is possible, just as it is possible that there are adequate if undisclosed reasons for the absence of documentary evidence» (Ibidem).

Приписываемые обвиняемым деяния ими совершены, и эти деяния заключают в себе полный состав уголовного преступления. В этих двух вопросах не может быть никакого сомнения. Но какие существуют и нашем арсенале доказательства с точки зрения юридических требования?»⁷⁰

Прокурор СССР задал в своей речи вопрос, который, как правило, задавали иностранные наблюдатели судебных процессов над троцкистскими организациями и который не могли не задавать себе профессиональные юристы. Его ответ на этот вопрос был неожиданным и в то же время вполне убедительным. «Надо сказать, — заявил Андрей Януарьевич, — что характер настоящего дела таков, что именно этим характером предопределяется и своеобразие возможных по делу доказательств. Мы имеем заговор, мы имеем перед собой группу людей, которая собиралась совершить государственный переворот, которая организовалась и вела в течение ряда лет или осуществляла деятельность, направленную на то, чтобы обеспечить успех этого заговора, заговора, достаточно разветвленного, заговора, который связал заговорщиков с зарубежными фашистскими силами. Как можно поставить в этих условиях вопрос о доказательствах? Можно поставить вопрос так: заговор, вы говорите, но где же у вас имеются документы? Вы говорите программа, но где же у вас имеется программа? У этих людей где-нибудь есть писаная программа? Об этом они только говорят. Вы говорите, что это есть организация, что это есть какая-то банда (а они называют себя партией), но где же у них постановления, где же у них вещественные следы этой заговорщической деятельности — устав, протоколы, печати и пр. и т.п.? Я беру на себя смелость утверждать, в согласии с основными требованиями науки уголовного процесса, что в делах о заговоре таких требований предъявлять нельзя. Нельзя требовать, чтобы в делах о заговоре, о государственном перевороте мы подходили с точки зрения того — дайте нам протоколы, постановления, дайте членские книжки, дайте номера ваших членских билетов, требовать, чтобы заговорщики совершали заговор по удостоверению их преступной

⁷⁰ Речь государственного обвинителя прокурора СССР тов. А.Я. Вышинского // Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. С. 210.

деятельности в нотариальном порядке. Ни один здравомыслящий человек не может так ставить вопрос в делах о государственном заговоре. Да, у нас на этот счет имеется ряд документов. Но если бы их и не было, мы все равно считали бы себя вправе предъявлять обвинения на основе показаний и объяснений обвиняемых и свидетелей и, если хотите, — косвенных улик. Я в данном случае должен сослаться хотя бы на такого блестящего процессуалиста, каким является известный старый английский юрист Уильям Уильз, который в своей книге «Опыт теории косвенных улик» говорит, как сильны бывают косвенные улики и как косвенным уликам принадлежит нередко убедительность гораздо большая, чем прямым доказательствам»⁷¹.

Книга, на которую сослался Вышинский, была издана в переводе на русский язык в 1864 году. Автор ставил в ней целью показать на примере конкретных случаев основания доверия к уликам косвенного характера, определить их действительное значение и доказательную силу. Для обвинительной речи Вышинского особое значение имело следующее высказывание Уильяма Уильза: «Мы пришли к тому заключению, что косвенные улики, по существу своему, отличаются от прямого и положительного свидетельства и принадлежат к низшему разряду доказательств, но что, несмотря на это, доказательная сила их если не во всех случаях, то весьма часто, превосходит среднюю силу прямых доказательств, и что, при соблюдении упомянутых нами предосторожностей, они представляют твердое основание для важнейших приговоров, в тех случаях, которые не допускают представления прямых доказательств»⁷². Определяя причины, по которым судьи должны в полной мере доверять косвенной улике, Уильям Уильз утверждал, что ее сила и значение «заключается в несовместимости и несообразности какого-либо другого объяснения известного факта, кроме того предположения, в доказательство которого она представляется. Этот род аргументации

⁷¹ Речь государственного обвинителя прокурора СССР тов. А.Я. Вышинского. С. 211.

⁷² Опыт теории косвенных улик, объясненный примерами Уильяма Уильза. Перевод с третьего издания. М., 1864. С. 238.

походит на математический способ доказательства посредством представления нелепости противного (*reductio ad absurdum*)»⁷³.

Выраженное прокурором СССР в обвинительной речи мнение о том, что «своеобразие возможных по делу доказательств» предопределяется характером данного дела разделяли и другие авторитетные советские правоведы, специалисты в области уголовного права и уголовного процесса. Так, С.В. Познышев, исследуя значению косвенных улик при расследовании преступлений, приходил к следующему выводу: «Косвенные улики бесчисленны и бесконечно разнообразны. Произведенный выше анализ показывает относительность понятия косвенных улик и зависимость их значения от обстоятельств, в связи с которыми они стоят в данном конкретном случае»⁷⁴. Сергей Викторович считал совершенно правильной точку зрения, признающую «в принципе одинаковую доказательственную силу прямых и косвенных улик»⁷⁵.

М.С. Строгович, высказывания которого по различным вопросам уголовного процесса, и в том числе по проблеме оценки доказательств, Вышинский неоднократно критиковал⁷⁶, также не считал косвенные доказательства менее значимыми для судебного приговора, чем доказательства прямые. «Косвенными доказательствами, — писал Михаил Соломонович в «Учебнике уголовного процесса», — являются те, которые, не устанавливая непосредственно виновности обвиняемого, устанавливают различные побочные, посредствующие обстоятельства, которые, взятые в совокупности с другими данными дела, объективно приводят к выводу о причастности данного лица к рассматриваемому преступлению». При этом он делал следующий вывод: «По существу косвенные доказательства вовсе не являются худшими, менее доброкачественными, чем прямые: качество доказательства зависит в значительной мере от обстоятельств каждого дела. По ряду дел косвенные

⁷³ Там же. С. 17.

⁷⁴ Познышев С.В. Косвенные улики и их значение при расследовании преступлений // Ученые записки Всесоюзного института юридических наук НКЮ СССР. 1941. Вып. 2. С. 260.

⁷⁵ Там же. С. 231.

⁷⁶ См., например: Вышинский А.Я. Проблема оценки доказательств в уголовном процессе // Социалистическая законность. 1936. № 7. С. 23.

доказательства образуют крепко спаянную цепь, в которой одно звено так тесно увязывается с другими, что в результате получается более веский и убедительный доказательственный материал, чем некоторые прямые, но очень сомнительные доказательства»⁷⁷. Именно эти мысли выражал в своей обвинительной речи на процессе антисоветского троцкистского центра прокурор СССР. Он не ограничился заявлением о том, что в делах о заговоре, о государственном перевороте обвинение может предъявляться на основании одних только косвенных доказательств, поскольку прямые доказательства чаще всего в таких случаях бывают недоступны для следствия и суда, но постарался показать обоснованность предъявленных подсудимым обвинений. «Мы опираемся на ряд доказательств, которые могут служить в наших руках проверкой обвинительных утверждений, обвинительных тезисов», – сообщил Вышинский.

Первыми среди таких доказательств, относившихся к категории косвенных, им были названы факты прошлой деятельности троцкистов, подтверждавшие обвинительные тезисы, выдвинутые против подсудимых как членов антисоветского троцкистского центра. Согласно формуле обвинения данная организация ставила главной своей задачей «содействие иностранным агрессорам в захвате территории и расчленении СССР, свержение советской власти и восстановление в Советском Союзе капитализма и власти буржуазии». Косвенными доказательствами наличия у троцкистов этого преступного плана прокурор СССР посчитал не только показания обвиняемых на следствии и в суде, но и факты, показывающие, что Троцкий и его сторонники еще в 1922 году предлагали «разрешить нашим промышленным предприятиям, трестам закладывать наше имущество, в том числе и основной капитал, частным капиталистам для получения кредитов, которые тогда действительно были нужны Советскому государству». Сообщая в своей обвинительной речи об этом стремлении троцкистов, Вышинский пояснил, что оно «уже тогда было ступенькой к возврату к власти капиталистов, к тому, чтобы капиталистов, финансистов, заводчиков вновь сделать хозяевами наших фабрик и заводов и отнять у наших рабочих

⁷⁷ Строгович М.С. Учебник уголовного процесса. М., 1938. С. 87.

завоеванные ими при советской власти права. Эти господа уверяли, что советское хозяйство “все более и более срачивается с капиталистическим хозяйством”, т.е. превращается в придаток мирового капитализма. Они уверяли, что “мы все время будем находиться под контролем мирового хозяйства”, то есть утверждали то, о чем мечтали капиталистические акулы»⁷⁸. Подняв из пыли прошлого данный факт, государственный обвинитель бросил его, как камень, в сидевших перед ним обвиняемых: «Капиталистический контроль, о котором тогда говорили, мечтали и которого требовали троцкисты и вот эти, сидящие здесь на скамье подсудимых главари троцкистского блока, — это право капиталистов распоряжаться нашей родиной, нашими рынками. Капиталистический контроль означает, наконец, — говорил товарищ Сталин, — контроль политический, уничтожение политической самостоятельности нашей страны, приспособление законов страны к интересам и вкусам международного капиталистического хозяйства. Вот что означал этот, так называемый, капиталистический контроль, о котором тосковали Троцкий и некоторая часть, головка сидящего здесь на скамье подсудимых, так называемого, анти-советского троцкистского центра»⁷⁹.

Второй разновидностью косвенных улик, составивших основу обвинения, Вышинский назвал показания подсудимых, которые, как он заметил, «и сами по себе представляют громаднейшее доказательственное значение»⁸⁰. В своей речи Андрей Януарьевич приоткрыл методику их оценки, разработанную наукой уголовного процесса и применявшуюся советской прокуратурой и судом. «Мы не ограничивались тем, что суд выслушивал только объяснения обвиняемых, — сообщил он: — всеми возможными и доступными нам средствами мы проверяли эти объяснения. Я должен сказать, что это мы здесь делали со всей объективной добросовестностью и со всей возможной тщательностью. Для того, чтобы отличить правду от лжи на суде, достаточно, конечно, судейского опыта, и каждый судья, каждый прокурор и защитник, которые провели не один десяток

⁷⁸ Речь государственного обвинителя прокурора СССР тов. А.Я. Вышинского. С. 173.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. С. 211.

процессов, знают, когда обвиняемый говорит правду и когда он уходит от этой правды в каких бы то ни было целях. Но допустим, что показания обвиняемых не могут служить убедительными доказательствами. Тогда надо ответить на несколько вопросов, как требует от нас наука уголовного процесса. Если эти объяснения не соответствуют действительности, тогда это есть то, что называется в науке оговором. А если это оговор, то надо объяснить причины этого оговора. Эти причины могут быть различны. Надо показать, имеются ли налицо эти причины. Это может быть личная выгода, личный расчет, это желание кому-нибудь отомстить и т.д. Вот если с этой точки зрения подойти к делу, которое разрешается здесь, то вы в своей совещательной комнате должны будете также проанализировать эти показания, дать себе отчет в том, насколько убедительны личные признания обвиняемых, вы обязаны будете перед собою поставить вопрос и о мотивах тех или иных показаний подсудимых или свидетелей»⁸¹.

Обратившись с позиции изложенной им теории и методики оценки показаний подсудимых к рассматривавшемуся делу, государственный обвинитель заявил: «Обстоятельства данного дела, проверенные здесь со всей возможной тщательностью, убедительно подтверждают то, что говорили здесь обвиняемые. Нет никаких оснований допускать, что Пятаков — не член центра, что Радек не был на дипломатических приемах и не говорил с господином К., или с господином Х., или с каким-нибудь другим господином, как его там звать, что он с Бухариным не кормил “яичницей с колбасой” каких-то приехавших неофициально к нему лиц, что Сокольников не разговаривал с каким-то представителем, “визируя мандат Троцкому”. Все то, что говорили они об их деятельности, проверено экспертизой, предварительным допросом, признаниями и показаниями и все это не может подлежать какому бы то ни было сомнению. Я считаю, что все эти обстоятельства позволяют утверждать, что в нашем настоящем судебном процессе, если есть недостаток, то недостаток не в том, что обвиняемые сказали здесь все, что они сделали, а что обвиняемые все-

⁸¹ Там же. С. 211–212.

таки до конца не рассказали всего того, что они сделали, что они совершили против Советского государства»⁸².

Сославшись на опыт предыдущих процессов над троцкистами и зиновьевцами, во время которых обвиняемые клялись в том, что говорят всю правду, а потом при дальнейшем расследовании обнаруживалось, что они, уже одной ногой стоявшие в могиле, лгали, Вышинский еще раз повторил: «Если можно сказать о недостатках данного процесса, то этот недостаток я вижу только в одном: я убежден, что обвиняемые не сказали и половины всей той правды, которая составляет кошмарную повесть их страшных злодеяний против нашей страны, против нашей великой родины!»⁸³

В заключительной части своей речи прокурор СССР пафосно объявил, в чем обвинялись подсудимые. «Я обвиняю сидящих здесь перед нами людей в том, что в 1933 году по указанию Троцкого был организован под названием “параллельный” центр в составе обвиняемых по настоящему делу Пятакова, Радека, Сокольникова и Серебрякова, в действительности представлявший собой действующий активный троцкистский центр, что этот центр по поручению Троцкого, через обвиняемых Сокольникова и Радека, вступил в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы с Советским Союзом, причем центр обязался, в случае прихода своего к власти, предоставить этим государствам ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок; что этот центр через своих членов и других членов преступной троцкистской организации занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая иностранные разведки важнейшими, секретнейшими, имеющими огромное государственное значение материалами; что в целях подрыва хозяйственной мощи и обороноспособности нашей страны этот центр и его сообщники организовали и провели ряд диверсионных и вредительских актов, повлекших за собой человеческие жертвы, причинивших значительный ущерб нашему Советскому государству. В этом я обвиняю членов “параллельного” антисоветского троцкистского центра – Пятакова,

⁸² Там же. С 212.

⁸³ Там же. С. 213.

Радека, Сокольникова и Серебрякова, – т.е. в преступлениях, предусмотренных статьями УК РСФСР: 58^{1а} – измена родине, 58⁶ – шпионаж, 58⁸ – террор, 58⁹ – диверсия, 58¹¹ – образование тайных преступных организаций.

Я обвиняю всех остальных подсудимых: Лившица, Муралова Н., Дробниса, Богуславского, Князева, Ратайчака, Норкина, Шестова, Строилова, Турока, Граше, Пушина и Арнольда в том, что они повинны в тех же самых преступлениях, как члены этой организации, несущие полную и солидарную ответственность за эти преступления, вне зависимости от индивидуального отличия их преступной деятельности, которая характеризует преступления каждого из них, т.е. в преступлениях, предусмотренных теми же статьями Уголовного кодекса»⁸⁴.

Основным обвинением, предъявлявшимся подсудимым, Вышинский назвал измену родине, каравшуюся по ст. 58^{1а} Уголовного кодекса РСФСР «высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества». Напомнив судьям о том, что они должны будут в совещательной комнате ответить на вопрос – есть ли у обвиняемых и у каждого из них в отдельности индивидуальные и конкретные обстоятельства, которые позволили бы смягчить угрожающее им по закону наказание, он счел необходимым сказать, что не видит в этом деле таких смягчающих обстоятельств.

Закончил же свою речь Андрей Януарьевич словами, которые произвели на присутствовавших в зале сильнейшее впечатление. «Я обвиняю не один! – воскликнул он. – Рядом со мной, товарищи судьи, я чувствую, будто вот здесь стоят жертвы этих преступлений и этих преступников на костылях, искалеченные, полуживые, а, может быть, вовсе без ног как та стрелочница ст. Чусовская т. Наговицына, которая сегодня обратилась ко мне через “Правду” и которая в 20 лет потеряла обе ноги, предупреждая крушение, организованное вот этими людьми! Я не один! Я чувствую, что рядом со мной стоят вот здесь погибшие и искалеченные жертвы жутких преступлений,

⁸⁴ Там же.

требующие от меня, как от государственного обвинителя, предъявлять обвинение в полном объеме.

Я не один! Пусть жертвы погребены, но они стоят здесь рядом со мною, указывая на эту скамью подсудимых, на вас, подсудимые, своими страшными руками, истлевшими в могилах, куда вы их отправили!..

Я обвиняю не один! Я обвиняю вместе со всем нашим народом, обвиняю тягчайших преступников, достойных одной только меры наказания – расстрела, смерти!»⁸⁵

Долго несмолкающие аплодисменты и восторженные крики были наградой Вышинскому за эту речь, продолжавшуюся пять часов. Для обвиненных в тяжких преступлениях против своей родины этот восторг зала звучал как выстрел, исполняющий приговор. Приговор, еще не объявленный судом...

* * *

После выступления Вышинского председатель Военной коллегии Верховного суда В.В. Ульрих опросил подсудимых, ранее отказавшихся от защитительной речи, не желают ли они все же воспользоваться своим правом на нее. Все они подтвердили свой отказ. В связи с этим суду предстояло заслушать выступления адвокатов лишь трех подсудимых – И.А. Князева, В.В. Арнольда и Г.Е. Пушина. Адвокаты первых двух успели выступить в тот же день. Адвокат третьего подсудимого произнес защитительную речь на следующий день, 29 января.

Все адвокаты в сущности не защищали своих подзащитных, а лишь просили суд проявить к ним снисхождение. Защитник подсудимого Князева И.Д. Брауде просил, например, суд «обсудить вопрос о возможности сохранения Князеву жизни»⁸⁶. Защитник подсудимого Арнольда С.К. Казначеев всего лишь выразил надежду на то, что судьи, когда будут решать вопрос о судьбе его подзащитного – «о том, жить дальше Арнольду или не жить», – учтут моменты, позволяющие смягчить приговор. Защитник подсудимого Пушина Н.В. Коммодов, указав на ряд положительных

⁸⁵ Там же. С. 214.

⁸⁶ Там же. С. 217.

черт в поведении своего подзащитного, «просветы» в море совершенных им «ужасных злодеяний» — на то, например, что «фактически Пушкин отошел от работы троцкистов еще осенью 1935 года» — сказал суду, что совокупность этих небольших положительных черт дает ему право на просьбу «отступить от той высшей меры наказания, которую в отношении Пушкина предлагал государственный обвинитель»⁸⁷.

В целом же речи защитников носили обличительный характер: они обвиняли троцкистов в преступлениях против своей родины, осуждали своих подзащитных за те преступления, в которых те обвинялись, выражали согласие с речью государственного обвинителя.

Выступление прокурора СССР А.Я. Вышинского являлось, безусловно, главным событием проходившего в Москве с 23 по 30 января 1937 года процесса антисоветского троцкистского центра. Но не менее значимым действием было и «последнее слово» самих подсудимых. В последних выступлениях этих людей, ясно сознававших свою обреченность на смерть, сущность этого процесса, казавшегося сторонним наблюдателям особого рода театральным спектаклем, выразилась, пожалуй, ярче всего.

4

Действовавший в РСФСР Уголовно-процессуальный кодекс 1923 года устанавливал только самые общие требования к последнему слову подсудимого. Они излагались в статье 309, гласившей: «После последней речи защитника председатель объявляет прения сторон законченными и предоставляет подсудимому последнее слово, после чего суд удаляется для вынесения приговора. Во время последнего слова не могут задаваться подсудимому вопросы судом и сторонами». В примечании к этой статье предусматривалось: «В случае, если в последнем слове подсудимый раскрывает новые обстоятельства, существенные для дела, суд вправе, как по своей инициативе, так и по ходатайству сторон возобновить судебное следствие в порядке ст. 305 Уголовно-процессуального кодекса».

⁸⁷ Там же. С. 222.

Комментируя приведенную статью в своем учебнике уголовного процесса, изданном в 1938 года, советский правовед С.С. Строгович отмечал: «Содержание последнего слова не регламентировано законом, не может его регламентировать и суд; подсудимый в последнем слове может совершенно свободно говорить все, что считает нужным сообщить составу суда в свою защиту. Председатель может остановить подсудимого лишь в случаях, когда он применяет недопустимые выражения, оскорбительные для суда и сторон, или пытается использовать свое право последнего слова в целях, противоречащих правосудию (в целях антисоветской агитации и т.п.)»⁸⁸.

Обвиняемые по делу антисоветского троцкистского центра не использовали последнее слово для своей защиты — наоборот, они старались усилить и без того резкие обличения, прозвучавшие из уст государственного обвинителя. Это неудивительно: содержание своих заключительных выступлений на суде они вынуждены были согласовывать с прокурором СССР А.Я. Вышинским. Видимо, именно благодаря стараниям Андрея Януарьевича подсудимые в последнем слове на суде были чрезвычайно безжалостны по отношению к самим себе.

«Я ведь понимал не только то, что делается, — исповедовался Ю.Л. Пятаков. — Я же видел, несмотря на то, что это ни в малейшей степени не уменьшает ни гнусности преступлений, ни их объективной значимости, но я же видел, что мы — группка троцкистов, как правильно сказал государственный обвинитель, передовой отряд фашистской контрреволюции, что мы нашими вредительскими деяниями не можем хотя бы на йоту действительно изменить объективный ход развития промышленности, хозяйства»⁸⁹.

Как правило, подсудимые в том случае, когда признавали себя виновными, завершали свое последнее слово просьбой о смягчении

⁸⁸ Строгович М.С. Учебник уголовного процесса: Допущен Управлением Учебными Заведениями НКЮ СССР в качестве учебника для юридических высших учебных заведений и в качестве учебного пособия для правовых школ. М., 1938. С. 198.

⁸⁹ Последнее слово подсудимого Пятакова // Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. С. 223.

приговора. Юрий Леонидович был в саморазоблачении предельно последовательным. «Я слишком остро сознаю свои преступления и я не смею просить у вас снисхождения. Я не решаюсь просить у вас даже пощады, — обращался он к судьям. — Через несколько часов вы вынесете ваш приговор. И вот я стою перед вами в грязи, раздавленный своими собственными преступлениями, лишенный всего по своей собственной вине, потерявший свою партию, не имеющий друзей, потерявший семью, потерявший самого себя... Не лишайте меня одного, граждане судьи. Не лишайте меня права на сознание, что и в ваших глазах, хотя бы и слишком поздно, я нашел в себе силы порвать со своим преступным прошлым»⁹⁰.

Карл Радек имел талант публициста, которым постарался украсить свое выступление. Его последнее слово было самым продолжительным и абсолютно беспощадным к самому себе. В первых же фразах речи он гордо заявил: «Граждане судьи! После того, как я признал виновность в измене родине, всякая возможность защитительных речей исключена. Нет таких аргументов, которыми взрослый человек, не лишенный сознательности, мог бы защитить измену родине. На смягчающие вину обстоятельства претендовать тоже не могу. Человек, который 35 лет провел в рабочем движении, не может смягчать какими бы то ни было обстоятельствами свою вину, когда признает измену родине»⁹¹. Радек отказался от каких-либо оправданий и не безропотно, как другие подсудимые, но *демонстративно охотно* признал вину за все, в чем был обвинен. «Я даже не могу сослаться на то, что меня свел с пути истинного Троцкий, — театрально сокрушался он в своем последнем слове. — Я уже был взрослым человеком, когда встретился с Троцким, со сложившимися взглядами. И если вообще роль Троцкого в развитии этих контрреволюционных организаций громадна, то в тот момент, когда я вступал на этот путь борьбы против партии, авторитет Троцкого был для меня минимальным. Я пошел с троцкистской организацией не во имя теорийки Троцкого, гнилость которой я понял во время первой ссылки, и не во имя признания его авторитета вождя, а потому, что

⁹⁰ Там же. С. 224.

⁹¹ Там же.

другой группы, на которую я бы мог опереться в тех политических целях, которые я себе ставил, не было. С этой группой я был связан в прошлом и поэтому я с нею пошел»⁹².

Окончательно смирившись со своей участью, Радек не стеснялся в саморазоблачении, но проявлял при этом столько усердия, что искренность его признаний невольно превращалась в сарказм. «Если здесь ставился вопрос, мучили ли нас во время следствия, то я должен сказать, что не меня мучили, а я мучил следователей, заставляя их делать ненужную работу»⁹³.

Такое признание, произнесенное подсудимым в последнем слове, звучало бы как насмешка, если бы сам он не пояснил, что имел в виду: «В течение 2 с половиной месяцев я заставлял следователя допросами меня, противопоставлением мне показаний других обвиняемых раскрыть мне всю картину, чтобы я видел, кто признался, кто не признался, кто что раскрыл. Продолжалось это 2 с половиной месяца. И однажды руководитель следствия пришел ко мне и сказал: “Вы уже — последний. Зачем же вы теряете время и медлите, не говорите то, что можете показать?” И я сказал: “Да, я завтра начну давать вам показания”. И показания, которые я дал, с первого до последнего не содержат никаких корректив. Я развертывал всю картину так, как я ее знал, и следствие могло корректировать ту или другую мою персональную ошибку в части связи одного человека с другим, но утверждаю, что ничего из того, что я следствию сказал, не было опровергнуто и ничего не было добавлено»⁹⁴. Из этого пояснения очевидно, что Радек всего лишь старался показать, что главной своей задачей во время расследования дела антисоветского троцкистского центра считал не освобождение себя от обвинений, а содействие следствию. Соответственно и признания на суде представлялись им поступком, имеющим не личное, а общественное значение. Выступая с последним словом, он гордо заявил: «Я признал свою вину и дал полные показания о ней, не исходя из простой потребности раскаяться, — раскаяние может быть внутренним сознанием, которым можно не делиться, никому не показывать, — не из любви вообще к

⁹² Там же.

⁹³ Там же. С. 230.

⁹⁴ Там же. С. 230–231.

правде, — правда эта очень горька, и я уже сказал, что предпочел бы три раза быть расстрелянным, чем ее признать, — а я должен признать вину, исходя из оценки той общей пользы, которую эта правда должна принести»⁹⁵.

Последнее слово *Г.Я. Сокольникова* было полно саморазоблачений, как и выступление *К. Радека*. «Я хочу воспользоваться своим последним словом, — убеждал Сокольников суд, — не для того, чтобы отвергать или опровергать какие-нибудь данные следствия или выводы обвинительного заключения и государственного обвинителя. Я признал свою вину и свои преступления на предварительном следствии, полностью признаю их здесь и не имею к ним ничего добавить. Я хотел бы только просить суд верить мне в том смысле, что ничего много не скрыто, что сказано мною не полправды, а сказана вся правда»⁹⁶.

В отличие от *К. Радека*, отказавшегося просить суд о каком-либо смягчении приговора, *Г.Я. Сокольников* обратился с просьбой о снисхождении для себя и других подсудимых, представив в качестве основания для нее результаты самого процесса по делу об антисоветском троцкистском центре. Григорий Яковлевич решил, что благодаря их показаниям главная цель процесса, заключавшаяся в развенчании троцкизма, была достигнута и просил судей учесть данное обстоятельство при вынесении приговора. «Я не могу спорить, — говорил он, — не имею для этого никаких оснований, против заключения государственного обвинителя; такое заключение, конечно, максимально обосновано. Но я хотел бы сказать: мне думается, что уже данными обвинительного заключения, данными следствия и даже вчерашним выступлением государственного обвинителя мы уже политически убиты и погребены. Я высказываю свое убеждение или, во всяком случае, надежду на то, что не найдется больше ни одной руки в Советской стране, которая бы попробовала взяться за древко троцкистского знамени. Я думаю, что и в других странах троцкизм разоблачен этим процессом, сам Троцкий разоблачен, как союзник капитализма, как подлейший агент

⁹⁵ Там же. С. 225.

⁹⁶ Там же. С. 232.

фашизма, как поджигатель мировой войны, которого везде будут ненавидеть и преследовать миллионы. Я думаю поэтому, что поскольку троцкизм, как контрреволюционная политическая сила, перестает существовать, окончательно разбит, я думаю, что и я, и другие обвиняемые, все обвиняемые могут все же просить вас, граждане судьи, о снисхождении»⁹⁷.

Последнее слово *Л.П. Серебрякова* было коротким. Он сказал, что «воспользовался последним словом подсудимого не для защиты», что целиком и полностью признает «справедливость» того, что говорил гражданин прокурор о его «тягчайших преступлениях против родины, против Страны советов, против партии», что давал искренние показания на следствии и на суде, так как «действительно решительно и окончательно порвал с контрреволюционным бандитизмом Троцкого и троцкизма». В связи с этим Леонид Петрович просил суд поверить в его искренность, «в своем решении это учесть и принять во внимание»⁹⁸.

Выступления подсудимых с последним словом завершились в 19 часов 15 минут 29 января. Суд после этого удалился на совещание. В 3 часа 30 минут 30 января председатель военной коллегии Верховного Суда СССР В.В. Ульрих огласил приговор. Ю.Л. Пятаков и Л.П. Серебряков как члены антисоветского троцкистского центра, организовавшие и непосредственно руководившие «изменнической, шпионской, диверсионно-вредительской и террористической деятельностью» были приговорены к высшей мере уголовного наказания — *расстрелу*. Одиннадцать подсудимых⁹⁹ приговорили к такому же наказанию «как организаторов и непосредственных исполнителей указанных выше преступлений»¹⁰⁰.

Г.Я. Сокольникова и К.Б. Радека суд приговорил к заключению в тюрьме сроком *на 10 лет* «как членов антисоветского троцкистского центра, несущих ответственность за его преступную деятельность, но

⁹⁷ Там же. С. 236.

⁹⁸ Там же. С. 237.

⁹⁹ Н.И. Муралов, Я.Н. Дробнис, Я.А. Лившиц, М.С. Богуславский, И.А. Князев, С.А. Ратайчак, Б.О. Норкин, А.А. Шестов, И.Д. Турок, Г.Е. Пушкин и И.И. Граше.

¹⁰⁰ Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. С. 258.

не принимавших непосредственного участия в организации и осуществлении актов диверсионно-вредительской, шпионской и террористической деятельности»¹⁰¹. В.В. Арнольд получил по приговору 10 лет тюремного заключения. М.С. Строилов – 8 лет¹⁰².

При этом суд постановил: «Имущество всех осужденных, лично им принадлежащее, – конфисковать». Каждый из четверых приговоренных к тюремному заключению был в дополнение ко всему лишен политических прав сроком на пять лет.

Завершался приговор по делу антисоветского троцкистского центра заявлением военной коллегии Верховного Суда, подобным тому, которое увенчало приговор по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра, вынесенный 24 августа 1936 года: «Высланные в 1929 году за пределы СССР и лишённые постановлением ЦИК СССР от 20 февраля 1932 года права гражданства СССР враги народа **Троцкий** Лев Давыдович и его сын **Седов** Лев Львович, изобличенные показаниями подсудимых *Ю.Л. Пятакова, К.Б. Радека, А.А. Шестова* и *Н.И. Муралова*, а также показаниями допрошенных на судебном заседании в качестве свидетелей *В.Г. Ромма* и *Д.П. Бухарцева* и материалами настоящего дела в непосредственном руководстве изменнической деятельностью троцкистского антисоветского центра, в случае их обнаружения на территории Союза ССР, – подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР»¹⁰³.

В тот же день, когда состоялся приговор по делу антисоветского троцкистского центра, то есть 30 января 1937 года, тринадцать осужденных на смертную казнь обратились в Президиум Центрального Исполнительного Комитета СССР с ходатайствами о помиловании. Почти все они выражали свои просьбы сухим, даже деловитым стилем, явно без какой-либо надежды на смягчение

¹⁰¹ Там же. После вынесенного 30 января 1937 г. приговора К.Б. Радек и Г.Я. Сокольников прожили немногим более двух лет. 19 мая 1939 г. в Верхнеуральской тюрьме был убит Радек. Спустя два дня после этого в Тобольской тюрьме убили Сокольникова.

¹⁰² В.В. Арнольд и М.С. Строилов были расстреляны в Орловской тюрьме вместе с другими политзаключенными в сентябре 1941 г.

¹⁰³ Процесс антисоветского троцкистского центра (23 – 30 января 1937 года). С. 258.

приговора. Как будто ощущали себя уже мертвыми. Лишь ходатайства приговоренных к смерти Ю.Л. Пятакова и И.А. Князева были написаны живым языком.

Сообщив, что военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу, Юрий Леонидович написал далее: «В тяжком сознании своей виновности я решаюсь обратиться в Президиум ЦЕК СССР с просьбой о помиловании, зная, что до последних дней моей жизни, если она мне будет сохранена, я буду твердо и верно жить и работать на пользу Советской Власти. Я раскрыл все, что знал о контрреволюционной деятельности троцкистов и своей в том числе. Я не скрыл ничего. За все эти месяцы заключения и тяжелейшие дни процесса я много раз проверял себя — во мне не осталось ни единого, ни малейшего остатка троцкизма. Во мне нет ни озлобления, ни тени ожесточения. Это позволяет мне честно просить Президиум ЦИК СССР сохранить мне жизнь. Все те знания, которыми я располагаю, все мои силы и всю мою энергию, даже будучи в тюремном заключении я использую на благо Советской Власти, на пользу Советского Союза.

В глубочайшем раскаянии за все совершенное я прошу Президиум ЦИК СССР дать мне возможность искупить свою вину упорным трудом и преданностью Советской Власти, Коммунистической Партии и ее руководителям. Тяжко умирать с клеймом врага народа, изменника и предателя. Как о высочайшей милости я прошу Президиум ЦИК СССР о помиловании»¹⁰⁴.

Иван Александрович Князев в своем ходатайстве также уповал на свои признательные показания. «На предварительном следствии и на суде, — подчеркивал он, — я дал исчерпывающие и честные показания о всей преступной деятельности троцкистской к[онтр]-р[еволюционной] организации. Я полностью признал свою вину и тяжесть своих преступлений, также раскрыл, какими гнусными методами я был вовлечен в троцкистскую к[онтр]-р[еволюционную] подпольную организацию и затем в неразрывной связи с этим вовлечением был втянут в связь с японцем ХИРОСИМО —

¹⁰⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1982. Л. 3-4.

секретарь¹⁰⁵ японского посольства в Москве... Мне всего 43 года, до 1934 года я стойко боролся с троцкизмом даже когда у меня в 1931 году были колебания на почве плохой работы транспорта — тем не менее не изменял честной работы на занимаемых хозяйственных постах.

Гадина троцкизма меня погубила подлейшим способом гнусного опутывания совместно с японской разведкой.

Тяжело умирать изменником родины — я могу еще много, много принести пользы и клянусь загладить свои преступления. Прошу ЦИК Союза заменить мне высшую меру социальной защиты заключением в лагерь»¹⁰⁶.

Ходатайство осужденного Л.П. Серебрякова было коротким. Сообщив о своем приговоре, Леонид Петрович написал: «На следствии и на суде я давал искренние и исчерпывающие показания о своих тягчайших преступлениях пред родиной, став на путь окончательного и решительного разрыва с контрреволюционным троцкизмом.

Прошу Президиум ЦИК СССР сохранить мне жизнь, для того, чтобы честной работой я мог бы искупить свою вину перед родиной»¹⁰⁷.

Президиум ЦИК СССР уже 31 января рассмотрел ходатайства осужденных к смертной казни по делу антисоветского троцкистского центра и принял постановление об их отклонении¹⁰⁸. 1 февраля 1937 года приговоры о расстреле были приведены в исполнение.

* * *

Лев Троцкий во время процесса по делу антисоветского троцкистского центра пребывал в Мексике. Он приплыл в эту страну с женой Натальей Седовой на танкере «Руфь» 9 января 1937 года и поселился в южном пригороде Мехико поселке Койоакан в доме известной мексиканской художницы Фриды Кало де Ривера.

Дневниковые записи, которые Лев Давидович вел во время двадцатидневного путешествия из Норвегии в Мексику, показывают, что прошедший в Москве в августе 1936 года процесс над его

¹⁰⁵ Так в оригинале. — В.Т.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1982. Л. 37-38.

¹⁰⁷ Там же. Л. 7.

¹⁰⁸ Там же. Л. 39-40.

сторонниками все еще будоражил его сознание. И более всего его занимала тайна добровольных признаний бывших большевистских вождей в инкриминированных им преступлениях.

1 января 1937 года, за восемь дней до прибытия в мексиканский порт Тампико, Троцкий сделал в своем дневнике довольно объемную запись на тему показаний обвиняемых на московских процессах. Он придаст ей особое значение, включив в качестве отдельного фрагмента под названием «Почему они каются в несовершенных преступлениях?» в книгу «Преступления Сталина». Данная книга, специально посвященная двум московским процессам над троцкистами, выйдет первым изданием на французском языке в августе 1937 г.¹⁰⁹, позднее она появится на других европейских языках, но оригинальный ее текст, написанный на русском языке, будет издан только в 1994 г.¹¹⁰

В указанной дневниковой записи Троцкий повторил то, что писал об особенностях московских судебных процессов над оппозиционерами в статье «Самые острые блюда еще впереди!»¹¹¹, опубликованной в 1936 году в майском, 50-м номере «Бюллетеня оппозиции (большевиков-ленинцев)»: «Целая серия публичных политических процессов в СССР показала, с какой готовностью некоторые

¹⁰⁹ *Trotsky L. La révolution trahie. Les Crimes de Staline / Traduit du russe par Victor Serge. Paris, 1937.*

¹¹⁰ *Троцкий Л.Д. Преступления Сталина / Под ред. Ю. Г. Фельштинского. М., 1994.*

¹¹¹ Название данной статьи было явно навеяно характеристикой Сталина, которую Троцкий приписывал Ленину. В книге «Сталин» Лев Давидович писал: «Когда на 11-м съезде (март 1921) Зиновьев и его ближайшие друзья проводили кандидатуру Сталина в генеральные секретари, с задней мыслью использовать его враждебное отношение ко мне, Ленин в тесном кругу, возражая против назначения Сталина генеральным секретарем, произнес свою знаменитую фразу: “Не советую, этот повар будет готовить только острые блюда”» (*Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. М., 1996. С. 189*). Б.Г. Бажанов, присутствовавший как сотрудник орготдела ЦК РКП (б) на этом съезде и последовавшем пленуме ЦК, позднее в своих мемуарах утверждал, что кандидатура Сталина проводилась на пост генерального секретаря не на XI съезде, состоявшемся в конце марта-начале апреля 1922 г., а на прошедшем сразу после него пленуме ЦК и Ленин против этого никаких возражений не высказал. «Когда на апрельском пленуме ЦК 1922 года по идее Зиновьева Каменев предложил назначить Сталина Генеральным секретарем ЦК, то Ленин не возражал, хотя хорошо знал Сталина» (*Бажанов Б.Г. Борьба Сталина за власть. Воспоминания личного секретаря. М., 2017. С. 39–40*).

подсудимые возводят на себя преступления, каких они явно не совершали». Главный же вывод дневниковой записи, сделанной им 1 января 1937 года во время океанского путешествия на нефтяном танкере, звучал как руководство к действию: **«Чтобы положить конец московскому конвейеру подлога, необходимо вскрыть политическую и психологическую механику “добровольных признаний”»**¹¹². Бывший большевистский вождь безошибочно определил то, что было самым уязвимым для критики и самым загадочным в конструкции московских процессов над троцкистами.

2 января 1937 года, за неделю до прибытия в Мексику, Троцкий занес в дневник следующую заметку, касавшуюся судебного процесса, проходившего в августе 1936 года: «Вся трудность в том, чтоб заставить поверить. Удалось ли Сталину разрешить эту задачу? Утверждать это нелегко и самым ревностным из господ профессиональных "друзей". Недаром вопрос о гестапо они обходят, воровато опуская глаза. Но мы не позволим им уклониться от ответа. Процесс Зиновьева и других, к несчастью, закончен. Процесс Сталина только начинается»¹¹³.

Далее в дневнике Троцкого было приведено весьма любопытное объяснение добровольных признаний в преступлениях бывших большевистских вождей, данное Виктором Сержом¹¹⁴. Подоплека этих признаний составляла, пожалуй, самую главную тайну судебного процесса по делу троцкистско-зиновьевского террористического

¹¹² «Il faut pour mettre un terme à la suite ininterrompue des impostures moscovites démonter le mécanisme politique et psychologique des “confessions volontaires”» (Trotsky L.D. Pourquoi ils ont avoué des crimes qu’ils n’avaient pas commis? // Les Crimes de Staline. Paris, 1937. P. 99). В переводе на английский язык это высказывание Троцкого приобрело несколько отличающийся смысл: «It is necessary, in order to put a stop to the Moscow falsifications, to show the political and psychological mechanism of "voluntary confessions"» (Trotsky L.D. Why They Confessed Crimes They Had Not Committed // Writings of Leon Trotsky [1936–1937]. New York, 1978. P. 56).

¹¹³ Троцкий Л.Д. Дневники и письма. М., 2015. С. 335.

¹¹⁴ Виктор Серж — это псевдоним революционера и публициста Виктора Львовича Кибальчича (1890–1947). Он хорошо знал Зиновьева, поскольку общался с ним во время работы в аппарате III Интернационала. В 1933 г. Виктор Серж был арестован и приговорен к ссылке в Оренбург. В 1936 г., благодаря заступничеству видных европейских социалистов и писателя Ромена Роллана, ему удалось получить разрешение на эмиграцию из СССР.

центра, и Троцкий не переставал размышлять над ней, о чем свидетельствует следующая запись в его дневнике: «Виктор Серж имел возможность ближе и дольше нас всех наблюдать капитулянтов, их среду, их настроения. Он отводит большое место в поведении главных подсудимых, [таких] как Зиновьев, Каменев, Смирнов, их преданности партии и преклонению перед ее единством. Эти люди духовно родились в большевистской партии, она сформировала их, они боролись за нее, она подняла их на гигантскую высоту. Но организация масс, выросшая из идеи, выродилась в автоматический аппарат правящих. Верность аппарату стала изменой идее и массам. В этом противоречии безвыходно запуталась мысль капитулянтов. У них не хватало духовной свободы и революционного мужества, чтобы во имя большевистской партии порвать с тем, что носило это имя. Капитулировав, они предали партию во имя единства аппарата. ГПУ превратило фетиш партии в удавную петлю и постепенно, не спеша, затягивала ее на шее капитулянтов. В часы просветления они не могли не видеть, куда это ведет. Но чем яснее становилась перспектива моральной гибели, тем меньше оставалось шансов вырваться из петли. Если в первый период фетиш единой партии служил психологическим источником капитуляций, то в последней стадии формула "единства" служила лишь для прикрывания конвульсивных попыток самосохранения»¹¹⁵.

7 января 1937 года Троцкий записал в дневник новое свое суждение об отходе Сталина и его сторонников в руководстве ВКП (б) от большевизма. Он попытался объяснить им необычный характер московского судебного процесса 1936 года. «Что бы ни говорили святоши чистого идеализма, мораль есть функция социальных интересов, следовательно, функция политики, — утверждал он. — Большевизм мог быть жесток и свиреп по отношению к врагам, но он всегда называл вещи своими именами. Все знали, чего большевики хотят. Нам нечего было утаивать от масс. Именно в этом центральном пункте мораль правящей ныне в СССР касты радикально отличается от морали большевизма. Сталин и его сотрудники не только не смеют

¹¹⁵ Троцкий Л.Д. Дневники и письма. М., 2015. С. 336–337.

говорить вслух, что думают; они не смеют даже додумывать до конца, что делают. Свою власть и свое благополучие бюрократия вынуждена выдавать за власть и благополучие народа. Все мышление правящей касты насквозь проникнуто лицемерием. Чтоб залепить открывающиеся на каждом шагу противоречия между словом и делом, между программой и действительностью, между настоящим и прошлым, бюрократия создала гигантскую фабрику фальсификаций. Чувствуя шаткость своих моральных позиций, питая острый страх перед массами, она со звериной ненавистью относится ко всякому, кто пытается прожектор критики направить на устои ее привилегий. Травлю и клевету против инакомыслящих сталинская олигархия сделала важнейшим орудием самосохранения. При помощи систематической клеветы, охватывающей все: политические идеи, служебные обязанности, семейные отношения и личные связи, люди доводятся до самоубийства, до безумия, до протрации, до предательства. В области клеветы и травли аппараты ВКП, ГПУ и Коминтерна работают рука об руку. Центром этой системы является рабочий кабинет Сталина. Отсюда методически подготовлялся московский процесс»¹¹⁶.

Новый процесс над троцкистами готовился по меньшей мере с августа 1936 года. Лица, которым надлежало предстать на нем главными обвиняемыми, были названы во время судебного разбирательства по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. Подсудимые Каменев, Зиновьев и Рейнгольд указали в своих показаниях на Радека, Пятакова, Серебрякова, Сокольникова как на персон, причастных в той или иной степени к преступной контрреволюционной деятельности. 20 августа 1936 года прокурор СССР Вышинский распорядился о начале расследования этих заявлений, о чем публично сообщил на следующий день во время вечернего заседания военной коллегии Верховного Суда.

Троцкий имел достаточно оснований воспринимать августовский процесс 1936 года в качестве лишь звена в цепи показательных судебных процессов, запрограммированных в будущем. Его оценки сталинской политики, записанные в дневнике во время путешествия

¹¹⁶ Там же. С. 340–342.

из Норвегии в Мексику, являлись в сущности не инвективами, а базовыми элементами защиты от обвинений, которые — он был уверен — в скором времени снова на него обрушатся. Еще не зная точно, какими они будут, он заранее готовил почву для объявления их ложными, подбирал броские, запоминающие словосочетания для выражения их лживости. «Этими страницами дорожного дневника я не пытаюсь заменить расследование, а хочу лишь дать к нему политическое и психологическое введение», — такое замечание он сделал в своем дневнике 7 января 1937 года, когда до прибытия в Мексику оставалось два дня.

Об открытии ожидавшегося им нового судебного процесса над троцкистами Троцкий узнал из телеграммы ТАСС, в которой мировой общественности сообщалось об окончании следствия по делу троцкистского “параллельного центра” и о начале его слушания в военной коллегии Верховного Суда СССР 23 января. Вечером 20 января Лев Давидович отослал свой первый письменный отклик на это событие в газету «Нью-Йорк Таймс». Обратив внимание в начале своей статьи на тот факт, что новость об открытии судебного процесса в отношении «семнадцати новых жертв ГПУ» была обнародована 19 января, т.е. всего за четыре дня до его первого заседания, а текст обвинительного заключения до сих пор еще неизвестен, Троцкий пояснил: «Цель этой поспешной процедуры состоит в том, чтобы вновь заставить врасплох общественное мнение, лишить нежелательных иностранцев возможности присутствовать на суде и, прежде всего, помешать мне — главному обвиняемому — своевременно разоблачить новые фальсификации»¹¹⁷. Уверенно предполагая, что подсудимые снова будут признаваться и каяться в инкриминируемых им преступлениях, Троцкий счел необходимым заранее принизить значение их показаний следующим замечанием: «“Человека с улицы” больше всего поражают признания подсудимых, которые выступают ревностными помощниками ГПУ. Немногие представляют себе те ужасающие формы нравственной и полужизической пытки, которым подвергаются обвиняемые в течение многих месяцев, а иногда и лет»¹¹⁸.

¹¹⁷ *Trotsky L.D. Seventeen New Victims of the GPU // The New York Times. 1937. January 21. Writings of Leon Trotsky [1936-1937]. New York, 1978. P. 110.*

¹¹⁸ *Ibid. P. 112.*

Не ознакомившись ни с текстом обвинительного заключения, ни с показаниями подсудимых, бывший большевистский вождь за три дня до начала нового судебного процесса над троцкистами вынес ему свою категоричную оценку. «Я принимаю вызов организаторов фальсификаций! — пафосно заявил он в завершающих словах своей статьи. — Не сомневаюсь, что мексиканское правительство, проявившее ко мне такое гостеприимство, не помешает мне представить мировому общественному мнению всю правду о чудовищных фальсификациях ГПУ и его вдохновителей. На протяжении всего процесса я буду оставаться в распоряжении честной и беспристрастной прессы»¹¹⁹.

Назвав предстоявший процесс над троцкистами сфальсифицированным, Троцкий тем не менее чрезвычайно разволновался от известия о его открытии. Находившаяся все время рядом с ним Наталья Седова вспоминала впоследствии, какое сильное воздействие оказывали на ее мужа сведения, поступавшие из Москвы: «Мы слушали радио, открывали почту и московские газеты и ощущали, что безумие, абсурд, произвол, обман и кровь со всех сторон затопляют нас, здесь в Мексике, как и в Норвегии... С карандашом в руке Лев Давидович, перевозбужденный и перетрудившийся, часто в лихорадке, но все равно неутомимый, делал замечания ко всем подлогам и лживым высказываниям, число которых настолько возросло, что оказалось невозможным их опровергнуть одно за другим. Огромная сталинская машина по производству преступлений работала на полную мощь и, казалось, сделалась абсолютно индифферентной к достоверности своего продукта. Как только одна ложь публично опровергалась — а это означало интенсивные исследования документов и проверку огромного множества дат — так тут же появлялось десять или двадцать новых лживых измышлений»¹²⁰.

Троцкий хорошо понимал, что новый судебный процесс лично для него более значим, чем предыдущий, и может затронуть его политическую судьбу в значительно большей степени. Приговором, вынесенным 24 августа 1936 года, он и его сын обвинялись «в

¹¹⁹ Ibid. P. 113.

¹²⁰ Serge V., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. Chicago, 2015. P. 212.

непосредственной подготовке и личном руководстве организацией в СССР террористических актов против руководителей ВКП (б) и советского государства». Формула обвинения, представленная судьям при начале нового процесса, в первом и главном своем пункте обличала Троцкого в создании преступной организации, предназначенной для руководства «антисоветской, шпионской, диверсионной и террористической деятельностью, направленной на подрыв военной мощи СССР, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам в захвате территории и расчленении СССР, свержение советской власти и восстановление в Советском Союзе капитализма и власти буржуазии». Трудно было придумать более серьезные обвинения, чем эти. Троцкий не мог оставить их без ответа. Но занявшись их опровержением бывший большевистский вождь вступал в спор с государственным обвинителем прокурором СССР А.Я. Вышинским — по сути, главным конструктором данного судебного процесса.

При упоминании указанной фамилии — а в статьях, посвященных процессу, делать это ему приходилось довольно часто — Лев Давидович не мог скрыть крайнего раздражения. «Кто такие главные обвиняемые? Старые большевики, строители партии, советского государства, Красной армии, Коминтерна. Кто выступал против них обвинителем? Вышинский, буржуазный адвокат, перекрасившийся после Февральской революции в меньшевика, и примкнувший к большевикам после их окончательной победы», — такую характеристику прокурору СССР Троцкий дал в тексте, который написал для выступления по телефону перед американскими рабочими 9 февраля 1937 года¹²¹ и в марте того же года опубликовал в № 54–55 «Бюллетеня оппозиции (большевиков-ленинцев)». Лев Давидович Троцкий не мог ни понять, ни просто смириться с тем, что советское государство оказалось в руках таких людей, как Андрей Януарьевич Вышинский. А между тем произошло это совсем не случайно, но по роковой и потому неумолимой закономерности.

¹²¹ Из-за неисправности телефонной связи выступление самого Троцкого не состоялось, текст его речи был просто зачитан одним из ведущих митинга.

В. А. Томсинов
Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 - 1954):
государственный деятель
и правовед

Часть 6
Подготовка судебного процесса
над Н.И. Бухариным

Опубликовано:
Журнал «Законодательство»
2019. № 4. С. 86-94. 2019. № 5. С. 86-94. № 6. С. 86-94.
№ 7. С. 86-94.

1

За месяц до открытия в Москве судебного разбирательства по делу антисоветского троцкистского центра, в меньшевистском журнале «Социалистический вестник», издававшемся в Париже в качестве «Центрального органа Российской социал-демократической рабочей партии», была напечатана первая часть очерка «Как подготовлялся Московский процесс», представленного в виде письма старого большевика¹. 17 января 1937 года журнал опубликовал вторую, заключительную его часть². Очерк показывал настроения, доминировавшие в правящем слое Советского государства в первой половине 1930-х годов, и раскрывал подоплеку ожесточенной борьбы между различными группировками внутри ВКП (б).

В нем утверждалось, что развитие ситуации, сложившейся в партийном руководстве после убийства Кирова, идет не к «установлению замирения внутри партии, а к доведению внутрипартийного террора до его логического завершения: к периоду физического уничтожения всех тех, кто по своему партийному прошлому может стать противником Сталина, кандидатом в его наследники у кормила власти».

Далее в очерке сообщалось, что процессы и расследования, которые велись в СССР после дела Кирова, с несомненностью показали усиление в большевистской партии оппозиционных настроений по отношению к сталинской диктатуре, нарастание отрицательного отношения старых большевиков к Сталину, и что из этого факта большевистский диктатор сделал «безбоязненные выводы»: он решил, что главной причиной неприятия ими политики руководства ВКП (б) являются самые основы их психологии³.

Старый большевик, от лица которого был написан очерк «Как подготовлялся Московский процесс», хорошо знал, какими умо-настроениями был проникнут правящий слой Советского госу-

¹ Как подготовлялся московский процесс (Из письма старого большевика)
// Социалистический вестник. 1936. № 23-24. С. 20–23.

² Как подготовлялся московский процесс (Из письма старого большевика)
// Социалистический вестник. 1937. № 1–2. С. 17–24.

³ Как подготовлялся Московский процесс (Из письма старого большевика)
// Социалистический вестник. 1937. № 1–2. С. 23.

дарства, сформировавшийся в результате революции и гражданской войны, ведь он сам являлся его частицей. Судьба этого слоя была и его собственной судьбой. Сделанное им признание о психологическом складе большевиков-революционеров и будущей их участи звучало поэтому особенно трагично: «Выросшие в условиях революционной борьбы против старого режима, мы все воспитали в себе психологию оппозиционеров, непримиримых протестантов. Хотим мы этого или не хотим, наш ум работает в направлении критики всего существующего, мы всюду ищем прежде всего слабые стороны. Короче, мы все — не строители, а критики, разрушители. В прошлом это было хорошо, теперь, когда мы должны заниматься положительным строительством, это безнадежно плохо. С таким человеческим материалом скептиков и критиканов ничего прочного построить нельзя, а нам теперь особенно важно думать о прочности постройки советского общества, так как мы идем навстречу большим потрясениям, связанным с неминуемо нам предстоящей войной»⁴.

Непригодность старых большевиков, находившихся в плену революционных и воинственных настроений, для выполнения созидательных функций была очевидной: Сталин осознал это едва ли не раньше всех своих соратников. «И вывод, который он сделал отсюда, — отмечалось в рассматриваемом очерке, — ни в коем случае нельзя назвать робким: если старые большевики, та группа, которая сегодня является правящим слоем в стране, не пригодны для выполнения этой функции в новых условиях, то надо как можно скорее снять их с постов, создать новый правящий слой. В планах Кирова примирение с беспартийной интеллигенцией, вовлечение беспартийных рабочих и крестьян в общественную и политическую жизнь страны было средством расширения социальной базы власти, средством сближения последней со всеми демократическими слоями населения. В плане Сталина те же мероприятия приобрели совсем иное значение: они должны помочь такой перестройке правящего слоя страны, при которой из его рядов были бы изгнаны все зараженные духом критики и был бы создан новый правящий

⁴ Там же.

слой с новой психологией, устремленной на положительное строительство»⁵.

В тексте очерка «Как готовился Московский процесс» отразилось явное беспокойство «старых большевиков», выступавших с критикой партийного руководства, за свою жизнь. «Среди предсмертных заветов Ленина, — отмечалось в нем, — едва ли есть хотя бы один, за который так цепко держалось бы наше "партруководство", как за его настоятельный совет не повторять ошибки якобинцев — не вступать на путь взаимного самоистребления. Считалось аксиомой, что в борьбе с партийной оппозицией можно идти на многое, только не на расстрелы. Правда, кое-какие отступления от этого правила делались уже давно: расстреляли Блюмкина, расстреляли еще нескольких троцкистов, которые по поручению своей организации пробрались в секретный отдел ГПУ и предупреждали своих товарищей об имеющихся в их среде предателях, о предстоящих арестах. Но эти расстрелы всеми рассматривались как мера исключительная, применяемая не за участие во внутрипартийной борьбе, а за измену служебному долгу»⁶.

Завершалось «письмо старого большевика» предельно пессимистическим признанием: «Все мы, большевики, у кого есть мало-мальски крупное дореволюционное прошлое, сидим сейчас каждый в своей норке и дрожим. Ведь теоретически доказано, что мы являемся все нежелательным элементом в современных условиях»⁷.

Английский перевод данного «письма», вышедший в свет в 1937 году отдельной брошюрой в нью-йоркском издательстве «Rand school press», был назван «The Letter of an old Bolshevik: a key to the Moscow trials (Письмо старого большевика: ключ к московским процессам)». Это название придавало особое значение изложенному в нем объяснению мотивов, побудивших Сталина предать суду своих прежних соратников большевиков-революционеров. Переводчик отметил в своем предисловии к тексту «письма», что оно дает ключ не только к подробностям двух широко известных московских процессов,

⁵ Там же.

⁶ Как готовился Московский процесс (Из письма старого большевика)
// Социалистический вестник. 1936. № 23–24. С. 20.

⁷ Там же. С. 24.

но и к событиям, предшествовавшим процессам и следующим за ними. Он помогает нам понять смысл того, что случилось в Советской России после убийства Кирова, продолжающуюся и непрерывную волну террора, в том виде как она отражается в ежедневных телеграммах из Москвы, перетряску, идущую во всех важных подразделениях коммунистической партии, советского правительства и армии. С ключом, который содержится в письме, читатель будет в состоянии сам определить перспективу советских событий, различить *dichtung und wahrheit* (вымысел и правду) в московских процессах, в событиях, произошедших после них и тех, что еще произойдут»⁸.

Указав, что «Письмо старого большевика» бросает озаряющий свет (*illuminating light*) на весь судебный процесс, переводчик уверенно предположил, что оно было написано в Москве после зиновьевско-каменевско-смирновского процесса»⁹. В действительности история появления этого текста оказалась несколько иной и более интересной.

Человек, написавший его, скрылся за инициалами Y.Z. Двадцать семь лет спустя станет известно, что им был историк революционного движения, архивист и публицист *Борис Иванович Николаевский* (1887–1966). В интервью, данном в Нью-Йорке 30 января 1964 года двум американским политологам и историкам – Северину Бялеру (*Seweryn Bialer*) и Жанет Загория (*Janet Zagoria*), – он признался, что опубликованное им в накануне московского судебного процесса по делу об антисоветском троцкистском центре «Письмо старого большевика» базировалось в значительной степени на его беседах с Н.И. Бухариным¹⁰, состоявшихся в марте и апреле 1936 года в Париже. Николай Иванович приехал сюда вместе с директором Института Маркса-Энгельса-Ленина В.В. Адоратским, зав. архивом данного института Г.А. Тихомирновым и председателем Всесоюзного общества

⁸ *Portnoy S.A. Translator's Preface // The Letter of an old Bolshevik: a key to the Moscow trials. New York, 1937. P. 8.*

⁹ *Ibid. P. 3.*

¹⁰ *An Interview with Boris Nicolaevsky // Nicolaevsky B.I. Power and the Soviet Elite. "The Letter of an Old Bolshevik" and Other Essays / Edited by Janet D. Zagoria. New York, Washington, London, 1965. P. 4–5, 8.* В переводе на русский язык данное интервью было впервые опубликовано в декабре 1965 г. См.: Бухарин об оппозиции Сталину. Интервью с Б.И. Николаевским // Социалистический вестник. 1965. № 4. С. 81–102.

культурной связи с заграницей А.Я. Аросевым для ведения переговоров о покупке архива СДПГ, в составе которого находились рукописи К. Маркса и Ф. Энгельса¹¹.

«Я должен пояснить, — говорил Б.И. Николаевский в упомянутом интервью, — что “Письмо” было первоначально написано не в виде размышлений “Старого большевика”, но как изложение моих бесед с Бухариным. Ф.И. Дан, тогдашний редактор “Социалистического вестника”, попросил меня переписать его, что я и сделал, потому что он чувствовал, что простой рассказ самого “большевика” был бы лучше. Поэтому документ появился без комментариев. Хочу также добавить, что рассказ Бухарина доходил только до начала 1936 года. Наши встречи имели место весной этого года. О позднейших событиях я писал, полагаясь на сведения из других источников, прежде всего от Шарля Раппопорта, хорошо известного русско-французского коммуниста, который вследствие зиновьевско-каменевского процесса начал отходить от коммунизма и охотно делился со мной своей обширной информацией»¹².

Очерк, написанный Б.И. Николаевским от имени некоего «старого большевика», порывал с распространенным и в Советском Союзе и за границей объяснением московских судебных процессов над троцкистами с точки зрения внутрипартийной фракционной борьбы или с позиции личных взаимоотношений между большевистскими вождями. В частности, автор отказывался видеть в этих событиях следствие личной неприязни Сталина к Троцкому, заметно проявлявшейся еще в первые годы существования Советского государства и резко обострившейся с конца 1920-х годов¹³.

Против понимания московских процессов августа 1936-го и января 1937 годов как результата личного конфликта между больше-

¹¹ В письме к А.М. Дольбергу от 21 сентября 1957 г., Б.И. Николаевский писал о своих встречах с Бухариным: «У меня с ним было много интересных разговоров в 1936 г., когда он приехал во главе особой комиссии ЦК для покупки архива Маркса, который я вывез из гитлеровской Германии и хранил тогда в Париже». «С Бухариным в течение почти двух месяцев я встречался почти каждый день и очень много с ним говорил на самые разные темы», — вспоминал Борис Иванович в письме к С.М. Шварцу, датированном 26 июля 1965 г.

¹² *Nicolaevsky B.I. Power and the Soviet Elite.* P. 9.

¹³ См., напр.: *Волкогонов Д.А. Троцкий. Политический портрет.* М., 1998. Кн. 2. С. 97.

вистскими вождями резко выступали и Сталин, и Троцкий, но их объяснения этого явления были, по вполне понятным причинам, слишком искажены идеологическими соображениями.

Взгляд Сталина на судебные процессы против троцкистов в полной мере выразил А.Я. Вышинский в обвинительной речи, произнесенной 28 января 1937 года на процессе по делу анти-советского троцкистского центра. Следствием установлено, сообщил он, что на основе программы Троцкого Радек, Пятаков и их сообщники вступили и вели переговоры с иностранными агрессорами, с их представителями, ожидая от них военной помощи и обещая им различные экономические и политические выгоды, вплоть до уступки части советской территории. Предатели шли на все, даже на распродажу родной земли»¹⁴. Указав далее, что пойдя на самую черную измену, троцкисты пали ниже последнего деникинца или колчаковца, прокурор СССР заявил: «Напрасно было бы изображать дело так, будто здесь идет борьба, спор между двумя фракциями, одной из которых повезло, и она пришла к власти, а другой не повезло, “не пофартило”, и она к власти не пришла. Тут идет борьба не на жизнь, а на смерть между двумя программами, двумя противоположными системами принципов, враждебными друг другу направлениями, взглядами, отражающими эти принципы. Этой черной программе троцкистов мы противопоставляем свою программу ликвидации капитализма, ликвидации всех остатков капитализма в нашей стране. Вся Советская страна, рабочие, крестьяне и интеллигенция, под руководством нашей великой партии, партии Ленина — Сталина, под руководством нашего великого вождя и учителя Сталина героически борется за эту программу, неустанно трудится на укрепление нашей государственной независимости, самостоятельности и неприкосновенности наших границ и нашей земли»»¹⁵ (выделено мною. — В.Т.).

Троцкий считал московские процессы закономерным результатом контрреволюционного перерождения Советского государства. Октябрьская революция совершалась под знаменем равенства, но в

¹⁴ Речь государственного обвинителя прокурора СССР тов. А.Я. Вышинского // Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. С. 195.

¹⁵ Там же.

первой половине 1930-х годов в СССР сформировалась, по его словам, «новая аристократия» в лице бюрократии. Она присвоила себе общественную собственность и стала пожирать «огромную часть национального дохода», создавая в советском обществе «чудовищное неравенство». Это вызвало волну народного недовольства. Обрушивать же на голову недовольных кровавые репрессии только потому, что они требовали уменьшения привилегий, бюрократия не могла. «Подложные обвинения против оппозиции» стали поэтому, утверждал Троцкий, «не случайными актами, а системой, вытекающей из нынешнего положения правящей касты»¹⁶.

Свой конфликт со Сталиным Лев Давидович, так же как и его противник, старался представить в виде борьбы противоположных политических программ. «Мы, со своей стороны, — заявлял он, — считаем сталинцев предателями интересов советских народных масс и мирового пролетариата. Нелепо объяснять столь ожесточенную борьбу личными мотивами. Дело идет не только о разных программах, но о разных социальных интересах, которые все более враждебно сталкиваются друг с другом»¹⁷.

Бюрократия — необходимый элемент любого современного государства. Чем больше функций берет на себя государственная власть, тем крупнее и влиятельнее становится ее исполнительный аппарат — бюрократическая система государственного управления. Рост бюрократии начался еще в первые годы существования Советского государства, вследствие широкомасштабного огосударствления экономики. И уже тогда советская бюрократия показывала в своей организации и деятельности серьезные пороки. Превращение Советского государства к середине 1930-х годов в индустриальную державу с коллективизированным сельским хозяйством закономерно вело к резкому расширению государственного аппарата. Бюрократия становилась огромной по своим размерам и могущественной по влиянию на общество корпорацией. Однако сама по себе данная трансформация свидетельствовала скорее о

¹⁶ Троцкий о процессе (Речь к американским рабочим) // Бюллетень оппозиции (большевик-ленинцев. 1937. № 54–55 (март). С. 8.

¹⁷ Там же.

дальнейшем развитии Советского государства, нежели о его классовом перерождении.

Троцкий не мог не понимать этой закономерности. В статье «Классовая природа Советского государства», опубликованной еще в октябре 1933 года в «Бюллетене оппозиции», он писал: «Бюрократия не господствующий класс. Но дальнейшее развитие бюрократического режима может привести к возникновению нового господствующего класса: не органическим путем перерождения, а через контрреволюцию»¹⁸. Поэтому объясняя московские процессы над троцкистами стремлением бюрократии сохранить репрессивными методами свое господствующее положение в стране, Лев Давидович в качестве признака контрреволюционного перерождения Советского государства называл «грандиозную перетасовку личного состава», выдвинувшую на влиятельные должности в органах государственной власти бывших меньшевиков и даже людей, боровшихся с большевиками в стане белогвардейцев. Он приводил много случаев такой «перетасовки» в тексте вышеупомянутой речи перед американскими рабочими, написанном 9 февраля 1937 года¹⁹, но самым очевидным

¹⁸ Троцкий Л.Д. Классовая природа советского государства. (Проблемы Четвертого Интернационала) // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1933. № 36–37.

¹⁹ «Кто писал отвратительные пасквили на подсудимых в «Правде»? — восклицал Троцкий и отвечал: — **Заславский**, бывший столп банковской газеты, которого Ленин в 1917 году именовал в своих статьях не иначе, как “негодяем”». Далее он рисовал еще более мрачную для стойкого большевика-революционера картину: «Бывший редактор «Правды», **Бухарин**, старый большевик, арестован. Главным столпом «Правды» состоит Михаил **Кольцов**, буржуазный фельетонист, который всю гражданскую войну провел в лагере белых. **Сокольников**, участник Октябрьской революции и гражданской войны осужден, как изменник. **Раковский** ждет обвинения. Сокольников и Раковский были послами в Лондоне. Их место занимает ныне **Майский**, правый меньшевик, который во время гражданской войны был министром белого правительства на территории Колчака. **Трояновский**, советский посол в Вашингтоне, объявляет троцкистов контрреволюционерами. Сам он, в первые годы Октябрьской революции состоял в центральном комитете меньшевиков и примкнул к большевикам лишь тогда, когда они стали раздавать привлекательные посты. До того, как стать послом, Сокольников был народным комиссаром финансов. Кто занимает ныне этот пост? **Гринько**, который вместе с белогвардейцами боролся в 1917–1918 гг. в Комитете Спасения против Советов. Одним из лучших советских дипломатов был Иоффе, первый советский посол в Германии, которого травлей довели до самоубийства. Кто заменил его в Берлине? Сперва раскаявшийся оппозиционер Крестинский, затем **Хинчук**, бывший меньшевик, участник контрреволюционного Комитета Спасения, наконец **Суриц**, тоже прошедший 1917 год по другую сторону баррикады. Эту переключку я мог бы продолжить без конца» (Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937. № 54–55 (март). С. 8).

свидетель-ством контрреволюционности сталинской политики считал пребывание на должности прокурора СССР и, следовательно, главного обвинителя в московских процессах **А.Я. Вышинского**.

29 января 1937 года, на следующий день после того, как Андрей Януарьевич произнес свою обвинительную речь на процессе антисоветского троцкистского центра, Троцкий набросал следующую весьма примечательную заметку о нем: «Прокурор Вышинский — не только прокурор, но и символ. Самой судьбою он призван защищать Октябрьскую революцию от старых большевиков. В 1905 году Вышинский был короткое время меньшевиком, затем бросил политику и помирился с режимом царизма. В 1917 году, после низвержения царя, он снова перекрашивается в меньшевика, ведёт бешеную борьбу против Октябрьской революции, а после её победы исчезает на три года с политического горизонта: Вышинский выжидает. Только в 1920 году этот господин вступает в партию большевиков. Ныне он спасает Октябрьскую революцию от всех тех, которые её совершили»²⁰.

«Письмо старого большевика», написанное Б.И. Николаевским на основе бесед о московских процессах с Н.И. Бухариным и другими коммунистами, давало объяснение репрессиям против большевиков-революционеров с позиции интересов Советского государства. Столкнувшись с необходимостью решать значительно более сложные задачи во всех сферах общественной жизни, нежели те, которые стояли перед ним прежде, оно одновременно вынуждено было развернуть широкомасштабную подготовку к противостоянию военной агрессии со стороны ведущих мировых держав, вероятнее всего — Германии и Японии, но возможно и ряда других стран. Новые внутривнутриполитические задачи и внешнеполитические вызовы, вставшие

²⁰ *Trotsky L.D. Prosecutor Vyshinsky // Writings of Leon Trotsky [1936–1937]. New York, 1978. P. 164.* Эта весьма любопытная заметка была сначала опубликована на испанском языке в сборнике статей Троцкого о прошедшем в Москве в конце января 1937 г. судебном процессе по делу антисоветского троцкистского центра, изданном столичным мексиканским издательством «Новая эра (Nueva era)». См.: *Trotsky L. El proceso de Moscu; la intriga mas Grande de la Historia Mexico, 1937.*

перед Советским государством, потребовали притока в органы государственной власти и в аппарат управления новых людей. Большевики, чей характер и мировоззренческие установки сложились в годы подпольной революционной борьбы и в условиях многолетней гражданской войны, в массе своей не могли стать проводниками и рычагами новой государственной политики. Их надо было удалять из пор советской государственности, заменять на других, более молодых и образованных людей, характер и мировоззрение которых не были искорежены разрушительной революцией и кровавой гражданской войной, не были отравлены ядом антигосударственного «коммунистического интернационализма». Страна стояла перед очевидной и неминуемой угрозой военного удара со стороны Западной Европы, поэтому обновление кадрового состава ее государственности необходимо было произвести насколько возможно быстро.

Очерк Б.И. Николаевского «Как подготовлялся Московский процесс» показывает, что среди большевиков были люди, которые вполне это понимали, раз могли сказать: *«Мы все – не строители, а критики, разрушители. В прошлом это было хорошо, теперь, когда мы должны заниматься положительным строительством, это безнадежно плохо»*. Такое признание было сделано при обсуждении репрессивной политики Советского государства, следовательно в этой среде существовало и понимание того, что она стала проводиться и принимать значительно более широкий масштаб и жестокий характер, чем прежде не только из-за стремления покарать преступников, но и по другим, более скрытым, менее заметным мотивам. На эту мысль наводили следующие слова «старого большевика», от имени которого Николаевский написал указанный очерк: *«С таким человеческим материалом скептиков и критиканов ничего прочного построить нельзя, а нам теперь особенно важно думать о прочности постройки советского общества, так как мы идем навстречу большим потрясениям, связанным с неминуемо нам предстоящей войной»*²¹. Это горькое признание Борис Иванович вероятней всего услышал от Н.И. Бухарина во время бесед с ним в марте и апреле 1936 года. Думать так заставляло содержание

²¹ Как подготовлялся Московский процесс (Из письма старого большевика)
// Социалистический вестник. 1937. № 1–2. С. 23.

письма, которое Николай Иванович написал И.В. Сталину 10 декабря 1937 года²². В этом послании было изложено точно такое же понимание смысла политических репрессий, развернувших в то время в СССР, как и в «письме старого большевика», составленном Б.И. Никольским и опубликованном почти за год до этого в «Социалистическом вестнике».

Письмо Бухарина было похоже на исповедь и на прошение одновременно. Он исповедовался перед Сталиным (человеком, который мог стать, но не стал священником) и в то же время просил у него прощения — «прошу у тебя последнего прощенья (душевного, а не другого)». Он просил у него прощенья и одновременно уверял его, что невиновен в тех преступлениях, в которых был обвинен и которые подтвердил на следствии. Николай Иванович не раз показывал себя малодушным и слабохарактерным человеком, но прощения у Сталина он просил не из-за страха перед смертью. «Мне легче тысячу раз умереть, чем пережить предстоящий процесс, — признавался он, — ... Я бы позабыв стыд и гордость, на коленях умолял бы, чтобы не было этого. Но это, вероятно, уже невозможно, я бы просил дать мне возможность умереть до суда»²³.

Бухарин понимал:

— что политические репрессии, обрушенные Сталиным и его сторонниками в партийном и государственном руководстве на большевиков-революционеров, имели в своем основании не только их личные устремления, не только их желание окончательно разгромить оппозицию и тем самым удержать в своих руках власть над страной, но также государственные интересы;

— что решительность и жестокость Сталина в борьбе с бывшими большевистскими вождями проистекала не только и не столько из его человеческих качеств (мировоззрения, черт характера, особенностей психологического склада личности), но, пожалуй, в большей мере из предельно отчетливого сознания своей правоты, из убежденности, что в сложившихся к середине 1930-х годов условиях существования советской страны политические репрессии оказались единственным

²² Оригинальный текст этого письма хранится в Архиве Президента Российской Федерации (Ф. 3. Оп. 24. Д. 427. Л. 13–18. Машинописная копия. Л. 19–22. Автограф).

²³ «Прости меня, Коба...». Неизвестное письмо Н. Бухарина // Источник. Документы русской истории. 1993. № 0. С. 24.

лекарством, способным не только сохранить жизнь молодому государственному организму, но даже оздоровить его.

В письме к Сталину Бухарин с удивительным равнодушием изрекал: «Я, думая над тем, что происходит, соорудил примерно такую концепцию:

Есть какая-то большая и смелая политическая идея генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, б) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает а) виновных, б) подозрительных и с) потенциально-подозрительных. Без меня здесь не могли обойтись. Одних обезвреживают так-то, других – по другому, третьих – по третьему»²⁴.

И в пересказе слов Бухарина в очерке «Как подготовлялся Московский процесс», и в его собственноручном предсмертном письме Сталину выражалась одна и та же мысль, а именно: что политические репрессии против большевиков-революционеров были способом обновления состава правящего слоя СССР, примененным в связи с приближавшейся мировой войной – «с неминуемо нам предстоящей войной», «с предвоенным временем», если говорить бухаринскими словами.

Казалось бы название «предвоенное время» уместно использовать лишь после начала войны, когда точно известно, какие годы были «предвоенными». Но в Советском государстве оно было в ходу еще до второй мировой войны. Время, предшествовавшее этой войне считалось «предвоенным» потому, что ход событий на мировой арене, даже не составлявших тайны узкого круга посвященных, а открытых для всех, не оставлял никаких сомнений в том, что человечество неудержимо идет к новой мировой войне.

Если в судебном процессе по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра, проходившего с 19 по 24 августа 1936 года, на первое место в формуле обвинения было поставлено «совершение ряда террористических актов против руководителей ВКП (б) и советского правительства» с целью захвата власти, то в процессе антисоветского троцкистского центра подсудимые обвинялись прежде всего в руководстве «преступной антисоветской, шпионской,

²⁴ Там же. С. 23.

диверсионной и террористической деятельностью, направленной на подрыв военной мощи СССР, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам в захвате территории и расчленении СССР, свержение советской власти и восстановление в Советском Союзе капитализма и власти буржуазии»²⁵. Если в материалах августовского процесса 1936 года трудно было усмотреть связь репрессивной политики Сталина в отношении большевиков-революционеров с необходимостью готовить советское общество и его государственный организм к отражению военной агрессии иностранных держав, то материалы январского процесса 1937 года со всей очевидностью убеждали в существовании такой связи.

Эту особенность второго московского процесса признавали и сами троцкисты. Неслучайно, сразу по его завершении в троцкистском периодическом издании «Fight for the Fourth International (Борьба за Четвертый Интернационал)» в разделе «Заметки месяца» была опубликована следующая весьма любопытная оценка данного процесса: «Каждое политическое движение в Европе есть подготовка к наступлению мировой войны. Московский процесс не исключение. Сталин смотрит вперед, готовясь к переменам, которые придут в период всеобщей вооруженной борьбы. Националистическая политика внутри России в военное время должна жестоко столкнуться с глубоко укорененным интернационализмом русского рабочего класса. Уже события в Испании составляют угрозу устоям политики [построения] “социализма в одной стране”. Сталин спешит уничтожить “старую гвардию” большевизма из страха перед его традицией и, как показывают его действия, намеревается заложить заряд динамита под пролетарский интернационализм до или во время второй мировой войны»²⁶.

В этом же номере газеты «Борьба за Четвертый Интернационал» была опубликована первая часть статьи известного то время афроамериканского историка Сирила Джеймса «Второй московский процесс». В ней утверждалось, что судебные процессы над

²⁵ Обвинительное заключение // Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. С. 21.

²⁶ Notes of the Month: The Moscow Trial // Fight for the Fourth International. Organ of the Marxist Group (trotskyists). 1937. Vol. 1. No 4. P. 3.

большевиками-революционерами — «это клятва сталинистов буржуазии в том, что они будут добросовестными ее союзниками в грядущей войне»²⁷.

Во второй части упомянутой статьи, опубликованной в апреле 1937 года, Сирил Джеймс, оценивая репрессивную политику Сталина, констатировал: «Сталин порвал с социалистической революцией, и эти судебные процессы являются кульминацией вырождения советской бюрократии. Они должны сокрушить социалистическую революцию внутри и за пределами России»²⁸.

Н.И. Бухарин так же, как и троцкисты, связывал политические репрессии против большевиков-революционеров, развернувшиеся в СССР в середине 1930-х годов, с изменившимся состоянием советской бюрократии, но он обращал внимание более не на классовую ее трансформацию, отмечавшуюся Л.Д. Троцким, а на психологическое перерождение.

В интервью, данном 30 января 1964 года Северину Бялеру и Жанет Загория, Б.И. Николаевский привел весьма примечательный с этой точки зрения разговор с Бухариным. Во время одной из бесед с ним Борис Иванович сказал, что за границей много знают об ужасах коллективизации. Реакция Бухарина была неожиданной для Николаевского: бывший большевистский вождь пришел в неописуемую ярость и со злостью стал выговаривать, что все написанное до сих пор о коллективизации дает лишь слабое представление о том, что происходило в действительности. Он был переполнен впечатлениями о фактах, о которых ему сообщили непосредственные участники коллективизационной кампании, потрясенные тем, чему они стали свидетелями. Впоследствии некоторые из тех коммунистов совершили самоубийство, кто-то сошел с ума, а многие просто ушли из партии, допустившей такое издевательство над народом. Несколько успокоившись, Бухарин сказал: «Я многое видел еще до коллективизации. В 1919 году, когда я предложил ограничить полномочия

²⁷ «The trials are a pledge from the Stalinists to the bourgeoisie of their good faith as allies in the coming war» (*James C.L.R. The Second Moscow Trial // Ibid. P. 5*).

²⁸ «Stalin has broken with socialist revolution, and these trials are the culmination of the degeneration of the Soviet bureaucracy. They have to crush the socialist revolution inside and outside Russia» (*James C.L.R. The Second Moscow Trial // Fight for the Fourth International. Organ of the Marxist Group (trotskyists). 1937. Vol. 1. No 5. P. 9*).

Чека на расстрелы, Владимир Ильич провел решение о назначении меня представителем Политбюро в коллегия ЧК с правом вето. “Пусть сам посмотрит, — говорил Ленин, — и пусть попытается ограничить террор, если это возможно. Мы все будем очень рады, если добьется этого”. И я действительно насмотрелся такого, что моему врагу не пожелаю увидеть. Но год 1919-й ни в коей мере не идет в сравнение с тем, что творилось между 1930 и 1932 годами. В 1919 году мы вели борьбу за свои жизни. Мы расстреливали людей, но мы также постоянно рисковали своими жизнями. Позднее же мы вели массовое истребление совершенно беззащитных мужчин — вместе с их женами и детьми»²⁹.

Самым страшным последствием такой «коллективизации» Бухарин считал, по воспоминаниям Николаевского, не ужасы самой этой кампании, а глубокие перемены в психологическом складе участвовавших в ней коммунистов. Вместо того, чтобы сойти с ума, они стали чиновниками, для которых «террор сделался с тех пор нормальным методом управления, а повиновение любому приказу сверху — высшей добродетелью. «Они больше не являются людьми, — сказал о них Бухарин, — они в действительности теперь винтики какой-то чудовищной машины. Идет настоящее расчеловечивание людей, работающих в советском аппарате, — процесс трансформации советской власти в какую-то империю «железной пяты (iron heel)”^{30»³¹.}

Н.И. Бухарин являлся частицей большевизма — он жил в нем и вместе с ним, был напитан его духом, нес на себе бремя его преступлений, был причастен к его достижениям. Большевизм был его судьбой — и жизнью, и смертью. Несмотря на это «любимец партии», как называл его Ленин, обладал редкой способностью взглянуть на большевизм, хотя бы иногда, как бы со стороны и тем самым догадаться о многих его мрачных и величайших тайнах. У него не было никаких шансов выжить в круговерти политических

²⁹ An Interview with Boris Nicolaevsky // *Nicolaevsky B.I. Power and the Soviet Elite. “The Letter of an Old Bolshevik” and Other Essays* / Edited by Janet D. Zagoria. New York, Washington, London, 1965. P. 18.

³⁰ По свидетельству Николаевского, Бухарин использовал в данном случае для характеристики Советского государства середины 1930-х гг. слова, образующие название романа-антиутопии американского писателя Джека Лондона «The Iron Heel»..

³¹ An Interview with Boris Nicolaevsky . P. 18–19.

репрессий, которая уже существовала, кажется, сама по себе и для всех несла угрозу.

2

Подготовка судебного разбирательства в отношении Н.И. Бухарина началась еще летом 1936 года. 21 августа на вечернем заседании процесса троцкистско-зиновьевского террористического центра после допроса подсудимых государственный обвинитель А.Я. Вышинский сообщил, что днем ранее им было сделано распоряжение о начале расследования заявлений Каменева, Зиновьева и Рейнгольда о причастности Бухарина³², а также Томского, Рыкова, Угланова, Радека, Пятакова, Серебрякова и Сокольникова к преступной контрреволюционной деятельности. На следующий день это заявление прокурора СССР было опубликовано в газетах³³.

Бухарин пребывал в это время в поездке по Памиру. Вынужденный ее прервать из-за болезни сопровождавшего его помощника, он 23 августа приехал в город Фрунзе и здесь прочитал о показаниях подсудимых против него. Сразу же отправился в Ташкент, откуда выслал телеграмму Сталину с выражением своего возмущения³⁴ и на самолете вылетел в Москву, несмотря на запрет ответственным работникам летать на аэропланах без разрешения ЦК ВКП (б). Приехав домой вечером 26 августа, Николай Иванович бросился читать газетные публикации о процессе, после чего написал письмо членам Политбюро ЦК ВКП(б) и прокурору СССР, в котором попытался убедить их в своей полной невиновности и в безоговорочной приверженности Сталину и его политике.

³² И.И. Рейнгольд, рассказывая на допросе во время вечернего судебного заседания 19 августа о составе троцкистско-зиновьевского центра, сообщил, что велись переговоры о совместной деятельности с «леваками», а также «с представителями правого уклона: Рыковым, Бухариным и Томским». «Мы рассчитывали на правую группу Рыкова, Бухарина, Томского», — признавался во время допроса на утреннем заседании 20 августа Л.Б. Каменев (Правда. 1936. № 230 (6836). 21 августа. С. 2).

³³ См., например: Правда. 1936. № 231 (6837). 22 августа. С. 4.

³⁴ Текст данной телеграммы, оригинал которой хранится в Архиве Президента РФ (Ф. 3. Оп. 24. Д. 235. Л. 118), был следующим: «ЦК ВКП(б) т. Сталину. Только что прочитал клеветнические показания мерзавцев. Возмущен глубины души. Вылетаю Ташкента самолетом 25 утром. Прошу извинить это нарушение. 24/VIII. Бухарин».

«Я не только не виновен в приписываемых мне преступлениях, — уверял Николай Иванович в своем оправдательном послании, — но могу с гордостью сказать, что защищал все последние годы, и притом со всей страстностью и убежденностью, линию партии, линию ЦК, руководство Сталина»³⁵. Показания подсудимых против него Бухарин называл клеветой и, отрицая свое участие в оппозиции руководству ВКП (б), настаивал: «После познания и признания своих ошибок... я во всех областях с подлинной убежденностью защищал линию партии и сталинское руководство. Я считал и считаю, что только дураки (если вообще хотеть социализма, а не чего-то ещё) могут предлагать “другую линию”... Ведь только дурак (или изменник) не понимает, что за победоносные вехи: индустриализация, коллективизация, уничтожение кулачества, две великие пятилетки, забота о человеке, овладение техникой и стахановство, зажиточная жизнь, новая Конституция. Ведь только дурак (или изменник) не понимает, что за лавиные прыжки сделала страна, вдохновлённая и направляемая железной рукой Сталина. И противопоставлять Сталину пустозвонного фанфарона или пискливого провизора-литератора можно только выживши из ума»³⁶.

Бухарин не назвал имени человека, которого охарактеризовал столь уничижительными словами, но было очевидно, что в данном случае имелся в виду Троцкий. В конце письма Николай Иванович высказался о нем еще более резко: «Что мерзавцев расстреляли — отлично: воздух сразу очистился. Процесс будет иметь огромное международное значение. Это — осинový кол, самый настоящий, в могилу кровавого индюка, налитого спесью, которая привела его в фашистскую охранку»³⁷.

8 сентября 1936 года Бухарин присутствовал вместе с Рыковым на допросе Г.Я. Сокольников, находившегося под арестом и следствием по делу об антисоветском троцкистском центре. Очная ставка проводилась Вышинским в присутствии секретарей ЦК ВКП (б) Л.М.

³⁵ Письмо Н.И. Бухарина членам Политбюро ЦК ВКП (б) и А.Я. Вышинскому. 27 августа 1936 г. // Источник. Документы русской истории. 1993. № 2. С. 7.

³⁶ Там же. С. 8.

³⁷ Там же. С. 11.

Кагановича и Н.И. Ежова. Прокурор СССР спросил Сокольникова: «Почему у вас в центре возникла мысль о привлечении к участию в блоке группы правых?»³⁸ Сокольников ответил, что эта мысль была не случайной, поскольку еще в 1932 году некоторые члены центра вели переговоры о заключении блока, Каменев вел переговоры с Рыковым и Бухариным, Зиновьев — с Томским. «Все эти лица были осведомлены о террористических планах центра и подготовке практических террористических мероприятий»³⁹. «Чем окончились переговоры с группой правых в 1932 году?» — снова спросил Вышинский. Сокольников в ответ сказал, что эти переговоры не увенчались полным успехом, так как правые не вошли в то время в блок, Хотя и «согласились на контакт и взаимную политическую информацию»⁴⁰. Из дальнейших показаний Сокольникова следовало, что его переговоры с Томским о вступлении правых в блок троцкистов и зиновьевцев имели место и в 1934, и в 1935 году. В конце концов Томский дал, по словам Сокольникова, положительный ответ на предложение вступить в этот блок, «подтвердив, что он действует от имени и Бухарина, и Рыкова, которыми он уполномочен войти в центр»⁴¹.

Присутствовавший на этом допросе Н.И. Ежов спросил Сокольникова, есть ли у него прямые факты участия Рыкова и Бухарина в троцкистско-зиновьевском блоке? Сокольников ответил, что таких фактов он не имеет, об участии Рыкова и Бухарина в этом блоке ему стало известно от Томского, Радека и Серебрякова. В конце очной ставки с Бухариным Сокольников повторил данное утверждение, заявив: «Я подтверждаю, что о террористическом уклоне БУХАРИНА я знаю со слов КАМЕНЕВА, ТОМСКОГО и ПЯТАКОВА»⁴². При редактировании текста стенограммы очной

³⁸ Из материала очных ставок Г.Я. Сокольникова и А.И. Рыкова, Г.Я. Сокольникова и Н.И. Бухарина, произведенных 8 сентября 1938 г. прокурором СССР А.Я. Вышинским в присутствии секретаря ЦК ВКП (б) Л.М. Кагановича и председателя КПК и секретаря ЦК ВКП (б) Н.И. Ежова // Декабрьский пленум ЦК ВКП (б) 1936 года: Документы и материалы. М., 2017. С. 233.

³⁹ Там же. С. 234.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Протокол очной ставки Г.Я. Сокольникова и Н.И. Бухарина // РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 176. Л. 30.

ставки прежде, чем передать его секретарю ЦК ВКП (б) Кагановичу, замещавшему Сталина во время его отпуска, Вышинский приведенное заявление вычеркнул. Однако предшествовавшие ему слова Сокольников о том, что с 1929 года у него с Бухариным «никаких личных отношений уже не было», оставил. Андрей Януарьевич не мог не понимать, что судьба Бухарина Сталиным уже была решена, но материалов для возбуждения против него уголовного дела явно не хватало. К тому же Бухарин, как политический деятель, принадлежавший к когорте первых большевистских вождей — соратников Ленина, имел большой авторитет и поддержку в партийной и общественной среде. Заставить коммунистическую партию и советское общество в целом поверить в то, что он оказался причастным к террористической деятельности и пошел в борьбе со Сталиным на государственную измену было невозможно одним фактом выдвижения против него прокуратурой СССР обвинений в совершении этих преступлений. Очевидно, что такие обвинения могли быть выдвинуты против Бухарина только после проведения массивной идеологической кампании по его дискредитации как политического деятеля и человека. Сделанное Вышинским 21 августа 1936 года на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра заявление о начале расследования показаний подсудимых о причастности Бухарина к преступной контрреволюционной деятельности, было в сущности одним из актов этой кампании.

По окончании очной ставки Сокольников с Рыковым и Бухариным Каганович, оставшись наедине с Бухариным, сказал, что по его мнению, Сокольников все врет и у Николая Ивановича нет причин для беспокойства⁴³. «Но почему он врет, Лазарь Моисеевич, — оживился Бухарин, — ведь этот вопрос надо выяснить». «Будем выяснять, обязательно будем выяснять, Николай Иванович»⁴⁴, — сказал Каганович. Бухарин в ответ потребовал, чтобы прокуратура СССР опубликовала заявление о прекращении расследования в отно-

⁴³ Выступая на декабрьском Пленуме ЦК ВКП (б) 1936 года, Бухарин, вспоминая об этом эпизоде, сообщит: «У меня была одна единственная очная ставка с Сокольниковым. После очной ставки т. Каганович мне сказал, что “у нас впечатление такое, что вы к этому делу отношения не имеете”» (Стенограмма заседания Пленума ЦК ВКП (б). 4, 7 декабря 1936 г. // Декабрьский пленум ЦК ВКП (б) 1936 года: Документы и материалы. С. 47).

⁴⁴ Цит. по: *Ларина-Бухарина А.М. Незабываемое*. М., 2002. С. 356.

шении его за отсутствием состава преступления, добавив, что только в этом случае он сможет приступить к работе⁴⁵.

10 сентября 1936 года центральные газеты опубликовали сообщение «В Прокуратуре Союза ССР», в котором говорилось: «В настоящее время Прокуратурой Союза ССР закончено расследование по поводу сделанных на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра в Москве 19 и 20 августа с.г. некоторыми обвиняемыми указаний о причастности в той или иной степени к их преступной контрреволюционной деятельности Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова. Следствием не установлено юридических данных для привлечения Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова к судебной ответственности, в силу чего настоящее дело дальнейшим следственным производством прекращено»⁴⁶. Расследование в отношении Бухарина и Рыкова объявлялось законченным не по причине отсутствия в их деяниях состава преступления, но лишь потому, что не были обнаружены юридические основания для возбуждения уголовного дела. Решение вопроса о привлечении Бухарина и Рыкова к судебной ответственности было таким образом лишь отложено на какое-то время. Оно могло затянуться на длительный срок. Ведь предстояло **не просто обнаружить** факты преступной деятельности Бухарина, **но и превратить в таковые** вполне законные политические действия. Для осуществления такой операции требовался в высшей степени искусный правовед. Судебный процесс над большевистским деятелем ранга Бухарина мог быть только открытым. А это значит — юридические основания для его осуждения должны были отличаться особой убедительностью.

Будучи прокурором СССР, то есть главным государственным обвинителем по своей должности, А.Я. Вышинский вел подготовку всех значимых судебных процессов 1936–1938 годов. Но самым сложным, самым трудным для него был процесс, в котором в группе

⁴⁵ Н.И. Бухарин занимал в то время должность главного редактора газеты «Известия».

⁴⁶ Правда. 1936. № 250 (6856). 10 сентября. С. 2. Накануне публикации текст сообщения из прокуратуры СССР был согласован Кагановичем со Сталиным. См.: Письмо Л.И. Кагановича И.В. Сталину. 9 сентября 1936 г. // Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 671.

подсудимых находился Бухарин. Не случайно подготовка этого процесса заняла полтора года.

14 сентября 1936 года секретарь ЦК ВКП (б) Каганович в очередном письме Сталину выразил свое отношение к участникам прошедшей очной ставки. «Сокольников производит впечатление озлобленного уголовного бандита, выкладывающего без малейшего смущения план убийства и их работу в этом направлении», — написал он. — Рыков держал себя довольно выдержанно и все допытывался у Сокольникова, знает ли он об участии Рыкова только со слов Томского или еще кого-то... Бухарин после ухода Сокольникова пустил слезу и все просил ему верить. У меня осталось впечатление, что может быть они и не поддерживали прямой организационной связи с троцкистско-зиновьевским блоком, но в 32–33, а может быть, и в последующих годах, они были осведомлены о троцкистских делах. Видимо, они, правые, имели свою собственную организацию, допуская единство действий снизу... во всяком случае, правую подпольную организацию надо искать, она есть. Я думаю, что роль Рыкова, Бухарина и Томского еще выявится»⁴⁷. Лазарь Моисеевич знал, что подготовка судебного процесса над Бухариным будет продолжена, несмотря на заявление прокуратуры СССР о завершении расследования показаний бывших большевистских вождей о причастности его к преступной контрреволюционной деятельности. Совсем неслучайным было поэтому восклицание Кагановича в конце письма Сталину: «Хорошо, что громим всех этих троцкистско-зиновьевских подлецов до конца»⁴⁸.

Н.И. Бухарин являлся главным идеологом и одним из руководителей так называемой «правой оппозиции» в ВКП (б), выступившей в конце 20-х годов против проводившейся Сталиным и его сторонниками политики сворачивания НЭПа, ускоренной индустриализации и коллективизации ее сельского хозяйства. Такой путь развития страны был, по мнению Сталина, жизненно необходимым, поскольку обеспечивал ее экономическую самостоятельность и позволял вооружить сельское хозяйство машинами и тракторами, то есть

⁴⁷ Письмо Л.И. Кагановича И.В. Сталину. 9 сентября 1936 г. // Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 677–678.

⁴⁸ Там же. С. 678.

удовлетворить не только личные потребности крестьянина, но и производственные нужды крестьянского хозяйства. Ускоренная индустриализация, хотя и ложилась сверхтяжким бременем на советское общество, позволяло спасти его от порабощения иностранными державами хотя бы уже тем, что достаточно быстро создавала основу для формирования в СССР эффективного военно-промышленного комплекса, без которого невозможно было в то время отразить военный удар со стороны западных держав, а в силу стечения объективных обстоятельств такой удар неизбежно должен был последовать в ближайшие годы. В этих условиях любая политическая группировка, выступавшая против ускоренной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, против всего того, что обеспечивало выживание Советского государства, воспринималась Сталиным не только враждебной, но и преступной, даже при отсутствии каких-либо юридических оснований для такой оценки.

В речи «О правом уклоне в ВКП (б)», произнесенной в апреле 1929 года на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б), Сталин говорил, критикуя Бухарина, что у него «исходным пунктом является не быстрый темп развития, индустрии, как рычага реконструкции сельскохозяйственного производства, а развитие индивидуального крестьянского хозяйства. У него на первом плане “нормализация” рынка и “допущение свободной игры цен на рынке сельскохозяйственных продуктов, допущение полной свободы частной торговли... Ну, а как быть, если все же не хватит товарного хлеба? Бухарин отвечает на это: не тревожьте кулака чрезвычайными мерами и ввезите хлеб из-за границы. Он еще недавно предлагал ввезти хлеб из-за границы миллионов 50 пудов, т.е. миллионов на 100 рублей валютой. А если валюта нужна для того, чтобы ввезти оборудование для индустрии? Бухарин отвечает на это: надо дать предпочтение ввозу хлеба из-за границы, отставив, очевидно, на задний план ввоз оборудования для промышленности»⁴⁹. После таких замечаний вполне логичным было

⁴⁹ *Сталин И.В.* О правом уклоне в ВКП (б). Речь на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в апреле 1929 г. // *Сталин И.В. Сочинения.* Т. 12. М., 1949. С. 60–61. Абдурахман Авторханов (1908–1997), учившийся в то время в Институте красной профессуры, составлявшем один из оплотов Бухарина, утверждает в своих воспоминаниях: «То, что потом Сталин

следующее заключение Сталина: «Борьбу с правым уклоном нельзя рассматривать, как второстепенную задачу нашей партии. Борьба с правым уклоном есть одна из решающих задач нашей партии. Если мы в своей собственной среде, в своей собственной партии, в политическом штабе пролетариата, который руководит движением и который ведет вперед пролетариат, — если мы в этом самом штабе допустим свободное существование и свободное функционирование правых уклонистов, пытающихся демобилизовать партию, разложить рабочий класс, приспособить нашу политику ко вкусам “советской” буржуазии и спасовать, таким образом, перед трудностями нашего социалистического строительства, — если мы все это допустим, то что это будет означать? Не будет ли это означать, что мы готовы спустить на тормозах революцию, разложить наше социалистическое строительство, сбежать от трудностей, сдать позиции капиталистическим элементам?»⁵⁰

Этот вывод относительно «правой оппозиции» уже тогда, в 1929 году, предвещал ей скорый политический разгром, а ее лидерам и рядовым членам готовил несчастную личную судьбу.

Архивные материалы показывают, что в сентябре и октябре 1936 года НКВД значительно активнее стал вести сбор материалов, дискредитировавших Бухарина. Начались допросы лиц, входивших в круг его соратников по политической деятельности, с целью получить факты, которые могли быть использованы как основание для возбуждения против него уголовного дела. К несчастью для Бухарина

приписывал правым, — будто они были против этой общей политики в развитии промышленности и сельского хозяйства, — было лишено всякого основания. Не в том правые расходились со Сталиным, что надо повести дело к социализму, не в том, что надо проводить индустриализацию, не в том, что надо держать курс на социалистическое сельское хозяйство, а в том, *как и какими методами* все это делать» (Авторханов А. Технология власти. Frankfurt/Main, 1976. С. 162). В действительности вопрос о методах индустриализации страны и коллективизации ее сельского хозяйства был вопросом об их темпах. В условиях, когда СССР должен был готовиться к военному столкновению с Западным миром, этот вопрос приобретал первостепенное значение. Сталин считал, что у Советского государства не было столько времени для мирного развития, которого требовало осуществление индустриализации методами, предлагавшимися Бухариным. И разве события Великой Отечественной войны не доказали, что ускоренная индустриализация СССР была, хотя и жестоким, но необходимым для спасения страны шагом?

⁵⁰ Там же. С. 105.

многие из бывших его сторонников пошли на сотрудничество с НКВД и представили весьма подробные свидетельства о политической деятельности правой оппозиции.

Одним из таких людей оказался *Павел Флегонтович Сапожников* (1897–1937), отбывавший в то время ссылку в Свердловской области. Он был выпускником Института красной профессуры. В 1929–1931 годах занимал пост ректора Воронежского государственного университета, затем в течение года был ректором сельскохозяйственного института, профессором Планового института и членом президиума Облплана в Воронеже. В ряды большевистской партии П.Ф. Сапожников вступил в 1918 году. С 1928 года примыкал к так называемой «правой оппозиции» в ВКП (б), во главе которой стояли такие видные большевистские деятели, как Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский. Сапожников являлся руководителем воронежской партийной группировки «правых», но регулярно посещал Москву и участвовал в совещаниях центральной группы «правой оппозиции».

16 апреля 1933 года Сапожников был постановлением коллегии ОГПУ на основании статьи 58-10 УК РСФСР приговорен к лишению свободы сроком на три года по делу о так называемой «антипартийной контрреволюционной группы правых Слепкова и других» («Бухаринская школа»), по которому проходило 38 молодых советских интеллигентов, занимавшие руководящие посты в центральных и местных идеологических, плановых и хозяйственных учреждениях⁵¹. Лишение свободы Сапожников отбывал в Суздальском политизоляторе, из которого весной 1936 года его выпустили и отправили в ссылку в Свердловскую область.

8 сентября 1936 года П.Ф. Сапожников обратился с личным письмом к Сталину, в котором сообщил, что испытывает глубокую душевную радость от того, что «справедливый приговор Верховного суда по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра приведен в исполнение» и все «чудовищно наглые двурушники и

⁵¹ См.: Справка по делу так называемой «антипартийной контрреволюционной группы правых Слепкова и других» («Бухаринская школа»), подготовленная на основании архивных материалов, хранящихся в Центральном архиве КГБ СССР. 1989 г. / Сост. А. Сухарев, В. Крючков // Российский государственный архив новейшей истории (далее: РГАНИ). Ф. 107. Оп. 1. Д. 38. Л. 11-36 (машинописная копия).

провокаторы», «политические бандиты, потерявшие человеческие чувства и облик, проклятые в века враги народа, — подручные иуды из иуд фашиста Троцкого и его хозяина Гитлера, агенты озверелой белогвардейщины и гестапо, убившие тов. Кирова», готовившие покушение против Сталина — «любимого отца и вождя народов СССР», — «наконец расстреляны, сметены с лица земли железной рукой пролетарской диктатуры»⁵².

Письмо Сапожникова было навеяно дошедшим до него из сообщения прокуратуры СССР известием о начале расследования деятельности руководителей «правой оппозиции», к которой он сам когда-то принадлежал. «Я горячо приветствую, — писал Павел Флегондович Сталину, — заявление прокурора СССР тов. Вышинского о привлечении к уголовной ответственности контрреволюционеров Сокольникова и Серебрякова и о полном расследовании причастности Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова, Радека и Пятакова к преступной заговорщической деятельности расстрелянных врагов народа. Я хочу вновь подчеркнуть при этом, что мое собственное тяжелое контрреволюционное прошлое, с которым я порвал полностью и безвозвратно, мой постыдный и преступный “опыт” участия в двурушнической к.-р. группе Слепкова-Марецкого⁵³ и моя прежняя двурушническая связь с лидерами правых, особенно с Н. Бухариным, этим насквозь двуличным и лицемерным обманщиком партии, говорят мне о том, что все контрреволюционные группы правой оппозиции и ее лидеры, являясь агентурой кулачества, были так или иначе связаны с троцкистско-зиновьевской террористической шайкой, этим передовым отрядом международной контрреволюции, или в той или в иной мере, по ее вражьиим стопам, заимствовали от нее методы прожженного лицемерия и подлого двурушничества, заговорщические замыслы и преступные планы борьбы против партии и нашего великого, непоколебимого руководства»⁵⁴.

⁵² Письмо П.Ф. Сапожникова в ЦК ВКП (б) Иосифу Виссарионовичу Сталину (лично). 8 сентября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 245. Л. 52 (рукописи). Л. 47 (машинописной копии).

⁵³ П.Ф. Сапожников имеет в виду группу «правой оппозиции, которую возглавляли А.Н. Слепков (1899–1937) и Д.П. Марецкий (1901–1937).

⁵⁴ Письмо П.Ф. Сапожникова в ЦК ВКП (б) Иосифу Виссарионовичу Сталину. Л. 52об. (рукописи). Л. 48 (машинописной копии).

В конце письма Сапожников благодарил Сталина за то доверие, которое вождь, партия и советская власть оказали, дав возможность и счастье порвать с «тяжелым контрреволюционным прошлым и быть свободным гражданином великой социалистической родины»⁵⁵.

Подобное письмо Сапожников написал и руководству НКВД, в связи с чем был вызван в Москву. Здесь Павел Флегонтович якобы составил записку о «двурушнической и террористической деятельности контрреволюционной организации правых», возникшей в конце 1928 – начале 1929 года и активно действовавшей в период с 1930 по 1932 год. Этот объемный документ, изложенный на 129 машинописных страницах⁵⁶ и датированный 1 октября 1936 года, был явно направлен против Бухарина. Он содержал сведения о довольно большой группе членов ВКП (б), входивших в организационные структуры «правой оппозиции», об их многочисленных совещаниях, планах и замыслах. Этими сведениями не мог обладать один человек, пусть он был и весьма активным оппозиционным деятелем, находился в постоянном общении со многими своими соратниками. Сапожников по всей видимости только подписал данную записку, составленную в действительности в самом Наркомате внутренних дел на основании фактов, сообщенных следователям арестованными оппозиционерами или полученных от агентов НКВД, внедренных в среду «правой оппозиции».

Как бы то ни было, записка о контрреволюционной организации правых давала первые юридические основания для привлечения Бухарина к уголовной ответственности. Правда, они были весьма шаткими. Сведения, изложенные в записке, относились преимущественно к периоду с 1929 по 1932 год, и надо было сильно постараться, чтобы убедить всех, что описанная в ней разветвленная, охватывающая все крупные города Советского Союза сеть контрреволюционной организации правых, ставящей своей целью захват власти в коммунистической партии и Советском государстве и реставрацию капитализма, продолжала существовать в 1936 году.

⁵⁵ Там же. Л. 51. Л. 53об.

⁵⁶ См.: Записка П.Ф. Сапожникова о двурушнической и террористической деятельности к[онтр-]р[еволюционной] организации правых. 1 октября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 245. Л. 56–184.

Представленные в записке оценки «правой оппозиции» были в ходу еще в конце 20-х годов. Они открыто звучали в речах на пленумах ЦК ВКП (б) и в газетных публикациях. Так, организация правой оппозиции, к которой принадлежал и сам Сапожников, называлась в подписанной им записке «контрреволюционной» и характеризовалась как «организационно-оформившаяся подпольная агентура к[онтр]р[еволюционного] кулачества в рядах партии, имевшая своей целью сорвать наступление социализма, ускоренную индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства и ликвидацию класса кулачества, то есть сорвать победоносное осуществление ленинско-сталинской генеральной линии партии, перевести затем политику партии и советского государства на правый, кулацкий, реставраторский путь и свободной рыночной конкуренцией, “мирным, плавным” развитием капиталистических отношений (именуемым, по лицемерной бухаринской терминологии правых, “мирным вращением в социализм” кулака и др. капиталистических элементов хозяйства) обеспечить “спуск на тормозах” — к восстановлению капитализма в СССР»⁵⁷.

Указанный в записке Сапожникова путь, избранный правыми для достижения своих целей, также не был откровением. Более того, он являлся вполне законным, поскольку предполагал победу на выборах в партийные комитеты. «Основной целью фракционной организации правых являлась задача, — констатировалось в записке: — создав мощную правую организацию в партии и сосредоточив в ее руках важнейшие звенья аппарата московской организации партии, печати, госаппарата, профсоюзов, вузов и научных учреждений, в “благоприятный” для правых момент выступить, опираясь на эти звенья, широким фронтом против партии и сталинского ЦК, добиться в партии большинства, отодвинуть от руководства всех сторонников товарища Сталина и ленинской линии партии, создать правый ЦК и правое П[олит]б[юро] и обеспечить затем всей мощью партийного, государственного и профсоюзного аппарата, которыми правые тогда владеют, “мирное, плавное вращение кулака в социализм”, т.е.

⁵⁷ Там же. Л. 56.

фактически – “мирное” развитие капиталистических отношений в стране и реставрацию капитализма в СССР»⁵⁸.

Характеристика структуры и состава «контрреволюционной организации правых» начиналась в записке с ее руководства, которое образовывали Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский и Н.А. Угланов. При этом особо отмечалось, что «руководящую идеологическую и политическую роль в этом к.-р. Центре правых играл Н. Бухарин; он являлся основным поставщиком кулацких идей и платформ правых, он вырабатывал все важнейшие политические документы правых, он давал к.-р. Организации правых главнейшие тактические и организационные директивы, он являлся “душой” к.-р. центра и всей к.-р. организации правых; сформулированные им теоретико-политические установки правых, его “теоретическая” подкованность, его опыт прошлой антиленинской фракционной борьбы, его “испытанный” политический беспринципный эклектизм, его политическое лицемерие и его озлобленность против тов. Сталина и сталинского ЦК, – все это, естественно, выдвинуло его, Бухарина, на роль руководящего идеолога и политического лидера центра и всей к.-р. организации правых»⁵⁹.

Негативные оценки партийных деятелей, составлявших контрреволюционную организацию правых, касались в рассматриваемой записке и того, кем она была подписана. После характеристики «убежденнейшего правового» А. Зайцева, «одного из крайних правых членов московского центра контрреволюционной бухаринской организации правых» Э. Гольденберга, «одного из наиболее стойких правых» П. Александрова шло описание Сапожникова. В нем отмечалось, что «П. Сапожников был правым, разделявшим полностью кулацко-реставраторскую идеологию Н. Бухарина, являлся активным членом московского центра бухаринской контрреволюционной организации правых и организатором и руководителем воронежской контрреволюционной организации правых», что «докатился до террористических настроений и высказываний и был связан с другими террористически и

⁵⁸ Там же. Л. 58–59.

⁵⁹ Там же. Л. 59–60.

заговорщически настроенными к.-р. двурушниками», что «в 1935 г. разоружился и целиком порвал с правыми и их к.-р. идеологией»⁶⁰.

Характеристика личного состава «московского центра бухаринской к.-р. организации правых» завершалась в записке Сапожникова свидетельством, которое при своей доказанности вполне могло стать юридическим основанием для возбуждения уголовного дела против Бухарина и его сторонников. «Московский центр этой организации и особенно его секретариат, — утверждалось в ней, — возглавлял целую сеть местных правых к.-р. организаций, созданных членами московского центра бухаринской правой организации по директиве Н. Бухарина, являвшихся местными ячейками этой контрреволюционной организации. Эти ячейки, т.е. местные организации бухаринской к.-р. организации правых создавались на началах строгой конспирации и состав их не был известен членам московского центра»⁶¹. Зачем понадобилась такая конспирация, в записке говорилось довольно откровенно. Сапожников утверждал, например, что на частных совещаниях секретариата бухаринской контрреволюционной организации, «на которых присутствовали другие члены московского бухаринского центра, в том числе и я, а также на отдельных совещаниях с Бухариным обнаруживались гораздо более глубокие контрреволюционные намерения правых, а именно: заговорщические замыслы о “дворцовом перевороте” и террористические настроения»⁶².

Данное утверждение подкрепляется целым рядом свидетельств, вызывающих доверие. Так, А. Авторханов привел в своих воспоминаниях весьма любопытное высказывание одного из своих товарищей по учебе в Институте красной профессуры Сорокина. Обсуждая победу Сталина над Бухариным во время прошедшего с 16 по 23 апреля 1929 года Пленума ЦК ВКП (б), он заметил, что Сталина «можно предупредить и по-сталински, то есть ответить на подлость подлостью, и

⁶⁰ Там же. Л. 78. Покаянное письмо Сталину и разоблачающая Бухарина и его соратников записка не помогли П.Ф. Сапожникову сохранить свою жизнь. 30 декабря Павел Флегонтович будет арестован, ему предъявили обвинение в участии в антисоветской террористической организации и предали суду. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу. 15 мая 1937 г. приговор привели в исполнение.

⁶¹ Там же. Л. 80.

⁶² Там же. С. 120.

профилактически, то есть хирургическим ножом». По воспоминанию Авторханова, произнеся эти слова, Сорокин сделал паузу, как бы давая ему время переварить сказанное, и затем сказал: «Государственный переворот не есть контрреволюция, **это только чистка партии одним ударом от собственной подлости.** Для этого не нужен и столичный гарнизон Бонапарта. Вполне достаточно одного кинжала советского Брута и двух слов о покойнике перед возмущенной толпой фанатиков: “Не потому я Цезаря убил, что любил его меньше, но потому, что я любил Рим больше!”»⁶³ (выделено мною. — В.Т.).

Подобным образом думали и говорили тогда многие противники Сталина. Они не догадывались и вряд ли могли предположить, что Сталин будет знать эти их мысли и слова так, будто они произносили их в его присутствии...

3

Руководители НКВД регулярно информировали секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина о ходе расследований, которые велись относительно участников различных оппозиционных группировок⁶⁴. Решения о предании их суду, о назначении судей и обвинителей, а также о том, каким должен быть судебный приговор, принимались от имени Политбюро ЦК ВКП (б). Высший партийный орган фактически брал на себя функции и прокуратуры и суда. Прокурор СССР А.Я. Вышинский не оставался при этом в стороне, но его роль была в таких случаях чисто вспомогательной и сводилась лишь к идеологическому и юридическому оформлению решений, принятых высшим партийным руководством.

Между тем, как показывают архивные документы, многие постановления Политбюро о судебных процессах по делам оппозиционных партийных деятелей принимались без какого-либо обсуждения и даже без проведения заседания, а просто путем опроса,

⁶³ Авторханов А. Технология власти. С. 255.

⁶⁴ В Российском государственном архиве социально-политической истории (ф. 17, оп. 171) сохранилось несколько сотен записок Г.Г. Ягоды, Н.И. Ежова и их заместителей И.В. Сталину, в которых сообщались результаты допросов партийных деятелей, находившихся под следствием. К этим запискам, как правило, прилагались полные протоколы допросов.

в результате которого члены Политбюро утверждали заранее подготовленное по распоряжению И.В. Сталина или написанное им самим решение.

Выписка из протокола заседания Политбюро, датированная 16-м ноября 1936 года, показывает, что именно таким способом принималось решение о судебном процессе по делу «троцкистской диверсионной группы», прошедшем с 19 по 22 ноября в Новосибирске. Полный текст постановления Политбюро с пометкой «строго секретно» был следующим:

«1. Назначить судебный процесс по делу троцкистской диверсионной группы в Западно-Сибирском крае, произведшей 23-го сентября 1936 г. взрыв на шахте “Центральная” Кемеровского рудоуправления, на 19-е ноября 1936 г. в г. Новосибирске.

Для ведения процесса выслать в Новосибирск выездную сессию Военной Коллегии Верховного Суда под председательством т. Ульриха.

2. Обвинителем по данному делу назначить т. Рогинского.

3. Вызвать на суд в качестве свидетелей:

а) арестованных по делу троцкистской подпольной контрреволюционной организации и проходящих по данному делу Дробниса, Шестова и Строилова.

б) Пострадавших от взрыва рабочих шахты “Центральная” Поцелуенко, Боброва и Чекалина.

Вызвать в качестве экспертов на суд начальника Горнотехнической инспекции Наркомтяжпрома СССР – Гриндлера и инспекторов Западно-Сибирского горного надзора Левикова и Шувалова.

4. Судебный процесс вести при открытых дверях. Обвинительное заключение и приговор полностью опубликовать в местной печати и сокращенно в центральных газетах; о ходе процесса помещать краткие сообщения в центральных и местных газетах. Организацию освещения судебного процесса в печати поручить т.т. Талю, Эйхе, Вышинскому и Агранову.

5. Всех обвиняемых, в том числе и германского подданного Штиклинга, приговорить к высшей мере наказания — расстрелу»⁶⁵.

Для принятия подобных решений требовались соответствующие юридические основания. Материалы, дававшие повод привлечь того или иного партийного деятеля к судебной ответственности, предоставлялись Наркоматом внутренних дел.

Судьба Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова решалась на двух пленумах ЦК ВКП (б), проходивших 4 и 7 декабря 1936 года и с 23 февраля по 5 марта 1937 года. Юридическое основание для обвинения лидеров правой оппозиции в государственных преступлениях составили показания их арестованных соратников, данные во время допросов следователями НКВД.

Так, директор Библиотеки имени В.И. Ленина, член РСДРП со времени ее основания, авторитетный большевик Владимир Иванович Невский, арестованный еще в феврале 1935 года, 24 октября 1936 года написал заявление на имя наркома внутренних дел Н.И. Ежова, в котором признал себя «виновным в принадлежности к контрреволюционной организации правых». «Эта вина, — добавил он к этому признанию, — увеличивается еще и тем, что контрреволюционная организация правых, в которую я входил, стояла на террористических позициях, исходя из коих блокировалась с троцкистами и зиновьевцами. Во главе контрреволюционной организации правых стоял всесоюзный центр, в который, как мне известно, входили Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский и Угланов»⁶⁶. 1 ноября это заявление было направлено из НКВД секретарю ЦК ВКП (б) Сталину.

30 ноября 1936 года Е.Ф. Куликов, арестованный как участник правой оппозиции дал на допросе в НКВД показание о том, что «рютинская платформа, декларировавшая необходимость террора в борьбе против руководства ВКП (б), неоднократно обсуждалась членами центра организации правых Бухариным, Рыковым,

⁶⁵ Выписка из протокола № 44 заседания Политбюро ВКП(б) о деле контрреволюционной троцкистской диверсионной группы. 16.11.1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 255. Л. 133-134.

⁶⁶ Заявление участника контрреволюционной террористической организации «правых» В.И. Невского. 4 октября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 251. Л. 2.

Шмидтом, Углановым»⁶⁷. 3 декабря 1936 года протокол этого допроса был направлен Сталину.

В своем выступлении на декабрьском Пленуме ЦК Н.И. Ежов утверждал, что показания троцкистов и зиновьевцев «позволяли судить о том, что, безусловно, правые были осведомлены о всех террористических и иных планах троцкистско-зиновьевского блока»⁶⁸. При этом он отмечал, что данный вывод подтверждается и «более конкретными делами правых, арестованных за последнее время»⁶⁹. В качестве примера нарком внутренних дел привел показания журналиста Сосновского, работавшего в газете «Известия», главным редактором которой являлся Бухарин.

Допрос Л.С. Сосновского, во время которого он дал в прямом смысле убийственные показания на Бухарина, состоялся 14, 15 и 16 ноября 1936 года. 23 ноября Н.И. Ежов передал его протокол в объеме 37 листов И.В. Сталину. Сосновский рассказал на допросе о своей беседе с Н.И. Бухариным в мае 1935 года, во время которой Николай Иванович, вспоминая о борьбе троцкистов со Сталиным, заметил: «Ведь устранения Сталина добивались все группировки, выступавшие против него, и в блоке и порознь. А как же устранить Сталина? Посредством голосования на собраниях, на конференциях, съездах? Но все мы убедились, что это для нас, чем дальше, тем недоступнее, фантастичнее. Если в предыдущих боях оппозиции все же удавалось собирать тысячи голосов, то чем дальше, тем ниже были бы шансы на получение голосов в партии против Сталина. А сейчас об этом и говорить смешно. Нет, голосованием Сталина не устранить! Значит остается насильственное устранение, т.е. — террористический акт. В этом — неумолимая логика и к этому должна была придти любая оппозиция: и левая, и правая»⁷⁰.

Стремясь доказать в своей речи на декабрьском Пленуме ЦК ВКП (б) 1936 года, что Бухарин знал о террористических замыслах партий-

⁶⁷ Протокол допроса участника контрреволюционной террористической организации правых Е.Ф. Куликова. 30 ноября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 259. Л. 34.

⁶⁸ Стенограмма заседания Пленума ЦК ВКП (б). 4, 7 декабря 1936 г. // Декабрьский Пленум ЦК ВКП (б) 1936 года. Документы и материалы. М., 2017. С. 41.

⁶⁹ Там же. С. 42.

⁷⁰ Протокол допроса Сосновского Льва Семеновича от 14–15–16 ноября 1936 года // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 258. Л. 48–49.

ной оппозиции, Ежов привел его высказывание о «платформе Рютина», переданное на допросе Л.С. Сосновским. Ведь она, говорил лидер правых согласно показаниям Сосновского, «с первой до последней строки прямо, полным голосом, мотивирует необходимость насильственного устранения Сталина и доказывает, что мирное устранение Сталина невозможно. В рютинской платформе не произнесено только само слово террор. Но в этом и не было надобности, он вытекал сам собой»⁷¹.

Под «платформой Рютина» или «рютинской платформой» в документах НКВД подразумевалось составленное летом 1932 года видным большевиком М.Н. Рютиным⁷² в объеме приблизительно 10–

⁷¹ Там же. Л. 49.

⁷² *Мартемьян Никитич Рютин* (1890–1937) являлся членом РСДРП с 1914 г. На видную роль в большевистской партии он выдвинулся во время гражданской войны, проявив себя умелым организатором борьбы с колчаковским режимом. В 1925–1928 гг. занимал пост секретаря Краснопресненского райкома ВКП (б) гор. Москвы и вел активную борьбу с партийными группировками Троцкого, Зиновьева и Каменева, поддерживая тем самым Сталина и его сторонников. Проходивший в декабре 1927 г. XV съезд ВКП (б) избрал М.Н. Рютина кандидатом в члены ЦК. С развертыванием в начале 1928 г. Руководством ВКП (б) курса на ускоренную индустриализацию Рютин, будучи убежденным в пагубности такой политики, перешел в оппозицию к Сталину. В октябре 1928 г. он был снят с поста секретаря Краснопресненского райкома. Некоторое время работал зам. редактора «Красной звезды», затем был назначен Политбюро на должности председателя Кинообъединения, члена президиума ВСНХ и члена коллегии Наркомата просвещения (Протокол № 118 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1930 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 777. Л. 7). 23 сентября 1930 г. Рютин решением Центральной контрольной комиссии ВКП (б) был исключен из партии «за предательски-двурушническое поведение в отношении партии и за попытку подпольной пропаганды правооппортунистических взглядов, признанных XVI съездом несовместимыми с пребыванием в партии». Поводом для обвинения Мартемьяна Никитича в этих прегрешениях стал донос его знакомого по работе в Краснопресненском райкоме партии бывшего троцкиста А.С. Немова. Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило решение ЦКК (Протокол № 11 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 октября 1930 г. / РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 799. Л. 7). 13 ноября Рютин был арестован ОГПУ по обвинению в контрреволюционной агитации и пропаганде, но 17 января 1931 г. Коллегия ОГПУ признала это обвинение недоказанным и освободила его.

После освобождения из-под ареста Рютин был принят на должность экономиста в «Союзсельэлектро». В августе 1932 г. Мартемьян Никитич предпринял попытку с группой своих единомышленников среди «старых большевиков» создать подпольную организацию «Союз марксистов-ленинцев» для борьбы с политикой Сталина и его «клики». Предварительно им был написан пограммный документ этой организации «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», а также воззвание «Обращение ко всем членам ВКП (б)»¹⁵ сентября 1932 г. все члены этой организации были на основании доноса двух большевиков, узнавших о ее существовании, арестованы. 11 октября того же года Коллегия ОГПУ приговорила их к различным срокам заключения и ссылки. М.Н. Рютину было назначено самое большое наказание — 10 лет тюремного заключения.

12 машинописных страниц «Обращение ко всем членам ВКП (б)». Оно задумывалось в качестве воззвания подпольной организации «Союз марсистов-ленинцев», которая создавалась в то время Рютиным и его единомышленниками для борьбы со Сталиным. Сам же Рютин называл «платформой» «Союза марсистов-ленинцев» написанное им в период с марта по июль 1932 года программное произведение «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», занимавшее, в зависимости от размера шрифта и плотности текста, от 150 до 200 с небольшим машинописных страниц. Текст этой работы, написанный Рютиным от руки на листах школьной тетради⁷³, вместе с машинописной копией в 167 страниц и пятнадцатистраничным машинописным текстом «Обращения ко всем членам ВКП (б)» был обнаружен следователями ОГПУ в огороде у дома соратника Рютина П.А. Сильченко закопанным в железной банке 15 октября 1932 года⁷⁴, то есть через четыре дня после вынесения Рютину приговора коллегией ОГПУ. Если бы тайник нашли раньше, вряд ли Рютин мог бы рассчитывать на присужденные ему всего лишь 10 лет тюремного заключения.

Явно и настойчиво проявлявшееся в ходе подготовки судебного процесса над Бухариным и другими лидерами правой оппозиции стремление связать обвиняемых с «манифестом Рютина» является одной из главных тайн бухаринского судебного дела.

Во-первых, и Бухарин, и Рыков, и Томский с Углановым характеризовались в указанном документе крайне отрицательно. Любые утверждения об их участии в его составлении уже по одной этой причине не могли не казаться весьма сомнительными. *Во-вторых*, текст «рютинского манифеста», если кому и был хорошо известен, то лишь весьма узкому кругу персон, входивших в руководящие органы ВКП (б) и Советского государства. Поэтому приписывание лидерам правой оппозиции участия в его составлении не имело большого значения для дискредитации их в широкой партийной среде и в

⁷³ Исследователям до сих пор неизвестно, где хранится рукопись трактата Рютина «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и сохранилась ли она вообще. Поэтому о ее содержании приходится судить по копии, изготовленной в ОГПУ.

⁷⁴ Подробнее об этом см.: *Борщаговский А.М.* Мартемьян Рютин — социальный мыслитель // Вестник АН СССР. 1991. № 1. С. 80–84.

общественном мнении. *В-третьих*, содержание «рютинского манифеста» являлось настолько опасным для правящей группировки и прежде всего для Сталина, что казалось бы в их интересах хранить в полной тайне само существование этого документа и уж во всяком случае не напоминать о нем в рамках дела, готовившегося к публичному судебному разбирательству.

Рютин к этому времени уже четыре года пребывал в заключении и не только его «манифест», но и сам он был основательно подзабыт. Однако с началом целенаправленного расследования в отношении Бухарина и других лидеров правой оппозиции нарком внутренних дел Н.И. Ежов обратил внимание Сталина на дело Рютина. 9 сентября 1936 года в письме к Сталину, пребывавшему в то время в Сочи, он, описав обстоятельства самоубийства М.П. Томского, счел необходимым сообщить: «В свете последних показаний арестованных роль правых выглядит по-иному. Ознакомившись с материалами прошлых расследований о правых (Угланов, Рютин, Эйсмонт, Слепков и др.), я думаю, что мы тогда до конца не докопались. В связи с этим я поручил вызвать кое-кого из арестованных в прошлом году правых... Во всяком случае, есть все основания предполагать, что удастся вскрыть много нового и по-новому будут выглядеть правые и в частности Рыков, Бухарин, Угланов, Шмидт и др.»⁷⁵ Заняв пост наркома внутренних дел вместо Г.Г. Ягоды Ежов распорядился о проведении доследования по делу Рютина. В начале октября Мартемьян Никитич был доставлен из Суздальского политизолятора, где отбывал заключение, в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму НКВД. Возникает вопрос, зачем понадобилось Ежову выводить Рютина и написанное им программное антисталинское произведение из забвения при подготовке судебного процесса над Бухариным?

Документы следственных действий НКВД в отношении Бухарина, стенограммы декабрьского 1936 года и февральско-мартовского 1937 года пленумов ЦК ВКП (б), на которых решалась судьба Бухарина и лидеров правой оппозиции, а также материалы судебного процесса над ними показывают, что «рютинская платформа» была важнейшим элементом в конструкции выдвигавшихся против них обвинений.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 729. Л. 84.

Единственным автором этого документа являлся сам Рютин⁷⁶. Родившийся в бедной крестьянской семье, он сумел путем самообразования стать вровень с образованнейшими людьми своего времени: недаром Мартемьян Никитич называл себя «интеллигентным пролетарием»⁷⁷. Однако обвинители приписали создание «рютинской платформы» Бухарину и другим деятелям правой оппозиции. Секретарь ЦК ВКП (б) А.А. Андреев, выступая 25 февраля 1937 года на Пленуме ЦК, уверенно заявил: «Действительные творцы рютинской платформы налицо установлены — это был правый центр в составе Рыкова, Томского, Бухарина, Угланова, Шмидта»⁷⁸. В.М. Молотов в своей речи на этом заседании, назвав «рютинскую платформу» «очень крупным фактом», сказал, что она является платформой «всех троцкистов и правых, всех контрреволюционеров... Тут идея блока на сто процентов выражена: наши разногласия с Троцким — второстепенное дело, прежние идейки Бухарина — тоже дело второстепенное, главное — борьба против Сталина, против партии, против диктатуры пролетариата»⁷⁹. В этой оценке Молотова полностью поддержал и Сталин.

Приписывая создание «рютинской платформы» лидерам правой оппозиции, и Сталин, и Андреев, и Молотов опирались на показания, данные представителями правой оппозиции во время следствия. «Все показывают, — говорил в своей речи на Пленуме вечером 25 февраля 1937 года Л.М. Каганович, — что центр занял террористическую позицию, что центр в 1932 году руководил составлением рютинской

⁷⁶ Этот факт убедительно доказан в следующих публикациях: *Борщаговский А.М.* Мартемьян Рютин — социальный мыслитель // *Вестник АН СССР*. 1991. № 1. С. 79-107. № 2. С. 95-113). *Борщаговский А.М.* Так кто же написал «платформу Рютина»? // *Рютин М.Н.* На колени не встану / Сост. Б.А. Старков. М., 1992. С. 260-313.

⁷⁷ Письма М.Н. Рютина к родным, написанные с ноября 1932 г. до мая 1936 г. показывают насколько широк был круг его чтения и какой глубиной мышления он обладал. Рютин свободно читал книги на немецком и английском языках, при этом предпочтение отдавал философско-политической и экономической литературе. См.: «Моя трагедия — трагедия целой эпохи». Из писем М.Н. Рютина родным (1932-1936 гг.) // *Известия ЦК КПСС*. 1990. № 3. С. 169-178.

⁷⁸ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // *Вопросы истории*. 1992. № 8-9. С. 6.

⁷⁹ Там же. С. 26-27.

платформы»⁸⁰. Между тем ни для Сталина и его соратников в руководстве ВКП (б), ни для наркома внутренних дел Ежова, ни для следователей, собиравших материалы для подготовки судебного процесса над Бухариным и другими лидерами правой оппозиции, ни для прокурора СССР Вышинского, направлявшего эту работу, не было в действительности секретом, что документы, названные «рютинской платформой», представляли собой результат творчества одного человека – самого Рютина.

Судебные процессы над бывшими большевистскими вождями были способом борьбы Сталина и его группировки с партийной оппозицией. Поэтому идеологические аргументы имели в них не меньшее, а пожалуй, даже большее значение, чем аргументы юридические. Но Бухарин являлся весьма плодовитым автором, если не сказать графоманом. И в его произведениях можно было найти достаточно высказываний, позволявших обвинить его в отходе от марксизма-ленинизма и тем самым идеологически развенчать в глазах партийной массы. С этой точки зрения не было никакой необходимости приписывать ему участие в создании «рютинской платформы». Очевидно, что дело Рютина оказалось увязанным с делом Бухариным совсем не для того, чтобы продемонстрировать идеологическую несостоятельность лидеров правой оппозиции. Но для чего же тогда на пленумах большевистской партии, решавших их судьбу, Сталиным и его соратниками по партийному руководству настойчиво внушалась членам ЦК ВКП (б) мысль о том, что именно Бухарин и другие лидеры правых, а не Рютин, являлись творцами «рютинской платформы»?

Разгадку этой тайны необходимо искать в политическом поведении Рютина и в содержании его произведений, получивших наименование «рютинской платформы». Мартемьян Никитич являлся, пожалуй, самой интересной фигурой во всей антисталинской оппозиции. Троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы, левые и правые партийные оппозиционеры выступали против политики Сталина и сталинской группировки, занявшей во второй половине 20-х годов

⁸⁰ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 26.

господствующее положение в ВКП (б) и в Советском государстве. Но они не подвергали критике само устройство государственной власти, при котором у населения отсутствовали возможности мирным путем, посредством выборов сменить людей, занимающих высшие государственные должности, сформировать новый состав представительных органов. М.Н. Рютин был в оппозиции не только к Сталину и его группировке, он активно выступал также и против Л.Д. Троцкого с его сторонниками, против Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева. Довольно резко Мартемьян Никитич критиковал и Бухарина с его сторонниками. «Но если Бухарин, — писал Рютин, — как теоретик марксизма и ленинизма при всех его ошибках и промахах, при всей его склонности к механическому методу мышления остаётся крупнейшей фигурой, то как политический вождь он оказался ниже всякой критики. Умный, но не дальновидный человек, честный, но бесхарактерный, быстро впадающий в панику, растерянность и прострацию, не способный на серьёзную и длительную политическую борьбу с серьёзным политическим противником, легко поддающийся запугиванию; то увлекающийся массами, то разочаровывающийся в них, не умеющий организовать партийные массы и руководить ими, а наоборот, сам нуждающийся в постоянном и бдительном руководстве со стороны других — таков Бухарин как политический вождь.

Между тем именно в такой момент, как настоящий, когда губится дело Маркса, Энгельса, Ленина, когда Сталин под лживые крики о победах социализма вонзает нож в спину пролетарской революции, — больше, чем когда-либо, прямой обязанностью всех честных подлинных вождей партии является не презренное холуйство перед Сталиным и обман масс, чем занимаются Бухарин, Радек, и даже не молчание, как это делают Рыков, Томский, Угланов и бывшие вожди троцкистской оппозиции, а новая мужественная борьба, не останавливающаяся перед исключением из ЦК, перед исключением из партии и даже перед перспективой ссылки. Именно в этот момент подлинные вожди должны показать себя достойными звания вождей. Не оправдываться мнимой пассивностью масс, не оправдывать своё бездействие отсутствием поддержки со стороны затравленных, задавленных терроризированных, но ищущих руководства для

борьбы со Сталиным партийцев и беспартийных рабочих, а становиться во главе их, руководить ими — такова обязанность подлинных вождей, подлинных ленинцев в настоящее время»⁸¹.

В отличие от всех партийных оппозиционеров М.Н. Рютин критиковал не только политику Сталина, но также саму систему и стиль партийного и государственного руководства, он обрушился на вождизм как принцип организации государственной власти и партийной жизни. Согласно доносу А.С. Немова, имевшего с Рютиным ряд бесед в конце августа 1932 года во время их отдыха в Ессентуках, Мартемьян Никитич ответил на его вопрос: «кого же можно сейчас выбрать генеральным секретарем вместо т. Сталина» следующими словами: «Никаких генеральных секретарей не будет, мы будем настаивать, чтобы управлял коллектив, ибо если будет ген. секретарь, то нет гарантии, что не повторятся те же комбинации и фокусы, которые проводятся Сталиным. Вообще состав Политбюро придется чаще менять, чтобы там не засиживались, ибо в основном нынешний состав ПБ оторван от масс»⁸².

Во время очной ставки с Рютиным В ЦКК ВКП (б) 20 сентября 1930 года Немов повторил сказанное Мартемьяном Никитичем о необходимости коллективного руководства в партии, но в несколько измененном варианте. «Целый ряд вопросов, — сказал Немов, — мне не был ясен, когда он говорил, что Сталина нужно убрать, установить другое коллегиальное руководство, я сказал вообрази, у нас нет более авторитетного человека, завтра Сталин уйдет, кого надо выбрать генеральным секретарем? Он говорит: “Вообще не должно быть генерального секретаря, должно быть коллективное руководство, иначе нет гарантии, что опять не будет таких фокусов и комбинаций, которые сейчас устраивает Сталин и что опять не начнется положение, которое мы имеем сейчас”»⁸³.

⁸¹ Рютин М.Н. Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 165.

⁸² Заявление А.С. Немова в ЦК ВКП (б) // Рютин М.Н. На колени не встану. М., 1992. С. 318.

⁸³ Опрос М. Н. Рютина 20 сентября 1930 г. / Публикация И.А. Анфертьева // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 1. С. 219

При ответе в ЦКК ВКП (б) на выдвинутые против него обвинения Рютин назвал их на 99% ложным. Однако содержание написанных им произведений не оставляет сомнений — приведенное в доносе мнение о вредности вождизма и необходимости чаще менять состав Политбюро в полной мере соответствовало его умонастроению.

Так, в «Обращении к членам ВКП (б)» утверждалось: «Права партии, гарантированные Уставом, узурпированы ничтожной кучкой беспринципных политиканов. Демократический централизм подменен личным усмотрением вождя, а коллективное руководство — системой доверенных людей. Центральный Комитет стал совещательным органом при “непогрешимом” диктаторе, а областные комитеты — бесправными придатками при секретарях областкомов. Политбюро, Президиум ЦКК, секретари областных комитетов в результате происходящих изменений в жизни партии и “18 брюмера Сталина” превратились в банду беспринципных, изолгавшихся и трусливых политиканов, а Сталин — в неограниченного и несменяемого диктатора, проявляющего в десятки раз больше тупого произвола, самодурства и насилия над массами, чем любой самодержавный монарх»⁸⁴.

В произведении М.Н. Рютина «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» приведенная мысль была выражена еще в более жесткой формулировке: «Ошибки Сталина и его клики из ошибок переросли в преступления. Политбюро и Президиум ЦКК, секретари областных комитетов превратились в банду беспринципных политиканов и политических мошенников. Они на деле рассматривают партию лишь как свою вотчину. Не они для партии, а партия для них»⁸⁵.

Возобновив в октябре 1936 года расследование дела Рютина, в НКВД обратились не к его попытке создать подпольную большевистскую организацию «Союз марксистов-ленинцев», а именно к текстам написанных им воззвания «Обращение к членам ВКП (б)» и программного произведения ««Сталин и кризис пролетарской диктатуры». 4 ноября 1936 года Мартемьян Никитич

⁸⁴ Ко всем членам ВКП (б) // *Рютин М.Н.* На колени не встану / Сост. Б.А. Старков. М., 1992. С. 255.

⁸⁵ *Рютин М.Н.* Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 187.

направил письмо в Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР с жалобой на незаконные и недопустимые методы следствия и стремление НКВД вторично привлечь его к уголовной ответственности за такие действия, за которые ему уже было назначено уголовное наказание. «Я осужден, — напоминал Рютин, — (и приговор до сих пор никем не отменен) и отбыл почти половину своего заключения за всю совокупность своих взглядов, изложенных в “документах”; как бы ни толковать эти “документы” или отдельные их места, за всю совокупность “документов”, вплоть до последней строчки, до последнего слова, до последней буквы, за все это я уже осужден, приговор никем не отменен и новое привлечение меня к ответственности за эти же “документы” или отдельные их места и выражения является явно незаконным, произвольным и пристрастным»⁸⁶.

Рютин умолчал о том, что в октябре 1932 года в распоряжении ОГПУ был текст только одного документа — «Обращения к членам ВКП (б)», на этот же раз следователи вменяли ему в вину создание еще и произведения «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». Но зато обратил внимание на то, что оба документа стали толковаться следователями по-новому. «В настоящее время после отбытия почти пяти лет своего десятилетнего заключения, — сообщал он в Президиум ЦИК СССР — я вновь НКВД привлечен к уголовной ответственности за то, что, во-первых, теперь отдельные места и выражения написанных мною в свое время нелегальных “документов” истолковываются ведущими следствие, как призыв к террору и, во-вторых, что на основе этих документов где-то якобы образовались и раскрыты правые террористические группы»⁸⁷.

По иронии судьбы новое расследование в отношении Рютина стал вести тот же самый следователь Молчанов, который в сентябре и октябре 1932 года. Возглавлял следствие по делу «О так называемом Союзе марксистов-ленинцев». По словам Рютина, Молчанов изучал внимательно все мельчайшие детали его документов и всего дела и не нашел в нем никаких данных для предъявления ему обвинения в

⁸⁶ Заявление арестованного М.Н. Рютина, адресованное Президиуму ЦИК СССР. 11 ноября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 254. Л. 63.

⁸⁷ Там же. Л. 62.

терроре и не предъявил его. «А теперь тот же Молчанов по тем же документам или отдельным их местам, за те же действия (распространение документов и его последствия) предъявляет мне обвинение в терроре!»⁸⁸

В заключительной части своего письма Рютин с достоинством уведомлял Президиум ЦИК СССР: «Я, само собой разумеется, не страшусь смерти, если следственный аппарат НКВД явно незаконно и пристрастно для меня ее приготовит. Я заранее заявляю, что я не буду просить даже о помиловании, ибо я не могу каяться и просить прощения или какого-либо смягчения наказания за то, чего я не делал и в чем я абсолютно неповинен»⁸⁹.

Рютин действительно не призывал в своих произведениях к террору. Более того он обвинял сталинскую диктатуру помимо прочего еще и в терроризме: «Режим невиданного террора и колоссального шпионажа, осуществляемых посредством необычайно централизованного и вместе с тем разветвлённого гигантского аппарата, сосредоточившего в своих руках все материальные ресурсы страны и поставившего в прямую зависимость от себя физическое существование десятков миллионов людей, — вот главная основа диктатуры Сталина»⁹⁰.

Несмотря на это надо признать, что ключевые выводы главного своего труда «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» Рютин сформулировал таким образом, что дал возможность истолковать их в качестве призыва к террору. Он писал, в частности: «Но, зайдя в безвыходный тупик и установив во всей стране в самых разнообразных формах господство террора, Сталин отрезал себе и всякие пути для отступления и эволюционного выхода из кризиса. Он возвёл себя на пьедестал непогрешимого папы и не может признать не только преступности своей политики, но и малейшей своей ошибки. Диктатор не может ошибаться — ошибаются только его подчинённые. Устранение Сталина и его клики нормальными демократическими методами, гарантированными Уставом партии и Советской

⁸⁸ Там же. Л. 65.

⁸⁹ Там же. Л. 68.

⁹⁰ Рютин М.Н. Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 193.

Конституцией, таким образом, совершенно исключено. Они всякими предложениями, с оружием в руках, пушками и пулеметами будут защищать от партии и страны свое господство... При таком положении вещей у партии остаётся два выбора: или и дальше безропотно выносить издевательства над ленинизмом, террор и спокойно ожидать окончательной гибели пролетарской диктатуры, или **силою устранить эту клику** и спасти дело коммунизма»⁹¹.

Слова «силою устранить эту клику» Рютин выделил особо, но именно они и дали повод обвинить его в призыве к террору против руководства партии и страны. Из дальнейшего изложения было очевидно, что под словами «силою устранить» им совсем не подразумевалось физическое уничтожение властвовавших персон — он имел в виду лишь отстранение их от власти какими-либо насильственными способами (посредством государственного переворота или массовых протестных выступлений трудящихся).

Задавшись вопросом, допустима ли такая реакция на вырождение пролетарской партии и диктатуры пролетариата с точки зрения марксизма-ленинизма, Рютин уверенно отвечал: «Не только допустима, но и бесспорно правильна. Преступно, вредно, губительно для пролетариата и его партии силой устранять свои руководящие партийные и советские органы, если они ведут правильную ленинскую политику и выражают волю партийных и беспартийных масс. И, наоборот, следует считать прямой обязанностью всякого честного большевика и беспартийного рабочего борьбу за насильственное устранение органов тогда, когда они ведут антиленинскую и губительную для пролетарской диктатуры политику, когда они превратились в клику, не выражают воли масс и в то же время, опираясь на аппарат, не допускают их смены нормальными методами, предусмотренными Уставом партии и Советской Конституцией»⁹².

Рютин сформулировал в своих произведениях идеологию борьбы с оторвавшейся от народа, безраздельно и неограниченно властвующей партийной и государственной бюрократией. Он

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

открыто заявил, что правящая группировка, монополизировавшая государственную власть, превратившая ее в орудие осуществления собственных эгоистических интересов, представляет для государства значительно более серьезную опасность, нежели те угрозы, которые несут для него меры по насильственному свержению данной правящей группировки.

Политическая платформа с таким идейным содержанием оказывалась для советской партийной и государственной бюрократии намного опаснее, чем любая другая платформа — левая или правая, троцкистская, зиновьевская или бухаринская.

Разворачивая подготовку судебного процесса над лидерами правой оппозиции, Сталин ясно понимал, что подвергнуть репрессиям политических деятелей столь высокого ранга он сможет лишь в том случае, если добьется одобрения этого шага со стороны окружающих его партийных и государственных сановников, членов Центрального комитета ВКП (б). Приписывая создание «рютинской платформы» Бухарину и другим лидерам правых, Сталин и его соратники облегчали себе решение этой задачи.

4

2 декабря 1936 года в «Правде» было напечатано Постановление Чрезвычайного VIII съезда Советов по докладу И.В. Сталина о проекте Конституции СССР. Данный проект одобрялся и принимался за основу. Одновременно объявлялось о создании редакционной комиссии в составе 200 человек «для рассмотрения внесенных поправок и дополнений и установления окончательного текста Конституции Союза ССР»⁹³. Полный ее состав был опубликован на первых двух страницах газеты «Правда». В нем отсутствовала фамилия Н.И. Бухарина, принимавшего активное участие в разработке проекта Конституции СССР.

Николай Иванович был чрезвычайно этим встревожен и в тот же день обратился к Сталину. «Дорогой Коба, пишу после того, как прочитал решение о составе ред. Комиссии, — так начал он свое письмо. — Изю всех фактов, касающихся так или иначе моей персоны,

⁹³ Правда. 1936. № 331 (6937). 2 декабря. С. 1.

а именно: 1) из того, что в редакции “Известий”, несмотря на все мои апелляции, писать мне фактически не было разрешено, да и другие функции запирались на замок; 2) из опубликованной в “Правде”, в отношении меня неверной и глубоко задевающей мою политическую честь заметки о делах в Акад. Наук (на основании коей заметки ряд иностранных газет уже пишут о моем аресте); 3) из формулы в одной статье “Правды” о правых, бывших в руководстве, как о “лютых врагах народа”»; 4) из самого факта невведения меня в состав редакц. Комиссии по Конституции и т.д. — я не могу не сделать вывода о предстоящем моем снятии с “Известий» и — что является самым главным и самым существенным — о существующем касательно меня недоверии у руководства партии»⁹⁴.

Паника, в которую Бухарин впал после того, как обнаружил, что его не включили в состав редакционной комиссии по доработке текста новой Конституции СССР, показывает, что он догадался, какая печальная участь ему готовится, но не мог понять, как ее избежать.

Ради своего спасения Бухарин отрекся от всех своих молодых сторонников, которых повел когда-то за собой и которые сохраняли свою приверженность ему даже в то время, когда Сталин нещадно его критиковал. Многие из них были еще в 1933 году приговорены к различным срокам заключения (от 2-х до 8-ми лет) и ссылке за инкриминированное им участие в «контрреволюционной организации правых, ставившей своей целью активную борьбу с Советской властью и восстановление капиталистического строя в СССР» и проведение «активной контрреволюционной деятельности и контрреволюционной агитации, направленной в интересах международной буржуазии»⁹⁵. В октябре и ноябре 1936 года против «молодых бухаринцев» были возбуждены новые уголовные дела по указанным обвинениям. Позднее 30 человек из них по приговорам

⁹⁴ Письмо Н.И. Бухарина И.В. Сталину от 2 декабря 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 259. Л. 1. Здесь и далее воспроизводятся подчеркивания, сделанные в оригинале письма самим автором.

⁹⁵ См. справку Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «О так называемой “Антипартийной контрреволюционной группе правых Слепкова и других (“Бухаринская школа”)”» в журнале: Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 32–48.

Военной коллегии Верховного суда и областных «троек» УНКВД были расстреляны⁹⁶.

Бухарин снял с себя какую-либо причастность к судьбе своих соратников и учеников, хотя эти люди подвергались репрессиям именно за то, что поддерживали его. «Будущего контрреволюционного “развития” группы молодых я не мог предполагать»⁹⁷, — уверял он Сталина. «Я встречался с рядом арестованных теперь лиц как с работниками Академии и партийцами. Мне и в голову не приходило, что они — конспираторы, да еще такого гнусного типа»⁹⁸. «Я могу признать, что я (как и все прочие в Акад. Наук) оказался недостаточно прозорливым. Но я всемерно и решительно протестую против всех и всяких, хотя бы малейших, подозрений о какой бы то ни было близости к подпольной идеологии и деятельности фашистских негодяев»⁹⁹.

Мартемьян Рютин характеризовал Бухарина как человека бесхарактерного, быстро впадающего в «панику, растерянность и прострацию». В письме к Сталину, написанном 2 декабря 1936 года, Николай Иванович проявил эти качества в полной мере. Предавая своих сторонников, бывший большевистский вождь, о котором Ленин в своих завещательных заметках писал, что он «законно считается любимцем партии», вместе с тем жаловался Сталину, что испытывает тяжкие моральные страдания от недоверия к нему товарищей по партии. «Я прошу понять.., — исповедовался он, — то, что приходится испытывать теперь, есть не что иное, как перманентная моральная казнь. Человеку, для которого вся жизнь в служении движению, создается чуть ли не репутация врага; человеку, который предан партии до последней капли крови, приходится бояться, как затравленному, косых взглядов товарищей; человек, который радуется всем существом широким путям и перспективам, вынужден жить в атмосфере недоверия и подозрений, тогда как самая мысль об этом

⁹⁶ Там же. С. 47.

⁹⁷ Письмо Н.И. Бухарина И.В. Сталину от 2 декабря 1936 г. Л. 4.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. Л. 5.

кажется ему чудовищным, смертельным оскорблением. Эта перманентная моральная казнь должна иметь какие-то пределы»¹⁰⁰.

Бухарин в письме дважды назвал свое душевное состояние словами «перманентная моральная казнь» и дважды их подчеркнул. Что хотел он внушить этим Сталину? Для чего написал ему это письмо? Вряд ли даже сам Бухарин мог бы ответить на такие вопросы. В конце своего послания Николай Иванович признал, что поверить ему трудно в условиях, «когда большие, невиданные еще, негодяи отравили всю атмосферу и создали необходимость громадного (спасительного!) недоверия», но тем не менее призвал Сталина поверить ему, а не клеветникам. «Я понимаю, что перед вами прошли десятки писем, аргументов, сцен, клятв — и все оказалось театром и ложью. Но из того, что другие лгали, не следует, что я тоже лгу»¹⁰¹, — простодушно заявил он.

Через два дня после того, как Бухарин написал это письмо, открылся Пленум ЦК ВКП (б). Состоялось всего два его заседания, 4 и 7 декабря, на которых был рассмотрен вопрос об утверждении окончательного текста новой Конституции СССР, а также заслушан и обсужден доклад наркома внутренних дел Н.И. Ежова «Об антисоветских троцкистских и правых организациях». Стенограмма указанных заседаний, хранившаяся в архиве, была долгое время недоступной исследователям. Отдельные ее фрагменты впервые были опубликованы лишь в 1995 году¹⁰², а полный текст вышел только в 2017 году. Между тем обсуждение на этом Пленуме вопроса о Н.И. Бухарине и А.И. Рыкове было необходимым этапом в подготовке открытого судебного процесса над ними. Материалы Пленума раскрывают технологию осуществления политических репрессий в отношении лидеров правой оппозиции, которые в конце 20-х годов вели борьбу не только против Сталина, но и против Троцкого.

Все члены ЦК присутствовали на состоявшемся днем ранее заседании редакционной комиссии, поэтому окончательный текст Конституции на заседании Пленума не зачитывался и после

¹⁰⁰ Там же. Л. 2–3.

¹⁰¹ Там же. Л. 7.

¹⁰² См.: Фрагменты стенограммы декабрьского Пленума ЦК ВКП (б) 1936 года // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 3–22.

нескольких замечаний и реплик был единогласно утвержден. После этого слово было предоставлено Н.И. Ежову. Он сообщил, что в последнее время арестованы сотни троцкистов и зиновьевцев (на Украине — 400 человек, в Западной Сибири — 120, в Азово-Черноморском регионе — свыше 200, в Грузии — свыше 300, в Ленинграде — свыше 400, в Свердловске — свыше 100)¹⁰³. При этом им было отмечено, что больше половины этих арестованных ранее подвергалось репрессиям «за различного рода контрреволюционные преступления против советской власти»¹⁰⁴.

Изложив Пленуму составленную в НКВД справку о «террористической», «вредительской» и «шпионской» деятельности троцкистов и зиновьевцев, Ежов заговорил о контрреволюционных настроениях правых. И сразу же назвал фамилию Бухарина. «Товарищи, — сказал нарком внутренних дел, — вам известно, что еще на следствии Зиновьев дал показания о том, что правые, то есть, по крайней мере, насколько он был осведомлен, это Рыков, Томский, Бухарин и Угланов, целиком разделяли установки троцкистско-зиновьевского блока и были осведомлены об этом»¹⁰⁵. Опираясь на показания находившихся под арестом партийных деятелей, входивших в конце 20-х годов в состав троцкистской и правой оппозиции, Ежов постарался убедить Пленум в том, что Бухарин и другие лидеры правых в своей оппозиционной борьбе фактически соединились с троцкистско-зиновьевским блоком. «Лично у нас, — заявил он в конце своего выступления, — не осталось никакого сомнения — и у меня, и у товарища Кагановича, когда мы устраивали очную ставку т. Рыкову и т. Бухарину и другим членам центра правых, не осталось никакого сомнения в том, что правые были осведомлены о террористической деятельности, были осведомлены в том, что троцкисты перешли к террору; не только были осведомлены, но и сочувствовали им»¹⁰⁶.

Бухарин как будто совсем не ждал таких заявлений. После первых же обвинений Ежова в свой адрес он в растерянности поднялся и

¹⁰³ Стенограмма заседания Пленума ЦК ВКП (б). 4, 7 декабря 1936 г. // Декабрьский Пленум ЦК ВКП (б) 1936 года. Документы и материалы. М., 2017. С. 21–22.

¹⁰⁴ Там же. С. 20.

¹⁰⁵ Там же. С. 41.

¹⁰⁶ Там же. С. 44.

подошел к президиуму: «Позвольте, пожалуйста, мне слово». Но выступить ему дали только после перерыва в заседании Пленума, объявленного по завершении речи Ежова.

Во время перерыва, длившегося несколько минут, к Бухарину подошел Рыков. «Надо мобилизовать все силы для борьбы с клеветой», — сказал он. «Одна надежда — переубедить Сталина, иначе ничего не получится», — заметил Бухарин. «Николай! Ты ошибаешься, надо, чтобы нам поверили члены Политбюро и члены ЦК — пошли против Кобы», — тихо шепнул ему в ответ Рыков¹⁰⁷. Ход последующих событий разбил вдребезги надежды и Бухарина, и Рыкова.

По окончании перерыва слово было предоставлено Бухарину. «Товарищи, — начал он свое выступление, — говорить мне сейчас более чем тяжело, ибо, может быть, я последний раз говорю перед вами». После таких слов для соратника Ленина было бы естественным сразу отвергнуть в самых резких выражениях прозвучавшие в его адрес обвинения. Но Бухарин вдруг заговорил о том, что всем членам партии сейчас необходимо преисполниться бдительностью и помочь соответствующим органам до конца истребить «ту сволочь, которая занимается вредительскими актами и всем прочим»¹⁰⁸. А потом сказал то, что в его положении было абсолютно неуместным: «Я счастлив тем, что всю эту историю вскрыли до войны, и что наши органы в состоянии вскрыть всю эту гниль до войны, для того, чтобы мы из войны вышли победоносно, потому что если бы это вскрыли не до, а во время войны, это принесло бы совершенно исключительные и тяжелейшие поражения всему делу социализма»¹⁰⁹.

Бухарину действительно было трудно говорить: члены ЦК не упускали случая вопросами, репликами, смехом, криками возмущения продемонстрировать ему свою враждебность. Но постепенно он все же пришел в себя и стал защищаться. Он сказал, что никогда не отрицал, что в 1928–1929 годах вел оппозиционную борьбу против партии, но ни тогда ни после «ни о каких... общих установках, ни о

¹⁰⁷ Этот короткий обмен мнениями между Бухариным и Рыковым описала в своих мемуарах со слов Бухарина его вторая супруга Анна Ларина. См.: *Ларина (Бухарина) А. Незабываемое*. М., 1989. С. 315.

¹⁰⁸ Там же. С. 46.

¹⁰⁹ Там же.

каких платформах, ни о каких целях абсолютно ни одного атома представления не имел!» А теперь ему бросается обвинение, что он об этом знал, что он в этом участвовал, что лез в правительство. «Неужели вы думаете, — спросил Бухарин членов ЦК, — что я такой человек? Неужели вы думаете, что я могу иметь что-нибудь общее с этими диверсантами, с этими вредителями, с этими мерзавцами после тридцати лет моей жизни в партии и после всего..? Ведь это просто сумасшествие какое-то»¹¹⁰.

Глядя на членов ЦК, слушая их реплики, Николай Иванович вдруг осознал, что над ним вершится настоящий суд и стал говорить как должно говорить обвиняемому именно на суде, а не на партийном собрании: «Я в 1928-29 годах нагрешил очень против партии. Это я знаю. Хвосты эти тянутся до сих пор. Часть людей, которые тогда шли со мной, эволюционировали бог знает куда. Я этого не знаю, но я этого теоретически не исключаю. Но как же, товарищи, докажите¹¹¹ мне, что я с ними какую-то связь держал, что я им какие-то директивы давал, ведь ни единого слова! Докажите, что я на каких-то центрах был, что я какую-то платформу вырабатывал, с кем-то виделся, что я в какое-то правительство лез, что я с какими-то иностранцами имел дело! Этого ничего нет. Кто-то сказал. Хоть десять человек, хоть сто человек сказали! Если они ведут такую политическую игру, что они иных топят, а себя выгораживают, что они в своих интересах порочат других, то разве можно им верить? Почему им не навредить партии и с другого конца, чтобы целый ряд честных людей потопить и вбить им крюки в голову? Почему, скажите?»¹¹² — вопрошал он. Шум в зале был ответом Бухарину на его неожиданный для обвинителей выпад.

Больше всего Бухарина задело прозвучавшее на Пленуме утверждение о том, что он знал о терроре и был каким-то образом в нем виновен. Поэтому Николай Иванович настойчиво просил проверить показания, на которых это обвинение строилось.

С такой же просьбой обратился и А.И. Рыков, выступавший на Пленуме после Бухарина. «Но я, собственно, поднялся на эту трибуну исключительно и только для того, — заявил он, — чтобы и на

¹¹⁰ Там же. С. 48.

¹¹¹ Так в стенограмме. — *В.Т.*

¹¹² Там же. С. 49.

основании того, что сказано т. Сталиным, и на основании всего, что здесь говорилось, мне дали те очные ставки, ту проверку документов, проверку показаний и те возможности защиты, которые собственно обязательны всегда, но в данном случае они обязательны больше, чем когда бы то ни было. Ведь речь идёт не о шутке, речь идёт о том, являюсь ли я предателем по отношению к государству, по отношению к партии, по отношению к революции, являюсь ли я фашистом или нет. Потому что середины тут не может быть»¹¹³. Он заверил, что лично сделает все, что в его силах и даже больше для того, чтобы этого пятна, этого подозрения не было, потому что жить с этим тяжело. Заканчивая свое выступление, Алексей Иванович повторил: «И я буду доказывать, буду кричать о том, что тут есть оговор, есть ложь, есть чёрная клевета с начала до конца. Я фашистом никогда не был, никогда не буду, никогда не прикрывал и прикрывать их не буду. И это я докажу»¹¹⁴.

Выступавший на Пленуме после Рыкова первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП (б) Р.И. Эйхе призвал не отправлять троцкистов в ссылку, а расстреливать. Говоря же о лидерах бывшей правой оппозиции, он категорично заявил: «Бухарин нам правды не говорил. Я скажу резче. Бухарин врет нам»¹¹⁵. Финал речи Эйхе звучал как смертный приговор как смертный приговор: «Я считаю, что Бухарина и Рыкова надо вывести из состава ЦК, исключить из партии и предать суду»¹¹⁶.

В.М. Молотов не требовал расправы над лидерами правых, но недоверие к ним выразил достаточно убедительно. «Ни бухаринским слезам, ни дрожащему голосу Рыкова, — сказал он в начале своей речи, — я пока что верить не могу, потому что достаточно я начитался за ряд лет материалов о следствии по делу троцкистов и правых»¹¹⁷. Закончил же выступление Молотов словами, обращенными к Бухарину и Рыкову: «Но вы должны показать, что вы действительно не на словах, а на деле стоите на той линии, за которую борется

¹¹³ Там же. С. 64.

¹¹⁴ Там же. С. 65.

¹¹⁵ Там же. С. 67.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

партия. А у меня есть сомнение — не остались ли вы на прежних позициях, на позициях буржуазной демократии»¹¹⁸.

Член Политбюро ЦК ВКП (б), секретарь ЦК КП (б) Украины С.В. Косиор, сказав в начале своего выступления о том, что есть основания не доверять Бухарину, закончил речь тем, что объявил Бухарина и Рыкова виновными и призвал их «дать соответствующие показания»¹¹⁹.

Л.М. Каганович, выступавший на заседании Пленума 4 декабря 1936 года последним, был в осуждении лидеров правых предельно бескомпромиссен. «Товарищи, — начал он, — речи Рыкова и Бухарина... скорее похожи на последнее слово подсудимых на суде, чем на речи на Пленуме Центрального Комитета партии. Надо же понимать, что здесь на чувства жалости действовать нельзя»¹²⁰. Каганович не выносил обвиняемым приговора, но то, что он со свойственной ему категоричностью говорил о них, предполагало самый суровый вердикт. «Факты можно считать установленными, — объявил он, — что Бухарин солидаризовался целиком с платформой троцкистско-зиновьевской банды»¹²¹. После этих слов в зале раздались одобрительные голоса членов ЦК.

Казалось бы, участь Бухарина и Рыкова будет решена на этом Пленуме. Однако этого не произошло. После выступления Кагановича Молотов, который вел заседание Пленума, объявил: «Товарищи, сейчас начало одиннадцатого. Есть предложение сегодняшнее заседание прекратить и перенести заседание Пленума на 7-е число. Завтра съезд»¹²². После завтра, вероятно, будет демонстрация в Москве по случаю принятия Конституции, значит, перенесем заседание на 7-е число на 3 часа дня»¹²³. Это предложение было принято.

Придя после заседания Пленума домой, Бухарин с порога взволнованно сообщил своей супруге Анне Лариной: «Познакомься!

¹¹⁸ Там же. С. 72.

¹¹⁹ Там же. С. 78.

¹²⁰ Там же. С. 83.

¹²¹ Там же. С. 90.

¹²² Имеется в виду Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов, проходивший с 25 ноября по 5 декабря 1936 г.

¹²³ Там же. С. 93.

Твой покорнейший слуга — предатель-террорист-заговорщик!» Не имея сил успокоить свою душу, он рассказал, что происходило на Пленуме. Этот рассказ слышала и проживавшая в квартире Бухарина его двоюродная сестра Н.М. Лукина, с которой он состоял в браке с 1911 до 1921 года. Надежда Михайловна немедленно села писать письмо Сталину, чтобы защитить Николая Ивановича. «Дорогой Иосиф Виссарионович! Пришел с Пленума ЦК Н.И. Бухарин и рассказал, в каких чудовищных вещах он обвиняется, больше того, он рассказал, что ответственные товарищи говорили ему, что не верят ни одному его слову. Стынет кровь в жилах, но я пишу Вам, чтобы сказать, что он не виноват ни в чем подобном тому, что на него показывает целый ряд лиц, — не знаю чем к тому побуждаемых и не знаю, почему вызывающих большее доверие к своим словам, чем слова Н.И-ча. Знаю, что у Н.И. не было ни тени, тени намека даже на подобные настроения никогда. Я знаю Н.И. с 4-х лет, а, следовательно, и с начала его революционного пути, знаю его преданность пролетариату и партии (субъективно — даже когда он ошибался), знаю, что самому существу его совершенно чужды такого рода методы политической борьбы, и всегда он их считал величайшим преступлением»¹²⁴.

Письмо было всего на полстраницы — Надежда Михайловна ничего не доказывала, а просто высказывала свое мнение о Бухарине, но высказывала его предельно твердо — как истину, не требующую подтверждения. И в конце своего письма она ничего не просила, но с достоинством сообщила Сталину: «Я собираю остатки сил и пишу Вам, — так как я — не фаталистка, и я не могу поверить, что в стране пролетарской диктатуры, родной и дорогой мне, возглавляемой Вами и другими товарищами, может совершаться неправо дело по отношению к абсолютно невиновному в возводимых на него обвинениях человеку. Это побуждает меня сказать о Н.И-че то, что я знаю. С коммунистическим приветом Н. Лукина-Бухарина»¹²⁵.

Надежда Михайловна не могла не сознавать, что обвинения, брошенные в адрес Бухарина публично, наркомом внутренних дел, да

¹²⁴ Письмо Н.М. Лукиной-Бухариной И.В. Сталину. 4 декабря 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 259. Л. 160.

¹²⁵ Там же. Л. 161.

еще и на Пленуме ЦК ВКП (б), означали, что процесс подготовки судебной расправы над ним уже прошел стадию, на которой трагедию можно было предотвратить.

В НКВД перерыв между заседаниями Пленума ЦК ВКП (б) использовали для сбора новых показаний арестованных о Бухарине.

30 ноября 1936 года пребывавший в заключении бывший активный участник правой оппозиции Е.Ф. Куликов дал на допросе в 1-ом отделении СПО ГУГБ НКВД¹²⁶ показание о том, что террористической работой в контрреволюционной организации правых непосредственно ведал А.И. Рыков¹²⁷. При этом Куликов сообщил, что в 1934 году ему стало известно от руководителя боевой организации правых Афанасьева, что Рыков предлагал руководителю московского центра правой оппозиции Котову «употребить все усилия организации для убийства Сталина»¹²⁸.

6 декабря 1936 года Е.Ф. Куликов был снова вызван на допрос в СПО ГУГБ НКВД. Как оказалось, следователей на этот раз интересовал только вопрос о его разговорах с Бухариным.

— В своих предыдущих показаниях вы утверждали, — спросил Егора Федоровича следователь, — что последнюю встречу с Бухариным Н.И. вы имели в конце 1929 года. Вы настаиваете на этих показаниях?

— Нет, не настаиваю, — ответил Куликов. — Мои предыдущие показания по этому вопросу не являются исчерпывающими, ибо как я теперь вспомнил, я встречался с Бухариным и после 1929 года.

— Когда именно.

— Я имел еще одну встречу с Бухариным в 1932 году¹²⁹.

Куликов рассказал, что встретил Бухарина в мае 1932 года, когда шел по улице Герцена¹³⁰. Разговаривая, они дошли до

¹²⁶ СПО ГУГБ — Секретно-политический отдел Главного управления государственной безопасности.

¹²⁷ Протокол допроса участника контрреволюционной террористической организации правых Е.Ф. Куликова. 30 ноября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 259. Л. 37

¹²⁸ Там же. Л. 39.

¹²⁹ Протокол допроса участника контрреволюционной террористической организации правых Е.Ф. Куликова. 6 декабря 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 260. Л. 9.

¹³⁰ В настоящее время эта улица называется Большой Никитской.

Александровского сада и здесь, прогуливаясь вдоль него по тротуару, Егор Федорович якобы заявил Николаю Ивановичу в резкой форме, что рядовые участники московской организации требуют от союзного центра правой оппозиции «перехода к решительным действиям по отношению к руководству ВКП (б)»¹³¹. Бухарин же вместо ответа спросил: «А что у вас есть, есть ли у вас нужные кадры боевых, решительных людей, покажите мне их»¹³². Куликов сообщил Бухарину, что такие кадры есть и назвал конкретные фамилии. Тогда Бухарин якобы сказал, по показанию Куликова: «Ну что ж в таком случае действуйте, для нас ясно, что Сталин сам не уйдет, его надо убрать»¹³³. Далее в протоколе допроса Куликова записаны следующие его слова: «Таким образом Бухарин лично мне подтвердил директиву союзного центра, ранее полученную через Угланова о необходимости перехода к наиболее решительным средствам в борьбе с руководством ВКП (б), о необходимости убийства Сталина»¹³⁴.

Направляя данный протокол Сталину в ночь с 6-го на 7-е декабря, нарком внутренних дел Ежов написал в сопроводительном письме: «Куликов показал, что в 1932 году им лично была получена от Бухарина Н.И. директива о необходимости убийства тов. Сталина»¹³⁵.

Это показание Куликова на Бухарина появилось удивительно вовремя, что уже само по себе вызывает предположение о его сфабрикованности. Последовавшее смягчение Сталиным участи Куликова лишь усиливает данное подозрение. 15 мая 1937 года Ежов представил в на утверждение Политбюро ЦК ВКП (б) предложенные меры наказания для участников правой оппозиции, дела которых передавались в военную коллегия Верховного суда СССР. Фамилия Куликова стояла в списке первой — «расстрельной» — категории. Сталин красным карандашом начертал ему наказание в виде 10 лет заключения в исправительно-трудовом лагере, которое и было

¹³¹ Протокол допроса Е.Ф. Куликова. 6 декабря 1936 г. Л. 2.

¹³² Там же. Л. 3.

¹³³ Там же. Л. 3.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Сопроводительное письмо Н.И. Ежова секретарю ЦК ВКП (б) И.В. Сталину к протоколу допроса Е.Ф. Куликова от 6 декабря 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 260. Л. 8.

назначено судьями¹³⁶. Между тем на допросах Егор Федорович признавался в том, что весной 1932 г. хотел самолично убить секретаря ЦК ВКП (б) Кагановича.

7 декабря 1936 года, до начала второго заседания Пленума в ЦК ВКП (б) в присутствии Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Микоян, Орджоникидзе, Андреева, Жданова и Ежова состоялись три очные ставки Бухарина арестованными, давшими против него показания: Куликовым, Сосновским и Пятаковым. Они заняли все вместе четыре часа.

Куликов повторил во время очной ставки то, что говорил о майской 1932 года встрече с Бухариным на допросе днем ранее, с небольшими, несущественными отличиями: «Я сказал Николаю Ивановичу, что нас, членов московского центра, жмут участники организации, требуя перехода к решительным действиям против ЦК партии, подчеркнул, что вы, Николай Иванович, и союзный центр медлите. В ответ на эти упреки Николай Иванович осыпал меня тоже упреками и говорит: “Вы всё говорите — действовать, действовать, а есть ли у вас кадры”. Я сказал, что эти кадры вы сами хорошо знаете, у нас они есть, и сказал о Матвееве, Котове, невском, есть молодежь, например, в Промакадемии, которая будет действовать, и что надо только, чтобы руководство было более решительным. Тогда Николай Иванович и говорит: “Ну что же, надо действовать, и для нас совершенно ясно, что Сталин сам не уйдет, его надо убрать”»¹³⁷. Изложив эти свои показания, Куликов обратился к Бухарину: «Так это было, Николай Иванович?» Бухарин с волнением выпалил в ответ: «Я обо всём скажу, обо всём» и замолчал.

После того, как Куликов был выслушан, Бухарину была предоставлена возможность ответить на его показания. Николай Иванович категорично отверг выдвинутое против него обвинение в том, что он призывал к террору против руководства ВКП (б). Но факт встречи с Куликовым на улице Герцена в мае 1932 года признал. Более

¹³⁶ Находясь в заключении, Е.Ф. Куликов, как следует из сохранившихся документов ГУЛАГа, 11 сентября 1943 г. умер.

¹³⁷ Протокол очной ставки между Н.И. Бухариным и Е.Ф. Куликовым в ЦК ВКП (б). 7 декабря 1936 г. // Декабрьский Пленум ЦК ВКП (б) 1936 года. Документы и материалы. М., 2017. С. 259.

того он признался и в том, что спрашивал у Куликова: «Где же у вас крепкие люди?»¹³⁸ И хотя Бухарин при этом подчеркнул, что никогда не произносил слово «террор», а говорил лишь о «твердых людях», он дал своим противникам основание задать ему весьма неприятные вопросы. Нарком внутренних дел Ежов спросил Бухарина: «В 1932 году ты счёл возможным вести с Куликовым разговор о том, что нужно действовать, нужны крепкие люди. Зачем они были нужны?»¹³⁹ Бухарин постарался уйти от ответа на этот коварный вопрос, но Ежов дважды его повторил. Вынужденный отвечать, Бухарин выдал из себя: «Я боялся, что если я скажу Куликову и другим о том, что мы совершенно обанкротились, они мне скажут: ага, и ринутся в противоположную сторону. Я хотел оставить какие-то верёвочки»¹⁴⁰. И тут же последовал новый вопрос Ежова: «Зачем тебе нужны были эти верёвочки?» «Они нужны были, — заговорил в ответ Бухарин, — для того, чтобы по возможности исправить людей... Я хотел привести всех их в лоно партии. Я боялся не того, что потеряю этих людей для себя, я боялся, что они будут потеряны для партии»¹⁴¹. Эти ответы Бухарина можно было бы назвать глупыми, если бы не трагичная нелепость ситуации, в которой он оказался...

Второе заседание Пленума ЦК ВКП (б) открылось, как и было намечено, 7 декабря, но не в назначенные 15.00, а лишь четыре часа спустя — в 19.00. Для сообщения по делу Бухарина и Рыкова от имени Политбюро слово было предоставлено секретарю ЦК И.В. Сталину. Он сказал, что перерыв между заседаниями члены Политбюро «использовали для того, чтобы присутствовать на очной ставке Бухарина и Рыкова с теми людьми, которые их оговорили»¹⁴². Сообщая о результатах очных ставок, Сталин отметил, что все показания Куликова, Сосновского и Пятакова относятся к периоду до 1932 года. По его словам, Куликов немного сбивался, когда заявлял, что «Бухарин ему сказал, что надо активизировать борьбу против партии, и неплохо было бы Сталина угробить. Но во время

¹³⁸ Там же. С. 267.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же. С. 270.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Стенограмма заседания Пленума ЦК ВКП (б). 4, 7 декабря 1936 г. С. 93.

перекрестных вопросов выступал Бухарин,..¹⁴³ — у нас получилось впечатление — не совсем точно то, что сообщает Куликов, и нуждается оно в проверке, во всяком случае. Сосновский более определённо говорит о Бухарине. Он был у Рыкова, с Рыковым у него не было политических разговоров, но с Бухариным у него был политический разговор. Они сошлись на том, что практика террора правильна. Бухарин категорически отрицает, они стали ругаться друг с другом. У нас впечатление получилось, что и это дело надо проверить. Нет такого впечатления, чтобы можно было начисто принять всё то, что нам сообщил Сосновский»¹⁴⁴.

О показаниях же Пятакова против Бухарина Сталин сказал следующее: «Насчёт террора он сообщает, что он рассказал об этом Бухарину. Бухарин не возражал, но молчаливо, видимо, соглашался. Бухарин наотрез отрицает какие бы то ни было политические разговоры с Пятаковым в 1932 году. У нас, у членов Политбюро... получилось впечатление такое, что не вполне заслуживает доверия сообщение Пятакова. Было такое время, когда Бухарин хотел сагитировать Пятакова и рассказал ему кое-что, а Пятаков взял да в ЦК сообщил. Но мало этого, кроме того, и Пятаков не очень настойчиво говорил об этом»¹⁴⁵.

Подобную характеристику Политбюро сочло необходимым дать и показаниям на А.И. Рыкова. «Общее сообщение о том, что он знал, что надо контактировать с группой правых, и что в центре группы правых были Бухарин, Томский, Рыков. Это такое общее сообщение, которое можно и сочинить, — сказал Сталин, выражая мнение членов Политбюро. — Всякому известно, кто такие правые, и кто был во главе. Ни в одном из показаний — я говорю о тех показаниях, которые мы сегодня имели, слушали, — нет указания насчёт того, что Рыков или Бухарин были бы связаны с какой-то террористической группой... Пятаков сказал, что насчёт Томского он не сомневается, что у него была связь с какой-то террористической группой; насчёт Бухарина и Рыкова он говорил только лишь о террористических разговорах. В

¹⁴³ Здесь в стенограмме приводится вопрос Сталина: «присутствует он здесь [?] и голоса в зале: «Присутствует».

¹⁴⁴ Стенограмма заседания Пленума ЦК ВКП (б). 4, 7 декабря 1936 г. С. 94.

¹⁴⁵ Там же.

связи с этим у нас создалось такое впечатление, что дело нельзя считать оконченным: оно нуждается в дальнейшей проверке. У нас складывалось такое мнение, что, не доверяя Бухарину и Рыкову в связи с тем, что стряслось в последнее время, может быть, их следовало бы вывести из состава ЦК. Возможно, что эта мера окажется недостаточной, возможно и то, что эта мера окажется слишком строгой. Поэтому мнение членов Политбюро сводится к следующему — считать вопрос о Рыкове и Бухарине незаконченным. Продолжить дальнейшую проверку и очную ставку, и отложить дело решением до следующего Пленума ЦК»¹⁴⁶.

Это предложение Политбюро было единогласно принято Пленумом ЦК ВКП (б). Вместе с тем было решено не объявлять о состоявшемся Пленуме в газетах. После этого члены ЦК также единодушно приняли предложение Политбюро считать законченным обсуждение дела Бухарина и Рыкова и Пленум закрыть.

Бухарин был обнадежен таким завершением Пленума и подошел к Сталину на разговор. «Коба! — сказал он. — Надо проверить работу НКВД, создать комиссию и расследовать, что там творится. До революции, во время революции и в тяжкие годы после ее совершения мы служили только революции. А теперь, когда трудности уже позади, ты веришь клеветническим показаниям? Хочешь выкинуть нас на грязную свалку истории? Опомнись, Коба! Сталин ответил безразличным тоном: «Ты что, хочешь сказать о своих прошлых заслугах, никто их у тебя не отнимает, но они же и у Троцкого были. Мало у кого было столько заслуг перед революцией, сколько было у Троцкого, между нами говоря»¹⁴⁷. Слова «между нами говоря» Сталин произнес дважды и в свойственной ему манере — с акцентом на «и», т.е. как «мижду нами говоря». При этом он произвольно погрозил кому-то указательным пальцем.

Дилетанту в политике Бухарину такая реакция гроссмейстера политических игр предвещала новые и еще более тяжкие испытания.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Этот короткий разговор Н.И. Бухарина с И.В. Сталиным по завершении декабрьского пленума ЦК ВКП (б) 1936 г. привела в своих мемуарах вторая супруга Николая Ивановича Анна Ларина. Как она сама подчеркнула, она передала его «с максимальной точностью», как рассказывал сам Бухарин. См.: *Ларина-Бухарина А. Незабываемое*. М., 1989. С. 316.

Впрочем, он хорошо понимал, что означало обсуждение его дела в рамках Пленума ЦК ВКП (б). За несколько часов до открытия второго заседания Пленума Николай Иванович передал в секретариат ЦК обширное заявление для всех членов ЦК с изложением своих возражений против выдвинутых в отношении его на Пленуме обвинений¹⁴⁸. Оценивая свое положение не только с политической, но и юридической точки зрения, он писал: «Обвинения, выдвинутые против меня на Пленуме, представляются мне просто чудовищными по своему характеру. Но я хочу обратить внимание и на другие стороны дела. Что получается? По разъяснениям т. Кагановича выходит, что Пленум ставит вопрос не юридически, а политически. Из хода прений вытекает, что речь идет об общей политической оценке таких-то обвиняемых или подозреваемых, а дальше, после решения Пленума, последуют очные ставки, подробный анализ фактов и т. д. Что же такое политическая оценка с этой точки зрения? Она выражается в предложениях резолютивного характера: вывести из состава ЦК, исключить из партии, предать суду и т. д. Это есть (или что-либо другое, дискриминирующее) решение наивысшей партинстанции. Что же тогда остается на долю дальнейшего следствия? Ясно: оправдать во что бы то ни стало обязательное решение, обязательное для следователя, обязательное для судебного следователя, обязательное для судьи (если дело доходит до суда), обязательное – как это ни странно – даже для подсудимого, если он еще член партии. Не может следствие обелить того, кто политически очернен высшей партийной инстанцией»¹⁴⁹.

¹⁴⁸ В записке, сопровождавшей это заявление, Бухарин написал: «Дорогой тов. Сталин! Прошу приказать настоящее мое заявление пленуму ЦК ВКП(б) размножить и раздать на пленуме (или заранее разослать его участникам), а затем приложить к стенограмме пленума. С ком. прив. Н. Бухарин. 10 ч. утра, 7 дек. 1936 г. Москва» // АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 260. Л. 13)

¹⁴⁹ Заявление Н.И. Бухарина Пленуму ЦК ВКП (б) с просьбой объективной оценки его политической деятельности // Декабрьский Пленум ЦК ВКП (б) 1936 года. Документы и материалы. С. 254.

В. А. Томсинов

**Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 – 1954):
государственный деятель
и правовед**

Часть 7

Опубликовано:

**Журнал «Законодательство»
2019.**

№ 8. С. 86–94. № 9. С. 85–94.

№ 10. С. 85–94. № 11. С. 86–94.

1

15 декабря 1936 года в газете «Правда» под рубрикой «В помощь пропагандисту» была опубликована без указания авторства статья «Правые отщепенцы — защитники реставрации капитализма», чрезвычайно встревожившая Бухарина. В ней давалась оценка политической платформы правой оппозиции конца 20-х годов. Лидеры правых ставились в один ряд с троцкистами и зиновьевцами. Они обвинялись в том, что «требовали свернуть промышленное строительство — в первую очередь строительство тяжелой индустрии — и прекратить строительство колхозов и совхозов, предоставив кулачеству возможность “спокойного развития”»; что «ратовали за отмену направленных против кулаков чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок и требовали ввоза хлеба из-за границы, — вместо необходимых для социалистической индустриализации машин, предлагали дать полную свободу кулацкому производству и кулацкой спекуляции хлебом. Они требовали снизить темпы социалистической индустриализации и настаивали на отказе от пятилетки»¹. Выводы, которые делались в статье, вполне могли составить основание для приговора уголовного суда: «По сути дела, выступая против политики социалистической индустрии и коллективизации, правые отказывались от построения социализма в нашей стране, стали на путь капитуляции, на путь реставрации капитализма». «Уже в самом начале своей борьбы против социалистического наступления правые капитулянты организовали гнусный беспринципный блок с троцкистско-зиновьевскими контрреволюционерами». «Действительность показала, что троцкистско-зиновьевские шпионы, убийцы, диверсанты и агенты Гестапо работали рука об руку с правыми реставраторами капитализма, с их лидерами»².

Реакция Бухарина на эту статью была незамедлительной и панической, но в письме к членам Политбюро, написанном сразу по прочтении статьи, он постарался скрыть истинное свое настроение. Указав, что в газете «Правда» только что появилась отрицательная

¹ Правые отщепенцы — защитники реставрации капитализма // Правда. 1936. № 344 (6950). 15 декабря. С. 2.

² Там же.

статья, в которой бывшие лидеры правой оппозиции, а следовательно, и он — Бухарин — обвиняются в том, что «шли рука об руку с троцкистами и диверсантами, Гестапо и т.д.», Николай Иванович сообщил, что считает необходимым «еще и еще раз» заявить:

«1. Ни словом, ни делом, ни помышлением я не имел и не имею ничего общего ни с какими террористами каких бы то ни было мастей. Я считаю чудовищным даже намёк на такое обвинение. Все последние годы я верой и правдой служил партии.

2. При всех и всяких обстоятельствах, всюду и везде, я буду настаивать на своей полной и абсолютной невинности, сколько бы клеветников ни выступало против меня со своими клеветническими показаниями и как бы они ни прикрывали эту клевету “благородными» побуждениями”»³.

Получив это письмо, Сталин направил его главному редактору «Правды» Л.З. Мехлису с резолюцией: «Вопрос о бывших правых (Рыков, Бухарин) отложен до следующего Пленума ЦК. Следовательно, надо прекратить ругань по адресу Бухарина (и Рыкова) до решения вопроса. Не требуется большого ума, чтобы понять эту элементарную истину»⁴.

В личном письме к Сталину, написанном 15 декабря 1936 года, Бухарин дал полную волю своим чувствам. «Дорогой тов. Сталин, сегодняшняя статья в «Правде» (а все знают, что означают такие статьи) уже исходит из «доказанности» неслыханно тяжких обвинений против лидеров правых (и, очевидно, в том числе и меня). Эта статья меня прямо свалила.

Нужно сказать, что и на Пленуме ЦК, и на очных ставках, когда на меня обрушивались чудовищные обвинения, мне казалось, что о мою голову рвутся бомбы, а я остаюсь каким-то чудом цел. Иногда мне представлялось, что все это происходит не со мной, а в каком-то кинематографе — до того трагически нелепым, просто невозможным

³ Письмо Н. И. Бухарина И. В. Сталину и членам Политбюро ЦК ВКП(б) с протестом против публикации в газете «Правда» обвинительной статьи в адрес бывших лидеров правой оппозиции. 15 декабря 1936 г. // Декабрьский Пленум ЦК ВКП (б) 1936 года. Документы и материалы. М., 2017. С. 296.

⁴ РГАСПИ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 710. Л. 179.

ощущал я каждое обвинение. Здесь просто нет слов человеческих, чтобы выразить все это...»⁵.

После этого совсем несвойственного политику признания Николай Иванович постарался отвести от себя обвинения, брошенные в его адрес Куликовым во время очной ставки 7 декабря 1936 года, но удар, нанесенный ему статьей «Правые отщепенцы — защитники реставрации капитализма», был явно сильнее. «Теперь, после статьи в «Правде», я политически убит, — жаловался он Сталину. — Это уже такой градус, когда все тускнеет. Уверен, что когда-нибудь и ты увидишь, что здесь была сделана вами ошибка. Еще раз говорю тебе: у меня нет никакой злобы: такова проклятая полоса. Но тем не менее жалко гибнущей чести революционера и связанной с ней жизни. Ведь ты понимаешь, что политическая смерть — это все. Нет слов, чтоб выразить всю муку от ложных обвинений, оскорблений, всего позора, от которого до абсолютного отчаянья — один маленький шаг.

Что мне теперь делать? Я забился в комнату, не могу видеть людей, никуда не выхожу⁶. Родные — в отчаянье. Я — в отчаянье, ибо почти бессилён бороться с клеветой, которая со всех сторон душит»⁷.

В конце письма Николай Иванович напомнил Сталину его слова на прошедшем Пленуме ЦК, чтобы возразить на них. «Ты сказал на Пленуме: “Бухарин бьет здесь на искренность”⁸. Ты ошибаешься: я ни

⁵ Письмо Н.И. Бухарина И.В. Сталину. 15 декабря 1936 г. // Декабрьский Пленум ЦК ВКП (б) 1936 года. Документы и материалы. С. 297.

⁶ Комната, о которой Бухарин пишет в данном письме, являлась бывшей спальней Сталина. После самоубийства жены Надежды Сергеевны Иосиф Виссарионович поменялся квартирами с Николаем Ивановичем. По воспоминаниям Анны Михайловны Лариной-Бухариной, в ней стояли «две кровати, между ними тумбочка, дряхлая кушетка с грязной обивкой, сквозь дыры которой торчали пружины, маленький столик. На стенке висела тарелка темно-серого репродуктора. Для Н.И. эта комната удобна была тем, что в ней были раковина и кран с водой; здесь же дверь в небольшой туалет. Так что Н.И. обосновался в той комнате прочно, почти не выходя из нее» (*Ларина-Бухарина А.М. Незабываемое. М., 1989. С. 317*).

⁷ Там же. С. 299.

⁸ Выступая заседании Пленума 4 декабря 1936 г. после оправдательной речи Бухарина, Сталин говорил: «Я хотел два слова сказать, что Бухарин совершенно не понял, что тут происходит. Не понял. И не понимает, в каком положении он оказался, и для чего на пленуме поставили вопрос. Не понимает этого совершенно. Он бьет на искренность, требует доверия» (Стенограмма заседания

на что не “бью”. Я в таком душевном состоянии, что это уже только полубытие. Я думаю уже в категориях, которые пишутся с большой буквы, о последних, предельных величинах работы, чести, жизни, смерти. Погибаю из-за подлецов, из-за сволочи людской, из-за омерзительных злодеев»⁹.

На что надеялся Бухарин, вновь обращаясь к Сталину с письмом-исповедью? Хотел ли он вызвать к себе сочувствие или же просто изливал переживания на бумагу? Николай Иванович не мог не понимать, что кампания против него направляется самим Сталиным, но почему-то всячески старался отгородиться от этого факта, обвиняя в своих бедах других людей — бывших соратников, чьи показания на допросах давали основания для предания его, Бухарина, уголовному суду.

После прошедшего 4 и 7 декабря 1936 года Пленума ЦК ВКП (б) работа следователей НКВД по сбору таких показаний заметно активизировалась. 21 декабря Н.И. Ежов направил Сталину письмо Л.С. Сосновского, написанное после очной ставки с Бухариным. Обращаясь к народному комиссару внутренних дел, арестованный заявлял: «Я решительно подтверждаю свои показания на следствии. Попытки Бухарина отделаться огульным отрицанием всего, что мною сказано о нашей с ним связи по к[онтр]-р[еволюционному] блоку, вынуждают меня настоятельно просить Вас предоставить мне возможность изобличить Бухарина до конца»¹⁰. Касаясь разговоров с Бухариным наедине во время работы в газете «Известия», Сосновский сообщил: «И первой темой был террор, обоснование его применения»¹¹. Другой темой таких разговоров являлась, по словам Сосновского, рютинская платформа. «Именно от Бухарина я услышал подробное изложение рютинской платформы», — отметил Лев Семенович, пояснив при этом, что «Бухарин охарактеризовал эту платформу как преемственно связанную с нынешней платформой

Пленума ЦК ВКП (б). 4, 7 декабря 1936 г. // Декабрьский Пленум ЦК ВКП (б) 1936 года. Документы и материалы. С. 57).

⁹ Там же.

¹⁰ Заявление Л.С. Сосновского на имя народного комиссара внутренних дел Н.И. Ежова. 21 декабря 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 262. Л. 124.

¹¹ Там же. Л. 129.

к[онтр]-р[еволюционного] блока, он подробно изложил мне ее суть и подчеркнул, что хотя слово “террор” в ней не упомянуто, но идея насильственного устранения Сталина развита совершенно отчетливо, резко»¹².

22 декабря 1936 года следователями секретно-политического отдела Главного управления государственной безопасности НКВД был допрошен находившийся под арестом активный участник правой оппозиции конца 1920-х годов, заведующий секретариатом Бухарина с 1928 года Е.В. Цетлин. Его показания оказались для Бухарина, пожалуй, наиболее опасными из всех. Ведь он был ближайшим соратником лидера правой оппозиции, знал о нем больше других арестованных, его показания имели поэтому больший вес.

Ефим Викторович рассказал на допросе о созданных во второй половине 1920-х годов организационных структурах правой оппозиции — так называемой «бухаринской школы молодежи» и «общесоюзном центре организации правых» в составе Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, М.П. Томского, Н.А. Угланова и А.Н. Смирнова, о росте «террористических настроений» среди членов правой оппозиции, о подготовке правыми террористических актов против руководителей ВКП (б).

Из показаний Цетлина следовало, что, потерпев поражение в открытом столкновении со Сталиным на апрельском 1929 года Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б), Бухарин начал готовить насильственное его свержение. В поисках людей, которые могли осуществить террористические акты против руководителей ВКП (б), он обратился к бывшему эсеру Семенову. На вопрос, о каком Семенове идет речь, Цетлин ответил: «Семенов — бывший руководитель боевой организации эсеров, осуществивший террористическое покушение на Ленина, а также убийство Урицкого и Володарского»¹³. Затем в ходе

¹² Там же. С. 130.

¹³ Протокол допроса Е.В. Цетлина. 22 декабря 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 263. Л. 165. Григорий Иванович Семенов (1891–1937) действительно был умелым организатором террористических актов. С 1907 г. он являлся членом анархистско-коммунистической организации. В 1912 г., разочаровавшись в анархизме, вступил в ряды партии социалистов-революционеров, в начале 1918 г. вошел в состав ее центрального комитета. В мае 1918 г. по предложению Г.И. Семенова при ЦК партии эсеров был создан центральный боевой отряд для организации

допроса добавил: «Личные качества Семенова, как опытного боевика, организатора, особенно высоко расценивались центром нашей организации и в первую очередь Бухариным, который был наиболее близко связан с ним и знал его лучше нежели другие члены правых»¹⁴.

Когда следователи задали Цетлину естественно напрашивавшийся вопрос: давались ли Семенову «какие-либо практические задания по террору», он ответил: «Мне говорил Бухарин, что в начале 1933 г. он поставил перед Семеновым задачу подготовки и проведения террористического акта против Сталина и Кагановича. На Семенова возлагались большие надежды в этом отношении, так как считали, что он является наиболее подходящим человеком, который сможет сколотить террористическую группу и до конца довести подготовку террористического акта. Однако передоверить эсерам целиком подготовку и осуществление терактов над руководителями ВКП (б) мы не считали возможным»¹⁵.

Согласно показаниям Е.В. Цетлина, Бухарин рассматривал в качестве еще одного варианта насильственного отстранения Сталина от власти **заговор**. «Уже начиная с 1930 г., — рассказывал на допросе

террористических актов против большевистских руководителей. По некоторым данным Семенов действительно являлся организатором покушений на В. Володарского (М.М. Гольдштейна) 20 июня 1918 г., Ленина и М.С. Урицкого 30 августа 1918 г. В сентябре того же года он был арестован, но за отсутствием против него улик в апреле 1919 г. его освободили под поручительство члена Президиума и секретаря ВЦИК Авеля Енукидзе. С этого времени Г.И. Семенов, формально не выходя из партии эсэров, стал работать на большевиков, выполняя задания руководства ВЧК. В январе 1921 г. Оргбюро ЦК РКП (б) секретным решением приняло Семенова в ряды коммунистической партии. В феврале 1922 г. в Берлине и Москве вышла брошюра «Военная и боевая работа Партии Социалистов-Революционеров за 1917-1918 г.г.», на обложке которой в качестве фамилии автора был указан Г. Семенов (Васильев). Ее материал стал важнейшим основанием для обвинения социалистов-революционеров на судебном процессе в Москве в июне-августе 1922 г. В дальнейшем Г.И. Семенов привлекался к выполнению разного рода заданий по линии Разведывательного управления РККА и Иностранного отдела ОГПУ. 11 февраля 1937 г. он был арестован по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. 8 октября того же года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу.

¹⁴ Протокол допроса Е.В. Цетлина. 22 декабря 1936 г. Л. 166–167. Бухарин действительно хорошо знал Г.И. Семенова. Он познакомился с ним летом 1922 г., когда выступал его защитником на процессе социалистов-революционеров.

¹⁵ Там же. Л. 167.

Ефим Викторович, — в нашей среде распространилась путчистская идея так называемого “дворцового переворота”». На вопрос следователей, кто ее выдвинул, Цетлин ответил: «Инициатором идеи “дворцового переворота” был лично Н.И. Бухарин, выдвинув ее с полного согласия и одобрения Рыкова и Томского, а наиболее ревностными сторонниками и популяризаторами этой идеи были участники нашей организации Слепков, Кузьмин и Сапожников»¹⁶. Подробности, которые соратник Бухарина далее сообщил, заставляют, если не поверить, то весьма серьезно отнестись к этому показанию. Следователи НКВД вряд ли были способны придумать подобное.

По рассказу Цетлина, в марте 1930 года он, Сапожников и Слепков собрались у Бухарина в квартире. Во время этой встречи Бухарин «развернул обоснование идеи “дворцового переворота”». Николай Иванович «доказывал, — свидетельствовал на допросе Цетлин, — что при известных обстоятельствах “дворцовый переворот” является эффективным и действенным способом добиться устранения “ненавистного руководства”, как он выразился, в противном случае, неизбежна длительная борьба за власть. Выдвигалось два варианта осуществления “дворцового переворота”: первый — распространить наше влияние на охрану Кремля, сколотив там ударное ядро преданных делу нашей организации людей и совершить переворот путем ареста руководителей ВКП (б) и советской власти; второй — создать ударное ядро в какой-либо воинской части, расквартированной в Москве, вне Кремля и используя служебное положение Рыкова, как председателя СНК, ввести эту воинскую часть, по его приказу, в Кремль.

В случае удавшегося переворота предполагалось, что пост секретаря ЦК займет Томский, остальные руководящие посты в аппарате ЦК займут Слепков и участники его группы. Рыков сохранит за собой руководство СНК, Бухарин встает во главе руководства партией и Коминтерна. Кроме того, к руководству привлечены будут также троцкисты и зиновьевцы, в частности, из

¹⁶ Там же. Л. 170.

среды военных троцкистов предполагалось наметить кандидатуру Наркомвоенмора. Каменева предполагалось назначить заместителем председателя СТО и председателем Госплана, т.е. фактическим руководителем всей хозяйственной жизни страны, Зиновьева, наряду с Бухариным, предполагалось вернуть к руководству Коминтерна.

По мысли Бухарина вскоре же после переворота должен быть созван чрезвычайный объединительный съезд партии, с участием троцкистов, зиновьевцев и представителей других, в разное время исключенных из партии, течений»¹⁷.

Самой убийственной для лидеров правой оппозиции частью показаний, данных арестованным Е.В. Цетлиным, был рассказ о том, как они намеревались решить вопрос о дальнейшей судьбе смещенных со своих постов руководителей партии и Советского государства. «Во время майского разговора в 1930 г. относительно возможности совершения “дворцового переворота”, — сообщил Ефим Викторович, — присутствовавший при этом разговоре Сапожников поставил перед Бухариным вопрос о том, как представляет он себе дальнейшую судьбу арестованных во время переворота руководителей ВКП (б) и правительства. Вспоминаю, что на этот вопрос ответил Слепков, который сказал, что заключение руководителей ВКП (б) и правительства в политизолятор или высылка за границу — опасный шаг. Надо иметь в виду, подчеркнул Слепков, что Сталин, даже находясь в изоляторе или за границей, будет представлять для нас большую угрозу и единственно правильное решение этого вопроса будет заключаться в физическом уничтожении, если не всего руководства, то, по крайней мере, Сталина»¹⁸.

После этого рассказа Цетлин привел весьма примечательную деталь. Высказав мнение о том, как поступить в случае успешного переворота с арестованными руководителями партии и государства, Слепков обратился к Бухарину со словами: «Знаете, учитель, когда все это начнется, мы запрем Вас в кабинете, а то по свойственному Вам мягкосердечию, Вы испортите нам все дело». Задетый за живое этой

¹⁷ Там же. Л. 171-172.

¹⁸ Там же. Л. 172.

характеристикой, Бухарин, по воспоминанию, Цетлина, вскочил с кресла и заявил: «Ничего подобного, Саша, меня не придется запирать, я буду драться, как лев». Свой рассказ следователям об этом эпизоде Ефим Викторович закончил замечанием: «Вместе с тем Бухарин полностью одобрил мнение Слепкова о необходимости физического устранения Сталина»¹⁹.

Протокол допроса Е.В. Цетлина от 22 декабря 1936 года нарком внутренних дел Ежов на следующий день направил лично Сталину. Можно представить, с какими тяжелыми чувствами воспринимал Иосиф Виссарионович исповедальные письма Бухарина после прочтения этого документа. А Николай Иванович продолжал ему писать. Перед новым годом Сталин получил от него еще одно послание. Прочитал сам и передал напечатанный на пишущей машинке пятистраничный текст письма другим членам Политбюро. На первом листе экземпляра письма, хранящегося в Российском государственном архиве социально-политической истории видны пометки: «читал» и подпись — В. Молотов, «читал» и подписи — Л. Каганович, Орджоникидзе, К. Ворошилов и др.

«Дорогой Коба, — начал письмо Бухарин, — подходит новый год, и я решил тебе снова написать, ведь только тебе я и могу писать.

Никуда выходить я не могу, видеть людей не могу, лежу в четырех стенах со слабеющей головой, ибо душевные терзания из-за неслыханных обвинений меня, который ни в чем невиновен и с увлечением работал за наше дело — превосходят все. Мое положение чудовищно и беспрецедентно»²⁰.

Сообщая в очередной раз о своих душевных муках, Бухарин вряд ли надеялся разжалобить Сталина, вызвать в нем хоть какое-то сочувствие. Скорей всего он просто хотел показать, что уже понес наказание за свои прегрешения, причем настолько тяжкое, что наказывать его дополнительно нет никакого смысла. Стремясь внушить Сталину эту мысль, Бухарин предельно эмоционально и даже истерически сокрушался: «Что же, неужели я буду отшит от

¹⁹ Там же. Л. 173.

²⁰ Письмо Н.И. Бухарина И.В. Сталину. Вторая половина декабря 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 266. Л. 1.

жизни и борьбы? От всего, чем жил всю свою жизнь? Потому, что негодяи так опутали меня клеветой со всех сторон, что даже многие их вас — очевидно ей поверили? Неужели я буду обречен на фактическое бездействие и политическую смерть, когда я всем существом предан делу, и когда я еще кое-что могу сделать полезное? Неужели мне вечно быть не то в подозреваемых, не то прямо во врагах без всякой с моей стороны вины?»²¹

Как и в предыдущих своих письмах Сталину Бухарин обращал внимание на нелогичность выдвинутых против него обвинений, призывал более критически отнестись к показаниям арестованных участников правой оппозиции. «Я не знаю всего дела во всех его элементах и составных частях. А у вас — все карты на руках, — молил он. — Посмотрите, ради бога, не действовал ли кто моим именем, как вывеской, помимо меня. Проверьте, что я с лета 1932 г. никого из бывших “своих” молодых или “углановских” не видал. Проверьте, что рютинской платформы, кроме как у тебя, я не видал и ни с кем ее не обсуждал... Вспомните, как Куликов “разоблачал” меня в рютинщине, до того, как была эта рютинская платформа. Вспомните старое: вспомните старую тактику Троцкого, его теорию “стравливания” членов ЦК, сознательную ядовитую тактику: чтоб все запутать, перессорить, стравить, запереть в бутылку! Подумайте, прошу, над вопросом: мог ли я, если бы занимался борьбой, плясать под рютинскую дудку, а не сам писать платформы?»²²

В конце письма Бухарин так же, как и ранее, присягал на верность сталинскому руководству большевистской партии, призывая к жестоким репрессиям против на его врагов. «Вычистить всех негодяев и расправиться с ними — необходимо беспощадно. Что тут говорить? Болезнь оказалась запущенной из-за излишней доверчивости — тоже верно. Враг оказался подлее, двоедушнее, хитрее и гнуснее во сто крат, чем можно было предполагать — тоже верно. Это все стало аксиомой. Но я то — в лагере вашем (нашем), а не ихнем»²³.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 2-3.

²³ Там же. Л. 4.

Поздним вечером предпоследнего дня 1936 года Бухарин получил целую папку протоколов допросов арестованных, проходивших по делу антисоветского троцкистского центра: Ю.Л. Пятакова, Г.Я. Сокольникова, К.Б. Радека, Н.И. Муралова, И.А. Князева. Ему можно было не реагировать на эти документы — лишь в протоколе допроса Пятакова от 23 декабря 1936 года имелись упоминания о нем, намекавшие на некую связь или контакт троцкистов и бухаринцев. Однако он решил не упустить случая, чтобы еще раз заявить руководству ВКП (б) о своей невинности и приверженности сталинской репрессивной политике. Поэтому внимательно прочитав протоколы допросов, сел писать свой отзыв на них Сталину, членам Политбюро ЦК ВКП (б) и наркому внутренних дел Ежову. «Нельзя без омерзения и безграничного негодования, — возмущался Николай Иванович, — читать про подвиги этих бывших людей, торгующих партией, страной, распродающих ее врагам. Убийцы и торговцы кровью страны — нет им имени. Особо ужасно было мне читать показания Радека, оказавшегося таким чудовищем. Что же стоит поиграть им честью (и даже жизнью) одного, другого, третьего, раз они играют в “мировом масштабе” свою кровавую игру?»²⁴

Обвинительная тирада Бухарина в адрес очередной группы троцкистов, которую готовили на заклание, своей уничижительной образностью явно превосходила самые резкие обвинительные выпады прокурора СССР Вышинского. При этом Николай Иванович не забывал про себя. «У этих троцкистов по сути дела одна установка, — говорил он: — белый террор, привод иностранных войск, распродажа социалистической родины и измена. Несмотря на страшную моральную тяжесть, испытываемую мной из-за гор клеветы этих кровавых собак, иногда мне делается просто смешно, что меня хотят так или иначе связать с такими людьми. Думаю, что и среди членов ПБ (Политбюро. — В.Т.) не найдется товарищей, которые всерьез могут меня заподозрить в таких установках»²⁵.

²⁴ Письмо Н.И. Бухарина И.В. Сталину и членам Политбюро ВКП(б). 1 января 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп.171. Д. 266. Л. 11.

²⁵ Там же.

Тот факт, что Бухарина стали знакомить с протоколами допросов обвиняемых по делу антисоветского троцкистского центра, внушал ему надежду на благоприятное разрешение его собственного дела. Последние слова его новогоднего письма Сталину и другим членам Политбюро звучали поэтому с некоторым оптимизмом: «Пишу в новогоднюю ночь и в новогодний день. Я прямо задыхаюсь от всей этой паутины, которой хотят злодеи залепить мне глаза и меня уничтожить. Но, несмотря на свою физическую слабость и нервное расстройство, я, пока жив, буду обороняться от клеветы и надеюсь, что правда победит»²⁶.

Тем временем завершалась подготовка судебного процесса над М.Н. Рютиным. Достойное в высшей степени поведение Мартемьяна Никитича на следствии сделало невозможным рассмотрение его дела в рамках открытого судебного разбирательства. Поэтому 9 января 1937 года Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла определение, постановившее судить его в закрытом заседании на основании Указа ЦИК Союза ССР от 1 декабря 1934 года, который установил упрощенный порядок расследования и рассмотрения дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти. Согласно ему разрешалось: обвинительное заключение вручать обвиняемым всего за одни сутки до рассмотрения дела в суде, дело слушать без участия сторон, не допускать кассационного обжалования приговоров и подачи ходатайств о помиловании, приговор к высшей мере наказания приводить немедленно по вынесении приговора.

Применить эти правила для рассмотрения дела М.Н. Рютина оказалось возможным, поскольку прокурор СССР Вышинский внес в формулу обвинения пункт, который ничем не подтверждался, то есть представлял собой явную ложь: «Рютин возглавлял одну из террористических групп, подготавливавшую террористический акт против руководства ВКП(б) и Советского правительства, высказывал желание лично принять участие в убийстве т. Сталина». Помимо этого, Мартемьян Никитич признавался в составленном Вышинским обвинительном заключении виновным в том, что на протяжении ряда

²⁶ Там же. Л. 24.

лет вел активную борьбу против руководства ВКП(б) и являлся руководителем созданной им контрреволюционной организации — так называемого «союза марксистов-ленинцев».

10 января 1937 года состоялось заседание Военной коллегии Верховного суда, на котором было рассмотрено дело М.Н. Рютина. Оно длилось всего 40 минут. Подсудимый не признал себя виновным и отказался от дачи каких-либо показаний по существу предъявленных ему обвинений. Этой линии поведения Мартемьян Никитич придерживался и во все время следствия. В заявлении Президиуму ЦИК Союза ССР от 11 ноября 1936 года он объяснил свою позицию следующими словами: «Будучи глубочайше убежден в своей невинности в том, в чем меня теперь обвиняют, находя это обвинение абсолютно незаконным, произвольным и пристрастным, продиктованным исключительно озлоблением и жаждой новой, на этот раз кровавой расправы надо мной, я, естественно, категорически отказался и отказываюсь от дачи всяких показаний по предъявленному мне обвинению. Я не намерен и не буду на себя говорить неправду, чего бы мне это не стоило»²⁷.

В результате Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила М.Н. Рютина к расстрелу. Через полтора часа после вынесения этого приговора Сталин избавился от самого стойкого, самого идейного и потому опасного своего противника.

Для Бухарина это была плохая новость. В числе выдвинутых против него обвинений одно из самых серьезных касалось его участия в написании памфлета «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». Рютин мог помочь ему отвергнуть данное обвинение, поскольку Мартемьян Никитич никогда не отказывался от авторства в отношении этого антисталинского произведения. После расстрела Рютина никто больше не мог облегчить положение Бухарина.

В связи с этим любопытно, что в обвинительном заключении по делу М.Н. Рютина Вышинский указал, что Рютин являлся не автором, а **«соавтором** так называемой “Рютинской” к[онтр]р[еволюционной]

²⁷ Заявление арестованного М.Н. Рютина, адресованное Президиуму ЦИК СССР. 11 ноября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 254. Л. 67.

террористической платформы правых, созданной в 1932 году». Тем самым прокурором СССР была сохранена возможность обвинять Бухарина в ее написании.

11 января 1937 года по Бухарину был нанесен новый удар — ему передали для ознакомления тексты протоколов последних допросов Карла Радека и Ефима Цетлина. Николай Иванович увидел здесь просто убийственные показания против него бывших соратников. Сразу после их прочтения он отправил Сталину, членам Политбюро и наркому Ежову письмо, в котором не скрыл своего чрезвычайного возмущения и панического настроения:

«Дорогие товарищи! Только что получил подлые, все превосходящие, гнусно-жульнические, рафинированно-хитрые показания Радека и сумасшедший бред Цетлина. Прошу об очной ставке с Радеком в присутствии членов ПБ — и с вызовом на эту очную ставку моей жены, А. Лариной (она была при всех разговорах моих с Радеком после моего приезда из Азии: пусть Радек и ее видит), а также с Е. Цетлиным, если он вменяем.

Я поражен его клевете против меня и ничего подобного о том, что он говорит о себе, никогда от него не слыхал. А Радеку для его хозяев нужна моя голова, как частичная компенсация за провал их гнусного злодейства!

Сегодня и завтра я буду писать разбор этих подлостей, поскольку они поддаются разбору. Все обвинения я с возмущением и негодованием отвергаю, как кровавую клевету. С комм. прив. Н. Бухарин»²⁸.

В личном письме Сталину Бухарин попросил его присутствовать на очной ставке. «Иначе она не имеет для меня смысла, — приписал он. — Поток клеветы может задавить и задушить. Еще раз говорю тебе: ни в чем я не виноват. Слов больше сейчас нет»²⁹.

11 января 1937 года состоялся еще один весьма значимый для Бухарина допрос. Показания дал *Валентин Николаевич Астров* (1898–1993), выпускник находившегося под влиянием Бухарина Института

²⁸ Письмо Н.И. Бухарина И.В. Сталину и членам Политбюро ЦК ВКП(б). 11 января 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 270. Л. 1.

²⁹ Там же.

красной профессуры, входивший в конце 20-х годов в группу так называемых «молодых бухаринцев». Он был арестован еще в феврале 1933 года³⁰. Сначала его обвинили в участии в рютинской подпольной организации «Союз марксистов-ленинцев», но затем ему вменили, как и другим «молодым бухаринцам», участие в «контрреволюционной организации правых, ставившей своей целью активную борьбу с Советской властью и восстановление капиталистического строя в СССР» и проведение «активной контрреволюционной деятельности и контрреволюционной агитации, направленной в интересах международной буржуазии». Одним из главных оснований для выдвижения против группы «молодых бухаринцев» таких обвинений стали показания В.Н. Астрова³¹. Незадолго до своей смерти³² Валентин Николаевич в письме в газету «Известия» признался, что еще в апреле 1933 году ему «предложили подписать обязательство сообщать НКВД об антисоветских высказываниях или действиях» в окружающей его среде. Он не нашел возражений на это предложение и «безоглядно, не предвидя всех возможных последствий», ухватился за него, как «единственную доступную “ниточку”», хоть как-то связывающую его с партией, к которой, как он написал, «прирос с юношеских лет». При этом он утверждал: «Полностью требований рассказать о террористической деятельности “правых” я все-таки не выполнил, но “признал”, что “мы, правые” (не исключая самого себя), и “наши лидеры” якобы признали в принципе допустимыми террористические методы в борьбе против партийного руководства в будущем при обострении политической ситуации в стране»³³.

³⁰ В момент ареста, как следует из материалов уголовного дела, В.Н. Астров являлся старшим научным сотрудником Института истории Коммунистической академии.

³¹ Справка Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «О так называемой “Антипартийной контрреволюционной группе правых Слепкова и других (“Бухаринская школа”)”» // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 46–47.

³² В.Н. Астров умер 15 июля 1993 г.

³³ Астров В.Н. С меня следователи требовали показания // Известия. 1993. № 38. 27 февраля. Данное письмо В.Н. Астров написал в ответ на слова А.М. Лариной-Бухариной о нем из ее комментария к публикации в газете «Известия» (1992. № 226. 13 октября). Вдова Бухарина назвала Астрова одним из «профессиональных провокаторов», завербованным ОГПУ еще в конце 20-х годов. Также см.:

Как бы то ни было, постановлением Коллегии ОГПУ от 16 апреля 1933 года по делу об «антипартийной группе правых» В.Н. Астрову было назначено 3 года тюремного заключения, но 13 июня следующего года это наказание было заменено «ссылкой в Воронеж на оставшийся срок». В ноябре 1936 года он был вновь арестован и, очевидно, что на этот раз как человек, сотрудничавший с Бухариным и способный дать порочащие его показания.

Допрос В.Н. Астрова, состоявшийся 11 января 1937 года, начался со следующего вопроса следователей Главного управления государственной безопасности НКВД: «Вы подали заявление о готовности дать откровенные показания о деятельности контрреволюционной организации правых. Что вы намерены показать?» Астров, если судить по протоколу допроса, ответил: «Я хочу дать следствию откровенные показания. В 1933 году я был в Москве арестован ОГПУ и скрыл тогда от следствия целый ряд далеко не второстепенных фактов из нелегальной деятельности организации правых. Сейчас я намерен рассказать всю правду». «Что вы подразумеваете под этими «далеко не второстепенными фактами»? — спросили следователи. «Под этим я, прежде всего, подразумеваю, — дал ответ Астров, — террористическую работу правых. Я хочу рассказать как на протяжении ряда лет, начиная еще с того периода, когда организация правых только складывалась, как в этой организации формировались террористические настроения против руководителей партии и правительства, настроения, вылившиеся впоследствии в прямой переход к подготовке террористических актов. Я хочу, насколько мне позволит память, также показать как руководители организации правых, в особенности БУХАРИН, еще задолго до открытых выступлений против партии, упорно готовились к этому удару. Я хочу вскрыть нашу тактику в связи с двурушническими заявлениями в 1929 году об отказе от своих взглядов — тактику, существо которой состояло в маневре для

перегруппировки наших сил с целью продолжения борьбы с партией, борьбы, не прекращавшейся до последнего времени»³⁴.

2

Очные ставки, о которых Н.И. Бухарин просил лично Сталина и членов Политбюро после прочтения протоколов допросов Карла Радека и Ефима Цетлина, состоялись 13 января 1937 года в помещении Оргбюро ЦК ВКП (б). Николай Иванович надеялся, что продемонстрирует абсурдность выдвинутых против него обвинений, покажет, что ничего серьезного против Сталина не предпринимал, убедит его, что ни в кое мере не может быть для него опасен. Он совершенно не понимал, какую угрозу таил для Сталина, тогда как Сталин понимал это предельно ясно...

Помимо Сталина на очных ставках присутствовали члены Политбюро К.Е. Ворошилов, Н.И. Ежов, Л.М. Каганович, В.М. Молотов и Серго Орджоникидзе. Жена Бухарина А.М. Ларина, которую он просил вызвать на свою очную ставку с Карлом Радеком, не была на нее приглашена. 12 января Анна Михайловна направила Сталину письмо, в котором подтвердила слова мужа о том, что все разговоры Радека с Бухариным, пересказанные Радеком в искаженном содержании на допросе во время следствия, происходили в ее присутствии. «Вчерашние Радековские показания меня буквально ошеломили, — сообщала она Сталину, — поэтому я и решилась, все-таки, Вам написать. Я почти всегда бывала у Радека с Н.И. и хочу рассказать Вам, как этот негодяй себя вел.

Иосиф Виссарионович, Вы меня не знаете, видели когда-то совсем девочкой, наверное, и не помните, может, мои слова будут иметь мало значения. Но верьте, я Вам пишу от чистого, молодого комсомольского сердца, одну лишь правду, что я сама слышала и видела»³⁵.

³⁴ Протокол допроса Астрова Валентина Николаевича от 11 января 1937 года // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 20–21.

³⁵ Письмо А.М. Лариной-Бухариной И.В. Сталину. [12 января 1937 г.] // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 270. Л. 122.

Описав обстоятельства, при которых состоялись разговоры Бухарина с Радеком и краткую их суть, Анна Михайловна попросила Сталина вызвать ее на очную ставку с Радеком, простодушно заявив: «Может, этот мерзавец хоть меня постесняется, хотя они все уже потеряли всякую совесть»³⁶. И с такой же непосредственностью сообщила про своего несчастного мужа: «Ник[олай] Ив[анович] в состоянии ужасном, он не спит, ни ест, уже 2 дня совсем ничего не ел. Ждет звонка из Вашего секретариата. Если бы Вы его вызвали, было бы хоть маленькое облегчение, он этого ждет с нетерпением. Я очень боюсь за его голову, по существу, его и теперь уж надо отправить в больницу, надо лечить, но разве при таком положении это можно сделать?»³⁷

Карл Радек повторил на очной ставке то, что говорил на допросах. Бухарин же заявил: «Все, что говорит Радек, — это абсолютная злостная клевета. Ни единого разговора относительно организации правых, ни единого разговора о терроре не было»³⁸. Присутствовавший на очной ставке Сталин спросил у бывшего троцкиста Радека: «Вы в этих показаниях излагаете несколько ваших встреч с Бухариным в 1934 году, когда Бухарин, как вы сообщаете, сказал о перспективе поражения СССР в войне, о блоке с правыми и о том, что поражение — это лучшая обстановка для прихода к власти. Все это добровольно вами сказано?»³⁹ «Да, совершенно добровольно», — поспешил с ответом Радек и пояснил: «Я не буду ручаться за то, что он сказал — лучшая обстановка. Но он сказал в этом смысле, реальная обстановка»⁴⁰.

После очной ставки Бухарина с Радеком была проведена его очная ставка с В.Н. Астровым. Валентин Николаевич повторил во время нее свои показания, данные двумя днями ранее следователям ГУГБ НКВД. При этом он воспроизвел не только порочащие Бухарина

³⁶ Там же. Л. 126.

³⁷ Там же.

³⁸ Стенограмма очной ставки К.Б. Радека с Н.И. Бухариным. 13 января 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 270. Л. 98.

³⁹ Там же. Л. 103.

⁴⁰ Там же.

и его соратников высказывания, но и сообщил, при каких обстоятельствах они произносились.

«— Когда впервые заговорили о террористических актах в отношении руководителей партии?, — спросил Ежов.

— Весной 1929 года, — ответил Астров.

— Каким образом это происходило?

— Слепков весной 1929 года рассказал мне, что в тот день утром, когда он мне рассказывал, к нему пришел, прибежал Бухарин, как он высказался. При этом он прибавил: ты знаешь Бухарина, когда ему что-нибудь загорится, когда возникает новая идея, ему не терпится поделиться этой идеей. Я спросил, в чем дело. Слепков ответил, что Бухарин ему сказал: хорошо если бы Сталин вдруг умер. Я спросил, как это вдруг умер, так не бывает, может быть, Сталин болен? Слепков ответил: нет, этого, кажется, нет. Так значит, чтобы Сталина убили? Слепков ответил: понимай как хочешь. Я спросил: значит, Бухарин предлагает нам заниматься террором? Слепков ответил: нет, прямо этого он не говорил. Я спросил, что, может быть, Бухарин хочет, чтобы мы занимались террором, но не хочет этого прямо сказать? Слепков ответил: должно быть так. Бухарин, как говорил Слепков, не в первый раз со мной заговаривает на эту тему, но я до сих пор думал, что это случайно. Теперь я вижу, что эта мысль упорно преследует Бухарина»⁴¹.

«— Когда вы, как член организации правых узнали о переходе к террору?

— Весной 1932 года.

— В ваших показаниях сказано, что в личной беседе с Бухариным он в прямой форме поставил вопрос о необходимости террора против тов. Сталина.

— Это было на охоте. Было ли это в 1931 или 1932, я как ни старался, не могу припомнить. Это было в районе Звенигорода, летом»⁴².

⁴¹ Стенограмма очной ставки В.Н. Астрова с Н.И. Бухариным. 13 января 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 270. Л. 53.

⁴² Там же. Л. 54.

«Вблизи Москвы?», — спросил Каганович. «Да», — ответил Астров и добавил: — «Особых политических разговоров на охоте не было. Я помню, что мы говорили о роли Сталина в партии. Бухарин сказал, что с точки зрения правых необходимо убрать Сталина. Бухарин мотивировал это тем, что кроме Сталина никто другой не сумеет так сплотить партию против правых в защиту той линии, которую партия ведет»⁴³.

После этого сообщения Астрова Сталин спросил у него, ставились ли центром правых подобные вопросы не на охоте, и получил следующий ответ: «Мне не известны все совещания и на каких именно заседаниях эти вопросы центром ставились. Весной 1932 года Слепков мне говорил (говорил он это со слов Бухарина, по его словам), что центр правых постановил перейти к тактике террора»⁴⁴. «Кто был в центре правых?» — решил уточнить Ворошилов. Астров назвал известные всем фамилии: «Бухарин, Томский, Рыков, Угланов», добавив при этом: «Что касается остальных, то я определенно не знаю. Рассказывали, что Рютин принимал участие в заседаниях, Мельничанский, Куликов»⁴⁵.

«— Вы платформу Рютина читали? — оживился Сталин.

— Не, лично я ее не читал, — ответил Астров.

— Она по представлению ваших товарищей была не связана с правыми или являлась результатом работы правых? — снова спросил Сталин.

— В начале сентября 1932 года, на квартире у Слепкова состоялось совещание группы правых, в котором участвовали Слепков и Марецкий, — пояснил Астров.

— Не помните, где это было, — уточнил Сталин.

— На квартире у Слепкова. Причем совещание состоялось не в комнате Слепкова, а в соседней комнате, где жили Беловы. На этом совещании участвовали: Слепков, Марецкий, Зайцев, Айхенвальд, я (Астров) и Арефьев. Слепков рассказал о содержании этой платформы и, в частности, сказал, что она содержит в себе требование

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Л. 55.

⁴⁵ Там же.

применения всех средств борьбы против сталинского руководства, вплоть до террора. Он также сказал, что главными авторами этой платформы являются Бухарин, Рыков, Томский и Угланов и что в организации условлено, в случае провала этой платформы, объявить ее частным делом отдельных групп правых, именно группы Рютина. Вот то, что я знаю»⁴⁶.

В процессе очной ставки Астров поведал и о планах лидеров правых воспользоваться экономическими неурядицами для отстранения сталинской группировки от власти. Согласно его показаниям, зимой 1930 года Бухарин выступил на совещании правых с большой речью. «В этой речи он говорил, что весна 1930 года, в которую будет проводиться третья по счету хлебозаготовительная компания, считая с 1928 года, будет для сталинского партийного руководства самой грозной»⁴⁷, поскольку у крестьян, организованных в колхозы, хлеб забрать труднее, чем у индивидуальных крестьян. По свидетельству Астрова, Бухарин высказывал мнение, что «колхозники так легко хлеба не отдадут и осуществленная партийным руководством организация этих крестьян в конечном счете обернется против самого партийного руководства. Дело начнется с организованных отказов крестьян в хлебосдаче и неминуемо приведет к открытому восстанию крестьян. Деревенские коммунисты, сами крестьяне, примут участие в этом восстании. Рабочие в городах связаны с деревней. Восстание в той или иной мере перейдет в города, где большое количество коммунистов будет сочувствовать этому и в конечном счете присоединится и возглавит это восстание...»⁴⁸ Задача организации правых – сплотить свои кадры и подготовиться к тому моменту, когда правым придется стать во главе этих восстаний... Необходимо сохранить в партии правых до момента открытой борьбы»⁴⁹.

⁴⁶ Там же. Л. 56.

⁴⁷ Там же. Л. 57.

⁴⁸ Это многоточие стоит почему-то в самой стенограмме очной ставки Бухарина и Астрова.

⁴⁹ Стенограмма очной ставки В.Н. Астрова с Н.И. Бухариным. 13 января 1937 г. Л. 57.

Внимательно выслушав рассказ Астрова о намерении Бухарина прийти к власти на волне крестьянских восстаний, члены Политбюро поинтересовались, не говорилось ли на этом совещании правых что-либо о терроре. Астров ответил: «Дело происходило так, что в прямой форме это слово не произносилось, но те же самые слова звучали уже по-другому. Я отношу это к речи Бухарина»⁵⁰. Поясняя данное утверждение, Астров сообщил: «Бухарин сказал, что Сталина, как главную руководящую силу в партийном руководстве, в процессе этой борьбы придется устранить»⁵¹. За Бухариным выступал на совещании В.В. Кузьмин, который якобы сказал, что бухаринская перспектива рассчитана на слишком долгий срок и что «легче и скорее придти к власти, осуществив дворцовый переворот». После этих слов, Кузьмин, по воспоминаниям Астрова, «с бешеным озлоблением закричал: дайте мне револьвер, я убью Сталина», а Слепков, успокаивая своего разбушевавшегося соратника, заявил, что «ненависть к Сталину — священная ненависть», но «нельзя ее выражать так громко»⁵². Через несколько дней после этого случая на квартире Марецкого в присутствии Астрова и, согласно его рассказу, Бухарин говорил Кузьмину, что «законное желание убить Сталина нельзя выражать там, где присутствует много людей, так как об этом может узнать ГПУ»⁵³.

Когда Бухарину была предоставлена возможность ответить на эти утверждения, он произнес: «Все, что рассказал Астров относительно совещаний, я просто не припомню. Не могу взять на себя смелости сказать, где это происходило. Совещания действительно были в 1928–1929 году. Это был период оппозиционной борьбы с партией. Но никогда не было разговоров относительно открытых восстаний и ни разу не говорилось относительно террора. Ни в частных разговорах, ни на охоте, ни на квартирах, ни на дачах, нигде этого разговора не было. Это возмутительная вещь, когда Астров говорит, будто я

⁵⁰ Там же. Л. 58.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

передал ему директиву о терроре. До какой достоевщины нужно дойти, чтобы говорить такие вещи»⁵⁴.

Бухарин согласился, что действительно стремился сохранить кадры правых в партии. «Нужно было иметь кадры, которые должны были помочь правым и держаться у власти, — сказал он. — это была контрреволюционная установка, но она была»⁵⁵. Астров, по признанию Бухарина, занимал довольно высокий ранг в организации правых. «Я должен сказать, какая организация была в то время, — заметил он. — В первый этаж входили люди более теоретически развитые, посвящаемые во все дела. Я их неоднократно информировал, что происходит в ЦК. Во второй этаж входили люди не столь доверенные, которые не были посвящены во всю политическую кухню. В первый этаж входил Астров и поэтому он знал, что происходило в партийных кругах»⁵⁶.

Сообщая это, Бухарин еще и еще раз повторял, что «не ориентировался на обострение», то есть на использование в своих целях массовых возмущений крестьянского населения. «Я не отрицаю, — говорил он, — что в 1928–1929–1930 году я вел настоящую оппозиционную борьбу с партией. Я был вовсе не в восторге от руководства. У меня было чувство злобы. Я считал, что меня несправедливо обходят. Я могу припомнить сколько угодно разных словечек, которые я говорил по поводу руководства и это, вероятно, будет на 100% правда. Но ни разу, в самые острые моменты я не ставил ставку ни на гражданскую войну, ни на террор. Эти мысли мне даже в голову не приходили»⁵⁷.

Признав существование в конце 1920-х – начале 1930-х годов довольно многочисленной, разветвленной, с филиалами по всей стране, иерархически устроенной, ориентированной на борьбу за власть организации правой оппозиции, Бухарин ничего не возразил против сообщений Астрова о том, что такая организация продолжала существовать и в 1933-м, 1934-м, 1935-м и даже в 1936 году⁵⁸.

⁵⁴ Там же. С. 62.

⁵⁵ Там же. С. 63.

⁵⁶ Там же. С. 63–64.

⁵⁷ Там же. Л. 73–74.

⁵⁸ Там же. Л. 61–62.

Подтвердив свое неоднократное участие в совещаниях правых, Бухарин ничего не сказал о том, что на самом деле на них обсуждалось. Поэтому его утверждение о том, что он не слышал во время этих совещаний каких-либо разговоров о терроре и захвате власти правыми путем «дворцового переворота», не выглядело убедительным.

Таким образом, очными ставками с бывшими соратниками, давшими на допросах в высшей степени порочившие его показания, Бухарин не только не очистился, но еще более себя дискредитировал. Это ясно выразили реплики Сталина и присутствовавших на очной ставке членов Политбюро. «Ты нас только дураками не считай, — сказал Сталин Бухарину. — Мы не очень умные люди, но и не такие дураки, как ты думаешь. Не может быть, чтобы о террористических настроениях группы или твоей бывшей школы, людей, которых ты воспитал, любил, которые тебя учителем называли, — не может быть, чтобы ты не знал об их террористических настроениях. Но ты об этом ничего не сообщил. Не верю я этому. И, во-вторых, не может быть, чтобы не интересовался ты, если даже и не писал, рютинской платформой. 1932 год, идет шум, самый кризисный период, будут или не будут колхозы, очень многие сомневаются, самый критический период... Не может быть, чтобы в этот период ты не интересовался рютинской платформой»⁵⁹. В этом мнении Сталина поддержал и Серго Орджоникидзе, по-доброму относившийся к Бухарину. «Сталин тебе правильно говорит, что ты отрицаешь то, чего не стоило бы отрицать»⁶⁰, — заметил он.

Николай Иванович и сам понял, что битву на очных ставках, прошедших 13 января 1937 года разгромно проиграл. Мрачное настроение, в котором он в тот день возвратился домой, подвигло первую его супругу Надежду Михайловну Лукину-Бухарину снова обратиться к Сталину. В письме, написанном вечером 13 января, она взывала о спасении своего бывшего мужа: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Вокруг головы Ник. Ив. Бухарина разыгрываются чрезвычайно острые политические и иные страсти. Он — на волосок

⁵⁹ Там же. Л. 76.

⁶⁰ Там же. Л. 78.

от того, что подлейшие клеветники, потерявшие образ и подобие человеческого, — какая-то волчья стая (о которых странно теперь думать, что они несколько месяцев тому назад назывались коммунистами, — такова уж ирония истории!), — буквально затюкают его, если до того он не впадет в психическое расстройство от этого потока клеветы»⁶¹.

Больше всего Лукину-Бухарину возмутили показания Ефима Цетлина. Назвав их в своем письме к Сталину «лживыми», она отметила, что эти показания «производят странное впечатление. Ими Бухарин, человек, которому абсолютно чужды какие-либо террористические настроения, сделан отцом идеи террора в борьбе с партией (даже до Троцкого!) и якобы главным организатором правых террористических групп»⁶².

Надежда Михайловна пыталась убедить Сталина в абсурдности выдвинутых против Бухарина обвинений. «Ужас берет, когда видишь, что плетется относительно него теперь! — восклицала она в конце письма. — Много у него перед партией грехов. Но не террорист он, и не изменник социалистической родины, которая смолodu была его целью. Любит он ее всею душою. Слишком тяжело, непомерно тяжело видеть надвигающуюся трагическую его гибель в то время, когда он (после всех своих ошибок) всецело с партией...»⁶³.

23 января 1937 года открылся процесс по делу антисоветского троцкистского центра, Во время допросов подсудимых в судебных заседаниях государственный обвинитель Вышинский настойчиво интересовался их контактами с Бухариным и с другими лидерами правой оппозиции. «Какие у вас были разговоры с Бухариным?» — спросил он Карла Радека на утреннем заседании 24 января. «Если это касается разговоров о терроре, то могу перечислить конкретно, — ответил Радек. — Первый разговор был в июне или июле 1934 года, после перехода Бухарина для работы в редакцию “Известий”. В это время мы с ним заговорили, как члены двух контактирующихся центров. Я его спросил: “Вы встали на террористический путь?” Он

⁶¹ Письмо Н.М. Лукиной-Бухариной И.В. Сталину. 13 января 1937 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 270. Л. 44.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. Л. 47.

сказал: “Да”. Когда я его спросил, кто руководит этим делом, то он сказал об Угланове и назвал себя, Бухарина»⁶⁴.

«— Дальше какие у вас были разговоры? — продолжал допрос Вышинский.

— Бухарин мне сообщил, что у них в центре многие думают, что было бы легкомыслием и малодушием на основе результатов убийства Кирова отказываться вообще от террора, что, наоборот, нужно перейти к планомерной, продуманной, серьезной борьбе, от партизанщины — к плановому террору. По этому вопросу я говорил в июле 1935 года и с Бухариным, и с Пятаковым, и с Сокольниковым»⁶⁵.

Г.Я. Сокольников на вечернем заседании 24 января на вопрос Вышинского о переговорах объединенного троцкистско-зиновьевского центра с правыми дал следующий ответ: «Я знаю, что Каменевым велись переговоры с Бухариным и Рыковым; знаю, что Зиновьев и еще кто-то, сейчас не помню, вели переговоры с Томским и Углановым. В этих переговорах была установлена общность основных программных вопросов и общность тактических установок, в частности, принятие террористического способа борьбы»⁶⁶.

18 февраля 1937 года ушел из жизни Серго Орджоникидзе, единственный из того состава Политбюро ЦК ВКП (б), относившийся к Бухарину с уважением и вполне способный по своему независимому характеру заступиться за него. Вряд ли это заступничество спасло бы Николая Ивановича, но подготовку судебного процесса над ним явно усложнило бы. Открытие Пленума ЦК ВКП (б), в повестке которого первым вопросом стояло «Дело тт. Бухарина и Рыкова», назначенное первоначально на 19 февраля, было в связи с кончиной Орджоникидзе перенесено на 23 февраля.

За три дня до начала работы Пленума Бухарин завершил работу над текстом многостраничного заявления ко всем его участникам. В сопроводительном письме к этому документу, направленном в тот же день в Политбюро, он сообщил: «Дорогие товарищи! Пленуму ЦК я послал “Заявление” почти на 100 страницах, из двух частей, с ответом

⁶⁴ Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. С. 55–56.

⁶⁵ Там же. С. 56.

⁶⁶ Там же. С. 71.

на тучу клевет, содержащихся в показаниях. Я в течение очень короткого срока должен был проделать эту работу, и она поэтому не претендует на полноту. Но она дает отпор грязному потоку.

Я в результате всего разбит нервно окончательно. Смерть Серго, которого я горячо любил, как родного человека, подкосила последние силы. Положение, в которое поставила меня клевета, когда я не могу ни радоваться вместе с моими товарищами по партии, вместе со всей страной (Пушкинские дни), ни печалиться и скорбеть над телом Серго, есть положение невыносимое, я его больше терпеть не могу»⁶⁷.

Не имея сил избавиться от иллюзий, все еще надеясь вызвать у своих бывших соратников сострадание к себе, Бухарин настойчиво пытался достучаться до них: «Я вам еще раз клянусь последним вздохом Ильича, который умер на моих руках, моей горячей любовью к Серго, всем святым для меня, что все эти терроры, вредительства, блоки с троцкистами и т. д. — по отношению ко мне есть подлая клевета, неслыханная. Жить больше так я не могу. Ответ клеветникам я написал. Прийти на Пленум я физически и морально не в состоянии: у меня не ходят ноги, я не способен перенести созданной атмосферы, я не в состоянии говорить, рыдать я не хочу, впасть в истерику или обморок — тоже, когда свои будут поносить меня на основании клевет. Ответ мой должен быть прочитан, и я прошу вас его распространить. В том положении, когда я, будучи всем сердцем со всеми вами, рассматриваюсь многими уже, как отщепенец и враг, мне остается только: или быть реабилитированным или сойти со сцены»⁶⁸.

По решению Политбюро машинописные тексты письма и заявления Бухарина были перед самым началом работы Пленума размножены и разосланы всем его участникам.

Заявление всем членам Пленума представляло собой подробный ответ Н.И. Бухарина на порочившие его показания троцкистов и правых. Николай Иванович составил этот документ из двух частей. Первую часть назвал: «Троцкистско-зиновьевские лжесвидетели»,

⁶⁷ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. [Письмо Бухарина в Политбюро ЦК ВКП(б) и его заявление пленуму ЦК]. 20 февраля 1937 г. // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 5.

⁶⁸ Там же. С. 6.

посвятив ее характеристике и разбору показаний Карла Радека, Пятакова, Сокольникова, Сосновского. Вторую – «Правые лжесвидетели». В этой части разбирались показания Куликова и Цетлина, а также выдвинутое в адрес Бухарина обвинение в причастности к написанию так называемой рютинской платформы.

Свою защиту от обвинений в терроризме и вынашивании замысла государственного переворота перед членами партийным Пленумом Бухарин построил так, будто стоял перед судьями. «В клеветах о терроре и “дворц[овом] перевороте”, – заявлял он, – характерно также то, что здесь вполне отсутствуют технические подробности: неизвестно, как же, какими средствами и т. д. должны были быть произведены акты; если готовился дворцовый переворот, то неизвестно, какие войсковые части, какие люди и с кем были связаны; кто готовил выступления; почему дело провалилось; какие были силы; где было оружие; кто должен был командовать и т. д. Это указывает на литературно-клеветнический характер показаний»⁶⁹.

А вот обвинения в причастности к созданию рютинской платформы Бухарин старался опровергнуть совсем не юридическими аргументами, а полагаясь на знание членами Центрального комитета ВКП (б) его натуры. «Повторяю здесь то же, что говорил раньше, – утверждал он: – я рютинскую платформу видел только в ЦК, когда мне ее показал Сталин. Если бы я был против партии, я сам бы писал платформу, а не ходил бы по рютинской. Рютина я видел только в самом начале оппозиции, потом он отошел и исчез, и я ни разу его нигде не видел и никаких “указаний” ему давать не мог»⁷⁰.

Завершая письмо-заявление всем членам Пленума ЦК, Бухарин, как и в начале его, старался представить свою персону жертвой клеветнической компании, развязанной троцкистами. «Я в данном письме, – подводил он итог своим попыткам защитити себя, – даю критический разбор всех основных клевет троцкистов и их правых подпевал. На примере особенно Цетлина, Зайцева и др. я показываю, насколько жалки приемы, фальшивы аргументы, низка клевета и с этой стороны. К чему ни прикоснись, все кровавая, плохо сделанная

⁶⁹ Там же. С. 39.

⁷⁰ Там же. С. 29.

клевета. Я стою против нее один: у меня нет ни достаточного материала, ни аппарата, ни помощников. Но я уверен, что если бы у меня были люди и несколько месяцев времени, я бы обнаружил целый мир дикого клеветнического вранья и не оставил бы без удовлетворительного ответа ни одного вопроса. Однако, я полагаю, что и то, что я предлагаю вниманию ЦК ВКП(б), является материалом, разбивающим самые основные клеветнические положения моих троцкистско-зиновьевских и правых обвинителей... Слава наших органов заключается не только в том, что они разыскивают виновных, но и что они охраняют невиновного. Нет ничего зазорного в том, что кто-то подозреваемый и подозревавшийся оказывается невинным. Доказательство этого и помощь этому доказательству есть дело несколько не менее славное, чем обнаружение и наказание действительного врага.

Я довольно настрадался по милости врагов нашей страны и прошу ЦК положить конец этим незаслуженным страданиям»⁷¹.

Письмо Бухарина членам Пленума ЦК не произвело на них того впечатления, на которое он рассчитывал. Его почти стостраничный текст, переданный всем участникам Пленума буквально накануне первого заседания, вряд ли кто-то из них прочитал, разве что просмотрел. А.И. Микоян выразил мнение, если не всех членов ЦК, то подавляющего их большинства, когда сказал в своем выступлении о бухаринских письмах в ЦК: «Он говорит: “Вот, я написал вам 100 страниц, прочтите”. Разве обсуждение на Пленуме ЦК состоит в том, что один написал, другой ответил, и этим решается вопрос? А почему вас не интересовало и не интересуется, что скажет докладчик, что скажут члены Центрального Комитета, которые выступают и обсуждают вопрос?.. Он потом прислал другое письмо, сегодня. Вообще он забрасывает письмами, думает, что ЦК только и должен делать, что все время читать его письма. Это тоже из арсенала Троцкого. Троцкий ничего не делал и требовал, чтобы читали его бесконечные письма. Это тоже средство борьбы против партии»⁷².

⁷¹ Там же. С. 42–43.

⁷² Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 23 февраля 1937 г. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1992. № 3–4. С. 17.

С главным докладом по делу Бухарина и Рыкова выступил при открытии Пленума, на его вечернем заседании 23 февраля, нарком внутренних дел Ежов. Он сообщил членам ЦК, что расследование деятельности правых было произведено, по его мнению, «с достаточной тщательностью и объективностью». В различных городах, различными следователями, в разное время были опрошены десятки активнейших участников организации правых, которые в разное время и в разных местах подтвердили одни и те же факты. «Многие из активнейших участников организации правых, и в частности, такие ближайшие друзья Бухарина, его ученики, как Ефим Цетлин, Астров, сами изъявили добровольное согласие рассказать Наркомвнуделу и партийному органу всю правду об антисоветской деятельности правых за все время их существования и рассказать все факты, которые они скрывали во время следствия в 1933 году». Для объективности проверки показаний на следствии были проведены очные ставки Бухарина с Пятаковым, Радеком, Сосновским, Куликовым, Астровым в присутствии Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Микояна. «Все присутствовавшие на очной ставке члены Политбюро ЦК неоднократно ставили перед всеми арестованными троцкистами и правыми вопрос, не оговорили ли они Бухарина и Рыкова, не показали ли лишнего на себя. Все из арестованных целиком подтвердили свои показания и настаивали на них»⁷³.

Вывод, сделанный наркомом внутренних дел по результатам проведенного его ведомством расследования по делу Бухарина и Рыкова, был похож на смертный приговор, вынесенный судом. «Таким образом, товарищи, — заявил Ежов, — мы считаем, что документальный и следственный материал, которым мы располагаем, не оставляет никаких сомнений в том, что до последнего времени существовала и действовала антисоветская организация правых, члены которой, подобно троцкистам и зиновьевцам, ставили своей задачей свержение советского правительства, изменение существующего в СССР советского общественного и государственного устройства. Подобно троцкистам и зиновьевцам, они встали на путь

⁷³ Там же. С. 4.

прямой измены родине, на путь террора против руководителей партии и советского правительства, на путь вредительства и диверсий в народном хозяйстве. Из этих же материалов следствия и документов вытекает, что виновность Бухарина и Рыкова вполне доказана, виновность в тягчайших преступлениях против партии и государства, которые им предъявлялись на предыдущем пленуме и о которых я собираюсь докладывать сейчас»⁷⁴.

После Ежова с докладом по делу Бухарина и Рыкова от имени Политбюро выступил А.И. Микоян. Затем Пленум заслушал речи Бухарина и Рыкова.

Николай Иванович снова попытался опровергнуть выдвинутые против обвинения, обратить внимание Пленума на их голословность, многочисленные противоречия, нестыковки в показаниях, данных против него, поэтому стал оспаривать утверждения Ежова и Микояна. В словесной перепалке со слушателями, сопровождавшей его выступление, Бухарин вдруг проявил редкую для себя твердость, бросив с вызовом в зал: «Никто меня не заставит говорить на себя чудовищные вещи, которые обо мне говорят, и никто от меня этого не добьется ни при каких условиях. Какими бы эпитетами меня ни называли, я изображать из себя вредителя, изображать из себя террориста, изображать из себя изменника, изображать из себя предателя социалистической родины не буду». Сталин отреагировал на эти слова спокойным замечанием: «Ты не должен и не имеешь права клепать на себя. Это самая преступная вещь»⁷⁵. Выступлением Бухарина первый день работы Пленума завершился.

На втором его заседании, проходившем вечером 24 февраля, слово для защиты было предоставлено А.И. Рыкову. Он так же, как и Бухарин, отрицал обвинения в терроризме, в создании центра правой оппозиции с Бухариным и Томским, в контактах с троцкистами и зиновьевцами. «Я террористом никогда не был и никогда не буду, что бы со мной кто ни делал. Это коренным образом противоречит всем моим убеждениям и всей моей совести»⁷⁶, — говорил Алексей

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 36.

⁷⁶ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 24 февраля 1937 г. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 9.

Иванович. При этом он признал, что не снимает с себя ответственности «за то, что целый ряд изменников, преступников, вредителей ориентируются на него и думают, что он их вдохновитель»⁷⁷.

Вместе с тем Рыков сказал и о том, что не считает невиновными и своих соратников. Свое мнение о Бухарине и Томском он якобы изменил, когда познакомился с показаниями против арестованных троцкистов и правых. «Раз уж о Томском речь зашла, — сказал он, — то я должен сказать, что все показания, с которыми я познакомился, они меня лично совершенно убедили в полной виновности Томского»⁷⁸. «В отношении Бухарина у меня тоже, признаюсь откровенно, колебания были... Когда я прочитал всю эту грудку материалов, я уже набросал черновик записки Ежову о том, что такого дыму без огня не бывает»⁷⁹.

Член Политбюро К.Е. Ворошилов, касаясь этих весьма странных даже для противников Бухарина и Томского публичных признаний Рыкова, сказал ему в своем выступлении на Пленуме: «Вы — ловкий адвокат. Я считал Бухарина ловким адвокатом, оказалось, Бухарин — щенок по сравнению с вами. Бухарин просто глупо, огульно все отрицает. А вы на 50% обмазали Бухарина, на 75% обмазали вашего покойного друга, на покойника все можно валить, и себя немножко подмазали, подмалевали. И получается для людей, неискушенных в борьбе, для людей лопоухих, извините за грубое выражение, почти правдоподобная картина. Бери человека под ручку и иди с ним чай пить. А на деле совсем, по-моему, выглядит по-другому вся эта история»⁸⁰. Члены ЦК, слушая Ворошилова, смеялись.

Выступавший на заседании Пленума вечером 24 февраля, член Политбюро А.А. Андреев своими оценками правой оппозиции также фактически приговаривал ее лидеров к смерти. Он утверждал, что следственные материалы, предоставленные всем членам Пленума, «окончательно разоблачают правых», они «со всей очевидностью

⁷⁷ Там же. С. 16.

⁷⁸ Там же. С. 11.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 24 февраля 1937 г. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 28.

указывают на то, что в течение нескольких лет правые шли той же дорожкой, как шли троцкисты. Не было между троцкистами и правыми никакой разницы в том, что как троцкисты, так и правые полностью сохранили свои кадры, имели целую систему законспирированных организаций во главе со своим центром и с местными организациями в областях. Нет разницы между троцкистами и правыми и в программных вопросах. Не было этой разницы. Все они сходились на непримиримости к социалистической политике партии и в отношении сельского хозяйства, и в отношении промышленности. Все они сходились — теперь это ясно — на реставраторской программе и в отношении отказа от социалистической индустриализации, и в отношении роспуска, ликвидации колхозов и совхозов в сельском хозяйстве»⁸¹.

Секретарь ЦК ВКП (б) Л.М. Каганович выступил на вечернем заседании Пленума 25 февраля. Он занимался делом лидеров правой оппозиции по партийной линии, поэтому был хорошо знаком с материалами следствия. «Бухарин и Рыков, — заявил Лазарь Моисеевич, — оказались бессильными привести на этом пленуме сколько-нибудь серьезные доводы в свою защиту. Опять повторялись голые отрицания, голые заявления о том, что верьте нам, или же попытки вылавливать те или иные случайные формальные противоречия для того, чтобы на этом строить свою защиту. Вместо того, чтобы прийти к пленуму, если ты думаешь, что ты прав, что ты невиновен, прийти к пленуму и выложить прежде всего факты своей положительной деятельности и факты своей положительной принципиальной политической линии, как они выглядели в жизни на протяжении всего периода борьбы. Это самый убедительный довод. Вместо этого они повторяют: я не я, и лошадь не моя. И это не случайно. Не случайно потому, что у них ничего положительного нет, а есть только отрицательные факты их деятельности, которые целиком подтверждают показания всех их бывших единомышленников, которые все, как один, свидетельствуют, что Бухарин, Рыков и Томский, начиная с 1928 г., с момента оформления правой

⁸¹ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 25 февраля 1937 г. Утреннее заседание // Вопросы истории. 1992. № 8–9. С. 3–4.

оппозиции, до 1936 г. представляли собой руководящий центр фактически новой нелегальной партии, партии контрреволюционной, которая блокировалась с другими контрреволюционными организациями, которая имела свою платформу и видоизменяла и приспособливала эту платформу к различным нуждам того или иного периода»⁸².

В своей речи на Пленуме Каганович привел весьма любопытную характеристику Бухарина, высмеивающую присущую лидеру правой оппозиции нерешительность. Эта характеристика была дана Николаю Ивановичу его сторонником Владимиром Васильевичем Кузьминым (1905–1937) — тем самым, который, по показаниям Астрова и других арестованных, кричал после одного из выступлений Бухарина на совещании правых: «Дайте мне револьвер, я убью Сталина». По словам Кагановича, на допросе Кузьмин откровенно признал, что он враг Сталина, а о Бухарине сказал: «Точно также он не знал... не то власть брать, не то ехать на охоту». Слушатели засмеялись, а Лазарь Моисеевич добавил: «Это его ученик, но тем не менее это характерно, когда человек не знает, не то брать власть, не то ехать на охоту. Она отнюдь не уменьшает того вреда, который приносит этот человек»⁸³.

На вечернем заседании 27 февраля выступил Сталин. Он сообщил от имени комиссии Пленума по делу Бухарина и Рыкова: «В комиссии не было никаких разногласий насчет того, чтобы мерой наказания Бухарина и Рыкова считать, и притом как минимум, исключение их из состава кандидатов в члены ЦК и из рядов ВКП(б). В комиссии не нашлось ни одного голоса, который высказался бы против этого предложения. Были разногласия по вопросу о том, предать ли их суду или не предавать, а если не предавать суду, чем ограничиться. Часть членов комиссии высказалась за то, чтобы предать их суду Военного трибунала и добиться того, чтобы они были расстреляны. Другая часть комиссии высказалась за то, чтобы предать их суду и добиться того, чтобы им был вынесен приговор о заключении в тюрьму на 10 лет. Третья часть высказалась за то, чтобы предать их суду без

⁸² Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 25 февраля 1937 г. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 23–24.

⁸³ Там же. С. 35.

предрешения вопроса о том, каков должен быть приговор. И, наконец, четвертая часть комиссии высказалась за то, чтобы суду не предавать, а направить дело Бухарина и Рыкова в Наркомвнудел. Последнее предложение одержало верх.

В результате комиссия единогласно приняла решение о том, чтобы исключить их из состава кандидатов в члены ЦК и из рядов ВКП(б) и направить дело Бухарина и Рыкова в Наркомвнудел»⁸⁴.

Объяснив мотивы принятия такого решения Комиссией, Сталин зачитал текст предложенного ею проекта резолюции Пленума ЦК ВКП (б) по делу Бухарина и Рыкова. Голосованием присутствовавших на Пленуме членов ЦК ВКП (б), кандидатов в члены ЦК и членов Комиссии партийного контроля резолюция была принята при двух воздержавшихся — Бухарина и Рыкова. В ней констатировалось, что Пленум, «на основании следственных материалов НКВД, очных ставок Бухарина с Радеком, Пятаковым, Сосновским и Сокольниковым в присутствии членов Политбюро и очной ставки т. Рыкова с Сокольниковым, а также всестороннего обсуждения вопроса на Пленуме», установил, «как минимум, что тт. Бухарин и Рыков знали о преступной террористической, шпионской и диверсионно-вредительской деятельности троцкистского центра и не только не вели борьбы с ней, а скрыли ее от партии, не сообщив об этом в ЦК ВКП(б), и тем самым содействовали ей»; «знали об организации преступных террористических групп со стороны их учеников и сторонников... и не только не вели борьбы с ними, но поощряли их»⁸⁵.

Записку Бухарина в ЦК ВКП (б), в которой он пытался опровергнуть показания арестованных «троцкистов и правых террористов», Пленум признал «клеветническим документом, который не только обнаруживает полное бессилие т. Бухарина опровергнуть показания троцкистов и правых террористов против него, но под видом адвокатского оспаривания этих показаний делает клеветнические выпады против НКВД и допускает не достойные

⁸⁴ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 27 февраля 1937 г. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 12.

⁸⁵ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 27 февраля 1937 г. Вечернее заседание. «Дело тт. Бухарина и Рыкова». Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Ежова // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 23.

коммуниста нападки на партию и ее ЦК»⁸⁶. Ввиду этого Пленум решил, что «записку т. Бухарина нельзя рассматривать иначе, как совершенно несостоятельный и не заслуживающий какого-либо доверия документ»⁸⁷.

Вместе с тем Пленум счел необходимым принять во внимание, что «и при жизни Ленина т. Бухарин вел борьбу против партии и против самого Ленина как до Октябрьской революции (вопрос о диктатуре пролетариата), так и после Октябрьской революции (Брестский мир, программа партии, национальный вопрос, профсоюзная дискуссия), что т. Рыков также вел борьбу против партии и против самого Ленина как до Октябрьской революции, так и во время Октябрьского восстания (был против Октябрьской революции), равно как после Октябрьского переворота (требовал коалиции с меньшевиками и эсерами и в виде протеста покинул пост Наркомвнудела, за что получил от Ленина кличку штрейкбрехера), что с несомненностью говорит о том, что политическое падение тт. Бухарина и Рыкова не является случайностью или неожиданностью»⁸⁸.

В заключительной части резолюции было объявлено: «Пленум ЦК ВКП(б) считает, что тт. Бухарин и Рыков заслуживают немедленного исключения из партии и предания суду Военного Трибунала. Но исходя из того, что тт. Бухарин и Рыков в отличие от троцкистов и зиновьевцев не подвергались еще серьезным партийным взысканиям (не исключались из партии), Пленум ЦК ВКП(б) постановляет ограничиться тем, чтобы: 1) Исключить тт. Бухарина и Рыкова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из рядов ВКП(б). 2) Передать дело Бухарина и Рыкова в НКВД»⁸⁹.

3

Принятое на вечернем заседании 27 февраля 1937 года постановление Пленума ЦК ВКП (б) об исключении Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из рядов ВКП(б) и передаче их дела в НКВД по своему значению было аналогично ордеру на их арест. После объявления результатов

⁸⁶ Там же. С. 23–24.

⁸⁷ Там же. С. 24.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

голосования по этому постановлению заседание Пленума было закрыто. Николай Иванович и Алексей Иванович покинули зал в сопровождении конвоя. Подготовка судебного процесса над ними перешла в новую стадию.

Основанием для ареста Бухарина и Рыкова послужили показания их бывших соратников, позволившие сделать вывод о том, что оба они не только знали о «преступной террористической, шпионской и диверсионно-вредительской деятельности» троцкистского центра и не вели борьбы с нею, но даже поощряли ее. Однако для организации открытого судебного процесса одних таких показаний было недостаточно. Требовались еще и собственные признания обвиняемых в преступлениях. Считалось, что без них судебный процесс не мог стать по-настоящему показательным. Получить от Бухарина и Рыкова признания в совершении инкриминировавшихся им деяний было главной задачей следственного аппарата НКВД после их ареста.

Любопытно, что прокурор СССР А.Я. Вышинский в своих публичных выступлениях резко порицал ставшую распространенной тенденцию строить следствие исключительно «на собственном признании обвиняемого». В речи, произнесенной 3 марта на утреннем заседании Пленума ЦК ВКП (б), Андрей Януарьевич назвал такую практику «основным недостатком» в работе следственных органов НКВД и органов прокуратуры Советского государства. «Наши следователи, — с укором говорил он, — очень мало заботятся об объективных доказательствах, о вещественных доказательствах, не говоря уже об экспертизе. Между тем центр тяжести расследования должен лежать именно в этих объективных доказательствах. Ведь только при этом условии можно рассчитывать на успешность судебного процесса, на то, что следствие установило истину»⁹⁰. Если все дело строится лишь на собственном признании обвиняемого, то «это представляет значительную опасность», — подчеркивал он, имея в виду, что в случае отказа обвиняемого на самом процессе от ранее принесенного признания дело может провалиться. «Мы здесь тогда

⁹⁰ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. 3 марта 1937 года. Утреннее заседание // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 11.

оказываемся обезоруженными полностью, так как, ничем не подкрепив голое признание, не можем ничего противопоставить отказу от ранее данного признания»⁹¹, — предупреждал прокурор СССР.

Поддержав высказанное в речи на Пленуме наркомом внутренних дел Ежовым мнение о громадном значении агентуры в «работе чекистских органов», Вышинский подверг критике следственное производство в НКВД и прокуратуре: «Задача прокуратуры заключается в том, чтобы, когда заканчивается агентурная разработка и дело уже переходит в стадию следствия, проверить следственное производство и обеспечить направление в суд доброкачественных и полноценных следственных материалов. Качество следственного производства у нас недостаточно, и не только в органах НКВД, но и в органах Прокуратуры. Наши следственные материалы страдают тем, что мы называем в своем кругу “обвинительным уклоном”. Это тоже своего рода “честь мундира”, если уж попал, зацепили, потащил обвиняемого, нужно доказать во что бы то ни стало, что он виноват. Если следствие приходит к иным результатам, чем обвинение, то это считается просто неудобным. Считается неловко прекратить дело за недоказанностью, как будто это компрометирует работу... Благодаря таким нравам вместо действительного виновника на скамью подсудимых иногда попадают люди, которые впоследствии оказываются или виновными не в том, в чем их обвиняют, или вовсе невиновными»⁹².

В подтверждение негативной оценки следственного производства Андрей Януарьевич привел цифры, которые кажутся применительно к тому времени в высшей степени удивительными. «Ведь известно, — сказал он, — что у нас около 40% дел, а по некоторым категориям дел — около 50% дел, кончаются прекращением, отменой или изменением приговоров»⁹³.

Такое состояние следственного производства прокурор СССР назвал болезнью и напомнил, что против нее «была еще в 1933 г.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. С. 12.

⁹³ Там же. С. 12-13.

направлена инструкция 8 мая». Он имел в виду секретную директиву-инструкцию ЦК ВКП (б) и СНК СССР о прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения, направленную «всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры» за подписями председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. Молотова (Скрябина) и секретаря ЦК ВКП(б) И.Сталина. Этот документ осуждал широко распространившуюся на местах практику необоснованных арестов и доводил до сведения местных партийных и государственных органов мнение ЦК и СНК о том, что нужды в массовых репрессиях больше нет, что «метод массовых и беспорядочных арестов, если только можно считать его методом, в условиях новой обстановки дает лишь минусы, роняющие авторитет Советской власти, что производство арестов должно быть ограничено и строго контролируемо соответствующими органами, что аресты должны применяться лишь к активным врагам Советской власти»⁹⁴. Данная инструкция относилась непосредственно лишь к политике советского государства по отношению к крестьянам, однако Вышинский придал ей более широкое значение. «В чем заключается основная мысль этой инструкции? Она заключается в том, чтобы предостеречь против огульного, неосновательного привлечения людей к ответственности», — сказал он в речи на Пленуме, констатировав при этом, что «до сих пор инструкция 8 мая выполняется плохо, что недоброкачественные действия отдельных должностных лиц не встречали должного отпора со стороны старого руководства НКВД и тогда, когда прокуратура об этом сигнализировала т. Ягоде»⁹⁵.

Покритиковав производство следствия в НКВД, Вышинский признал, что и прокурорский надзор за следствием является очень слабым. Главной причиной этой слабости он назвал засоренность аппарата прокуратуры троцкистами и в качестве подтверждения

⁹⁴ Директива-инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения. 8 мая 1933 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти томах. Том 3. Конец 1930– 1933. М., 2001. С. 747.

⁹⁵ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. С. 13.

этому привел конкретные факты, указав, что за последнее время «одних прокуроров арестовано 20 человек», что благодаря материалам, которые прокуратура СССР получила от НКВД, в рядах прокуратуры обнаружены «троцкисты, предатели, и в значительном количестве. Таковы, например, бывший генеральный прокурор Украины, бывший наркомюст Михайлин, его помощник Бенедиктов, бывший киевский прокурор Старовойтов, бывший прокурор Днепропетровской области Ахматов, зам. прокурора АЗК Петренко и другие»⁹⁶. «Это все троцкистская агентура, сидевшая в нашем аппарате. И естественно, с такими людьми не было никакой возможности правильно осуществлять надзор, правильно бороться за социалистическую законность»⁹⁷, — заключил Вышинский.

В конце своей речи на Пленуме прокурор СССР заверил Центральный комитет ВКП (б), что органы прокуратуры выполнят требования партии и справятся с возложенной на них задачей, решительно очистив свои ряды «от негодных, подлых людей, от предателей и изменников»⁹⁸.

Архивные документы показывают, что кадровая чистка в системе прокуратуры действительно приняла самый решительный характер.

11 февраля 1937 года Вышинский сообщил секретарю ЦК ВКП (б) И.В. Сталину и председателю СНК СССР В.М. Молотову: «Вчера, 10-го февраля, покончил самоубийством бывший прокурор Одесской области Турин А.Н. По предварительным данным самоубийство Турина связано с происходящей сейчас проверкой его партийного прошлого и связи его с троцкистами»⁹⁹.

13 марта того же года прокурор СССР доложил в ЦК ВКП (б) и в СНК: «Мною получено сообщение прокурора Казахской ССР о том, что 9-го марта покончил жизнь самоубийством областной прокурор Западно-Казахстанской области Акжаров. По материалам Областного

⁹⁶ Там же. С. 13–14.

⁹⁷ Там же. С. 14.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Сообщение прокурора СССР А.Я. Вышинского о самоубийстве бывшего прокурора Одесской области А.Н. Турина. 11 февраля 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 884. Л. 46.

управления НКВД, Акжаров обвинялся в смазывании трех уголовных дел»¹⁰⁰.

3 апреля 1937 года Вышинский направил Сталину и Молотову следующую информацию: «При проверке сведений, поступивших в Прокуратуру Союза относительно принадлежности к троцкистской к/р организации работающего в Прокуратуре Союза в должности прокурора уголовно-судебного отдела Викторова А.В. обнаружилось, что в его анкетах содержится ряд вымышленных данных, относящихся к периоду пребывания его на Украине во время деникинщины. На квартире Викторова обнаружены документы, подтверждающие связь Викторова с германским консульством. В виду этого, а также имеющихся против Викторова А.В. указаний о принадлежности его к троцкистской к/р организации, по моему распоряжению Викторов А.В. от должности прокурора отстранен и в отношении его начато расследование. Викторов А.В. в настоящее время арестован»¹⁰¹.

27 апреля 1937 года Вышинский послал в ЦК ВКП (б) и в СНК СССР следующее сообщение: «Доношу, что 17 апреля с.г., в 2 часа дня выстрелом из револьвера покончил жизнь самоубийством помощник прокурора Карельской АССР Линдгвист Тойво Матвеевич. Никаких писем или записок о причинах самоубийства не обнаружено. В органах Прокуратуры Линдгвист работал с 1927 года, член ВКП (б) с 1918 года»¹⁰².

С 15 по 19 марта 1937 года проходило совещание актива прокуратуры Союза ССР, РСФСР, Москвы и области. В своем выступлении на этом совещании Вышинский предельно отчетливо и в довольно жестких выражениях обозначил цель своей кадровой политики, заявив: еще «не выкорчеван старый недобрый порядок, при

¹⁰⁰ Сообщение прокурора СССР А.Я. Вышинского о самоубийстве прокурора Западно-Казахстанской области Акжарова. 13 марта 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 884. Л. 48.

¹⁰¹ Сообщение прокурора СССР А.Я. Вышинского об отстранении и аресте прокурора Уголовно-Судебного отдела Прокуратуры СССР А.В. Викторова. 3 апреля 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп.2. Д. 884. Л. 49.

¹⁰² Сообщение прокурора СССР А.Я. Вышинского о самоубийстве прокурора Карельской АССР Т.М. Линдгвиста. 27 апреля 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 884. Л. 58.

котором каждый местный прокурор считал себя маленьким удельным князьком... В Западной Сибири сидит хан Барков, в Московской области — удельный князь Филиппов, в РСФСР — исполняющая обязанности герцогини Нюрина. Каждый чувствует себя самостоятельным, автократичным. Это означает, что наша прокуратура все еще не представляет собою стройной, систематически и планомерно работающей организации, подчиняющейся единому командованию и действующей по единому плану»¹⁰³.

3 июня 1937 года на имя Сталина было направлено анонимное письмо, в котором приводились факты, порочившие самого прокурора СССР: Андрей Януарьевич обвинялся, как это ни удивительно, в потворстве врагам народа. Автор письма, представившаяся как «маленький работник прокуратуры», сообщала, не называя своего имени, что узнала от одного из сотрудников Вышинского о решении дать ордена, в связи с приближающимся юбилеем прокуратуры¹⁰⁴, таким работникам, как Нюрина¹⁰⁵, Рогинский¹⁰⁶, Сегал¹⁰⁷ и др. «Как же можно это допустить, — с возмущением писала она Сталину, — до каких же пор эти люди будут Вас обманывать. Ведь весь наш аппарат знает, что Нюрина связана со своим братом, подлым врагом народа Петровским¹⁰⁸ — террористом.

¹⁰³ Цит. по: *Звягинцев А.Г.* Жизнь и деяния видных российских юристов. Взлеты и падения. М., 2008. С. 251.

¹⁰⁴ Под «юбилеем прокуратуры» данном случае имеется в виду дата 16 июня 1937 г., когда исполнялось ровно пятнадцать лет со дня опубликования Постановления 3-й сессии ЦИК 9-го созыва под названием «Положение о прокурорском надзоре», в первом пункте которого провозглашалось: «Учредить в составе Народного Комиссариата Юстиции Государственную Прокуратуру». Именно этой дате была посвящена юбилейная статья Г.М. Сегала «Пятнадцать лет советской прокуратуры» в 6-м, июньском, номере за 1937 год печатного органа Прокуратуры СССР журнала «Социалистическая законность» (1937. № 6. С. 1-7)

¹⁰⁵ *Фаина Ефимовна (Эфроимовна) Нюрина-Нюренберг*, урожденная Липец, являлась в то время исполняющей обязанности прокурора РСФСР.

¹⁰⁶ Имеется в виду второй заместитель прокурора СССР *Григорий Константинович Рогинский* (1895–1959).

¹⁰⁷ Имеется в виду старший помощник прокурора СССР главный прокурор ж.-д. транспорта *Герман Михайлович Сегал* (1897–1937).

¹⁰⁸ Имеется в виду старший брат Ф.Е. Нюриной *Давид Александрович (Эфроимович) Петровский-Липец* (1886–1937), занимавший до своего ареста в марте 1937 г. пост

Все мы знаем, что заместитель Вышинского – Рогинский был неразлучным другом и покровителем террориста Сахова¹⁰⁹, расстрелянного¹¹⁰; также всем известна его дружба с арестованным членом Верхсуда террористом Берманом и проч. Дальше, транспортный прокурор Сегал – его отец в 1928 г. уехал при помощи этого прокурора в Гамбург или Ганновер и оказался невозвращенцем. Он остался в фашистской Германии, имеет там банкирскую контору и к нам возвращаться не желает. Можно точно установить, что этот банкир выбрался исключительно при помощи своего сынка, с которым до сих пор поддерживает письменную связь. Награждаются орденами еще ряд таких же людей. ДОПУСТИМО ЛИ ЭТО?»¹¹¹

В конце письма анонимная разоблачительница врагов народа патетически восклицала: «Клянусь памятью моей матери, клянусь моей любовью к тебе, тов. Сталин, что все это ПРАВДА, ПРИКАЖИ ПРОВЕРИТЬ И ЭТИ ЛЮДИ БУДУТ БЕЗ ТРУДА РАЗОБЛАЧЕНЫ. Я хотела пойти рассказать Вышинскому об этом, но не решилась. Я думаю, что и его обманывают. Если заявление дойдет до тебя, тов. Сталин, прикажи, чтобы меня вызвали через “Правду”. Мне стыдно, что у меня не хватает мужества сразу назвать свою фамилию, но я боюсь, клянусь тебе, не за себя, а за своих крошек-деток. Ведь они могут со мною расправиться, а ты и знать не будешь»¹¹².

Трудно сказать, какую роль сыграло это анонимное письмо в судьбе высших должностных лиц прокуратуры, но исполнявшую обязанности прокурора РСФСР Ф.Е. Нюрину Вышинский критиковал еще на мартовском совещании актива прокуратуры СССР. И на совещании прокурорского актива, состоявшемся 5 июня 1937 г., снова

начальника Главного управления высших и средних технических учебных заведений наркомата тяжелой промышленности СССР. 10 сентября 1937 г. он был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР за контрреволюционную деятельность к расстрелу.

¹⁰⁹ Имеется в виду *Борис Наумович Сахов* (1900–1937), занимавший до своего ареста 25 декабря 1934 г. вместе с Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым и др. по делу так называемого «Московского центра» должность прокурора Северного края в г. Архангельске.

¹¹⁰ В оригинале написано: «расстрелянным» – это явная опечатка. – В.Т.

¹¹¹ Анонимное письмо о работниках прокуратуры т.т. Нюриной, Рогинском и др. 3 июня 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 884. Л. 79.

¹¹² Там же.

обрушился на нее с критикой. «Сейчас Прокуратура Союза ССР вместе с административно-политическим отделом ЦК партии всесторонне проверяют работу Прокуратуры РСФСР, — сообщил он. — Прямо надо сказать, с опозданием мы занялись этим делом, значительно раньше надо было это сделать. Мы провели там совещание с активом, мы вскрыли целый ряд крупнейших недостатков, проводим там некоторую реорганизацию, меняем кое-каких людей, и надеюсь, что в результате этого ряд недостатков, которые имеются в работе Прокуратуры РСФСР, будет устранен. А недостатки там такие, за которые приходится краснеть. В самом деле, в Прокуратуре РСФСР было обнаружено десять мешков с жалобами и заявлениями, даже, говорят, с делами»¹¹³. Фаина Ефимовна попыталась оправдаться, но Андрей Януарьевич в ответ сказал в своем заключительном слове, что она, «вместо большевистского признания ошибок, занимается подтасовкой фактов, защитой чести своего “мундира”, совершенно неосновательно полагая, что в Прокуратуре РСФСР все в порядке». «Я знаю, — продолжил он свою критику, — что у нас в работе Прокуратуры Союза ССР имеются огромные недостатки, о которых мало говорят — раз в месяц на активе, но о которых надо говорить, хотя и скромно, без крика, без шума, без рекламы, но с настойчивостью, преодолевая постепенно волокиту, бюрократизм, гнилье. А самовлюбленность т. Нюриной тем более опасна, что она ни на чем не основана, что работа прокуратуры все еще крайне неудовлетворительна»¹¹⁴.

¹¹³ Актив Прокуратуры Союза ССР. 5 июня 1937 г. // Социалистическая законность. 1937. № 7. С. 89.

¹¹⁴ Там же. С. 93. Спустя два месяца после этого совещания Ф.Е. Нюрина была уволена из прокуратуры. 26 апреля 1938 г. ее арестовали, инкриминировав участие в антисоветской организации, якобы существовавшей в системе прокуратуры. Данное обвинение основывалось на показаниях арестованных к тому времени руководителей правоохранительных органов: наркома юстиции СССР Н.В. Крыленко, заместителя Прокурора СССР Г.М. Леплевского, помощника прокурора РСФСР В.М. Бурмистрова. 29 сентября 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Ф.Е. Нюрину к расстрелу, несмотря на то, что виновной она себя не признала.

* * *

Февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП (б) ознаменовал собой окончательный разгром левой (троцкистской) и правой (бухаринской) оппозиции внутри коммунистической партии как политической силы. Арест Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова, осуществленный без какого-либо протеста со стороны членов высшего органа коммунистической партии, означал, что лидеры правых стали рассматриваться в качестве не политических деятелей, а всего лишь обвиняемых в совершении уголовных преступлений. Вышинский использовал эту политическую победу для полного развенчания доктрин советской юридической науки, соответствовавших идеологическим воззрениям левых и правых течений в ВКП (б).

Самым талантливым и ярким выразителем таких доктрин был автор многочисленных научных трудов по теории и истории государства и права, международному праву, хозяйственному праву *Евгений Брониславович Пашуканис* (1891–1937). С 1931 года он занимал должность директора Института советского строительства и права Коммунистической академии¹¹⁵, а с ноября 1936 года — пост заместителя наркома юстиции СССР. 20 января 1937 года Евгений Брониславович был арестован по обвинению в участии в антисоветской террористической организации правых.

Наиболее полное и системное изложение своих воззрений на сущность права и характер правовых категорий Е.Б. Пашуканис дал в книге «Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий», вышедшей первым изданием в 1924 году, вторым, исправленным и дополненным, изданием в 1926-ом и третьим — в 1927 году. Выпуская в свет данное произведение, автор смотрел на него всего лишь как на материал для дискуссии о природе права, однако на практике оно стало использоваться в качестве учебного пособия на юридических факультетах. Для анализа правовой

¹¹⁵ Постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 7 февраля 1936 г. было признано «целесообразным» ликвидировать Коммунистическую академию и передать ее учреждения, институты и основных работников в Академию Наук СССР. 5 октября того же года Институт советского строительства и права был Постановлением Президиума АН СССР переименован в Институт государственного права.

надстройки общества Евгений Брониславович взял на вооружение, как сам отметил в предисловии ко второму изданию книги, Марксову методологию анализа «формы товара и связанной с ним формы субъекта»¹¹⁶. Признав вслед за Карлом Марксом, что «чистое натуральное хозяйство не может явиться предметом политической экономии как самостоятельной науки», что «только товарно-капиталистические отношения образуют впервые предмет политической экономии как особой теоретической дисциплины, пользующейся своими специфическими понятиями», Пашуканис констатировал: «Аналогичные соображения можно всецело применить к общей теории права. Те основные юридические абстракции, которые порождаются развитым юридическим мышлением и представляют собой ближайшие определения юридической формы вообще, отражают собой определенные и притом весьма сложные общественные отношения»¹¹⁷.

Применение Пашуканисом в исследовании сущности правовой формы общественных отношений Марксовой методологии анализа формы товара закономерно привело его к следующим заключениям:

— «Только буржуазно-капиталистическое общество создает все необходимые условия для того, чтобы юридический момент в социальных отношениях достиг полной определенности»¹¹⁸.

— «Основные черты буржуазного частного права суть в то же время наиболее характерные определяющие черты правовой надстройки вообще»¹¹⁹.

— «Отмирание категорий (именно категорий, а не тех или иных предписаний) буржуазного права отнюдь не означает замены их новыми категориями пролетарского права, так же как отмирание стоимости, капитала, прибыли и т.д. при переходе к развернутому социализму не будет означать появление новых пролетарских категорий стоимости, капитала, ренты и т.д.»¹²⁰

¹¹⁶ Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. 2-е испр. и дополн. издание. М., 1926. С. 5.

¹¹⁷ Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Издание 3-е. М., 1927. С. 18-19.

¹¹⁸ Там же. С. 19.

¹¹⁹ Там же. С. 7.

¹²⁰ Там же. С. 22.

– «Отмирание категорий буржуазного права в этих условиях будет означать отмирание права вообще, т.е. постепенное исчезновение юридического момента в отношениях людей»¹²¹

– «Поэтому форма права как таковая не таит в себе в нашу переходную эпоху тех неограниченных возможностей, которые открывались в ней для буржуазно-капиталистического общества на заре его рождения. Наоборот, она временно замыкает нас в свои узкие горизонты. Она существует только для того, чтобы окончательно исчерпать себя»¹²².

Эти выводы означали отрицание даже просто возможности существования социалистического типа права. Правовая система Советского государства представлялась в их свете буржуазной по своей социальной сущности правовой надстройкой, обреченной на постепенное отмирание. В связи с этим принижались ценность закона и значение законности для существования Советского государства, умалялась роль юристов в жизни советского общества. Пашуканис утверждал, что усиление по мере развития социализма государственного руководства экономикой «в порядке подчинения общему хозяйственному плану» не включает в себе «никаких перспектив для процветания юридического ремесла»¹²³.

Основной задачей марксистской юридической теории Пашуканис в полном соответствии со своими воззрениями на сущность права и его судьбу при социализме считал изучение процессов «отмирания частно-правовых моментов в юридической надстройке и, наконец, постепенное, обусловленное этими основными процессами выветривание самой юридической надстройки в целом»¹²⁴.

Именно на эти доктрины обрушился с жесточайшей критикой весной 1937 года прокурор СССР Вышинский. Они выражали скорее идеологические, нежели научные взгляды, поэтому их легко можно было связать с политическими идеями левой и правой партийной оппозиции. В статье *«Против антимарксистских теорий права»*,

¹²¹ Там же.

¹²² Там же. С. 82.

¹²³ Там же. С. 81.

¹²⁴ Там же. С. 82.

опубликованной 9 апреля 1937 года в газете «Правда» и перепечатанной с дополнениями, в более объемном варианте, под названием «К положению на фронте правовой теории» в майском номере журнала «Социалистическая законность» за 1937 год, вместе с текстами выступлений на Пленуме ЦК ВКП (б) И.В. Сталина и В.М. Молотова, Андрей Януарьевич заявил: «Лженаучные позиции Пашуканиса и его группы переплетались с реставраторскими “теориями” троцкизма и правых (в особенности с антиленинскими взглядами Бухарина). Истоки ликвидаторских “теорий” Пашуканиса и его компании — в авгиевых конюшнях опошления и извращения марксизма меньшевистскими теоретиками II Интернационала. Все это прикрывалось громкими словами о критике буржуазной науки права, шумом и громом словесных заклинаний. На деле же систематически протаскивалась буржуазно-реставраторская, троцкистско-бухаринская контрабанда»¹²⁵. Любопытно, что в новом варианте данной статьи, напечатанном позднее в изданной юридическим издательством Наркомата юстиции СССР брошюре, фраза «лженаучные позиции Пашуканиса и его группы переплетались с реставраторскими “теориями” троцкизма и правых» была заменена на более категоричное заявление: «Лженаучные позиции Пашуканиса и его группы в области права целиком и полностью определялись контрреволюционными реставраторскими “теориями” троцкизма и правых»¹²⁶ (выделено мною. — В.Т.).

Своим стилем и частично содержанием статья «Против антимарксистских теорий права (К положению на фронте правовой теории)» была более похожа на обвинительную речь прокурора в суде, чем на критическое научное произведение. «Пашуканис и его приспешники, — заявлял Вышинский, — превратили Советский научно-исследовательский институт в хлев, где процветали отвратительные нравы семейственности и групповщины. Неудобные и неудобные работники отшивались, вся работа была монополизирована “артелью” тесно спянных людей. Зажим

¹²⁵ Вышинский А.Я. Против антимарксистских теорий права // Правда. 1937. № 98 (7064). 9 апреля. С. 2. Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 31.

¹²⁶ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории. М., 1937. С. 5.

самокритики, подхалимство, взаимное восхваление, взаимная амнистия при разоблачении чьих-либо ошибок, “вождизм” — все это свило себе здесь пышное гнездо»¹²⁷.

Подобные заявления Вышинского в адрес Пашуканиса давали основание считать, что Андрей Януарьевич столь резко выступал против него потому, что испытывал к нему личную неприязнь как к ученому правоведу, имевшему огромный авторитет среди своих коллег. По слухам, ходившим в московской академической среде в середине 1930-х годов, Евгений Брониславович отвечал Вышинскому такой же сильной неприязнью. Об этих слухах вспомнил в своих мемуарах А.А. Громько. В приведенной в них заметке под названием «Пашуканис против Вышинского» бывший министр иностранных дел СССР рассказал: «Когда в 1936 году я оказался в стенах Академии наук СССР, то, не являясь специалистом в области юриспруденции, часто встречал правоведов, которые хорошо знали Пашуканиса и давали ему самую высокую оценку как ученому-юристу. Знал я его и лично. На протяжении ряда лет между ним и Прокурором СССР А. Я. Вышинским существовала самая настоящая вражда. Я редко встречал людей, которые высказывались бы одобрительно о взглядах Вышинского. Зато труды Пашуканиса оценивались высоко»¹²⁸.

Взаимная вражда между прокурором СССР и директором Института советского строительства и права скорей всего действительно существовала или, во всякой случае, имелась почва для слухов о ней. Но вот объяснение, которое было дано этой вражде в мемуарах А.А. Громько, является ложью. Оно отражает миф, который был распространен в среде советской интеллигенции в после-сталинскую эпоху и сделался особенно популярным во второй половине 1980-х годов, во время так называемой «перестройки». Согласно легенде, однажды, после того как Пашуканис прочитал лекцию, один из слушателей задал ему вопрос: «Как вы оцениваете кредо Вышинского: признание — царица доказательства вины?», на что Пашуканис якобы ответил: «К истине иногда ведет долгий путь,

¹²⁷ *Вышинский А.Я.* Против антимарксистских теорий права. С. 2. *Вышинский А.Я.* К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 31.

¹²⁸ *Громько А.А.* Памятное. Кн. 1. М., 1990. С. 66.

даже тогда, когда обвиняемый, кажется, сложил оружие и ему нечего больше привести в доказательство своей правоты». Рассказывая об этом случае, А.А. Громько счел необходимым пояснить: «Такой ответ, конечно, не представлял собой категоричное осуждение позиции Вышинского, но ведь надо учесть, что тогда было за время. В судебных процессах меч карал не тех, кто совершал преступления в угоду культуре личности, а тех, кто искал справедливости. С той кафедры ответ Пашуканиса прозвучал все же как вызов организаторам необоснованных репрессий. Перед учеными-правоведами встал вопрос, с кем они. Пашуканис не покривил душой. Свою принципиальность, научную добросовестность он не стал приносить в жертву антинаучной преступной концепции, которой присягнул Вышинский. Жестоко за это поплатился честный ученый Евгений Брониславович Пашуканис — своей жизнью. Позже я узнал, что труды Пашуканиса высоко оценивались и за рубежом. Специфика тогдашней советской действительности не помешала ученым других стран увидеть в работах Пашуканиса много ценного для мировой юридической науки, особенно по общей теории права, а также по истории права и политических учений»¹²⁹.

В действительности формула «признание — царица доказательства вины» не составляла «кредо» А.Я. Вышинского и не за противодействие этой концепции, названной в мемуарах Громько «антинаучной» и «преступной», поплатился Пашуканис своей жизнью. На самом деле в лице Вышинского и Пашуканиса в очередной раз столкнулись между собой — причем предельно жестко (можно сказать: не на жизнь, а на смерть) — два разных течения в юридической науке и правовой идеологии Советского государства: **государственническое и революционное.**

Первым заметным проявлением их враждебности друг другу стала дискуссия, разгоревшаяся весной 1935 года между прокурором СССР А.Я. Вышинским и наркомом юстиции РСФСР Н.В. Крыленко¹³⁰. В 1937 году противоречия между этими двумя

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ См. об этой дискуссии: *Томсинов В.А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883—1954), государственный деятель и правовед. Статья 9 // Законодательство. 2018. № 4. С. 87–94. Статья 10. № 5. С. 79–86. Любопытный факт: Е.Б. Пашуканис был

вариантами советской правовой идеологии и течениями советской юридической науки выразились в значительно более острой форме и в более глубоком содержании. Поэтому неудивительно, что объектом критики со стороны Вышинского стали произведения Пашуканиса, написанные десять лет тому назад и даже больше. Андрей Януарьевич как будто решил подвергнуть ревизии все научное творчество Евгения Брониславовича и его сторонников.

«Основная идея книжки Пашуканиса “Общая теория права и марксизм”, — отмечал прокурор СССР в статье «Против антимарксистских теорий права (К положению на фронте правовой теории)», — выражена в краткой формуле, объявляющей право формой буржуазного общества, “формой общения эгоистических, обособленных субъектов, носителей автономного частного интереса или идеальных собственников”. Рассматривая право исключительно как буржуазную категорию, субъекта права — то есть носителя, обладателя права — как товаровладельца, а правовые отношения как отношения товаровладельцев, частных собственников, Пашуканис все правовые понятия и в советском обществе выводил из характера товарно-денежного, капиталистического хозяйства. Отсюда Пашуканис приходил к утверждению, что право в наиболее развитом виде возможно только в буржуазном обществе»¹³¹.

Приведя в подтверждение этих слов цитату из книги Пашуканиса, Вышинский счел вполне уместным пояснить: «Нетрудно открыть корни этой враждебной марксизму концепции. Пашуканис пришел к большевикам после долголетнего пребывания в меньшевистской партии. Он принес с собой груз меньшевистского псевдомарксизма»¹³². Андрей Януарьевич как будто совсем забыл, что и сам являлся когда-то меньшевиком — более того, не очень-то и спешил стать членом большевистской партии даже после того, как большевики захватили государственную власть. Он явно стремился

другом Н.В. Крыленко и явно не случайно стал в ноябре 1936 г. его заместителем в руководстве наркомата юстиции СССР.

¹³¹ Вышинский А.Я. Против антимарксистских теорий права. С. 3. Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 35.

¹³² Там же.

развенчать Пашуканиса и как ученого, и как идеолога-марксиста, поэтому не просто критиковал его за те или иные взгляды на сущность права, но и обвинял как обвиняют преступника.

В доктринальных построениях Пашуканиса Вышинский увидел не только упрощенное понимание природы правовых институтов или форм, но и опасное для существования любого государства принижение роли закона. «Отрицая социалистический характер советского права, Пашуканис выбрасывает вон и советские законы, советские кодексы»¹³³, — возмутился прокурор СССР в статье «К положению на фронте правовой теории», приводя в ней высказывание директора Института советского строительства и права о невозможности применять в Советском государстве Гражданский, Земельный или Трудовой кодексы.

В докладе на партийном собрании работников прокуратуры, состоявшемся 3 мая 1937 года, Вышинский изложил это мнение более подробно. «По Пашуканису, — сказал он, — отмирание категорий буржуазного права отнюдь не означает замены их новыми категориями пролетарского права... Если стать на подобного рода точку зрения, то должно стать совершенно непонятным такое явление, как наша новая Конституция, которая является закреплением роли и значения также и “юридического момента” в нашем обществе, является свидетельством громадной роли в социалистическом обществе революционной, социалистической законности. По Пашуканису получается, что чем дальше развивается социалистическое общество, тем все меньше и меньше становится роль закона и права, а следовательно, и Конституции как основного закона нашего государства. В государстве переходного периода (каким является государство эпохи диктатуры пролетариата), по Пашуканису, действуют нормы буржуазного права, и самое это право — тоже буржуазное. Самая форма закона, по Пашуканису, возможна только в обществе, где политическая власть противопоставляет себя экономической власти, которая отчетливее всего выступает как власть

¹³³ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 36.

денег. Следовательно, самый закон возможен только там, где властвуют деньги. Так как в нашей стране власти денег нет, то следовательно, закону у нас нет места, а наша законность у нас переживает период заката, увядания»¹³⁴.

Вышинский был убежден в чрезвычайной опасности доктрин Пашуканиса для Советского государства. При этом он понимал, что идеи отмирания права при социализме, несовместимости законов и законности с сущностью пролетарского государства, вредности полноценной кодификации права имеют немало приверженцев среди советских правоведов и спустя два десятилетия после Октябрьской революции.

4

Революционное течение в советской юридической науке, провозглашавшее неизбежность отмирания права при социализме и придававшее закону лишь роль инструмента в политике пролетарского государства, до второй половины 1930-х годов являлось доминирующим. Оно сформировалось в первые годы существования Советского государства в противовес доктринам буржуазного права.

Первоначально революционный подход к праву был предельно упрощенным. Его суть сформулировал заместитель наркома юстиции РСФСР П.И. Стучка¹³⁵ в статье «Пролетарское право», опубликованной в 1919 году. «Понимая право в буржуазном смысле, – указывал большевистский правовед, – мы о пролетарском праве и говорить не можем, ибо цель самой социалистической революции заключается в упразднении этого права, в замене его новым социалистическим порядком. Для буржуазного правоведа слово “право” неразрывно связано с понятием государства, как органа охраны, орудия принуждения в руках господствующего класса. С падением или, правильнее, *отмиранием* государства естественно падает, *отмирает* и право в буржуазном смысле. О пролетарском же праве мы можем говорить лишь как о *праве переходного времени*,

¹³⁴ Вышинский А.Я. Положение на правовом фронте // Советское государство. 1937. № 3–4. С. 38.

¹³⁵ С 4 декабря 1918 г. до 3 января 1920 г. Петр Иванович (Петерис Янович) Стучка занимал в дополнение к своим должностям в РСФСР пост главы правительства Латвийской социалистической советской республики.

периода диктатуры пролетариата, или уже о праве социалистического общества в совершенно новом смысле этого слова, ибо с устранением государства, как органа угнетения в руках того или иного класса, взаимоотношения людей, социальный порядок будут регулироваться не принуждением, а сознательной доброй волей трудящихся, т.е. всего нового общества»¹³⁶.

От революционного понимания сущности права и взгляда на закон как на инструмент государства П.И. Стучка не отказался и спустя десятилетие после революции. В первом томе «Курса гражданского права», вышедшем двумя изданиями в 1927 и 1928 годах, он признал: «О гражданском праве серьезно мы заговорили лишь в 1922 г., когда мы ввели в практику *гражданские законы*. Своей теории гражданского права у нас еще нет. Но вместе с тем нам пришлось установить и другое: необходимость *отмирания гражданского права* и всякого права вообще по мере перехода от социализма к коммунизму, проделывая ту же диалектику, как переход от государства к негосударству (слова Ленина), т.-е. от права переходного периода социалистического строительства к *не-праву*, к отсутствию, отмиранию всякого права, как ненужного»¹³⁷. В полном соответствии со своими революционными воззрениями на право и закон Петр Иванович утверждал, что, применяя метод, который называется ныне «революционным марксизмом или ленинизмом», «мы должны победить, в числе других фетишей, и фетиш права и закона, свести их к самым простым и обыденным явлениям; из власти над нами превратить их в орудие власти в наших руках. Проделав революцию во всех областях жизни, мы не должны отказаться от внесения революции и в право, и даже в *гражданское право*»¹³⁸.

¹³⁶ Стучка П.И. Пролетарское право // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. Сборник статей. М., 1919. С. 210. При переиздании этой статьи в 1931 г. П.И. Стучка отметил, что она «обратила на себя внимание Владимира Ленина, очевидно, из-за постановки некоторых вопросов. Его оценка гласила: “Статья Вам хорошо удалась”» (Стучка П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. Сборник статей 1917–1930. М., 1931. С. 24).

¹³⁷ Стучка П.И. Курс советского гражданского права. Т. 1. Введение в теорию гражданского права. М., 1927. С. 12.

¹³⁸ Там же. С. 10–11.

В более категоричной и ясной форме эту мысль выразил в своих публикациях в 1924 году А.Г. Гойхбарг. Указав, что идея права и справедливости прекрасно служит интересам эксплуататорского класса, он констатировал: «Мы отказываемся, таким образом, видеть в праве некоторую идею, которая явилась бы полезной и для рабочего класса, и для пролетариата. В свое время эта идея имела некоторый смысл, но в настоящее время в идеологии пролетариата она излишня, и ее необходимо вытравлять из пролетарских мозгов»¹³⁹.

Во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов центральной темой в советской юридической науке и в политической идеологии Советского государства стала проблема революционной законности¹⁴⁰. Свое мнение на эту тему старался тогда высказать едва ли не каждый советский правовед.

С позиции здравого смысла употребление термина «законность» в сочетании со словом «революционная» не могло не казаться странным. Эту странность, кажется, вполне сознавал А.Я. Вышинский. Вряд ли случайно в своих выступлениях применительно к законности он чаще использовал определение «социалистическая», а не «революционная».

В докладе «Революционная законность и задачи советской защиты», прочитанном 21 декабря 1933 года на собрании Московской коллегии защитников, Вышинский заявил, что революционную законность «мы сейчас называем по праву *социалистической законностью*, потому что ее основой является охрана и защита

¹³⁹ Гойхбарг А.Г. Основы частного имущественного права (очерки) М., 1924. С. 22. Гойхбарг А.Г. Несколько замечаний о праве // Советское право. Журнал Института советского права. 1924. № 1. С. 11-12.

¹⁴⁰ Обращая внимание на злободневность, которую приобрел в то время вопрос о революционной законности, правовед В.П. Антонов-Саратовский писал: «Им занимаются не только правительственные и партийные органы, но и вся советская общественность. Происходят горячие дискуссии, целью которых является раскрытие современного содержания понятия “революционная законность”, выявление причин, препятствующих достаточному практическому ее осуществлению и отыскание действительных мер к устранению этих причин» (Антонов-Саратовский В.П. О революционной законности // Революционная законность. 1926. № 1-2. С. 3).

социалистической общественной собственности»¹⁴¹. При этом он пояснил, что, в отличие от других типов законности, социалистическая законность является настоящей. «С этой настоящей законностью, — потому-то она и называется социалистической законностью, — не могут идти ни в какое сравнение законности каких бы то ни было государств, каких бы то ни было периодов человеческой истории», — сказал Андрей Януарьевич и подчеркнул: «Задача законности всякого классового общества, как только она возникает, лежит в том, чтобы обеспечить устойчивость данного государственного строя, устойчивость тех социально-политических отношений, которые возникли на определенной базе общественно-экономического развития данной страны»¹⁴². Данные высказывания Вышинского в сущности выражали мысль о том, что законность любого классового общества призвана обеспечить **устойчивость** государственного строя и социально-политических отношений, ее установление означает прекращение разрушительных процессов, присущих революциям, поскольку настоящая законность консервативна, а не революционна.

Сторонники же революционного течения в советской юридической науке никакой другой законности, кроме **революционной** не признавали, и саму эту революционную законность понимали не как способ придания устойчивости сложившемуся в стране государственному строю и правопорядку, а как юридическую форму, обеспечивающую продолжение революционных процессов. Так, Н.В. Крыленко писал в 1925 году в статье «О философских выступлениях т. Сольца на тему о “революционной законности”, о “старом” и “новом” праве и его практических по этому поводу предложениях»: «Отличие революционной законности от законности вообще только в том, что мы нашими законами охраняем наш революционный порядок, охраняем наше революционное дело, в то время как старое право

¹⁴¹ *Вышинский А.Я.* Революционная законность и задачи советской защиты. М., 1934. С. 20.

¹⁴² Там же. С. 7. О других случаях использования Вышинским словосочетания «социалистическая законность» вместо категории «революционная законность» см.: Там же. С. 6, 25, 27, 29 и др.

охраняло старый порядок. Отличие революционной законности, наконец, в том, что революционная законность и революционное право сами являются революционизирующим фактором, как право нового класса,двигающее вперед, устанавливающее новые формы жизни, и поэтому реакционным посягательством является всякая попытка его нарушения»¹⁴³.

П.И. Стучка также понимал революционную законность как продолжение революционных процессов. «Революционная законность есть та же *революция*, только иными средствами», она является «доведением до небывалых размеров *организованности* революции»¹⁴⁴, — писал он в 1930 году.

А.Я. Вышинский признавал немаловажную роль П.И. Стучки в разработке основ советского государственного и гражданского права и в утверждении среди советских правоведов марксистско-ленинского понимания права, но при этом ряд высказанных им идей считал ошибочными. Выступая 3 мая 1937 года на партийном собрании работников Прокуратуры СССР, Андрей Януарьевич обращал внимание на серьезные противоречия в его воззрениях на советское право. «Нельзя отрицать того факта, — отмечал он, — что Стучка в свое время указывал на грубейшие извращения марксизма вредительской “теорией” Пашуканиса. Но П.И. Стучка в то же время усердно восхвалял Пашуканиса за его якобы заслуги перед советским правом. Стучка разоблачал клеветнический тезис Пашуканиса о том, что советское право есть право буржуазное, так как де всякое право является категорией буржуазного общества. Но в то же время сам Стучка впадал в грубую ошибку, утверждая, что мы в области гражданского права просто произвели рецепцию буржуазного права. Наши первые кодексы Стучка ошибочно рассматривал как результат уступки буржуазному праву, как вехи отступления, повторяя антиленинские измышления Зиновьева и Бухарина, перенося

¹⁴³ Крыленко Н.В., Яхонтов В.И. Статьи о революционной законности. М., 1926. С. 50. Цитированная статья Н.В. Крыленко была опубликована 8 декабря 1925 г. в газетах «Правда» и «Известия ЦИК».

¹⁴⁴ Стучка П.И. Революционная законность (итоги и перспективы) // Стучка П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. Сборник статей 1917–1930. М., 1931. С. 219.

троцкистско-зиновьевские установки в область теории права»¹⁴⁵. Не принимал Вышинский и мнения П.И. Стучки о возможности поддерживать правопорядок в социалистическом обществе без принуждения со стороны государства, одной лишь «сознательной доброй волей трудящихся». «Это прямо противоречит марксистско-ленинскому учению о праве»¹⁴⁶, — выносил свой вердикт Андрей Януарьевич, ссылаясь на высказывание В.И. Ленина о том, что «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм».

Убежденным сторонником революционного течения в советской юридической науке являлся и профессор факультета советского права 1-го Московского университета *Михаил Андреевич Рейснер* (1868–1928). «Перед революцией я думал, что право могло бы быть использовано нами, как революционное оружие. В настоящее время, при наличности новой экономической политики и замедлении мировой революции я склонен стать на противоположную точку зрения»¹⁴⁷, — сокрушенно констатировал он в 1925 году. Что же заставило его сделать такой вывод? Оказывается, всего лишь наблюдавшееся им усиление роли закона во внутренней политике Советского государства, выдвижение на судебные должности профессиональных юристов, увеличение в учебных заведениях, готовивших юристов, количества преподаваемых юридических наук. Профессор-революционер считал эти перемены, выражавшие восстановление нормальной общественной жизни после пережитых страной катаклизмов революции и гражданской войны, самой настоящей реставрацией дореволюционных порядков. «Меня весьма страшат, — признавался он, — наши новые правовые увлечения, и я склонен возвысить свой голос в тех целях, чтобы предостеречь от безмерной юридизации наших порядков, даже на основе пролетарской диктатуры. Если право не “опиум для народа”, то, во всяком случае, довольно опасное снадобье, обладающее в горячем состоянии

¹⁴⁵ *Вышинский А.Я.* Положение на правовом фронте // Советское государство. 1937. № 3–4. С. 34.

¹⁴⁶ *Вышинский А.Я.* К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 30.

¹⁴⁷ *Рейснер М.А.* Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М., 1925. С. 35.

свойствами взрывчатого вещества, а в холодном всеми признаками крепкого, иногда слишком крепкого, клея или замазки»¹⁴⁸.

Больше всего революционное сознание М.А. Рейснера оскорбляли профессионализация суда и возрождение российского юридического образования. «Наш судебный аппарат, вполне нормально перешедший от первоначального “революционного правосознания” к твердому процессу и материальному праву, не сумел найти правильных путей и ударился в крайность профессиональной юрисдикции, — сетовал он. — Наше высшее образование, с упразднением факультетов общественных наук, как будто целиком возвращается к старым фабрикам юридических дипломов, а место различных областей политики хозяйства и управления начинают занимать, совершенно по старым образцам, бесчисленные отрасли юридической догматики. Программа современных правовых отделений положительно пестрит всевозможными “правами”. “Право кооперации” и “право земельное”, “право социального обеспечения” и “право гражданское”, “право хозяйственное” и “право административное” ... право, право и право, без конца. Только, только не хватает права полицейского и права церковного. Если бы дополнить ими наш список, то старый ассортимент “императорского юридического факультета” был бы дан в еще усовершенствованном и развитом виде. “Возрождение” юридической литературы мы отчасти видели выше... Мертвые кости воскресли!»¹⁴⁹.

Профессор Рейснер не скрывал скептического отношения к советскому праву и не стеснялся представлять его реакционной силой, орудием в руках буржуазии, способным расшатать диктатуру пролетариата. Наблюдая усиление роли юридического принципа в политике Советского государства, он искренне этому удивлялся и спрашивал: «К чему же понадобилось право там, где имеется определенная и ясная формула диктатуры, и зачем правовая регулировка, раз мы имеем твердо осознанный классовый интерес и надлежащие технические способы для его осуществления. На это увы

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же. С. 36.

никто не отвечает... И мы остаемся по-прежнему в полном недоумении: мы так и не знаем, нужно ли нам право, в какой степени оно нам нужно, и можно ли мириться с тем, что мы почему-то пролетарскую диктатуру и классовый интерес перекрашиваем в какие-то загадочные правовые образы и формы»¹⁵⁰.

Вышинского в наибольшей степени задевало следующее высказывание М.А. Рейснера: «Мы не должны забывать, что гражданское или частное право это есть основное орудие вражеской нам силы на идеологическом фронте»¹⁵¹. Прочитав его в докладе на партийном собрании работников Прокуратуры СССР, состоявшемся 3 мая 1937 года, Андрей Януарьевич гневно заявил: **«Вся эта глупейшая антисоветская дребедень, совершенно несусветная чепуха преподносилась нашей молодежи с высоты кафедры Московского университета, печаталась и издавалась нашими издательствами»**¹⁵².

Из советских правоведов против правовой регламентации общественных отношений в Советском государстве выступал столь решительно, кроме М.А. Рейснера, только профессор А.Г. Гойхбарг, прославившийся заявлением о том, что право еще более отравляющий и дурманящий опиум для народа, чем религия. Оно было сделано в первой главе книги «Основы частного имущественного права», опубликованной в 1924 году. Александр Григорьевич выразил этим заявлением убеждение, которое разделял и профессор Рейснер, что всякое право, в том числе и советское, служит интересам эксплуататорских классов. В докладе на Всесоюзном прокурорском совещании, сделанном 13 июля 1936 года, Вышинский назвал этот вывод абсурдом¹⁵³. В статье «К положению на правовом фронте», опубликованной в 1937 году в майском номере журнала «Социалистическая законность», прокурор СССР снова подверг критике попытку Гойхбарга представить советское право опиумом

¹⁵⁰ Там же. С. 33–34.

¹⁵¹ Там же. С. 237.

¹⁵² *Вышинский А.Я.* Положение на правовом фронте // Советское государство. 1937. № 3–4. С. 34.

¹⁵³ *Вышинский А.Я.* Сталинская конституция и задачи органов юстиции // Социалистическая законность. 1936. № 8. С. 14.

для народа, причем еще более отравляющим и дурманящим, чем религия. Приведя его высказывание, Вышинский заметил: «Под маркой социалистической Академии общественных наук и Народного комиссариата юстиции, сей откровенный меньшевистский теоретик провозглашал отличие буржуазного строя от социалистического в том, что — “храм буржуазного владычества — законодательство и его фетиш — закон; храм пролетарского и “социалистического мирового строя — управление, а его богослужение — труд”»¹⁵⁴.

Профессор Гойхбарг отказался от этих взглядов на советское право еще в 1925 году, признав их ошибочными, но Вышинский счел необходимым напомнить о них в 1937 году, пояснив, что они «до сих пор живучи в сознании наших весьма плодовитых “теоретиков”, которые делают по существу сейчас те же самые ошибки, которые в свое время делал Гойхбарг», и что подобным образом рассуждают пашуканисовцы¹⁵⁵.

К началу 1930-х годов в СССР сформировалась довольно значительная группа молодых ученых-юристов — последователей идей П.И. Стучки, Н.В. Крыленко, М.А. Рейснера и Е.Б. Пашуканиса. Вышинский весьма критически оценивал их научное творчество. В статье «К положению на фронте правовой теории» и в докладе на ту же тему «Положение на правовом фронте» он назвал целый ряд таких правоведов: Г.Н. Амфитеатров¹⁵⁶, К.А. Архиппов¹⁵⁷, Л.Я. Гинцбург¹⁵⁸, О.П. Дзенис¹⁵⁹, М.Н. Доценко¹⁶⁰, И.Д. Ильинский¹⁶¹, А.Т. Костельцев¹⁶², Д.А. Магеровский¹⁶³, И.П. Разумовский¹⁶⁴, Ф.И. Старовойтов¹⁶⁵. Только

¹⁵⁴ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 32.

¹⁵⁵ Вышинский А.Я. Положение на правовом фронте. С. 31.

¹⁵⁶ Георгий Никитич Амфитеатров (1899–1950).

¹⁵⁷ Константин Андреевич Архиппов (1891–1939).

¹⁵⁸ Леонид Яковлевич Гинцбург (1901–1976).

¹⁵⁹ Освальд Петрович Дзенис (1896–1937).

¹⁶⁰ Михаил Николаевич Доценко (1903–1937).

¹⁶¹ Илья Давидович Ильинский-Брук (1892–1938 или 1939).

¹⁶² Александр Тимофеевич Костельцев (1899–1937).

¹⁶³ Дмитрий Александрович Магеровский (1894–1939).

¹⁶⁴ Исаак Петрович Разумовский (1893–1937).

¹⁶⁵ Федор Иустинович Старовойтов (1905–1937).

двое людей из этого списка пережили годы 1937-й, 1938-й и 1939-й, а именно: Амфитеатров и Гинцбург. Остальные разделили судьбу Пашуканиса. В связи с этим возникает вполне логичный вопрос: не была ли печальная участь названных молодых правоведов predetermined критикой их взглядов на советское право прокурором СССР А.Я. Вышинским?

Прежде всего отметим, что все они оказались репрессированными не за «вредительство» в советской юридической науке, а за участие в организациях троцкистов и бухаринцев. Так, Е.Б. Пашуканис был обвинен в активном участии в террористической организации и в том, что лично завербовал в нее Дзениса и Ашрафяна, что «был в курсе террористической работы и сам являлся сторонником террора над руководителями ВКП (б) и Советского правительства». И лишь в дополнение к главным обвинениям ему было вменено в вину ведение контрреволюционной деятельности «в области теории советского права».

О.П. Дзенис и З.А. Ашрафян¹⁶⁶, работавшие перед арестом в Институте Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КП (б) Украины, были арестованы в ноябре 1936 года, то есть до критики Вышинского в их адрес и вне какой-либо связи с нею, а на основании доноса, в котором сообщалось, что они являются участниками антисоветской террористической группы. На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП (б) 1937 года они были названы троцкистами (в речи директора данного Института Н.Н. Попова)¹⁶⁷, а это означало, что их участь к тому времени уже была решена.

На основании единственного доноса был арестован и осужден 13 ноября 1936 года к десяти годам лишения свободы по статьям 58-8 и 58-11 УК РСФСР за подготовку террористических актов против руководителей Советского государства научный сотрудник

¹⁶⁶ Зармайр Андреевич Ашрафян (1898–1937).

¹⁶⁷ Дословно Н.Н. Попов сказал на заседании Пленума следующее: «Случилось так, что после разгрома националистов в 1933 г. на руководящие посты на культурно-идеологическом фронте были выдвинуты у нас на Украине троцкисты: Ашрафян, Дзенис, Сенченко, Гител, Карпов и др.» (Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. 5 марта 1937 года. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1995. № 12. С. 10).

Института уголовной политики А.Т. Костельцев. 10 октября 1937 года он снова предстал перед судом и на этот раз был приговорен к расстрелу.

Старший научный сотрудник Института права АН СССР М.Н. Доценко был арестован 1 февраля 1937 года по обвинению в участии в антисоветской террористической организации. 14 августа 1937 года его приговорили к расстрелу. Д.А. Магеровского арестовали в феврале 1938 года. 2 марта 1939 года его осудили на расстрел и также по статьям 58-8 и 58-11 УК РСФСР. В 1917–1918 годах он состоял в Центральном комитете партии социалистов-революционеров и обвинялся в участии в мятеже левых эсеров.

Оценка правовых взглядов Е.Б. Пашуканиса в выступлениях Вышинского весной 1937 года была предельно резкой, но следует заметить, что Андрей Януарьевич не был первым или единственным их критиком. Так, в 1925 году концепцию книги Пашуканиса «Общая теория права и марксизм» подверг обстоятельному критическому разбору правовед Н.М. Тоцкий¹⁶⁸, а в 1927 году ряд серьезных

¹⁶⁸ «Коренной недостаток книги Е. Пашуканиса — сужение поля внимания и ограничение науки права исключительно областью отношений обмена. Ограничив себя заранее областью исследования и приняв на веру, что правовая форма свойственна только им, автор, далее натолкнулся на смежные и одновременно на существующие отношения властвования и подчинения, которые образуют ту форму общественного порядка, которая именуется *государством*... Вместо того, чтобы просто признать факт совместного и параллельного существования обоих видов отношений и показать соответствие их обоим структуре буржуазного общества, автор занялся схоластическими вопросами: какому из них принадлежит примат перед другими, что является определяющим и что определяемым и т.п.; смешал затем право в субъективном смысле слова с отношениями обмена, а объективное право — с публичным; наконец, соединил объективное право с государством, и это последнее сделал двойственным. Если бы этого не случилось, то для автора стало бы ясным, что *частно-правовым отношениям*, включающим в себя, между прочим и отношения обмена, корреспондируют (выступающие в буржуазном обществе на первом плане) отношения властвования и подчинения, которые объемлются понятием *публично-правовых отношений*» (Тоцкий Н.М. Общая теория права и марксизм (по поводу книги Е.Пашуканиса) // Право и жизнь. Журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства. 1925. Кн. 6. С. 87).

критических замечаний относительно ее содержания высказал в первом томе «Курса советского гражданского права» П.И. Стучка¹⁶⁹.

Пашуканис между тем продолжал развивать свою доктрину отмирания права при социализме. В 1929 году в статье «Экономика и правовое регулирование» он самонадеянно и как бы от имени всех советских правоведов-марксистов заявил: «Если в досоветский период нередко можно было встретиться с утверждением, будто социализм влечет за собой необыкновенное развитие правовой надстройки, то сейчас с этим никто из марксистов, разумеется, не согласится. Сейчас для нас бесспорно, что растущее значение сознательного регулирования хозяйственных процессов и вообще выработка сознательной коллективной воли на основе исторического материализма как основной признак социалистического общества вовсе не равносильны растущей роли права, а наоборот сопровождаются неизбежным его отмиранием»¹⁷⁰.

В докладе на расширенном заседании Бюро Института советского строительства и права, состоявшемся 10 ноября 1930 года, Пашуканис обрушился на бухаринцев и троцкистов: «В вопросах государства и права правый оппортунизм опирается на пресловутую теорию равновесия, на бухаринский закон трудовых затрат, на бухаринское понимание государства, как обруча, который связывает различные классы и тем придает “единство обществу”. Характерным для правого уклона является либеральное понимание революционной законности, исходящее исключительно из устойчивости оборота и поощрения развития производительных сил в индивидуальном крестьянском хозяйстве. Вся эта сумма взглядов, начиная с теоретических предпосылок и кончая практическими выводами, требует глубокой и беспощадной критики. С другой стороны, не менее необходима критика

¹⁶⁹ Указав на достоинства книги Пашуканиса, Стучка заметил: «Но эта теория в ее первоначальном изложении имеет свои пробелы, свои односторонности, поскольку она все право сводит только к рынку, только к обмену, как опосредствованию отношений товаропроизводителей, — что, значит право вообще свойственно только буржуазному обществу» (*Стучка П.И. Курс советского гражданского права. Т. 1. С. 49*).

¹⁷⁰ *Пашуканис Е.Б. Экономика и правовое регулирование // Революция права. Журнал секции общей теории права и государства Коммунистической академии. 1929. № 4. С. 14.*

троцкизма с его отрицанием возможности построения социализма в одной стране»¹⁷¹. При этом Евгений Брониславович не умолчал и о собственных погрешностях в трактовке сущности права. «Моя основная ошибка заключалась в смешении специфических признаков буржуазно-юридической формы и права в целом, что далеко не одно и то же»¹⁷², — признался он.

В основных выводах рассматриваемого доклада Пашуканис повторил с еще большей категоричностью свой взгляд на советское право как на явление, всецело подчиненное задачам государственной политики. Его фанатичная приверженность революционному течению в советской юридической науке проявилась здесь предельно отчетливо. Отметив, что в буржуазном обществе правовая надстройка должна иметь максимум неподвижности и устойчивости, поскольку она воплощает собой твердые рамки для движения экономических сил, он заявил: «У нас иное, у нас нужна максимальная гибкость нашего законодательства. Мы не можем себя связывать никакими системами, ибо мы каждый день ломаем структуру производственных отношений и на место их ставим новые, делаем это сознательно, через посредство государства, чего не делает буржуазное государство. Буржуазное государство ориентировано на форму, вся деятельность пролетарского государства ориентирована на достижение результатов по существу. Поэтому в то время, когда буржуазные государствоведы самую политику пытаются изобразить как право, растворить в праве, — у нас, наоборот, **право занимает подчиненное положение по отношению к политике**. У нас есть система пролетарской политики, но нам не нужна никакой юридической системы пролетарского права»¹⁷³ (выделено мною. — В.Т.).

П.И. Стучка, слушавший этот доклад, воскликнул в конце его: «А революционная законность?» Пашуканис ответил как истинный и несгибаемый революционер: «Революционная законность, т. Стучка, — это для нас на 99% политическая задача. Ее мы не разрешим сейчас

¹⁷¹ Пашуканис Е.Б. Положение на теоретическом правовом фронте // Советское государство и революция права. Журнал Института советского строительства и права. 1930. № 11-12. С. 19.

¹⁷² Там же. С. 34.

¹⁷³ Там же. С. 48.

иначе, как ориентируясь на политику. Это не значит, что мы должны отмахнуться от работы по созданию основ и кодексов. Мы должны делать эту работу, потому что если мы от этого отвернемся, то это возьмут в свои руки старые юристы и будут протаскивать там свои реакционные идеи. Но ставить на место движения вперед вместе с рабочим классом, вместе с партией какую-то застывшую систему, хотя бы и под названием пролетарского права, — этого мы не должны делать»¹⁷⁴. Пашуканис убежденно и открыто заявлял, таким образом, что правоведы-революционеры не должны стремиться к утверждению в стране законности и браться за составление кодексов им следует лишь для того, чтобы не допустить к этой кропотливой, требующей глубоких юридических знаний работе настоящих юристов.

В январе 1931 года состоялся первый всесоюзный съезд марксистов-государственников, на котором Е.Б. Пашуканис выступил с докладом «Основные проблемы марксистской теории права и государства». Его текст был опубликован в январском номере журнала «Советское государство и революция права», а в феврале вышел в свет в виде 40-страничной брошюры тиражом 15 000 экземпляров под названием «За марксо-ленинскую теорию государства и права». В начале своего выступления Евгений Брониславович разоблачил троцкизм, подверг критике взгляды Бухарина на экономику и политику Советского государства, приведя цитаты из его произведений в «Курсе советского гражданского права» П.И. Стучки. Затем раздал политические ярлыки целому ряду советских правоведов. Вышедшую в 1922 г. книгу Я.М. Магазинера «Общее учение о государстве» Пашуканис отнес к числу «явно контрреволюционных сочинений». О работах В.Н. Дурденевского, Э.Э. Понтовича, С.А. Котляревского, В.К. Дябло, Игнатьева он сказал, что их «можно охарактеризовать как типичный образец буржуазно-юридической методологии, с помощью которой извращается сущность пролетарской диктатуры»¹⁷⁵. В числе советских правоведов, находящихся под влиянием «той же буржуазно-юридической

¹⁷⁴ Там же. С. 49.

¹⁷⁵ Пашуканис Е.Б. Основные проблемы марксистской теории права и государства // Советское государство и революция права. 1931. № 1. С. 18.

методологии» и пытающихся проводить ее в своих произведениях, им были названы Д.А. Магеровский, А.Л. Малицкий, М.О. Рейхель, Ю.М. Стеклов. В советской науке уголовного права Пашуканис обнаружил «своеобразную разновидность буржуазно-социологической школы, подкрашенной под марксизм», которую, по его мнению, представляли правоведы М.М. Исаев, А.Н. Трайнин и А.А. Пионтковский. Правоведами примыкавшими к ней, относящихся, по его мнению, к типу «совершенно открытых и чистокровных догматиков сменовеховского типа», он назвал А.А. Жижиленко и П.И. Люблинского¹⁷⁶. Камень своей критики Евгений Брониславович бросил и в правоведа Е.Г. Ширвиндта, напомнив, что составленный им проект реформы уголовного кодекса был назван в журнале «Советское государство и революция права» «проектом разоружения пролетарской диктатуры в области уголовной репрессии»¹⁷⁷.

Выступая с докладом, Пашуканис покритиковал и свою работу «Общая теория права и марксизм», указав, что «в ней имеется ряд формалистических ошибок, приводящих к отрыву формальной стороны права от материально-классового его содержания. Форма буржуазного права, отраженная в абстрактных категориях, объявляется предметом теории права и отождествляется с правом как историческим явлением». Вынесенный им вердикт относительно собственной книги звучал довольно строго: «Это — несомненная и грубая формалистическая ошибка, которая при дальнейшем углублении и развитии ведет к возрождению отвлеченной теории или философии права, в которой марксизм вовсе не нуждается»¹⁷⁸.

Оценка книги Пашуканиса в резолюции первого всесоюзного съезда марксистов-государственников повторяла высказанные о ней самим автором и другими правоведами критические замечания¹⁷⁹.

¹⁷⁶ Там же. С. 19.

¹⁷⁷ Там же. С. 27.

¹⁷⁸ Там же. С. 23.

¹⁷⁹ В данной резолюции отмечалось, в частности: «Основным методологическим недостатком работы т. Пашуканиса “Общая теория права и марксизм” является абстрактный подход с наличием формалистических ошибок, ведущих к отрыву формы от содержания. В книге не разрешена проблема единства материально-классового содержания права и его формы. Форма буржуазного права, отраженная в абстрактных категориях, объявляется предметом права и

Вряд ли кто-то из правоведов, собравшихся на этот съезд, мог предположить, сколь трагическими будут последствия их научных дискуссий. А между тем намеки на такой исход присутствовали в докладе Е.Б. Пашуканиса: их можно было усмотреть в тех политических оценках, которые Евгений Брониславович щедро и безапелляционно давал своим коллегам и их взглядам. Он объявлял их творчество контрреволюционным по своему характеру, буржуазным по своей методологии и прямо направленным против пролетарской диктатуры. Он распространял дух враждебности среди тех людей, которые профессией своей были призваны поддерживать в обществе дух миролюбия.

Он разжигал огонь революции, не понимая, что и сам сгорит в нем...

отождествляется с правом в целом... Из основной методологической ошибки вытекали ошибочные установки по целому ряду проблем теории права и государства (неправильная трактовка добуржуазных систем права, отодвигание на задний план момента господства-подчинения и классово-репрессивного значения права, ошибка в вопросе взаимоотношения государства и права, в вопросах морали, в вопросах уголовного права» (Резолюция I Всесоюзного съезда марксистов-государственников и юристов по докладам Е. Пашуканиса и Я. Бермана // Советское государство и революция права. 1931. № 3. С. 148-149).